

КОРОЛЕВА НОЧИ

АЛАН САВАДЖ

АЛАН
САВАДЖ

КОРОЛЕВА НОЧИ

Мастера

Романа

Исторического

Мастера

Романа

Исторического

**ALAN
SAVAGE**

**QUEEN OF
NIGHT**

A NOVEL

Мастера Романа
Исторического

**АЛАН
САВАДЖ**

**КОРОЛЕВА
НОЧИ**

РОМАН

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Москва

1995

ББК 84.4 Вл
С12

Серия
«МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА»
выпускается с 1995 года

QUEEN OF NIGHT
Copyright © Alan Savage 1993

© Cover illustration by Brian Salmon

Перевод и художественное оформление
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1995

Издание на русском языке
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1995

ISBN 5-218-00038-8

Исключительное право публикации книг,
выходящих в серии «Мастера исторического романа»,
принадлежит торгово-издательскому объединению
«Центрполиграф»

Выпуск произведений серии
без разрешения ТИО «Центрполиграф»
считается противоправным и преследуется по закону

КОРОЛЕВА НОЧИ

РОМАН

*Перевод с английского
Е.А. Желоховцевой и
Л.И. Желоховцевой*

Queen of Night

Copyright © Alan Savage 1993

Герои романа вымышлены, и любое сходство с людьми живущими или умершими — результат случайного совпадения.

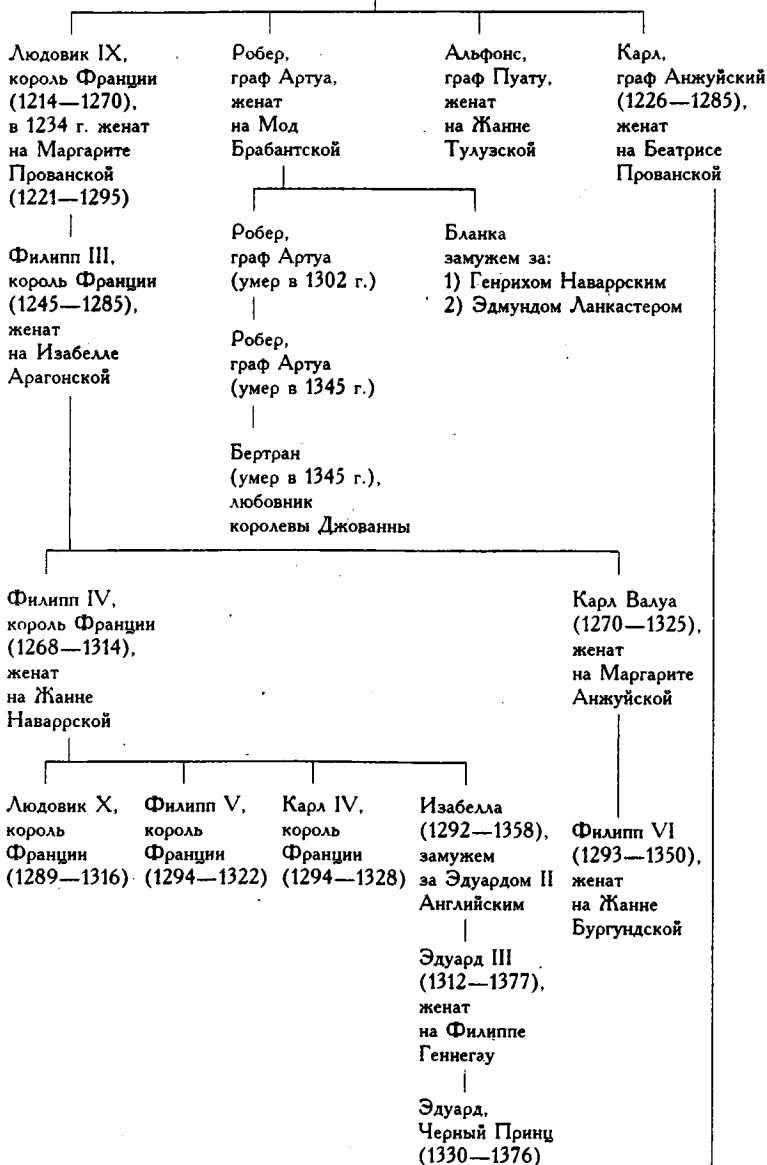
Джованна I,
королева Неаполитанская,
известна как самая прекрасная и
изысканная женщина
своего времени.

Но история также свидетельствует
о ней как о хладнокровной убийце
и распутнице.

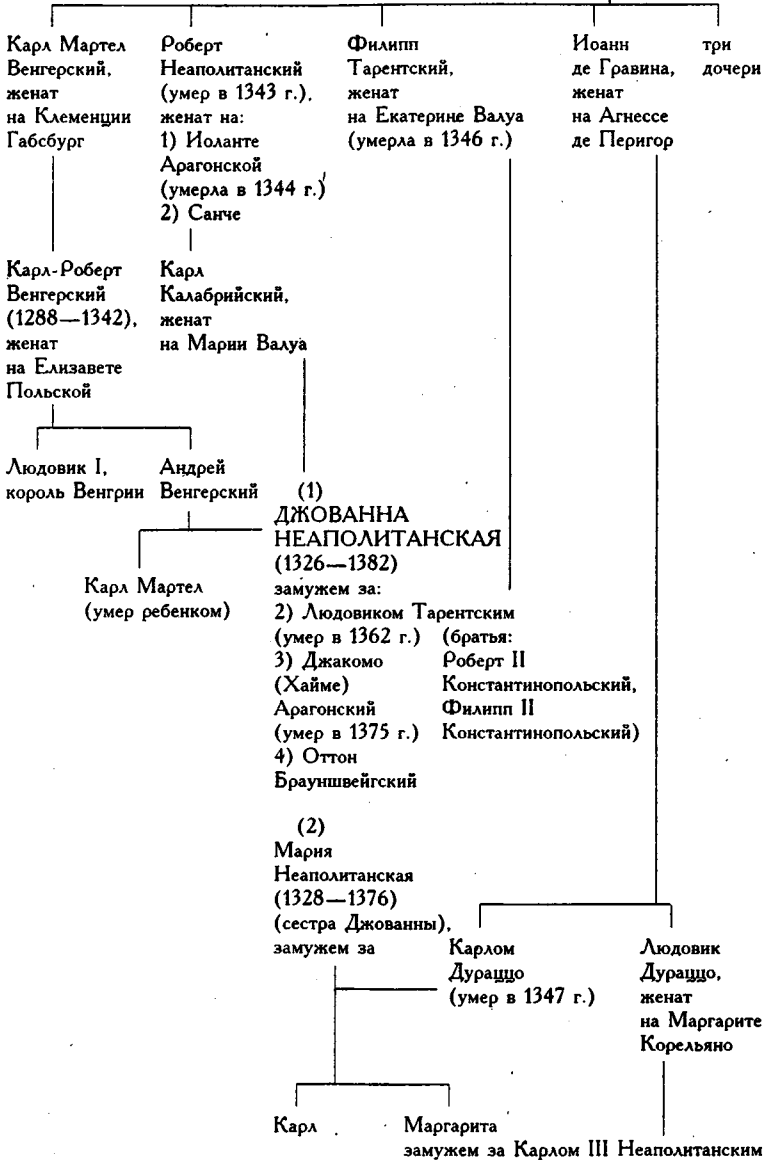
Быть может, современники были
слишком строги в своих суждениях.
Вот ее история.

РОДОСЛОВНАЯ ДЖОВАННЫ НЕАПОЛИТАНСКОЙ

Людовик VIII, король Франции (1187—1226),
в 1200 году женился на Бланке Кастильской (1188—1252)

Карл II, король Сицилии
(1246—1306),
женат на Марии Венгерской

Пролог

Зловещие взгляды инквизиторов устремились на меня. Я видела одни только глаза — черные капюшоны одетых в одинаковые плащи людей скрывали их лица. Два укрепленных на стене факела едва освещали помещение. Мои стражи столпились в глубине комнаты у закрытой двери, а я, как кающаяся грешница, стояла в центре зала, на каменном полу, босая, в одной рубашке на голом теле. Я очень ясно сознавала, что от этих людей зависит, буду ли я жить или же умру страшной смертью.

Подобным страшным испытаниям уже не раз подвергала меня судьба, но я осталась жива. Сохранилась и моя красота, несмотря на уже немолодые годы. К тому же скорбь и горечь несправедливости переполняли меня сейчас, и эти чувства останутся со мной до самого смертного часа.

— Твоя хозяйка мертва, — сказал один инквизитор, — она понесла заслуженное наказание за свои преступления. Нам остается решить судьбу ее приспешницы. Отвечай, женщина, признаешь ли ты себя соучастницей содеянного ею?

Я вскинула голову, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. Мои все еще золотые кудри рассыпались по плечам.

— Если ее светлость виновна, — сказала я, — то нет сомнения, что виновна и я. Но вина моя состоит лишь в том, что я была преданной служан-

кой женщины, которой восхищалась и по которой теперь скорблю.

Инквизиторы переглянулись. Тот из них, что первым заговорил со мною, сказал:

— Тогда расскажи нам всю правду о королеве и о себе, чтобы мы могли вынести решение.

И я охотно приступила к рассказу.

Глава 1

Описание первых лет моей жизни интересно только тем, что помогает понять, каким образом и почему я, англичанка по рождению, оказалась в Италии. Я родилась в 1325 году от Рождества Христова и росла в городке Линкольне, что в восточной части Англии. Меня зовут Ричильда Бенуа. Имя Ричильда происходит от мужского имени Ричард; так звали моего отца. А Бенуа, естественно, фамилия французская. Один из моих предков в свое время пришел сюда из Нормандии с войсками Вильгельма I Завоевателя. Потом он женился на саксонке, и такой традиции последовали еще восемь поколений нашей семьи, вот почему я в десятилетнем возрасте не знала по-французски ни единого слова.

Отец мой, как и его предки, был человеком состоятельным, однако в отличие от многих из них к тому же еще и очень благочестив. Он не уставал благодарить Господа за ниспосланное благополучие, позволившее ему даже стать кредитором самого короля (отец был представлен ко двору), а также за отличное здоровье и славных детей — нас было четверо в семье, два мальчика и две девочки. Ему и в голову не приходило, что Господь как дарует нам радость, так подчас и лишает ее; последнее случается отнюдь не редко.

Когда моему дорогому родителю минуло сорок, а мне соответственно десять лет, он решил осуществить

свою заветную мечту, а именно — совершить паломничество в святая святых Римско-католической церкви и преклонить свои колени перед его святейшеством Папой. Предполагалось, что нам предстоит отправиться в Рим, и я говорю «нам», поскольку отец вознамерился взять с собой все семейство.

Однако отправляться в 1335 году в Рим не было никакого смысла, ибо его святейшество в то время находился в Авиньоне, на юге Франции. Француз по рождению, окруженный французскими кардиналами, Папа явно чувствовал себя здесь в большей безопасности, нежели на берегу Тибра. Моему отцу путешествие через всю Францию представлялось чересчур рискованным, ибо Франция находилась на грани войны с Англией, а гражданская война в стране шла уже полным ходом. И потому он счел более разумным воспользоваться морским путем вокруг берегов Испании, через Гибралтарский пролив, что казалось ему — неисправимому оптимисту — более безопасным. Остается добавить, что это было самой серьезной и в то же время последней ошибкой в его жизни.

Итак, мы погрузились на корабль — мои мать и отец, старшая сестра Констанс, старший брат Ричард, младший брат Генри и я. Генри был годом моложе меня; Ричарду тогда было четырнадцать, а Констанс шестнадцать лет. Я могу вас уверить, что вся наша семья представляла собой приятное зрелище: все светловолосые, с правильными чертами лица и, что не менее важно, с хорошими фигурами. Во всяком случае, у Констанс были весьма привлекательные формы, а я была еще слишком мала. И, как оказалось, к счастью для меня и к несчастью для Констанс. Ошибка отца состояла в том, что, опасаясь французских разбойников, он недооценил алжирских пиратов. Наш корабль был захвачен.

Отец погиб, когда пираты взяли корабль на abordаж. Моему брату Ричарду повезло меньше: мавры схватили его, связали и, сорвав одежду, использовали для удовлетворения своих извращенных инстинк-

тов. Экипаж развлекался, насилуя Ричарда и мою мать, а пресытившись своими жертвами, просто выкинул их за борт.

Судьба Констанс могла бы быть иной, если бы ни одно маленькое обстоятельство. Так же, как и все мы, Констанс истошно вопила, когда ее схватили и поволокли к капитану. Красота ее ошеломила пиратского жоака; однако ему захотелось большего. Констанс была брошена на груды мешков, ее юбки задраны кверху, белые ноги раздвинуты до предела, а капитан и его старшие приближенные глазами и пальцами принялись изучать, что там у нее внутри. Результат исследования разочаровал капитана, и через несколько минут Констанс, с которой сорвали все одежды, уже была под одним из пиратов, тогда как все остальные пытались воспользоваться любыми доступными частями ее тела.

Приобретая со временем опыт в таких делах, я поняла, что хоть это кажется и невероятным, но в тот несчастливый день шестнадцатилетняя сестра моя уже не была девственницей. И это при нашем-то замкнутом образе жизни. Как и когда Констанс лишилась к шестнадцатилетнему возрасту столь важного женского достоинства, я не могу себе даже представить; уверена, что ни мать, ни отец даже не знали об этом. Во всяком случае, она, наверное, успела пожалеть об этом печальном обстоятельстве прежде, чем отправилась за борт вслед за мамой и Ричардом.

К счастью, моя девственная плева была еще в целости и сохранности. Да и можно ли было ожидать иного у десятилетнего ребенка? И хотя меня исследовали тем же невообразимым образом и на тех же мешках, я избежала участи других членов моей семьи. Надо мной не надругались. Наоборот, по приказу капитана меня увели вниз и заперли в каюте. В соседнюю вскоре бросили Генри. Мы имели возможность переговариваться, но увидеться еще раз нам уже было не суждено. Вскоре после захвата корабля нас разлучили, и снова мой последующий жизненный опыт заставляет меня предположить, что Генри был

увезен в Алжир, там оскоплен и стал евнухом в гареме какого-нибудь эмира. Что ж, бывают судьбы и хуже. Например, когда тебя просто убьют.

Может сложиться впечатление, что я описываю гибель моей семьи несколько равнодушно. Но прошу вас учесть, что ужасные события эти происходили очень давно, а в последующие годы мне довелось наблюдать немало смертей и несчастий. Однако в то время я была полностью раздавлена внезапным одиночеством и страхом, не зная, не представляя, что ждет меня впереди. К тому же я была тогда в том возрасте, когда страдания физические превалируют над болью душевной.

Однако вскоре я убедилась, что физического вреда мне не причинят. Меня кормили три раза в день и не пытались тронуть даже пальцем. Более того, один из корсаров постоянно находился в моей каюте, наблюдая, чтобы я сама не нанесла себе никакого вреда.

Долго оставаться в неведении о моей будущей судьбе мне не пришлось. Не прошло и двух дней со дня захвата корабля, как мы уже пришвартовались в порту Трапани, что на западе Сицилии. Меня укутали в белое покрывало и вынесли ночью на берег. Как оказалось, капитан-алжирец уже не раз бывал в этом порту, совершая выгодные сделки с местными жителями. И как только он удостоверился в том, что я красива и притом девственна, он сразу прикинул возможного покупателя на свой товар, минуя необходимость выставлять меня для торгов на общее обозрение; для него это была хорошая возможность получить деньги сразу и не делиться барышом с работорговцем-посредником.

Алчность капитана оказалась для меня еще одним счастливым предопределением судьбы. Не подозревая об этом, я сделала свой первый шаг на том пути, которым мне предстояло следовать потом всю свою жизнь. И хотя впоследствии у меня не раз возникали сомнения, действительно ли мне тогда повезло, я не думаю, что захотела бы изменить что-либо в тех об-

стоятельствах, которые выпали на мою долю, даже если это было бы в моей власти.

А в тот момент мои чувства сводились лишь к си-юминутным переживаниям, которые были достаточно неординарными. Алжирец привел меня в частный дом, где в большой комнате нас ожидали мужчина и три женщины. Они были достаточно смуглыми, но все же не так темнокожи, как мавры. Мои длинные белокурые волосы, правильные черты лица и большие голубые глаза явно произвели на сицилийцев большое впечатление.

Однако им предстояло еще оценить и другие мои достоинства, поэтому меня опять раздели, и на сей раз женщины принялись внимательно изучать мое тело, чтобы удостовериться в моей девственности и в отсутствии скрытых изъянов, способных обезобразить меня в дальнейшем. Таковых обнаружено не было, и достойные дамы выразили свое одобрение аплодисментами. Мужчины заключили сделку, золото перекочевало в карман алжирца. Я стала собственностью сицилийского торговца.

Но еще не рабыней. Синьор Альбани был действительно торговцем, но в данном случае он выступал в роли посредника. Подобно пирату-алжирцу, который мгновенно угадал, кто на месте заплатит ему за девочку моего возраста и телосложения, синьор Альбани так же мгновенно сообразил, как извлечь из подобной покупки наибольшую выгоду. Но сначала меня нужно было поднатаскать. Соответствующая подготовка включала как изучение итальянского языка, так и исправление моих манер. Я привыкла считать себя очень хорошо воспитанной — мама всегда была к нам строга. Но как оказалось, в определенных вопросах она допускала значительные упущения.

Меня учили ходить и сидеть с книгой на голове, чтобы шея, спина и плечи были всегда строго выпрямлены. Ноги надо было держать под юбкой так, чтобы не создавалось впечатления неуклюжести. Я должна была научиться пользоваться веером, ибо движения

веера — это особый язык; освоить игру на лютне и обучиться пению. К счастью, у меня обнаружился сильный высокий голос. Мне давали для чтения книги на итальянском — меня, естественно, никогда не учили читать по-английски.

Все, чему меня здесь обучали, требовалось для гостиной и будуара. Мама же всегда учила меня в нашем доме в Линкольне на кухне, уверяя, что истинное счастье женщины состоит в том, чтобы вкусно накормить мужа. В Трапани меня никогда не пускали на кухню — это было место обитания слуг.

Обязательной частью моей подготовки было посещение церкви. Я ходила каждое утро к ранней мессе и к исповеди. Священник, занимавшийся со мною, относился с предубеждением к английской ветви христианского вероисповедания. Однако полностью успокоился, убедившись в моей готовности принять его наставления.

Мне также прививали привычку наслаждаться принятием ванны. Дома в Англии мы обычно мылись каждую субботу, если дело было летом. В холодные зимние месяцы мы этим не занимались. Но я обнаружила, что в более теплом климате Средиземноморья людям требовалось принимать ванну через день. Поначалу меня это пугало, я боялась заболеть. А постепенно привыкнув, я начала находить в купании настоящее удовольствие.

К тому же я уже освоила итальянский, и меня еще учили французскому. Учила меня соседка, которая довольно свободно говорила по-французски. Я недоумевала, зачем мне нужно учить еще и французский, но вскоре все поняла. В любом случае постепенно самым малознакомым их трех языков, которыми я владела, стал английский. Ведь никто кругом не говорил на этом языке.

Более всего радовала меня в то время возможность хорошо одеваться. В Англии по-настоящему красиво одевались только благородные лорды. Простой торговец или его жена, даже имея средства, как мой отец, не могли позволить себе наряды. Это вызвало бы все-

общее неодобрение. Большую часть года главной заботой было одеваться так, чтобы не замерзнуть, а в остальное время — чтобы не промокнуть. Иное дело в Сицилии, где температура даже зимой почти никогда не опускалась ниже уровня приятной прохлады, а дожди случались и того реже. Здесь главное в одежде была элегантность.

Мое платье было из чистого шелка, с корсажем на косточках и бахромой и хорошо сидело без всякого пояса. Но если я выходила из дому, нижняя юбка заправлялась под широкую верхнюю юбку в складках, на талии застегивался широкий пояс, а синяя бархатная мантилья свисала от плеча до колен. Будучи еще совсем ребенком, я уже считала себя настоящей леди.

Следует помнить, что мне тогда было всего десять лет, а к моменту окончания подготовки исполнилось одиннадцать. Все считали меня способной и очень умной девочкой. Но я только что пережила страшное потрясение, очень страдала от утраты своих близких и потому, естественно, периодически проявляла невниманье, а подчас и грубила. За это меня строго наказывали, как бы желая подчеркнуть этим наказанием, что несмотря ни на что я пока еще отношусь к низшим существам. Орудием порки обычно служил узкий кожаный ремень, феррула, обладавший свойством вызывать очень болезненный эффект при ударах по голым ягодицам, не оставляя при этом следов на коже. Синьора Альбани обычно сама руководила экзекуцией, а ее сестра и компаньонка, уложив меня на кровать животом вниз, крепко держали мои руки. Я вопила во всю силу своих легких, но это никогда не помогало.

Если посмотреть на мои новые условия жизни с точки зрения комфорта и чистоты, тем более образования, я жила на порядок лучше, чем в нашем родном доме в Линкольне. Но моя жизнь была лишена любви и тепла. У меня не было ни игрушек, ни даже друзей моего возраста, с кем я могла бы играть. Как часто, глядя из окна своей мансарды на счастливых

итальянских ребятишек, я завидовала их играм и жизнерадостности. Меня к ним близко не подпускали.

В те дни я чувствовала себя такой несчастной! Осмысливая сегодня прожитое, я понимаю, что та холодность, в которой позднее упрекали меня мужчины, была естественным результатом этого неестественного для ребенка образа жизни и воспитания и той череды событий, свалившихся на меня еще до того, как я достигла двадцатилетнего возраста.

Прошло шесть месяцев, и синьор Альбани решил, что я достаточно подготовлена к следующей ступени моей карьеры. Меня отправили через весь остров в большой морской порт Палермо, откуда нам с ним предстояло отплыть на корабле в еще больший порт Неаполь.

Естественно, я очень боялась морского путешествия, опасаясь еще одного нападения пиратов. Но синьор Альбани заверил меня, что во внутренних водах между Сицилией и материком такой опасности нет, корсары сюда не заглядывают. Он заявил также, что в Неаполе предполагает отдать меня в услужение в дом герцогов Анжуйских, правящий дом Неаполитанского королевства.

Я ему не поверила.

Само путешествие по спокойному морю было бы весьма приятным, если бы мы плыли не на галере. В сущности, при полном безветрии, царившем на море, галера была единственно возможным типом судна в этих водах. Для тех, кто, как я, плыл на борту галеры в качестве пассажира, путешествие было большим удовольствием. Чего не скажешь о ста пятидесяти гребцах, прикованных к своим скамьям. Все они, по заверению синьора Альбани, были осужденными каторжниками. Их участь была жалкой; когда в обнаженном и изможденном теле больше не оставалось сил ворочать тяжелые весла, несчастного просто выбрасывали за борт, а на его место приковывали следующего. Синьору Альбани явно не приходило в голову, что христиане-сицилийцы относились к себе подобным ничуть не лучше того, как обошлись с моей

семьей пираты-варвары. Он обожал стоять на верхней палубе и наблюдать сверху за гребцами и всячески побуждал к этому и меня.

Несомненно, он считал это частью моего образования, тем более что мне не доводилось ранее видеть обнаженных мужчин. До какой-то степени зрелище действительно заинтриговало меня, но я не могла выдерживать его долго. Во-первых, вид этих несчастных вызывал во мне жалость; к тому же от них шел несносный запах, пропитавший буквально весь корабль. Гребцы были прикованы намертво, они не покидали своих мест ни на минуту. Им приходилось справлять свои естественные надобности прямо там, где они сидели.

И я не могла не сравнивать их печальную участь со своей, понимая, что ведь я тоже была невольницей, поскольку не имела еще представления о том, что же готовит мне судьба.

А городом моей судьбы стал Неаполь. Существует поговорка: увидеть Неаполь и умереть. Поэты считают, что это весьма точное и выразительное описание чарующей красоты этого места. Мне же сейчас кажется, что происхождение данного выражения скорее обязано страшной лихорадке, которая частенько свирепствовала в южных районах Италии, а также темным и опасным страстям, которым подвержены люди, населяющие эти прекраснейшие в мире места.

Но нельзя сказать, что поэты полностью не правы. По красоте своей Неаполитанский залив вряд ли уступает самым живописным уголкам мира, особенно если смотреть на него со стороны моря. С северной стороны его защищают острова Искья и Прочида, составляющие подножие мыса Мизена. Сам по себе мыс невысок, хотя остров Искья слегка возвышается на несколько сот футов над морем.

С южной стороны Неаполя находится сказочный остров Капри. За ним начинается красивейшее высокогорье Сорренто. Я не буду описывать Капри. Писатели, более прославленные, чем я, оставили описание магического очарования этого острова. Именно

здесь римский император Тиберий провел многие годы, предаваясь, по преданиям, мирским утехам с вереницей девушек и мальчиков.

По собственному опыту могу судить, что доля правды в этих сказаниях наверняка есть.

Если плывешь в Неаполь из Сицилии, то первое, что видит путешественник при заходе в Неаполитанский залив, это остров Капри. Но задолго до того, как глаз начнет различать очертания острова, на горизонте появляется высокий, теряющийся где-то в заоблачных далях пик горы. Это Везувий, увековеченный во многих поэмах и песнях. Он не только определяет весь пейзаж Неаполя своим живописным внешним великолепием, под которым столь успешно скрывается бурлящая в его чреве грозная стихия, он как бы олицетворяет самих неаполитанцев.

Сам город расположен в северной части залива. Неаполь в те годы представлял собой беспорядочное скопление домишек, среди которых выделялось несколько замков местной знати. Основными сооружениями города были, прежде всего, дамба, построенная вдоль гавани и ставшая любимым местом прогулок неаполитанцев; и во-вторых, Новый замок, или Кастель Нуово. Новый замок был построен лет за семьдесят до моего приезда в Неаполь Карлом I Анжуйским, сумевшим объединить под своим правлением Сицилийское и Неаполитанское королевства. Сицилия вскоре вышла из-под его власти после печальных событий, известных под названием «Сицилийской вечерни». Но династия Анжу по-прежнему сохранила за собой немало земель в южной части Италии — их королевство простиралось почти до Рима, охватывая чуть ли не всю южную часть полуострова. Дом Анжу имел немало и других ленных владений, и среди них — даже город Авиньон, бывший в те годы резиденцией Папы Римского.

Неаполь — живописный и светлый город, полный ярких красок. Тем мрачнее смотрится на его фоне Новый замок. Серые массивные стены высоки и неприступны, башни смотрят грозно, подъем-

ный мост опускается редко. Вряд ли кто в Неаполитанском королевстве сможет припомнить, когда здесь в последний раз управлял местный властитель. Многие века Неаполитания была добычей римлян, норманнов и германцев. Позднее к власти пришла династия Анжу. И в ее представителях, казалось, воплотились все достоинства и недостатки их предшественников. Нет сомнения, что Карл I почувствовал необходимость в сооружении бастиона, способного противостоять разбушевавшейся черни.

И его наследникам он очень пригодился.

Едва синьор Альбани назвал себя, подъемный мост был тотчас же опущен. Мы вступили внутрь королевского замка, весьма напоминавшего тюрьму. Ему предстояло стать моим новым домом. По-видимому, моего хозяина хорошо знали в замке. Нас без промедления повели через внутренний двор — вдоль конюшен, сараев и кухонь, откуда на нас глазели многочисленные работники, мимо тявкавших дворовых собак и пищавших под ногами цыплят — прямо во внутренние покои, а вскоре мы уже были на королевской половине.

Не скрывая восхищения, я рассматривала внутреннее убранство покоев, расшитые золотом ковры и драпировки, роскошные ливреи сновавших туда-сюда лакеев и мажордомов. Я настолько увлеклась, что даже не заметила, что мы уже пришли. Мы очутились в небольшой комнате, где нас поджидала какая-то женщина. Думаю, моя невнимательность объяснялась очень просто: женщина никак не вписывалась в окружающую обстановку. Высокого роста и крепкого телосложения, средних лет, она была достаточно милостива и богато одета. Но в чертах ее лица просматривалось больше хитрости, нежели величия, а ее манеры никак не соответствовали тому достоинству, с каковым, по моему мнению, следовало держаться в подобной обстановке.

Что не вызывало никаких сомнений, так это власть этой дамы. Синьор Альбани согнулся в поклоне так

низко, что перо его шляпы коснулось пола, и принялся объяснять, каким образом я попала к нему в дом. Дама бросила на меня суровый взгляд и велела подойти поближе.

— Что же, Альбани, — сказала она, — ты хорошо потрудился. Моя дорогая подопечная будет довольна этой игрушкой и одарит меня улыбкой. Ты говоришь, это существо знает итальянский?

— Как родной язык, донна Филиппа.

— А французский?

— Точно так же, донна Филиппа.

— Как тебя зовут, дитя? — обратилась ко мне донна Филиппа по-французски, ибо на этом языке говорили при дворе, к тому же сами Анжу были французского происхождения.

— Меня зовут Ричильда Бенуа, к вашим услугам, сударыня, — ответила я, как меня учили.

— У нее даже французское имя, это великолепно! — воскликнула донна Филиппа, захлопав в ладоши. — Роберто, мой мальчик, подойди сюда, что ты о ней скажешь?

До этого я не замечала в комнате мальчика. Он стоял у окна и смотрел на стоявшие в гавани корабли. На вид он был годом-двумя старше меня, столько же лет могло быть моему брату Ричарду. Как и его мать, мальчик был высокого роста и крепкого телосложения, но в чертах его лица просматривалось отдаленное сходство с чертами донны Филиппы, сам тип лица казался мне несколько странным. Цвет кожи был явно темнее обычного, губы толще, скулы резко обозначены, волосы как-то необычно курчавились. Его несомненно можно было назвать симпатичным, но почему-то он не вызывал у меня доверия.

Он подошел ко мне, взял в руку прядь моих волос и стал пропускать их сквозь пальцы.

— Да, мама, она миленькая, — согласился он. — Как жаль, что они не из чистого золота.

И он сильно дернул меня за волосы.

Я бы с удовольствием дала ему пинка, но, во-первых, меня стесняло тяжелое платье, а во-вторых, я

понимала, что в этом доме хозяин он, а я только служанка.

— Пойди к моему дворецкому, Альбани, он тебе заплатит, — сказала донна Филиппа, вставая. — А ты, Ричильда, пойдешь со мной.

Я посмотрела на синьора Альбани.

— Я больше не твой хозяин, Ричильда, — произнес он с чуть грустной улыбкой, — но буду молиться за твое благополучие.

Пока я шла за своей новой хозяйкой, мне стало казаться, что благополучия я уже достигла. Мы прошли роскошным коридором в богато украшенную комнату, откуда доносился девичий смех.

— Преклони колени, — скомандовала донна Филиппа, — перед герцогиней Калабрийской, наследницей неаполитанского престола.

В комнате было четыре девочки. Две из них были явно старше меня и, думается, старше своего брата Роберто. В том, что это были его сестры, сомневаться не приходилось: они были довольно симпатичными, но в чертах лица, как и у него, была какая-то необычность. Третья девочка была несколькими годами моложе меня, но уже сейчас было видно, что она вырастет красавицей. Она была явно напугана моим появлением.

Четвертая девочка была, как я вскоре узнала, на год моложе меня. Но я преклонила бы перед ней колени, даже не зная, что она и есть упомянутая наследница престола. Так я впервые встретила Джованну I Неаполитанскую, для которой на протяжении почти пятидесяти лет я была подругой, служанкой, поверенной в делах и, как это ни печально, соучастницей. Если бы в тот момент я могла предугадать, что уготовано мне судьбой, быть может, я и бросилась бы не раздумывая к открытому окну и дальше — вниз головой, прямо в ров. Хотя, думаю, я пожалела бы об этом. Ведь, в конце концов, мне посчастливилось стать близкой подругой самой замечательной и, быть может, самой неудачливой и несчастной женщины на свете.

Я не стану описывать красоту Джованны, об этом было известно всей Европе. Хороша она была уже в десятилетнем возрасте. Внешность ее совсем не походила на мою. Если у меня были светлые длинные волосы, то волосы Джованны — еще длиннее, черные, потрясающего оттенка воронова крыла. Если мое лицо отличалось слишком крупными и резкими чертами, то черты лица Джованны были тонкими и изящными. Если мой рот был достаточно широк и часто растягивался в улыбке, ротик Джованны, хоть и похожей формы, на улыбки скупился, и ее губы чаще были строго сжаты. Мой подбородок закруглялся; ее был строго очерчен. И если мои голубые глаза можно было назвать большими, то глаза Джованны были просто огромны: сверкающие, как ночь, в которых отражались бездонные тайники ее души. Ее глаза могли согреть лучше огня, но могли и обратить в лед. И еще глаза Джованны отражали ее мятущееся сердце.

Нет нужды описывать наши фигуры. В те годы мы были еще малы и не сформировались. Но уже тогда было ясно, что мы обе хорошо сложены, и в будущем нам уготовано сводить с ума мужчин.

— Поднимись, — произнесла герцогиня с теплой ноткой в голосе. И в одном этом слове прозвучало величие, недостававшее донне Филиппе.

— Ее зовут Ричильда, — принялась объяснять донна Филиппа, — она англичанка. Ее привел мне синьор Альбани, и я сразу же подумала, что она будет вам подходящей компаньонкой.

Мне подумалось, что в словах донны Филиппы недоставало уважения, приличествующего при разговоре с герцогиней. Но Джованна, казалось, этого не замечала.

Она продолжала смотреть на меня.

— Разве мне нужна подходящая компаньонка, синьора? — спросила Джованна. Вопрос прозвучал совсем не по-детски, будто ей было лет двадцать, а не десять.

— Конечно, вам нужна компаньонка вашего возраста, — заявила донна Филиппа. — Мария еще

слишком мала, а Аврора и Бенита значительно старше вас и скоро не будут годиться вам в подруги.

Обе мулаточки (а они таковыми и были) захихикали. Мария, как я узнала впоследствии, была младшей сестрой принцессы и в то время ей было только восемь лет.

Джованна пожала плечами.

— Пусть так и будет, няня, — произнесла она, — мы будем вместе играть.

Итак, все было решено.

Джованна отнюдь не была столь равнодушна к моему появлению, как старалась это представить. Несмотря на всю помпезность обстановки и бесконечную вереницу лиц, ее окружающих, Джованна была так же одинока, как и я. Быть может, причина этого крылась в ее раннем развитии, ибо с самого рождения она привыкла к мысли о том, что ей предстоит стать неаполитанской королевой. Ее отец умер, когда она была еще совсем крошкой, и с тех пор все детские забавы отошли на второй план ради необходимости учиться и заниматься политикой. Поскольку семейное положение Джованны как будущей королевы требовало определения даже в столь юном возрасте, то моя новая хозяйка и подруга по играм была уже замужем.

Брак этот, естественно, еще не был реализован фактически. Мужем Джованны стал принц Андрей Венгерский, младший брат будущего короля Венгрии — Людовика — и одновременно кузен самой принцессы Джованны. Принц Андрей прибыл из Будапешта в Неаполь года за два до моего появления у Джованны с тем, чтобы отпраздновать свадьбу и поселиться в Неаполе в надежде, что постоянное проживание здесь поможет диковатому венгру превратиться в утонченного француза.

Однако к моменту моей встречи с принцем такая цель пока еще не была достигнута. Впрочем, этого не произошло и впоследствии. Андрей был хорошо сложен, весьма симпатичен внешне и всего годом старше своей жены. По складу характера он был

слишком неуверен в себе, а его манеры выдавали совершенную неотесанность.

Осложняло ситуацию то, что принц Андрей прибыл к неаполитанскому двору в сопровождении свиты венгерских дворян, старше его по возрасту, чьи манеры и поведение вызывали при анжуйском дворе возмущение и негодование. И что хуже всего — принц Андрей появлялся всегда только в сопровождении своего духовника, монаха-доминиканца по имени Робер. Этот Робер был отвратителен во всех отношениях: уродлив лицом и телом, с торчащими рыжими волосами и бородачкой клинышком, словом, был полным отрицанием привычного представления о красоте, столь почитаемой при неаполитанском дворе. Не менее неприятен был он и своими интригами.

Справедливости ради следует сказать, что, объявляя неаполитанский двор самым распущенным и развратным в Европе, этот проходимец просто произносил вслух то, что и так было известно каждому. А объявляя донну Филиппу ди Кабанае, няньку, гувернантку и приемную мать Джованна, самой развратной женщиной при этом распутном дворе, доминиканец лишь подтвердил достаточное знание и понимание человеческой природы — хотя он ее и не знал. Взаимная ненависть этих двоих, которая стала для меня очевидной, как только я впервые увидела их вместе, и порожденное ею соперничество, в котором синьор Робер твердо рассчитывал победить, ибо он знал, что Джованна скоро перестанет нуждаться в няньке, а духовник при Андрее останется всегда, посеяли семена того кошмара, который впоследствии преследовал всех нас всю жизнь.

Ненависть между нянькой и духовником, неаполитанкой и венгром, не могла не отразиться на Джованне. Понятно, что в свои десять лет она, как и я, не имела представления о супружеских обязанностях. Но уже тогда она явственно представляла, что ее жизненный путь не будет осыпан розами. Возможно, она уже тогда понимала, что донна Филиппа и ее дети больше озабочены своим собственным

будущим, нежели ее судьбой, и, любя свою младшую сестру Марию, Джованна считала ее еще слишком маленькой, чтобы поверять ей свои сомнения и тайны. Король Роберт и его жена донна Санча, хотя и обожали свою внучку и наследницу престола, оставались слишком далекими и недосыгаемыми, чтобы она могла их самозабвенно любить. Так Джованна оказалась в одиночестве, скрасить которое и выпало на мою долю.

Мы стали близкими подругами не сразу. Джованна была настоящей принцессой до самых кончиков ногтей. К нижестоящим она относилась с холодным пренебрежением. Поначалу, когда мы перекидывались мячом, играли в куклы или сравнивали наши детские рисунки, она относилась ко мне с презрительным превосходством. Но вряд ли возможно проводить вместе день за днем и при этом быстро не определиться в своих чувствах: любви или ненависти.

К счастью, мне помогли моя обычная приветливость и красота, все более расцветавшая с каждым днем: меня было трудно ненавидеть. К тому же я была невольницей, а она госпожой. И поскольку я старалась угодить, Джованна постепенно оттаивала и становилась менее неприступной.

С самого первого дня мы были поставлены в такие условия, что постоянно находились вместе.

— Ты не должна отходить от герцогини ни на минуту, — приказала донна Филиппа.

Теперь-то я начинаю понимать, что все это было частью разработанного ею плана. Она хотела разбудить в принцессе дремавшую в ней, но уже явную чувственность, чтобы затем воспользоваться ею в своих целях. Ну, а для нас в те дни все это было просто увлекательным приключением. Мы вместе принимали ванну и вместе спали в постели Джованны, раздетые донага и крепко прижавшись друг к другу.

Я помогала Джованне одеваться и расчесывала ее роскошные волосы. Она, в свою очередь, играла мо-

ими прядями. Джованна расспрашивала меня о моей семье, о нападении пиратов и гибели моих близких. Конечно, сама я никогда не решилась бы задать ей встречный вопрос об истории ее семьи. Но она рассказала мне сама. Она даже делилась со мной сомнениями относительно своего будущего. Однако ни разу я не уловила ни единой нотки тревоги о том, что ей предстоит стать самой юной королевой самого неуправляемого народа на свете.

Мы вместе выезжали на прогулки за пределы замка. Верхом на пони мы отправлялись и на охоту, которой страстно увлекался принц Андрей, блиставший в этом искусстве уже в самом юном возрасте. По окончании охоты мы напивались вместе с охотниками. Впрочем, охотники напивались еще больше, а самыми пьяными обычно оказывались венгры. Брат Робер буквально буравил нас глазами, так, чтобы у меня не было сомнений в том, что в мыслях своих он связывал меня с донной Филиппой и считал ее ставленницей.

Если меня это и тревожило, то я обычно утешалась тем, что я-то служу будущей королеве, а хозяин брата Робера будет всего лишь супругом царствующей королевы.

Разумеется, в моей новой жизни были и иные, менее приятные обязанности. Мне приходилось пробовать всю пищу, которую подавали принцессе. Это было не трудно, поскольку мысль о возможности отравления не приходила мне в голову. Иное дело с другой обязанностью: быть при принцессе девочкой для битья. Принцесса крови и будущая королева, Джованна все же оставалась ребенком, и порой она бывала не в духе, капризничала, а то и давала волю гневным вспышкам, и тогда посуда летела во все стороны. В таких случаях в мои обязанности входило встать на колени, упираясь локтями в кресло, мои юбки задирались кверху, а донна Филиппа принималась стегать розгой по голым ягодицам. Наказание это было еще более болезненным и унижительным, если при нем присутствовал еще и Роберто, что случалось весьма часто. И продолжалась порка до

тех пор, пока Джованна, а не я, давала волю слезам и просила прощения у своей гувернантки. Я-то к тому времени могла уже надорваться от крика. А вот если Джованна пребывала в одном из приступов непримиримости, то мне тогда доставалось соответственно.

И все-таки я любила ее. И люблю ее по-прежнему. Мне пришлось стать свидетельницей того, как начала разрушаться ее жизнь.

На этом этапе моего повествования мне приходится коснуться важного вопроса: у меня нет своего места в истории. Вы не найдете моего имени ни в одной из летописей. Такова участь слуг. Но все события, о которых я собираюсь поведать, описаны и подтверждены иными свидетельствами. Сомневаться в их достоверности не приходится, хотя подчас мне самой начинает казаться, что подобное могло присниться только в страшном сне. Увы, листая страницы истории, убеждаешься в реальности описываемых событий.

Обратимся к истории династии Анжу. Прежде всего не следует смешивать ее с более ранней династией Анжу, наиболее ярким представителем которой был Генрих Анжуйский, ставший королем Генрихом II Английским, первым из династии Плантагенетов, которые, кстати, по-прежнему управляют этим островом.

Титул графа, а затем герцога Анжуйского, как французский атрибут постепенно исчез из употребления, особенно после того, как Генрих и его драчуны-сыновья стали столь показательными англичанами. О нем вспомнили вновь только в начале прошлого века, присвоив его оставшемуся в живых четвертому сыну короля Франции Людовика VIII Капета.

Людовик IX, старший сын Людовика VIII, известный под именем Людовика Святого, поскольку он дважды, причем не особо удачно, начинал крестовые походы, женился на Маргарите Прованской, и потомки их до сих пор правят Францией. Их правнучка

Изабелла была замужем за отцом моего прежнего государя, Эдуарда III Английского. Последние годы своей жизни она провела в заточении, расплачиваясь за преступления своего любовника Мортимера.

На этой семье явно лежало проклятие небес.

Вторым сыном Людовика VIII был Робер, граф Артуа. Он женился на Мод Брабантской, и их дочь Бланка, в своем втором браке ставшая супругой графа Эдмунда Ланкастера, подобно своей троюродной сестре оказалась вовлеченной в дела Англии. Кроме Бланки, у графа Робера был еще сын, также названный Робером. Он продолжил род Артуа и решил следовать во всем судьбе своего дяди Карла, но, как оказалось, в ущерб своим потомкам.

Третий сын Людовика VIII, Альфонс, граф де Пуату, не играл значительной роли в истории. Графство Пуату находилось под властью Англии практически на протяжении всей моей жизни. Другое дело четвертый сын, Карл. Он был явно отмечен судьбой. Карл родился в 1226 году и в двадцать лет стал графом Анжу и Прованса. Вскоре он отправился вместе с братом Людовиком в седьмой Крестовый поход, закончившийся полной неудачей. Французская армия была разгромлена, а два отпрыска королевской фамилии взяты в плен.

За них заплатили выкуп, как было когда-то и с нашим королем Ричардом. Но эти события совершенно по-разному повлияли на Людовика и Карла. Король Людовик возвратился во Францию и посвятил свою дальнейшую жизнь делу служения своему народу и его благу. Его брат Карл, насмотревшись на хаос, охвативший в те времена все Средиземноморье, решил добыть себе свою собственную империю.

Обстоятельства складывались в его пользу. Недавно скончался император Фридрих II Гогенштауфен, прозванный современниками *Stupor Mundi*¹ за свою просвещенность и многочисленные таланты. Фридрих, будучи одним из самых незаурядных людей своего

---

¹ Чудо света (лат.).

времени, отличался также большим свободомыслием, особенно если дело касалось его королевских прерогатив. Он многие годы враждовал с его святейшеством Папой. В результате его раза три отлучали от церкви: один раз за неучастие в крестовом походе, хотя он давал Папе соответствующие обещания, а в другой раз за то, что затеял такой поход, не получив благословения Папы!

Но что окончательно добило его святейшество, так это результат данного похода. Во-первых, он завершился небывалым успехом, во-вторых, не стоил ни единой человеческой жизни. Высадившись в Палестине во главе огромной армии, Фридрих пригласил султана на переговоры, и в результате великие владыки заключили мир и поклялись в вечной дружбе. Частью цены такой дружбы стала договоренность о свободном и беспрепятственном доступе христианских паломников к святым местам и в Иерусалим.

Для Рима это была сделка с дьяволом!

Естественно, Папа мог изрыгать проклятия и предавать непокорного императора анафеме сколько душе угодно. Но о том, чтобы совладать с таким человеком и одолеть его силой, не могло быть и речи. Но когда в 1250 году Фридрих преждевременно скончался в возрасте пятидесяти шести лет, Папа Иннокентий IV сразу увидел для себя возможность взять реванш. И сразу же начал по сути дела крестовый поход против сыновей императора — Конрада и Манфреда. И хотя Манфред был незаконнорожденным, оба молодые принца были вполне достойными сыновьями своего прославленного отца, поэтому Папе срочно понадобился предводитель, который бы стал отстаивать интересы Папы.

И таковой нашелся в лице Карла Анжуйского.

Вернувшись недавно из сарацинского плена, Карл вынашивал такие далеко идущие замыслы, о которых папская курия даже и не подозревала. Он уже обеспечил себе власть над Константинополем, выдав по

соглашению с Балдуином II свою дочь Беатрис за его слабоумного сына Филиппа. Теперь же, по просьбе Папы, ему предстояло покорить Сицилию, давний оплот Гогенштауфенов. Фридрих в свое время сделал из Палермо прекраснейший город Европы, и несомненно, Карл видел именно этот город будущей столицей Средиземноморской империи, которая должна была простираться вплоть до Босфора. Но такие далеко идущие планы Анжу и Папы означали бы большое кровопролитие, но как раз это и было всегда любимым развлечением его святейшества и принцев крови.

Карл как нельзя лучше подходил для выполнения этой задачи. Конрад умер, не успев собрать армию, а Манфред вскоре разбил войска Папы и провозгласил себя королем Неаполя и Сицилии. Такой поворот подстегнул преемника Иннокентия, Папу Александра IV, еще более активно поддерживать Карла. В 1226 году в битве под Беневенте Манфред погиб, и Карл стал вместо него королем.

Правда, в живых оставался сын Конрада, шестнадцатилетний юноша по имени Конрадин, вполне достойный поддержать в бою знамя Гогенштауфенов. К сожалению, он не мог тягаться с Карлом. Конрадин потерпел поражение в битве под Тальякоццо, был схвачен и публично обезглавлен. Европа ужаснулась такому убийству принца крови. Но проклятия из Рима не последовало, и Карл был утвержден в качестве короля Неаполя и Сицилии.

Но Карл уже сам уготовил себе собственную гибель. Его непримиримость показала всему миру, что он слишком опасен, если ему не помешать в осуществлении его замыслов, и потому даже папский престол быстро отвернулся от него. К тому же под его началом была самая сильная армия в Европе, и никакой иной ставленник Папы вряд ли смог бы противостоять ему. А своей тиранией он настроил против себя и своих подданных, которые мечтали его свергнуть, посадив на трон принцессу Констанс, дочь Манфреда, которая была замужем за Педро III Арагонским.

Педро III был не прочь присоединить к своим владениям еще и Сицилию, тем более что ему уже принадлежали Балеарские острова. С гораздо меньшим энтузиазмом он относился к идее встретиться с Карлом на поле боя. Так родился заговор. Он был приведен в исполнение в Пасхальный понедельник 30 марта 1282 года, в час вечерни, когда сицилийцы поднялись и принялись истреблять всех французов подряд, включая женщин и детей, кто только попадался на их пути. Около двух тысяч человек погибло только в одном Палермо и великое множество в других местах. Начавшаяся вследствие этого война растянулась на двадцать лет, и в результате Анжу были вытеснены с острова. Им осталось только одно Неаполитанское королевство.

Здесь Анжу и осели, укрепили свои позиции и со временем даже завоевали любовь и уважение своих подданных. Особенно преуспел в этом внук Карла — Роберт Неаполитанский, взошедший на престол после смерти своего отца Карла II и считавшийся самым благородным рыцарем христианского мира. Возможно, это объяснялось его верностью Папе; хотя, возможно, и наоборот. «Великий Раскол», до сих пор разделяющий католическую церковь, случился в 1305 году, Папа укрылся в Авиньоне, удельном владении Роберта, и это их очень сблизило. К тому же Роберт был известен как талантливый военачальник и покровитель искусств. По преданию, сам великий Петрарка согласился получить корону короля поэзии только из рук неаполитанского монарха.

К моменту моего появления во дворце Роберт I все еще находился на престоле.

Может возникнуть вопрос, возможно ли быть благороднейшим рыцарем и королем одновременно? И уж, конечно, вполне логично предположить, что такой человек, как Роберт, должен был предпринять все усилия, чтобы надежно обеспечить царствование своих потомков, каким бы неудачным ни оказалось их будущее. Но этого не случилось. Анжу всегда были склонны к самоистреблению.

Отец Роберта, Карл II, был женат на принцессе Марии Венгерской, дочери короля Венгрии Стефана V и свояченице несчастного императора Византии Андроника II, разорванного разбушевавшейся чернью.

Это были страшные времена.

Старший сын Карла и Марии Венгерской отправился в Венгрию, чтобы попытать счастья на родине матери. Он рано умер, но его сын, Карл-Роберт, или Кароберт, как его обычно называли, стал в 1310 году правителем Венгрии.

Кароберт был избран королем после междуцарствия, последовавшего за смертью последнего мужского потомка династии Арпадов. Он женился на Елизавете Польской, дочери великого короля Владислава IV, и тем самым обеспечил себе обширную империю в самом центре Европы. Когда я попала в Неаполь, Кароберт все еще царствовал.

У Кароберта и Елизаветы было два сына. Отсюда и берут начало те трагические события, которые потом и коснутся нашей жизни. Старший сын Людовик должен был унаследовать трон своего отца, короля Венгрии. Младший, принц Андрей, стал мужем моей госпожи.

Вся беда в том, что Кароберт считал, что ему по праву принадлежит и Неаполь, и внушил эту убежденность и своим сыновьям. Строго говоря, по логике вещей он был абсолютно прав: ведь он был сыном старшего сына Карла II.

Иной бы мог подумать, что управление Венгрией и фактически еще и Польшей, хотя королем последней считался его сын, достаточно хлопотно для одного человека. К сожалению, наш добрый король Роберт, столь прекрасный как рыцарь, был в данном вопросе жертвой своей излишней совестливости: несмотря на то что никто не возражал, когда он занял неаполитанский престол в отсутствии старшего брата, он все равно считал себя узурпатором. Эти угрызения совести стали мучить его еще больше после смерти его сына и наследника Карла Калабрийского, отца

моей Джованны, который, как я уже упоминала, умер молодым. Это несчастье — смерть герцога Калабрийского (традиционный титул наследника неаполитанского престола) — навело Роберта на мысль покончить со всеми бедами путем бракосочетания своей внучки и престолонаследницы с внучатым племянником, потомком своего старшего брата. Он усматривал в этом панацею от всех бед. Ведь если отбросить в сторону разницу в характерах и воспитании детей, о чем я уже упоминала, сам Роберт к тому времени достиг уже преклонных лет, и, как он полагал, после его смерти наступит период регентства.

Но это была не единственная ошибка Роберта. Он допускал одну ошибку за другой, не принимая во внимание чувства и мнение других членов своей семьи, а их было немало. Из трех его сестер Бланка была замужем за Хайме II Арагонским, а Леонора отдана за Федерико III Сицилийского, испанского принца, в надежде примирить Неаполь с Испанией. Третья сестра Маргарита сочеталась браком с Карлом Валуа, дав начало еще одной ветви французских королей.

Достоинные дамы могли лишь издали наблюдать за происходящими событиями, проливая слезы по покинутой родине.

Но у Роберта было еще и два младших брата. Старший из них, Филипп Тарентский, женился на Екатерине Валуа. В свою очередь Екатерина Валуа была дочерью Карла Валуа и Екатерины де Куртенэ, а Екатерина де Куртенэ была дочерью того самого Филиппа, императора Византии, за которого Карл I Анжуйский выдал замуж свою дочь Беатрису.

Тот факт, что Филипп и его жена были троюродные брат и сестра, особого значения не имело. Даже столь поверхностный экскурс в историю одной королевской семьи не оставляет сомнений, что практически все принцы и принцессы крови Европы приходятся друг другу кузенами, что, несомненно, объясняет

столь частое проявление физических и умственных отклонений в этих благородных отпрысках.

Более важным было то, что по линии матери Екатерина могла претендовать на византийскую корону. Сама по себе Византия в те годы пришла в такой упадок, что императорская корона утратила свое бывшее значение. И все же Филипп продолжал гордо именовать себя императором, а после его смерти, за несколько лет до моего появления в Неаполе, титул императрицы Константинопольской приняла его жена.

От себя могу добавить, что она всячески лелеяла в себе черты высокомерия, играя роль императрицы.

У нее было четверо детей. Дочь Маргариты вышла замуж за Эдуарда Баллиоля и исчезла с нашего горизонта, затерявшись в горах Шотландии. Но каждый из трех ее сыновей, Людовик или Лодовико Тарентский, Роберт и Филипп Константинопольские, считали себя более достойными руки наследницы неаполитанского престола и короны консорта-супруга королевы, нежели какой-то там варвар-венгр.

Еще большие притязания были у Карла Дураццо, сына младшего брата короля Роберта, Иоанна де Гравина. Будучи потомком младшей ветви королевской семьи, Карл Дураццо был старше своих кузенов годами и считал себя более подходящей кандидатурой.

Я встретила всех этих молодых людей уже в первые же дни своего пребывания во дворце, хотя вряд ли они обратили внимание на мое появление, ведь для них я была разве что новой игрушкой. Им всем еще не было и двадцати, они были молоды, внешностью и характерами типичные представители дома Анжу. К тому же нормальная самонадеянность юности сочеталась в них с высокомерием принцев крови.

На этих молодежных сборищах часто присутствовал и Робер Артуа, бывший только годом старше меня. Он был потомком графа Артуа, старшего брата Карла I, и обладал не меньшими правами на престол, нежели любой из его кузенов, но отнюдь не их напористостью.

Молодые люди не скрывали своих чувств к Джованне: они обожали ее.

Больше всего из них мне нравился принц Людовик Тарентский. Ему было тогда шестнадцать лет, но он уже стал известным рыцарем. Его приятное, улыбающееся лицо резко контрастировало с насупленностью его кузена Дураццо.

Объектом шуток юных принцев очень часто становился принц Андрей. Это обстоятельство могло бы стать источником недоразумений, особенно если учесть, что Андрею предстояло стать королем-консортом Неаполя. Но ведь из самых буйных юнцов нередко вырастают спокойные и мудрые мужи. Тот факт, что счастливая компания этих молодых людей постепенно стала напоминать свору грызущихся псов, имеет всего лишь одну причину: страстные порывы их прекрасной кузины и будущей королевы. А разбудить эту ее страстность предстояло женщине, к которой Джованна и Мария относились как к своей няне, гувернантке, наставнице и даже матери — донне Филиппе ди Кабанае.

История взлета и падения этой выскочки могла бы послужить хорошим сюжетом для трагедии. Она родилась и выросла в Трапани, том самом порту, где меня высадили пираты. Так что синьор Альбани был давнишним знакомым донны Филиппы. В юные годы она была простой прачкой, а замуж вышла за обыкновенного рыбака. Но такая жизнь ее не устраивала. Она исхитрилась оставить мужа, приехала в Неаполь и пробилась в королевские прачки.

После весьма своевременной кончины мужа и в награду за верную службу она была отдана замуж за Раймондо ди Кабанае, личность не менее примечательную. Чернокожий невольник, он прославился благодаря своему господину, приняв после его смерти его имя и значительно улучшив и приумножив его дела и состояние. В свою очередь, сам он произвел столь сильное впечатление на короля Роберта, что тот произвел его в ранг главного сенешаля королевства.

Столь головокружительная карьера простой прачки могла бы удовлетворить любые амбиции. Но только ни у синьоры ди Кабане. После смерти своего второго мужа она сохранила и упрочила свое положение во дворце, став гувернанткой двух принцесс, малолетних дочерей Марии Валуа, второй супруги Карла Калабрийского.

После смерти герцога Джованна стала герцогиней Калабрийской, то есть наследницей престола. Вскоре вслед за тем скончалась ее мать, Мария Валуа, к неутешному горю короля Роберта и его второй супруги, донны Санчи. Им почему-то не приходило в голову, что люди вокруг донны Филиппы обладали удивительной способностью умирать именно в тот момент, когда они оказывались на ее пути и мешали ее дальнейшему продвижению. И даже напротив, король и королева не придумали ничего лучше, как полностью доверить воспитание своих малолетних внучек преданной прачке из Катании.

Нет сомнений, что этого она и добивалась с самого начала.

Так возник самый гнусный в истории замысел. Учитывая преклонный возраст короля, а также невинность и неопытность своих подопечных, донна Филиппа рассчитывала прибрать к рукам все королевство.

К моменту моего появления во дворце ее планы еще не дали ощутимых результатов. Но уже и в то время обе девочки, как Мария, так и Джованна, находились под сильным влиянием донны Филиппы и ее дочерей, Авроры и Бениты. Более зловещая фигура, каковой был сын донны Филиппы, Роберто ди Кабане, тот самый мальчишка, что дернул меня за волосы в день моего появления во дворце, оставалась пока в тени.

Упрочить свое влияние на девочек и полностью подчинить их, завоевав безграничное доверие, вот что было главной задачей донны Филиппы на данном этапе. Джованна и Мария еще не достигли половой зрелости, а король Роберт пребывал пока в отличном

здравии. Но вот его решение возродить прошлое, объединив две ветви семьи внутривековическим браком, ставило под угрозу намерения гувернантки. Она почувствовала, что пришла пора действовать.

Брак ее главной подопечной означал, что Джованна вот-вот выйдет из-под ее опеки, а значит, и влияния. Как только девочка достигнет зрелости, ее отдадут мужу, и брачный союз будет закреплён супружескими отношениями. Такой поворот событий являлся серьёзным ударом по планам донны Филиппы, но отнюдь не делал ситуацию непоправимой. Гораздо более осложняло положение присутствие брата Робера. Вражда с духовником принца могла привести к поражению донны Филиппы.

И вот когда я появилась при неаполитанском дворе, девочка одиннадцати лет, находившаяся, как и герцогиня, на грани перехода от детства к девичеству, нам с Джованной и в голову не приходило чего-либо опасаться, а донна Филиппа уже с нетерпением ждала того дня, когда сможет осуществить следующий этап своих грязных замыслов, чтобы уже навсегда закабалить Джованну.

Конечно, я и не подозревала о намерениях моей новой хозяйки. Я скорее считала своей хозяйкой донну Филиппу, а не Джованну, ведь купила-то меня Филиппа. А Джованна была моей подружкой, а я — ее. Конечно, я прислуживала ей за едой, и за нас обеих обнажала заднюю часть своего тела, когда требовалось получить наказание. На то я и была девочкой для битвы. Я старалась делить с ней все радости и горести, а Джованна, считавшая, что нет на свете более любящего ее человека, чем донна Филиппа, была убеждена по молодости своих лет, что в мире полно всяких демонов и искушений, с которыми в один прекрасный день ей придется столкнуться.

И все же природная доброта Джованны и ее врожденный ум, делавшие нас такими похожими друг на друга, преодолели бы все препятствия и сделали бы ее одной из самых незаурядных личностей в истории. Если бы не эта катанийка.

Коварный план, выношенный в сердце этой женщины, был достаточно прост. Донна Филиппа прекрасно сознавала, что за холодной красотой Джованны скрывается пылкое сердце. Страстность и чувственность, присущие ее народу, тем более ее семье, пока что не проявлялись в Джованне. По своей молодости и невинности принцесса о них и не подозревала. Зато Филиппа намеревалась разрабатывать эту золотую жилу, пока полностью не привяжет к себе принцессу. Она не сомневалась, что, как только такая натура, как Джованна, познает плотские радости, ее уже будет не остановить. Увы, расчет оказался абсолютно верен. Вся жизнь Джованны была бесконечной борьбой между светлой и темной сторонами ее натуры. Единственно, что я могу сказать в ее защиту, что чистота ее была природным свойством, а темные страсти ей были привиты. Но как и любая отрава, не встречая противоядия, постепенно расходуется по крови, так и страстность порой заслоняла все, что было светлого и доброго в душе моей Джованны.

Почему я не стала тем противоядием? Я так теперь жалею об этом. Но тогда мне было только четырнадцать лет, когда донна Филиппа приступила к осуществлению своего грязного замысла. И кроме того, я была одним из орудий, которыми решила воспользоваться катанийка.

Как я уже упоминала, донна Филиппа выжидала только подходящего момента, каковым должно было стать наше половое созревание. Пока же в течение двух лет мы с Джованной резвились, играя с нашими друзьями и поклонниками и не подозревая, что меч судьбы уже занесен над нашими головами.

Даже у меня были поклонники. Принцы могли позволить себе гораздо больше вольностей с моей персоной, чем с Джованной. В результате я частенько ходила вся в синяках от щипков и тычков, а на моих глазах сквозь смех порой выступали слезы боли. Ни-

каких иных эмоций заигрывания юнцов у меня не вызывали.

Пажи принцев также посматривали на меня с интересом, которому я, как и сама принцесса, не придавала должного истолкования. Если их пальцы, трогавшие мое тело, и вызывали порой тревожные и волнующие ощущения, то они мало чем отличались от тех эмоций, какие возникали у нас с Джованной, когда мы прижимались друг к другу в постели.

Такова невинность молодости.

Решающий момент наступил летом 1339 года, когда у нас с Джованной в одну и ту же неделю начались менструации. Напомню, что Джованна была годом моложе меня.

Этого события с нетерпением ожидал весь двор, поскольку только тогда брак принцессы мог быть наконец реализован. Но пока о происшедшем событии знали лишь мы с Джованной и донна Филиппа с дочерьми. Последняя намеревалась как можно дольше скрывать новость, что не составляло большого труда. Никого при дворе не удивило бы, если бы Джованна достигла зрелости годом позже. Ведь ей было только тринадцать.

— Так будет лучше, — объяснила донна Филиппа, — это даст мне возможность завершить ваше образование, ваша светлость, о чем я заботилась ежедневно все эти годы. Ужасно, если женщина попадает к мужу, не подозревая о том, что таит в себе для нее брак. Мне предстоит познакомить вас с самым важным и кульминационным моментом человеческой жизни: сексуальными отношениями мужчины и женщины. По счастью, у меня есть добровольный помощник. Аврора, дорогая, позови своего брата.

К моему изумлению из соседней комнаты появился Роберто ди Кабанае, тот самый, что оттащил меня за волосы в день моего появления во дворце. Вид у него был явно взволнованный.

— Роберто, мой мальчик, — обратилась к нему донна Филиппа, — я хочу попросить тебя о большом одолжении.

— Все, что угодно, мама, — ответил он с готовностью.

— Я хотела попросить тебя продемонстрировать принцессе акт любви, хорошо?

Из того, как негодник отвечал, я сразу поняла, что его соответственно проинструктировали.

— С огромным удовольствием, мама. — Он поклонился и снова выпрямился. — Но с кем?

Его сестры захлопали в ладоши. Нужно сказать, что обе мулаточки, которые были уже достаточно взрослыми подростками, к этому времени были выгодно пристроены. Аврора вышла замуж за графа Терлицци, а Бенита — за графа Морконе. Мужья были значительно старше обеих сестер.

— Конечно же, с Ричильдой, — сказала донна Филиппа, — она лучше всего подходит для этой цели.

Тут захлопала в ладоши и Джованна.

— Это будет замечательно! — воскликнула она.

Как и я, она совершенно не понимала, о чем идет речь. Она думала, что речь идет о какой-то новой игре. Поначалу и мне так показалось, но чем дальше, тем больше мне все это не нравилось.

Начало было достаточно неплохим.

— Мужчина подходит к своей возлюбленной, — объявила донна Филиппа, — вот так. И целует ее руку.

Роберто проделал это с моей рукой. Я подавила смешок удовольствия; ведь он стал теперь симпатичным юношей.

— Проходит время, — продолжала донна Филиппа, — и влюбленный хочет большего. Если он нравится женщине, она ему это позволяет.

Роберто пробежал пальцами вверх по моей руке до локтя, затем дотронулся до моего лифа. Разумеется, во время шумных игр с принцами мне уже доводилось чувствовать шаловливые руки на этом месте и испытывать вызываемые ими захватывающие ощущения. Но сейчас я вдруг впервые осознала, что тот, кто тебя трогает, тоже испытывает определенные ощущение-

ния. Мужская одежда в те годы состояла из узких рейтуз и верхнего камзола, который не прикрывал бедер. Быстрый взгляд вниз убедил меня, что под рейтузами Роберто что-то происходит. Конечно, во время возни с принцами, попадая из одних рук в другие, я тоже иногда замечала нечто подобное. Но ни разу не связывала причину и следствие.

Мне стало страшно.

— Смотрите, на ее бледных щеках появился румянец, — воскликнула донна Филиппа, — значит, она согласна на все! Нам следует перейти в спальню.

Все направились в соседнюю комнату, впереди Роберто и я, рука об руку, за нами донна Филиппа с Джованной, Аврора с Бенитой и Мария. К тому времени Марии уже исполнилось одиннадцать лет, и по раннему развитию она весьма напоминала сестру.

Я по-прежнему не осознавала, что именно мне предстоит.

— Поможем любовникам лечь в постель, — командовала донна Филиппа.

Ее дочери бросились ко мне и в мгновение ока раздели меня донага. Я опять изумилась, потому что до этого дня никто никогда не пытался помочь мне при раздевании, к тому же дело происходило утром. Еще больше смущало меня присутствие Роберто. Но надо сказать, что в четырнадцать лет моя фигура уже вполне сформировалась, и я не стыдилась своих ног, груди или живота, зная, что мои формы заслуживают похвалы.

Мое смущение перешло в полное замешательство, когда сестры не менее быстро избавили и Роберто от его одежды. Узнав поближе эту дьявольскую семейку, я склонна думать, что подобные забавы были им не в новинку, они были хорошо знакомы с таким понятием, как кровосмешение.

Как и я, Джованна и Мария никогда еще не видели обнаженного мужчину, а Роберто был красив и в ту минуту уже возбужден. Обе принцессы с веселыми возгласами принялись изучать великолепный — и огромный — предмет его мужской гордости. Донна

Филиппа не возражала, позволив им поласкать его член, который еще более увеличился, став огромного размера. Роберто напыжился и прямо сиял от гордости и нетерпения.

Мне тоже было интересно, но я покорно ждала продолжения, не подозревая о своей действительной роли в происходящем действе.

Долго оставаться в неведении мне не пришлось. Обе графини помогли мне лечь в постель и принялись ласкать мое тело, целуя мои губы и груди. Их руки скользили и ниже, по моим бедрам.

— Чтобы лучше тебя подготовить, — смеялись они.

Конечно, странно волнующие ощущения, испытанные мною уже раньше, охватили меня сейчас с неизмеримо большей силой. Но предвкушение удовольствия улетучилось, едва Роберто склонился надо мной и раздвинул мои ноги, собираясь, как я поняла, вонзить в меня свое огромное орудие.

Я закричала и попыталась сесть, но обе графини схватили меня за руки и прижали к постели, а донна Филиппа удерживала за ногу. Я могла пока отбиваться другой ногой, но тут Мария с Джованной решили принять участие в развлечении и ухватили меня за другую ногу. Распятая таким образом, я была лишена девственности.

Боль была невыносимой. Я возненавидела Роберто, пронзавшего меня насквозь, казалось, до самой макушки, да еще покрывавшего влажными поцелуями мое лицо и грудь. Когда он наконец кончил, я была вся в поту и смятении. Но остальные дамы поздравляли своего героя. Только Джованна несколько встревожилась, увидев кровь на моих ногах и покрывале. Донна Филиппа успокоила ее, сказав, что в первый раз это вполне естественно.

— Конечно, есть и иные способы заниматься любовью, — добавила она, — я знаю по меньшей мере тридцать возможных вариантов акта любви.

Дело было сделано, мне разрешили помыться и одеться. Джованна и Мария хотели посмотреть все

сначала, но донна Филиппа объяснила, что Роберто выложился целиком, и следующий урок будет завтра.

К моему большому облегчению; его член резко уменьшился, точнее скрючился. Сам Роберто был весьма доволен, и скорее тем, что ему позволили продемонстрировать свои способности перед принцессами, нежели тем, что он меня изнасиловал.

Еще более была счастлива его мать, поскольку все получилось так, как она задумала. Какое ей было дело до моих слез и отчаяния, и уж тем более ее совсем не трогало, что я сразу и навсегда потеряла к ней всякое уважение. Во мне осталось только острое чувство отвращения. Но главным для донны Филиппы была Джованна. Принцесса была заинтригована всем увиденным, она возбудилась, но, не получив удовлетворения и не испытав, в отличие от меня, никакого отвращения, не могла думать больше ни о чем другом.

Той ночью, когда мы с Джованной лежали в постели, она то и дело спрашивала меня, что я чувствовала, и даже пыталась своими пальчиками повторить некоторые ощущения. Это меня несколько успокаивало, но в то же время и вызывало тревогу. Я уже предчувствовала, что за этим последует. Как, несомненно, знала о том и донна Филиппа.

Когда на следующее утро мы собрались для следующего урока, Джованна объявила, что желает учиться только на собственном опыте.

Здесь я должна пояснить, что ни Джованна, ни я, ни тем более Мария не имели ни малейшего представления о сексуальных отношениях. Мы ничего не знали о причинах беременности. Что касается менструаций, то донна Филиппа пояснила нам, что это крест, возложенный Господом на женскую половину рода человеческого. Ничего не знали мы и о значении девственности. Причина того, что случилось с моей сестрой, так до сих пор и осталась для меня тайной. Для нас все происходящее было новой занимательной игрой, которую мы для себя открыли.

Меня до сих пор потрясает, как донна Филиппа не побоялась пойти на такой риск. Если бы хоть слово о том, что происходит в королевской детской, дошло до короля и королевы, нянька оказалась бы на эшафоте значительно ранее, чем это случилось на самом деле. Но донна Филиппа рассчитала все очень точно. Она не сомневалась в своем влиянии на юных подопечных. И весьма маловероятным казалось, что девочки разоткровенничают с бабушкой, к тому же еще неродной. Итак, Джованна, милая, прекрасная Джованна, отдала свое белое тело в услужение Роберто ди Кабане и увидела на бедрах свою собственную кровь. В возрасте тринадцати лет Джованна стала женщиной.

Сделав этот решительный шаг, донна Филиппа затянула петлю. Хорошо разбиравшаяся в таких вопросах, она решительно, хотя и с определенными предосторожностями, твердо двигалась по намеченному пути. Лишенная девственности, я теперь была отодвинута в сторону, и меня использовали только иногда, для демонстраций. Было бы неправдой сказать, что после того, как утихла первая боль, я не открыла для себя удовольствия в действиях Роберто. Подчас я даже сожалела, что не являюсь единственным объектом его страсти. Но настроенный матерью, он интересовался только принцессой.

В течение нескольких последующих месяцев по определенным дням, которые, как я сейчас понимаю, очень аккуратно рассчитывались донной Филиппой, Джованна развлекалась со своим любовником, который обучал ее разным приемам любви. В течение двух недель они запирались в ее спальне, где Джованна предавалась утехам со своим Роберто, позволяя ему делать все со своим телом и выполняя любые его пожелания, хотя многие из этих любовных упражнений не одобряются Святой Церковью; я знала обо всем происходящем, поскольку ночью Джованна показывала на мне, что с ней происходило, и заставляла меня повторять некоторые действия Роберто. Наши интимные отношения все более

развивались, но еще быстрее росла ее любовь к Роберто.

Конечно, донне Филиппе пришлось принять известные предосторожности, чтобы не допустить возможной беременности Джованны. Важной частью ее плана являлась полная тайна. Сохранять все происходящее в секрете необходимо было хотя бы для того, чтобы Джованна не поняла всей порочности и безнравственности того, во что ее вовлекли. Донна Филиппа опасалась, что, познакомившись с новой игрушкой, принцессы начнут искать ее в штанах других принцев, по-прежнему приходивших к нам в дом веселиться и развлекаться. Она решила положить конец этим визитам, заявив, что теперь, когда Джованна достигла определенного возраста, детские шалости должны остаться позади. Этим она произвела весьма благоприятное впечатление на короля Роберта и донну Санчу. Им нравилось, что нянька так серьезно относится к своим обязанностям. Принцессам и мне донна Филиппа внушала, что мужские достоинства ни в коем случае нельзя обсуждать, тем более ласкать, если мужчина не подал приглашающего знака.

Мы недоумевали, но подчинялись. В любом случае Роберто не скупился на приглашения.

Наконец катанйика сочла возможным перейти к следующему этапу своих замыслов.

— Ваша светлость, мы должны информировать его величество, что вы достигли зрелости и готовы теперь реализовать ваш брак с принцем Андреем и жить с ним как муж и жена.

— Вы имеете в виду, что он будет заниматься со мной любовью? — воскликнула Джованна.

— Это будет его правом, — согласилась донна Филиппа, — хотя я сомневаюсь, что он будет столь любящим и умелым, как мой Роберто.

И донна Филиппа ласково пригладила волосы сидевшего рядом сына, который теперь проводил в опо-

чивальне принцессы столько же времени, что и я. Джованна была ненасытна.

— Тогда я объявлю дедушке, что не желаю этого брака, — заявила Джованна.

— Дорогая моя девочка, — воскликнула донна Филиппа, притворяясь ошеломленной, — вы не можете так поступить! Ваш брак был освящен в церкви.

— Но он же так и не был реализован, — настаивала Джованна с триумфом в голосе, ведь за последнее время она многому научилась. — И значит, он недействителен. И уже теперь не может быть реализован. Я принадлежу другому. Я принадлежу Роберто.

— Вы принадлежите вашему мужу, — сурово нахмурилась донна Филиппа, — хотя, может быть, он и не соответствует идеалу мужчины, которого вы или я предпочли бы видеть вашим мужем, но он ваш муж. А вы — принцесса и наследница неаполитанского престола. У вас есть обязанности, которыми вы не имеете права пренебрегать. Вы и так уже сильно себя скомпрометировали. Сознаете ли вы, какое ужасное преступление вы совершили?

— Я? — произнесла с достоинством Джованна.

— Вы отдали свою девственность мужчине, с которым не состояли в браке. Вы виновны в супружеской неверности. Вы скомпрометировали себя без надежды на спасение, если только об этом станет известно за пределами этих стен.

Джованна смотрела на нее с изумлением — но и с тревогой.

Я просто дрожала.

— Если только об этом узнает ваш дедушка, — продолжала гнуть свою линию донна Филиппа, — вас до конца ваших дней сошлют в монастырь. А мы все — и я, и Роберто, и мои дочери, даже Ричильда — окажемся на виселице.

У меня подогнулись колени, и я в первый раз в жизни села в присутствии принцессы без разрешения.

Совершенно произвольно присела и Джованна.

— Значит, все пропало. Мне конец. И это ваших рук дело, синьора. Вы предали меня.

— Я, я предала вас? Моя дорогая девочка, да я люблю вас больше жизни. Но я слабая женщина. Когда вы заявили, что хотите любви моего сына, я не могла отказать вам.

Может показаться невероятным, но мы с Джованной тогда не осознавали, как коварно она все подстроила.

— Конечно, вы правы, милая мама, — вскричала Джованна, бросаясь со слезами к своей няньке, — но что же нам теперь делать?

— Неужели вы считаете, что я не думала об этом? — спросила Филиппа. — Сколько ночей я провела без сна, пытаюсь найти решение. Но единственный выход — это сохранять тайну. Вы должны стать женой принца Андрея.

— Но я же люблю Роберто! — рыдала Джованна, покинув донну Филиппу и бросившись в объятия своего любовника. Он гладил ее волосы и шептал ей на ухо слова утешения.

— Я знаю, деточка, — согласилась Филиппа, — и вы будете любить его. Андрей не будет с вами все время. Но если вы захотите, Роберто и я будем всегда с вами. И когда принц будет отсутствовать...

— О! — воскликнула Джованна.

Даже ее страстная натура противилась мысли делить ложе с двумя мужчинами, принимая то одного, то другого.

— Это ваша единственная надежда на счастье, — пояснила Филиппа.

Джованна задумалась.

— Но у меня не будет крови, — произнесла она, — он будет знать, что я не девственница.

— Я позабочусь об этом, — согласилась донна Филиппа. — В тот вечер, когда вы отправитесь к принцу Андрею, я дам вашей служанке Ричильде склянку со свежей кровью. Ричильда спрячет ее за поясом и пронесет вам в постель. Ночью, когда Ан-

дрей овладеет вами, вы выльете кровь на простыню, и ваша репутация будет спасена.

Джованна высвободилась из объятий Роберто и подошла к окну. Несколько минут она молча смотрела на море и заходившие в гавань корабли. Роберто ждал затаив дыхание. Даже Филиппа почувствовала, что наступил критический момент.

— Похоже, я действительно изменила мужу, прежде чем стала ему настоящей женой. — с грустной улыбкой произнесла Джованна. — Вы правда думаете, что нам удастся выпутаться из этого положения, мама?

— Если мы поклянемся не предавать друг друга и быть верными друг другу, — ответствовала донна Филиппа. — И никогда не расставаться друг с другом, — задумчиво добавила она.

— О да, — сказала Джованна, — мы поклянемся.

Что мы и сделали, включая обеих графинь.

Таким образом, казалось, донне Филиппе ди Кабане удалось захватить власть в королевстве в свои руки. Я говорю казалось, ибо даже до мелочи продуманные планы порой рассыпаются вдребезги. Донна Филиппа была предана... причем тем, от кого она меньше всего этого ожидала.

Поначалу все шло так, как она и задумала. Король Роберт воспринял с энтузиазмом известие о том, что его внучка достигла зрелости. Он незамедлительно посетил наш замок, принеся свои поздравления. Не думаю, что я была единственной, кто дрожал от ужаса во время этого визита. Но как бы там ни было, Джованна казалась воплощением радости и желания вступить во взрослую жизнь.

Гонцы поскакали в Будапешт с известиями для короля Людовика и королевы-матери. Король Карл незадолго до этого скончался. По случаю привезенного известия были устроены празднества и торжества. Улыбка появлялась даже на лице брата Ро-

бера, очевидно считавшего, что час его триумфа уже близок.

Праздничный пир еще не закончился, а молодых уже закрыли в опочивальне Джованни.

Я помогла моей хозяйке раздеться, а заодно незаметно от мужа спрятала драгоценную бутылочку под подушку. Отвлечь его не составляло труда. Пьяный юнец, оказавшись в обществе двух хорошеньких девушек, не знал, на какую первую навалиться. Я быстро убежала, оставив Джованну самой справляться со своим мужем.

Возникает вопрос, как смогла донна Филиппа предугадать, что этот брак никогда не станет счастливым. Но расчеты катанийки всегда были верны: она ошиблась всего только раз. Если бы Джованна влюбилась в Андрея, она легко махнула бы рукой на прошлое и забыла Роберто. Но Филиппа знала, что недаром обучала Роберто: он стал искусным любовником, умеющим возбуждать женщину, доводить ее до нужного состояния и затем удовлетворять, о чем многие нечуткие мужчины меньше всего заботятся. А между тем женщина, испытавшая на себе искусство опытного возлюбленного, будет в плену своей страсти и не помыслит об ином мужчине.

Она также предположила, а это было совсем нетрудно, что принц Андрей принадлежал к тому типу мужчин, которые относятся к женщинам как к существам низшим, созданным для его удовольствия, пусть если даже эта женщина была будущая королева. На это пренебрежение и рассчитывала донна Филиппа. Как видите, она и на сей раз не ошиблась.

Джованна идеально сыграла свою роль. Она позволила Андрею овладеть собою и вылила в постель кровь из спрятанной скляночки, как только принц уснул. На следующее утро простыня была тщательно исследована донной Санчей, донной Филиппой и братом Робером. Брак был признан действительным. Опять повсюду зазвонили колокола, новые посланцы полетели с радостной вестью в Будапешт.

Оправившись от свадебных торжеств, Андрей немедленно ускакал на охоту со своими дворянами. Джованна удалилась в свои апартаменты, где все мы находились в тревожном ожидании.

— Он мужлан, — заявила Джованна, — вульгарный и противный. И как от него пахнет, — добавила она. — Он едва чмокнул меня в щеку и уже сразу же навалился. А после мгновенно уснул. Мне в жизни не доводилось переживать большего унижения. О, мой милый Роберто!

Она бросилась ему на шею. Мы тактично удалились.

За порогом комнаты катаний впервые на смогла сдержать своих чувств в моем присутствии.

— Теперь принцесса в наших руках, — заявила она своим дочерям, — наше будущее обеспечено.

Затем она глянула на меня.

— Твое будущее связано с нами, Ричильда. И всегда помни об этом. Одно только слово в присутствии короля Роберта или принцессы Джованны, и я позабочусь, чтобы тебя колесовали.

Я впервые осознала, что Джованна оказалась в западне. Но мне и в голову не приходило, сколько бедствий обрушится на нас вследствие этой искусной ловушки. Но что мне оставалось делать? Я очень любила Джованну, но сомневалась в ее любви ко мне и была уверена, что ее преступная страсть к Роберто ди Кабана перетянет чашу весов не в мою пользу. Конечно, я была ее служанкой, но по отношению к донне Филиппе я была невольницей и собственностью последней. И если бы она решила исполнить свою угрозу, ни одна рука в королевстве не поднялась бы в мою защиту.

Если я и предчувствовала, что мы все находимся на вершине вулкана, то мне оставалось лишь только молиться и вместе со всеми ждать извержения. Но я, по крайней мере, видела, как светится счастьем моя Джованна, когда идет к своему Роберто ди Кабана — не в

пример той заплаканной и подавленной Джованне, когда она направлялась в спальню принца Андрея или выходила оттуда.

Так мы прожили почти два года, пока весь триумфальный замысел донны Филиппы не рассыпался в пух и прах. А разрушителем грандиозных помыслов бывшей прачки стал ее собственный сын.

Глава 2

Прошло три года. Наша жизнь шла так, как того хотела донна Филиппа, и у нее не возникало сомнений о будущем. Казалось, что все хорошо и спокойно в Неаполитанском королевстве. Герцог и герцогиня Калабрийские казались воплощением семейного счастья. Король Роберт и его жена, донна Санча, радовались за внуков и не переставали обмениваться любезными посланиями с Будапештом. Повсюду царил мир.

Только самый ближайший круг знал, на какую скользкую дорожку ступила Джованна. Принц Андрей ничего не подозревал. Если жена не проявляла страстности в его постели, то он и не ожидал большего от женщины, считая это естественным. Свое свободное время Андрей посвящал охоте. Он исправно появлялся с принцессой на всех торжественных присмах, дабы утвердиться в положении будущего короля Неаполя, а супружеские обязанности выполнял пару раз в неделю. Джованну это весьма устраивало.

Но совсем не устраивало брата Робера, которого трудно было обмануть. Будучи доверенным лицом своего молодого господина, он очень хорошо понимал его натуру. Он имел свое представление о натуре Джованны. И то, что она покорно отдавалась мужу и не старалась его удерживать подле себя, как-то плохо сочеталось с представлениями брата Робера о герцогине.

Он, конечно, не подозревал всей правды. Но начинал беспокоиться о будущем, поскольку Джованна,

несмотря на все его увещевания, отказывалась расстаться со своей нянькой и ее семьей и настояла на том, чтобы им сохранили все их апартаменты в замке. Духовник ломал голову над этой загадкой и не мог найти ответа.

Не менее озадачены были и друзья по детским играм Джованны. Принцы крови не сомневались, что, как только у их обожаемой принцессы начнется семейная жизнь с этим варваром-венгром, от брака останется одно лишь название. И тогда в слезах и отчаянии она начнет искать человека, который действительно мог бы удовлетворить ее натуру. Людовик Тарентский, Роберт и Филипп Константинопольские и даже Карл Дураццо мечтали ответить на эти поиски, несмотря на всю опасность такой ситуации были готовы немедленно проявить необходимое понимание. Бертран Артуа, никогда не видевший герцогиню Калабрийскую, просто не мог сдержать вздоха восхищения. И что же? Их идол, их прелестная кузина неожиданно для всех вдруг превратилась в счастливую супругу. А другие мужчины едва достаивались улыбки или кивка головы.

В нашем катанийском лагере, если так можно выразиться, царило полное спокойствие. Мы, женщины, каждое утро собирались для шитья и болтовни. Как только герцог и его венгерская свита отправлялись на охоту, Джованна немедленно удалялась в спальню, куда проходил Роберто, и через час она присоединялась к нам снова, улыбающаяся и удовлетворенная.

Никаких особых обязанностей у нее в то время еще не было. Ее дед, король Роберт, считал Джованну еще слишком юной, чтобы посвящать ее в государственные дела.

Единственным членом нашей группы, кого серьезно затронул этот брак, оказалась я. Джованна перестала уделять мне внимание, наши детские ласки были забыты, страсть к Роберто захватила ее целиком. К тому же, по мнению донны Филиппы, я выполнила предназначенную мне задачу. Своим безошибочным чутьем катанійка заметила, что я про-

тивляюсь ее влиянию на мою хозяйку, считаю его вредным и не испытываю никакого уважения к самой донне Филиппе.

Удивительно, что она не продала меня сразу же. Но эта женщина никогда не шла напролом, предпочитая пусть извилистые, но зато верные пути. Она понимала, что за кажущимся равнодушием принцессы все еще могла скрываться привязанность ко мне, а конфронтации с Джованной донна Филиппа никоим образом не желала. Она решилась на простейшую уловку — ввести в королевскую опочивальню нового человека, чтобы отстранить меня еще больше.

— Совершенно невозможно, чтобы вам прислуживала при туалете и одевании простая невольница, к тому же иностранка, — заявила донна Филиппа Джованне. — Вам должна помогать девушка благородного происхождения и неаполитанка. У меня есть кое-кто на примете.

И она представила нам донну Канчу. С ее появлением судьба и рок обратились против нас.

Донна Канча была годом старше меня и соответственно двумя годами старше Джованны. Она была блондинкой, что большая редкость среди неаполитанок. Несомненно, цвет моих волос повлиял на выбор донны Филиппы. Но на этом наше сходство с донной Канчей заканчивалось. Даже волосы, хоть и одного цвета, у меня были прямые и длинные, а у нее завивались в мелкие кудряшки. Мое лицо обычно отличалось спокойствием и было чуть продолговатым, а ее округлая мордашка была всегда в движении, напоминая шаловливую обезьянку. Мы обе обладали соблазнительными формами, но по-разному использовали свое тело.

Однако самое разительное отличие заключалось в наших характерах. Я по своему складу была задумчива, серьезна и предусмотрительна. Иное дело донна Канча, которая постоянно бурлила, как подогретое вино. Что бы ни взбрело в эту сумасбродную голову, она сразу же все выбалтывала или бросалась осуществлять очередную задумку. Живая и веселая, она была

приятной компаньонкой, а в чувственных порывах не уступала Джованне. Она не прожила с нами и месяца, как уже соблазнила графа Терлицци. Нельзя сказать, что это особенно волновало графиню Терлицци, то есть донну Аврору, которая совсем не скучала в постели другого придворного. Таковы были в 1340 году нравы неаполитанского двора.

Появление донны Канчи, казалось, было завершающим штрихом триумфа катанийки, поскольку Канча была ее ставленницей. Меня еще более отстранили от принцессы, оставив на мне самые неприятные обязанности. Я подметала полы, выносила ночной горшок Джованны и редко когда получала в награду ее улыбку.

И если подчас мне доводилось и искать утешения среди пажей и гонцов, заглядывавших по мере надобности в нашу женскую обитель, то меня трудно в этом винить.

Летом 1342 года я впервые обратила внимание, что в Джованне что-то изменилось. Все дело было в Роберто ди Кабане.

Негодяй никак не соответствовал высокому положению королевского фаворита, коим он стал по воле его матери. В конце концов, он ведь был сыном простого невольника и по своему происхождению стоял еще ниже меня. Роберто был неспособен понять такую чуткую и тонкую душу, как Джованна, и даже не пытался это делать. Его случайный взлет и благополучие вскружили ему голову. О романтических чувствах он не заботился и не старался их поддержать. Конечно, Джованна быстро разочаровалась бы в нем, если бы не его искусство любовника. Такого удовольствия она ни с кем ни испытывала, и неудивительно, ведь кроме Роберто она делила ложе только с Андреем. И не пыталась найти Роберто замену.

Джованна была принцессой крови, к тому же будущей королевой. Небрежность в обращении с ней и грубость Роберто сильно задевали ее гордость. Мне не раз доводилось видеть слезы стыда и гнева на ее прекрасных глазах. Это был горький период моей

жизни. Хотя впоследствии мне пришлось пережить немало мучений, но потеря дружбы Джованны, пусть даже и временная, была для меня тяжелейшим испытанием.

Унижаемая своим любовником, Джованна металась и не видела выхода. Зато донна Канча, осознав, что происходит, задумала разрешить эту проблему. В эту взбалмошную голову неожиданно ударили амбиции. К тому же она была теперь приближенной служанкой Джованны, как когда-то я в детстве, и могла разговаривать с нею как подруга.

К тому же донна Канча не была невольницей и могла не опасаться возможной мести донны Филиппы. Конечно, Канча должна была бы быть благодарной катанийке за то, что та ввела ее во дворец. Но надо сказать, что в душе донны Канчи подобным чувствам было на редкость мало места.

— Быть любимой, — произнесла она однажды, — самое большое счастье, какое может выпасть на долю женщины. Разве я не права, ваша светлость?

Мы сидели втроем и старательно вышивали. Удовлетворив свою страсть, Роберто уже ушел, а вслед за ним удалились и его мать с сестрами. Донна Филиппа была спокойна за Джованну, оставляя ее под наблюдением донны Канчи и даже не подозревая, что последняя-то их и предаст.

— Быть любимой, — вздохнула Джованна.

— Разве вас не любят, ваша светлость?

— А разве да, Канча?

— Конечно, ваша светлость, вас любят все мужчины Неаполя. И многие гораздо сильнее, чем вы представляете. Но кто осмелится говорить вам о любви, если ваша светлость только и думает, что о Роберто ди Кабане?

— Разве, Канча?

— Неужели вы не хотите говорить о своем любимом, ваша светлость?

— О любимом? — Джованна опустила вышивание. — Ты так считаешь? О, Роберто владеет только моим телом, а все остальное...

— Он бессердечный негодяй! — поспешно выпалила Канча. — Так огорчать мою госпожу!

— Увы, дорогая Канча, и все же он мой любовник, хозяин и господин моего тела. Моя жизнь принадлежит ему.

— Но какая в этом необходимость?

Джованна уставилась на нее.

— Вам нужна любовь, ваша светлость. Ясно, что вы не найдете ее в объятиях вашего мужа. Но неужели вы все еще находите любовь в объятиях этого грубияна Роберто?

— Разве у меня есть выбор? — опять вздохнула Джованна.

— Да сколько угодно, ваша светлость. Я, например, знаю человека, который боготворит вас и отдал бы десять лет жизни за право войти в вашу спальню и как мужчина показал бы себя куда лучше, чем мог бы сам Роберто ди Кабане.

— Ты говоришь о Боге, Канча?

— Нет, о кузене, ваша светлость. О вашем кузене. Джованна нахмурилась.

— У меня много кузенов.

Канча покосилась на меня. Я сидела в углу, низко склонив голову над вышиванием. Впрочем, как и все другие, она не придавала моей персоне большого значения, но для осуществления ее замысла ей нужна была помощница.

— Я говорю о Бертроне Артуа.

Джованна вскинула голову.

— Разве он не вдвое красивее этого мавра? — продолжала Канча. — И раза в четыре галантнее, в восемь раз приятнее, в двенадцать раз более влюблен в вас и в сто раз благороднее по происхождению, разве не так?

— Бертран, — тихо произнесла Джованна, — если бы я могла поверить...

— Поверьте, ваша светлость. Поверьте! И дайте ему возможность доказать свою любовь.

— Бертран... — еще раз задумчиво повторила Джованна. — Но как это устроить...

— Я возьмусь за это, — заверила донна Канча. — Ричильда мне поможет.

Я и моя госпожа сделали еще один шаг по пути в ад.

Когда пришло время, оказалось не столь уж сложным уложить Бертрана Артуа в постель принцессы. Новый замок славился огромным количеством потайных лестниц и коридоров. Этот лабиринт был прекрасно изучен к тому времени и мною, и донной Канчей. Я, естественно, должна была выполнить предназначенную мне Канчей роль.

Я была единственной, кому Канча решилась довериться. Замена Роберто Бертраном таила страшную опасность для всех нас. Могла разразиться буря, способная поломать наши судьбы и привести всех нас к страшному концу. О том, что большинству из нас он уже уготован, мы и не думали. Оптимизм молодости!

Положение усложнялось еще и тем, что Джованна не решалась расстаться со своим нынешним любовником. И хоть он и не был уже столь желанным, но по-прежнему удовлетворял ее страсть, в то время как предлагаемый кандидат мог на поверку оказаться малодостойной заменой. Время шло. Бертран через Канчу передавал принцессе нежные послания, которые она старательно прятала и с удовольствием читала нам с Канчей в часы досуга. Наконец Джованна объявила, что готова попробовать.

В тот день Джованна, как обычно, допустила утром Роберто в свою опочивальню. В тот момент я провела Бертрана потайным ходом, и мы спрятались с ним под лестницей в коридоре, прилегающем к спальне принцессы. Бертран был полон тревожного ожидания и тискал меня не переставая. Я, естественно, не отталкивала его, поскольку он был симпатичный юноша и принц крови. К тому же я понимала, что ему следовало как следует возбудиться, чтобы не оплошать в спальне Джованны. Однако, блуждая руками по моей груди, он так возбудился, что я стала опасаться, как бы дело не кончилось раньше, чем он коснется принцессы. К счастью, тут показалась голо-

ва Канчи, она сделала нам знак, и мы выбрались из тайника, последовав за нею в спальню Джованны.

Когда мы вошли, Роберто уже покинул комнату. Джованна лежала под одеялом, явно нагая и столь же явно неудовлетворенная.

Бертран с трудом поклонился, испытывая благоговейный страх, во-первых, из-за присутствия столь желанной красавицы, его ожидающей, и во-вторых, из-за своего сильно возбужденного состояния, в которое его привела наша возня в коридоре. Канча и я присели в реверансе.

— Как я поняла, вы хотели обсудить со мною какой-то личный вопрос, кузен, — мягко сказала Джованна.

Бедный Бертран остался нем и только выразительно взглянул в нашу сторону.

— Оставьте нас, сударыни, — скомандовала Джованна, — и проследите, чтоб меня никто не беспокоил, пока я не позвоню.

Мы вновь присели в реверансе и вышли из комнаты. Наступила самая опасная часть приключения. Мы сидели, вышивали и переглядывались. В последнее время у нас был устоявшийся распорядок дня, и потому до самого обеда мы не ожидали прихода ни Роберто, ни донны Филиппы или ее дочерей. Они считали, что настолько держат Джованну в своих руках, зная, как она развлекается, покинув постель мужа, что им и в голову не приходило поинтересоваться, чем же занимается Джованна после того, как Роберто покидает ее постель. Итак, мы с Канчей изредка обменивались улыбками единомышленниц, сидели и вышивали до тех пор, пока наконец не прозвенел звонок.

Мы вернулись в спальню. Джованна так и сияла от любви и удовлетворенной страсти. Бертран казался ошеломленным, но не менее счастливым. Мне предстояло вывести его из замка, и пока он следовал за мной по лестницам и коридорам, Бертран без устали повторил: «Я люблю ее», — то ли для себя, то ли для меня.

Теперь оставалось завершить второй этап заговора. На следующий день в ответ на очередную грубость Роберто Джованна дала волю своему гневу. Даже мы с Канчей, знавшие о предстоящем демарше, были поражены неистовой силой, с какой звучал грозный голос за закрытой дверью спальни.

Роберто попробовал было отвечать в том же тоне. У этого простака не хватило мозгов на большее. Шум ссоры становился совершенно невообразимым. Донна Филиппа, а за нею и ее дочери бросились в спальню Джованна. Канча и я последовали за ними и стали свидетелями непередаваемой сцены. Моя госпожа в одной рубашке сидела на кровати и властно указывала на дверь.

— Ваша светлость, — протестующе воскликнула донна Филиппа, — что случилось?

— Ваш сын слишком часто оскорблял меня, синьора, — заявила Джованна, — я не желаю больше его видеть.

Филиппа стояла как громом пораженная. Затем она обернулась к Роберто.

— Я ничего не сделал, всего лишь...

— Молчи, негодяй, — приказала Джованна, — пока я не отправила тебя на виселицу.

Было видно, что даже на смуглом лице Роберто проступила бледность, а его сестры в испуге прижались друг к другу. Зато его мать была на высоте.

— Сделайте это, ваша светлость, — произнесла она, — и мы все будем осуждены.

Джованна величественно взглянула на нее.

— Я герцогиня Калабрийская, — заявила она, — и осудить меня может только его святейшество Папа.

Вполне справедливое заявление. Мы с Канчей невольно повторили движение графинь и схватились за руки, ведь, чтобы осудить нас, разрешения Папы отнюдь не требовалось.

— Однако, синьора, — холодно продолжала Джованна, — я слишком великодушна, чтобы забыть, что вы были моей воспитательницей и что я называла вас матерью. Я буду продолжать звать вас так

и дальше. Но ваш сын более не переступит порога моей спальни.

Филиппа склонила голову.

— Вы также отстраняете и меня с семьей, ваша светлость? — тихим голосом спросила она.

— Мы дали клятву оставаться вместе и держаться друг друга, — напомнила Джованна, — а я не забываю своих клятв. Мое распоряжение касается только вашего сына. Он больше не появится в моей спальне.

— Как прикажете, ваша светлость, — произнесла Филиппа и увела поникшего Роберто подальше от Джованны.

Мы ничуть не обольщались реальностью своей победы. Если катанийка и была потрясена неожиданным крушением своих планов, то по тону, каким отвечала ей Джованна, донна Филиппа поняла, что принцесса осознает и опасность собственного положения. А это означало, что Филиппа может не беспокоиться за свою судьбу и будущее своих детей. А раз так, то трезвый ум катанийки тотчас же принялся за работу. Она слишком хорошо знала человеческую натуру, а уж тем более прекрасно изучила Джованну. Для нее не составило труда понять, почему Джованна пошла на столь резкое изменение положения.

Вскоре донна Филиппа выяснила, кто именно заменил Роберто ди Кабана в спальне Джованны. Этого мы больше всего и опасались, ожидая теперь упреков и обвинений. Как ни странно, ничего подобного не последовало. Казалось, донна Филиппа хладнокровно переживает свое поражение, довольствуясь ролью бывшей гувернантки принцессы.

Только вот мне это показалось подозрительным. Джованна была по уши влюблена в своего Бертрана. Донна Канча, решив, что катанийка не подозревает о ее роли в смещении Роберто, вновь принялась за свои сумасбродства. Но моя интуиция подсказывала, что не все так просто и спокойно, как могло показаться

на первый взгляд. Я чувствовала, что донна Филиппа и ее отпрыски лишь ждали своего часа, чтобы вновь подчинить себе мою госпожу.

Меня также не покидало чувство, что и в венгерском лагере зародились некоторые сомнения. Не у всех, конечно. Принц Андрей был даже глупее Роберто. Но у него был лакей, неаполитанец по имени Томассо Паче, и этот был совсем не дурак. Да еще и брат Робер. Духовник и лакей не могли не знать, что Джованна не находит радости со своим мужем. И в то же время она часто бывала в самом радужном настроении. Это настораживало, и я боялась, что лакей или духовник могут разнюхать правду.

Последствия было совсем не трудно себе представить.

Но прежде чем это случилось, произошло еще одно событие, полностью завладевшее всеми умами. Все внимание обратилось в другую сторону. В какой-то степени нечто подобное ожидалось уже давно: король Роберт заболел, и стало известно, что он более не встанет.

Болезнь короля обострялась очень быстро. Как только он слег, обе принцессы оказались сразу в центре внимания. Забыты были флирты. Мы, из ближайшего окружения, продолжали автоматически, как заведенные, выполнять свои обязанности с вытянутыми лицами и напряженно работающими головами. Моя, во всяком случае, была явно перегружена. Не было сомнений, что ни принцев крови, ни венгерских дворян не интересует умирающий король. Всех гораздо больше волновало, что будет потом, когда он перейдет в мир иной.

Похоже, что эта озабоченность будущим необъяснимым образом передалась и самому королю. На третий день болезни он созвал к себе всех членов своей семьи. В тесноте и давке можно было не опасаться, что заметят парочку посторонних, так что мы с Канчей воспользовались случаем и затерялись позади всех

в толпе, чтобы понаблюдать за происходящим. Стоит ли говорить, что донна Филиппа и Роберто ди Кабоне тоже присутствовали, спрятавшись, как и мы, за спинами присутствовавших.

Не думаю, что когда-либо до этого дня или потом дом Анжу собирался в таком составе и притом в одной комнате. Или все высшее общество Неаполитанского королевства. Рядом с ложем короля Роберта стояла его жена донна Санча вместе с внучками — Джованной, герцогиней Калабрийской, и принцессой Марией. Принц Андрей стоял рядом с женой и держал ее за руку. Из-за его плеча виднелась противная физиономия брата Робера.

Карл Артуа, граф д'Ар, двоюродный брат короля, стоял со своим сыном Бертраном Артуа. Юноша не мог глаз отвести от Джованны и ее мужа; в этом взгляде смешались любовь и ненависть.

Карл Дураццо стоял рядом со своей матерью, вдовствующей герцогиней Агнессой, и двумя младшими братьями — Лодовико, графом де Гравина, и Робертом, принцем Морейским.

Екатерина Константинопольская прибыла с тремя сыновьями: Людовиком Тарентским, Робертом Константинопольским и Филиппом Константинопольским.

В ногах кровати стоял синьор Америк, папский легат и кардинал Сен-Мартен-де-Монтский. Рядом с ним находились высшие чины королевства: дон Филип де Кабассоле, епископ Кавайонский, вице-канцлер королевства; дон Филип Сангинетто, сенешаль Прованса и один из соратников короля; и Годфри ди Марсан, граф Скуиллаче, адмирал королевства.

И многие другие.

Как только все собрались и покашливанье, шарканье ног и шуршанье платьев начали стихать, король подал знак присутствующим докторам, и они приподняли его подушки так, чтобы он мог говорить полусидя.

Несколько секунд король Роберт тяжело дышал, набираясь сил, чтобы начать свою речь. Воспользо-

вавшись паузой, я обвела взглядом всю сцену. Зрелище поистине вызывало благоговение. Был уже поздний вечер, и в сгущавшихся сумерках горящие свечи и факелы отбрасывали мерцающий свет, выхватывая из темноты и освещая то одно, то другое лицо. Кровать под балдахинем с расшитыми золотом занавесками и покрывалом казалась огромной. Тем бледнее выглядело изможденное, осунувшееся лицо великого монарха, дышавшего с огромным трудом. На лицах окружавших его людей были самые разные эмоции. Одни смотрели угрюмо, на иных мелькало выражение страха, а то и презрения. И все же серьезность момента наложила свой отпечаток на всех присутствующих, ибо решалась их дальнейшая судьба.

Наконец король собрался с силами и заговорил:

— Друзья мои и родственники, я пригласил вас сюда, чтобы вы выслушали мою последнюю волю. Я заклинаю вас всех строго исполнить мой наказ, дабы не настигло вас мое вечное проклятие. Я ухожу от вас слишком рано. Моя дорогая внучка, — тут король улыбнулся Джованне, — еще слишком молода, чтобы взять в свои руки бразды правления нашим благословенным королевством. Поэтому я завещаю вам быть поддержкой и опорой королеве Джованне, а также ее мужу, принцу Андрею.

То, что король упомянул Андрея в самом конце вступления и назвал его принцем, а не королем, хотя Джованна была объявлена королевой, не ускользнуло от внимания присутствующих. Опять зашаркали ноги, послышалось покашливанье, состоялся обмен взглядами.

— К моей великой радости, — продолжал король Роберт, — моя жена донна Санча, несмотря на искреннее желание принять постриг и окончить жизнь в стенах монастыря, согласилась остаться в миру на один год после моей смерти и помочь королеве Джованне, разделив с нею нелегкое бремя власти.

Король перевел взгляд на донну Санчу, обнимавшую за плечи свою внучку.

— А теперь выслушайте мое завещание. — Король подал знак вице-канцлеру. Последний развернул достаточно внушительный свиток и звучным голосом начал читать:

— Я, Роберт, волей Божьей король Сицилии (надо сказать, что Анжу и не думали отречься от старого титула) и Иерусалима, владетельный граф Прованса, Форкалкира и Пьемонта, наместник святой Римско-католической церкви, объявляю и провозглашаю своей единственной наследницей, королевой Сицилии по обе стороны Фароса, а также владетельной графиней Прованса, Форкалкира и Пьемонта, Джованну, герцогиню Калабрийскую, старшую дочь ныне покойного благородного герцога Карла Калабрийского, светлая ему память.

Вице-канцлер откашлялся.

— И я объявляю и провозглашаю благородную девицу Марию, младшую дочь упомянутого герцога Калабрийского, наследницей моих владений — графства Альба, долины Грати и владения Иордана, со всеми замками и к ним приписанными поселениями; я завещаю вышеупомянутой герцогине Калабрийской или ее наследникам передать вышеназванной Марии, ее сестре, или ее наследникам все права на названные мною земли или же компенсацию на сумму в десять тысяч унций золота; в этом случае упомянутые земли останутся во владении герцогини и ее наследников.

Далее, я завещаю и желаю, по причинам, одному мне ведомым, чтобы вышеназванная Мария сочеталась браком с благороднейшим и светлейшим принцем Людовиком, королем Венгерским. Если же данный брак не сможет состояться по причине возможного подписания брачного контракта между королем Венгрии и дочерью короля Богемии, я завещаю, чтобы Мария отдала свою руку в браке старшему сыну благороднейшего Иоанна, герцога Нормандского, старшего сына правящего короля Франции.

Далее, я желаю и завещаю, чтобы графства Форкалкир и Прованс оставались неизменно и вечно в

составе моего королевства под управлением одного владетеля как единая вотчина при любых обстоятельствах, даже если среди наследников будут братья и сестры. В этом залог процветания и безопасности как королевства, так и упомянутых графств.

Последние слова показали, что несчастный король уже утратил чувство реальности. При приближении смерти он пытался определить будущее «на все времена», как будто это было в его власти.

— Я далее завещаю и желаю, чтобы донна Санча, преподобный отец дон Филип де Кабассоле, епископ Кавайонский, вице-канцлер королевства Сицилийского, а также благородные лорды Филип де Сангинетто, сенешаль Прованса, и Годфри ди Марсан, граф де Скуиллаче, адмирал королевства, вместе с Карлом Артуа, графом д'Ар, были регентами, наставниками и опекунами названных Андрея, Джованны и Марии, пока каждый из них не достигнет возраста двадцати пяти лет.

Оглашение завещания завершилось. Король, лежавший все время без движения, пошевелился, открыл глаза и произнес:

— Пусть тот, кто воспротивится моей воле, сгорит в вечном огне. Следи за этим, Людовик Тарентский...

Рука короля с неожиданной силой приподнялась и указала на принца. Юноша в изумлении отступил.

— ...и ты, Роберт Константинопольский...

Указующий перст переместился.

— ...и ты, Филипп Константинопольский... И ты, Карл Дураццо...

Рука упала обратно на кровать. Глаза короля закрылись. На минуту всем присутствующим показалось, что последнее усилие истощило силы короля и что он уже мертв. Но вот его глаза вновь приоткрылись, король оглядел присутствующих и произнес слабым голосом:

— Принесите присягу верности вашей королеве.

Знатные лорды немедленно склонили головы и преклонили колени, произнося слова присяги. За ними

последовали принцы крови, и первым преклонил колени пред Джованной Карл Дураццо.

— Вам, моя королева, приношу я клятву верности, — произнес он, одновременно бросив столь презрительный взгляд в сторону принца Андрея, что в его значении не оставалось никаких сомнений.

После присяги король сказал:

— Оставьте меня.

Все поспешили разойтись, каждый по-своему переживая происшедшее. Андрей в тот вечер даже не пришел к принцессе. Он всю ночь строил планы, сидя с Робером. Джованна была совершенно разбита и едва смогла уснуть. Незадолго до рассвета печальный колокол возвестил о кончине короля. Члены Регентского совета постучали в дверь наших апартаментов, чтобы сообщить герцогине Калабрийской, что отныне она является королевой Неаполя.

На улицах раздавались громкие крики «Да здравствует королева Джованна!», заглушая слабые возгласы венгров «Да здравствует король Андрей!».

Следующая неделя была полна печальных хлопот, ибо в теплом климате Средиземноморья тело даже величайшего из монархов (несмотря на бальзамирование) не может оставаться непогребенным более недели. Через семь дней после смерти король Роберт был похоронен в церкви Святой Клары, которую он сам же и основал и куда были доставлены две колонны из самого храма Соломонова, что в Иерусалиме. Его погребли рядом с алтарем и рядом с могилой его сына, Карла Калабрийского. Под звуки Те Деум народ Неаполя проводил в последний путь благороднейшего рыцаря и достойнейшего человека, который к тому же был их королем.

Мы вернулись в Новый замок в расстроенных чувствах. Похороны короля наводили на мысль о бренности земного величия. Королеву обременяли еще и тревожные мысли о будущем. Регентский совет собрался было на свое первое заседание сра-

зу же по возвращении с похорон. Но как только Джованна, донна Санча и лорды заняли свои места, дверь распахнулась и на пороге комнаты появился принц Андрей, брат Робер и несколько венгерских дворян, включая отъявленного негодяя Конрада де Гольта с требованием допустить Андрея к участию в заседании. Напрасно епископ Кавайонский пытался увещевать их, настаивая, что воля покойного короля не предусматривает ничего подобного и что в свои права Андрей вступит после коронации его супруги.

Венгры отказались подчиниться, и заседание не состоялось. Происшествие только подкрепило намерение епископа короновать Джованну как можно скорее.

Джованна вернулась в апартаменты усталая и опустошенная. В ней разгоралась ненависть к Андрею.

— Я не допущу его сегодня к себе, — твердила она, — ни за что.

— Конечно, ваше величество, ведь вы в трауре... — согласилась донна Канча.

— Но я нуждаюсь в утешении. Позовите Бертрана.

— Как, сейчас, ваша светлость? Но ведь скоро ужин.

— Сейчас, — заявила Джованна, — я не выживу без него и минуты.

— Но если придет принц?

— Отошлите его.

Мы с Канчей переглянулись. Но Джованна была королевой, и ее желание было приказом. Я пошла разыскивать Бертрана, который, надо сказать, тоже оторопел от столь неожиданного призыва и так скоро после смерти короля. Однако не посмел воспротивиться королевскому приказу; и ведь он не был у Джованны с первого дня болезни короля Роберта, а это было уже десять дней назад. Я провела его переходами в спальню моей нетерпеливой госпожи, после чего мы с Канчей перешли в приемную и принялись за рукоделие. Не прошло и пяти минут, как послы-

шались шаги, дверь распахнулась, и на пороге появился принц Андрей с братом Робером.

— Я виноват перед моей дорогой женой, — произнес принц Андрей, — я поссорился с нею, когда она так опечалена тяжелой утратой. Мы все скорбим вместе с нею.

Он нахмурился и сурово взглянул в нашу сторону.

— Где ее светлость?

При их появлении мы обе вскочили, а теперь присели в реверансе.

— Королева Джованна удалилась на отдых, монсиньор, — произнесла Канча с завидным спокойствием.

У меня же сердце буквально стучало от страха и волнения.

— Я пройду к ней и буду молить о прощении. Наши объятия помогут забыть размолвку.

Он шагнул к двери спальни. Я быстро прошептала в уме слова молитвы «Аве Мария» в полной уверенности, что наш смертный час пробил. Но Канча, несмотря на все ее недостатки, все же обладала известным мужеством. Она решительно выступила вперед.

— Монсиньор, королева очень утомлена, и она приняла снотворное. Мне строжайше приказано никого не пускать к ней. Прошу вас, если вы не желаете расстроить госпожу еще сильнее, вернитесь к ней чуть позже. Она отдохнет и встретит вас с улыбкой.

Принц замешкался, проявляя обычную для себя нерешительность.

— Женщина, ты осмеливаешься стать между мужем и женой? — угрожающе проговорил брат Робер.

— Святой отец, я выполняю указание моей госпожи, — упрямо повторила Канча, — и к тому же королева Джованна крепко спит, а это значит, что я не преграда между нею и принцем Андреем. Как только она проснется, я немедленно сообщу ей, что монсиньор желает ее видеть.

— Ты слишком много на себя берешь, женщина, — еще суровее нахмурился брат Робер.

— Я не ишу новой ссоры, отец мой, — примирительно сказал Андрей, — мы удалимся, но я надеюсь встретиться с супругой после ужина, синьорита.

Канча присела в реверансе, я проделала тоже самое, венгры ушли, и тут мы посмотрели друг на друга. Только тогда наконец выяснилось, что Канча вовсе не является воплощением холодного спокойствия. Она бросилась мне на шею, судорожно сжимая меня в объятиях.

— Может быть, следует предупредить Джованну? — спросила я.

— У нас еще есть время. Она сейчас во власти любовных чар. Прервать акт любви — грешно, к тому же она разгневется. Ничего, мы подождем.

Беспечная развратница! Мы вновь принялись за рукоделие, и тут вновь послышались шаги. Дверь распахнулась, и мы оторопели, увидев донну Филиппу и Роберто ди Кабане.

Я сразу поняла, что мы пропали. Пытливый и расчетливый ум катанийки не знал жалости. Нет сомнений, что она мечтала о реванше с самого своего поражения.

Она, очевидно, держала королевские апартаменты под неусыпным контролем и только ждала подходящего момента.

Я заметила, что в руках у нее были два свитка, будто она собиралась предъявить петицию. А может, это был ультиматум?

— Синьора, — заговорила Канча, готовясь к новой схватке, — как мило с вашей стороны, что вы зашли. Увы, ее светлость отдыхает.

— Я должна немедленно видеть королеву, — отрезала донна Филиппа, никак не реагируя на приветствие.

— Синьора, ее светлость приняли снотворное и почивают. Она просила ее не беспокоить.

— Брось ерунду городить, Канча, — бросила донна Филиппа и твердо шагнула в сторону спальни, — я должна видеть королеву.

— Синьора! — Канча попыталась преградить ей путь, но Роберто быстро перехватил ее и оттеснил в

сторону. Я было вцепилась в негодея сзади, но резкий удар локтем в живот отбросил меня на пол. Пока мы с Канчей собирались с силами, нянька с сыном уже ворвались в спальню.

Я с трудом поднялась и протиснулась в комнату вслед за ними. Джованна сидела на постели, натянув простыню до подбородка. Ее прекрасные волосы рассыпались по плечам, щеки пылали, а глаза полыхали гневом. Больше в спальне никого не было.

Катанийка была изумлена и отшатнулась, что еще больше укрепило меня в моих подозрениях. Она точно знала, что Бертран должен находиться в опочивальне Джованны. И бедолага не замедлил обнаружить свое присутствие — занавеси в изголовье кровати раскачивались взад-вперед, выдавая его с головой. Похоже, от страха принц дышал слишком часто.

Филиппа, конечно, сразу же заметила столь необъяснимое явление. Сквозняка в спальне быть не могло, все окна были тщательно заделаны.

Джованна, к сожалению, не могла видеть, что происходит у нее за спиной. Она дала волю гневу.

— Синьора, как вы посмели потревожить меня, ворвавшись ко мне без разрешения?

Филиппа присела в глубоком реверансе, а Роберто поклонился. Он тоже обратил внимание на занавеси. Я давно уже ненавидела эту парочку, а сейчас была просто готова убить их. Моя госпожа была в их власти, и они намеревались этим воспользоваться.

— Смиренно прошу вас простить меня, — проговорила Филиппа, — но мой сын и я хотели быть уверены, что вы оправились от переживаний.

— Оправиться после такого дня? — Взгляд Джованны смягчился, но, посмотрев на Роберто, она вновь нахмурилась. — Сейчас мое единственное желание — это покой и отдых.

— Конечно, конечно, ваша светлость, вам надо отдохнуть, — вновь присела в реверансе катанийка, — но я молю вас оказать нам милость.

— Говорите, — приказала Джованна, все еще не подозревая, в какой ловушке она оказалась.

— Мой милый сын, — начала донна Филиппа, — столь долго пользовавшийся вашей благосклонностью, отвергнут вами и лишен счастья быть в числе ваших приближенных. Но у него нет ни состояния, ни титула, и для двора он стал предметом насмешек. Неужели ваша светлость столь жестока, чтобы обречь его на рабское и унижительное существование? Разве не достоин он вашей милости за свою долгую и верную службу, столь вам приятную в прошлом?

— Он получит пенсию, — решила Джованна.

— Деньги не главное для моего мальчика, — продолжала донна Филиппа, — ему нужен титул, который позволил бы ему чувствовать себя на равных с другими придворными.

— Титул? Какой еще титул? — Голос Джованны отдавал зимней стужей.

— Мы подумали, что ему бы подошел титул графа Эболи, — скромно заметила донна Филиппа.

— Граф Эболи? Да вы с ума сошли! — вскричала Джованна.

Титул графа Эболи был одним из высочайших в королевстве. Правда, в тот момент он действительно никому не принадлежал.

— Разве это столь большая награда? Вспомните, сколько счастливых минут мой сын подарил вам, ваша светлость! — запротестовала Филиппа. — Это будет ваш ответный дар! Даже принц Андрей, а ведь он, между прочим, все еще в замке, наверняка согласится с моей нижайшей просьбой. Может быть, позвать его сюда?

Джованна начала понимать, что донне Филиппе известно о присутствии здесь Бертрана. Глаза ее блеснули так грозно, что мы с Канчей в ужасе прижались друг к другу, представив себе возможные последствия. Ведь если Андрей явится сюда и обнаружит Бертрана... Он имел бы все права оскорбленного мужа.

Филиппа выдержала взгляд королевы с завидным спокойствием. Она сознавала свою силу, и Джованна начинала это понимать.

Прекрасные глаза королевы затуманились.

— Хорошо, синьора, — произнесла Джованна, — если уж вы так ставите вопрос, я подумаю об этом. Обещаю вам представить вашу просьбу на следующем совещании Регентского совета.

Донна Филиппа улыбнулась. Она прекрасно распознала ловушку и не собиралась туда попадать.

— Но это совсем не обязательно, ваша светлость, все, что вам нужно сделать, — это подписать жалованную грамоту. Она у меня с собой.

И она развернула один из свитков, что держала в руках.

Глаза Джованны снова полыхнули гневом, но она заговорила спокойным голосом:

— Я не имею права присваивать графский титул кому бы то ни было без согласия моих регентов.

— Чушь и ерунда, ваша светлость! — воскликнула Филиппа прежним тоном няньки и гувернантки. — Вы королева Неаполя и имеете право делать все, что вам угодно. Естественно, — поспешила добавить она, — в рамках законов королевства и устоев брака. Я уверена, что принц Андрей, если бы я пригласила его сюда, абсолютно бы согласился со мной в том, что чем скорее вы начнете исполнять обязанности королевы, тем лучше для королевства.

Джованна дрожала от бешенства. Не говоря ни слова, она протянула руку к ненавистой бумаге и взглянула на меня. Я подала ей перо, обмакнув его предварительно в чернила, и книгу — ее Библию, — чтобы она могла на ней писать. Сердце мое обливалось кровью. В душе я давала себе страшные клятвы отомстить катанийке за мою Джованну. Впрочем, я могла бы не беспокоиться. Своими интригами эта дьяволица сама рыла себе могилу.

Но в ту минуту она полностью была хозяйкой положения.

— Благодарю вас, ваша светлость, — проговорила она, помахивая пергаментом, чтобы высохли чернила, — я и мой сын — ваши вечные должники.

— В таком случае оставьте меня, — сказала Джованна, — и больше не являйтесь без приглашения.

— Как прикажете, ваша светлость, — ответила Филиппа, — но есть еще одна маленькая просьба.

— Синьора! — воскликнула Джованна. — Вы заходите слишком далеко.

Филиппа поклонилась.

— Я говорю о политическом вопросе, ваша светлость, — заговорила она. — Граф Эболи считает, что мог бы верой и правдой послужить отечеству и вам лично, — здесь она бросила презрительный взгляд на вздрагивающие занавеси, — он не из тех людей, кто предпочитает почить на лаврах, развлекаясь и дурачась. Он хотел бы получить службу, где бы мог послужить вашей светлости с присущей ему преданностью.

— Он получит назначение в мою армию, — произнесла Джованна, — и я позабочусь о войне, в которой он мог бы доблестно сражаться за меня. И... кто знает? Быть может, геройски пасть. Это ли не почетная награда при его гордости?

Филиппа никак не отозвалась на столь мрачную шутку.

— Граф был бы более полезен вашей светлости в ином деле, — заявила она. — Пост главного сенешаля королевства свободен уже несколько лет...

— Вы точно сошли с ума! — воскликнула Джованна. — Чтобы этот... — она бросила презрительный взгляд на Роберто, — стал главным сенешалем?

— Вы хотите обидеть моего сына, ваша светлость. Разве его отец не был главным сенешалем? Так оценил его заслуги наш покойный король, упокой Господи души их обоих, не посчитав возможным передать кому-нибудь этот пост после смерти моего мужа. И кто же более достоин занять этот пост, нежели сын предшественника?

— Тогда он будет присутствовать на моем совете. И вы, без сомнения, тоже, синьора. Меня это совсем не устраивает.

Филиппа склонила голову.

— Я уверена, что ваша светлость пожалеет о столь непродуманном решении. Но поскольку этот вопрос очень важный, мне думается, вы захотите пересмотреть его, посоветовавшись с мужем. Роберто, дорогой, — обратилась она к сыну, — поспеши за принцем Андреем и скажи ему, что королева теперь не только готова его принять, но и желает обсудить с ним вопрос огромнейшей важности.

Роберто направился было к двери, но возглас «Подождите!» остановил его.

Роберто стоял, держась за ручку двери.

— Я не имею права назначать кого-либо на пост главного сенешаля королевства, — сказала Джованна, — но я буду рекомендовать совету назначить на этот пост вашего сына, синьора.

— Все в вашей власти, ваша светлость, — настаивала Филиппа, — вам нужно лишь поставить свою подпись еще один раз.

И она протянула Джованне второй свиток.

Джованна посмотрела на нее так, что любой другой почувствовал бы трепет, но только не катанийка. Бывшая прачка не выказала и тени тревоги. Рука, державшая пергамент, не дрогнула.

— Это ваше последнее требование, синьора? — Голос Джованны был чуть слышен.

— Последнее, ваша светлость, — заверила Филиппа.

Джованна вновь взглянула на меня, и я опять обмакнула перо в чернила. Она второй раз начертала свое имя. Пергамент перекочевал к катанийке.

— Желаю вашей светлости приятного отдыха, — присела в реверансе донна Филиппа, после чего они с Роберто удалились.

Дверь еще не закрылась, как Бертран уже выскочил из укрытия.

— Подонки! — вскричал он, сжимая кулаки. — Я немедленно отправлюсь за ними, вызову ди Ка-

бане на поединок, убую и растопчу останки этой твари!

— Нет, Бертран, — Джованна схватила его за руку, — вы не можете искать с ним ссоры. Иначе наша тайна станет известна. Наша преступная тайна. Лучше дожидаться более благоприятного момента и тогда расправиться с ними.

Он замешкался и, как всегда, не мог противостоять своей возлюбленной. Канча и я перевели дыхание. Кризис, по крайней мере на данный момент, миновал. Хотя не было сомнений, что Джованна еще более запуталась в сетях, куда ее заманила собственная страсть.

А на нас тем временем надвигался новый удар. Джованна должна была исполнять королевские обязанности, поскольку она была королевой, и хотя ей позволено было провести месяц в одиночестве и трауре по деду, на пятое воскресенье после его смерти она должна была появиться перед народом и присутствовать на мессе в соборе Святого Джованни, ее святого-покровителя. Хотя я и называла королеву на английский манер Иоанной, по-итальянски ее имя звучит как Джованна.

Событие стало поводом для политического мероприятия. Мы с донной Канчей в новых черных платьях и Джованна, тоже в черном туалете, отделанном бархатом, строгость которого оттеняла золотая перевязь в волосах и белый шелковый воротничок, спустились по лестнице во двор, где нас ждали принц Андрей с братом Робером, как вдруг послышался шум и топот копыт.

Подъемный мост уже был опущен для нашего выезда. Мы увидели, что нам навстречу скачут Людовик Тарентский с братьями, Карл Дураццо и его братья, иные знатные дворяне королевства, включая графов Терлицци и Морконе. Все они были в боевом снаряжении и бряцали оружием. С громкими возгласами принцы и дворяне окружили королеву.

— Что это значит, монсиньоры? — Джованна обернулась к Карлу Дураццо, прирожденному лидеру любой толпы. — На нас напали враги?

— Мы прибыли сопровождать вашу светлость в собор, — ответил Карл, поднимая забрало и низко склоняясь перед королевой.

— Как это мило с вашей стороны, монсиньоры, — и она одарила каждого той своей улыбкой, что могла бы расплавить даже каменное сердце, — но разве я в опасности?

— Мы прибыли приветствовать нашу королеву, — звучным голосом произнес Карл Дураццо, помогая Джованне сесть в седло. Она ехала верхом по-мужски, ибо женское седло было введено в Европе лишь несколько лет спустя. Карл Дураццо занял свое место справа от нее, а Людовик Тарентский — слева.

— Дорогу принцу Андрею, отойдите! — бушевал брат Робер, но его оттолкнули братья Людовика, заняв места сразу же вслед за королевой.

— Вперед! — скомандовал Карл, и кавалькада пришла в движение. Джованна ехала между своими кузенами.

— Карл, надо дать место моему мужу, — запротестовала королева.

— Вы — королева Неаполитанская. Народ хочет видеть свою королеву, — напористо произнес Карл Дураццо, — а не какого-то там венгерского увальня, — добавил он.

Джованна подчинилась. За нашу жизнь мы стали так близки с ней, как только могут быть лучшие подруги. Никто и никогда, ни в прошлом, ни среди ныне живущих, не знал и не понимал Джованну лучше меня. И я могу с полной уверенностью сказать, что уж в слабости характера ее нельзя упрекнуть. Если Джованна принимала решение, ничто не могло заставить ее от него отказаться. Другое дело, что подчас она слишком поддавалась чужому влиянию, если не могла решиться на что-либо сама. Так было и в этом случае, хотя нет сомнения в том, что Карл Дураццо затронул в ее душе очень чувствительную струну.

Итак, мы выехали из Нового замка и продвигались по улицам Неаполя. Огромные толпы собравшегося

народа приветствовали нас такими восторженными криками, что стаи испуганных чаек поднялись с мола, воспарив над заливом. Наша процессия выглядела очень внушительно и состояла как из неаполитанцев, так и из венгров. Как служанка и невольница я не могла ехать впереди среди знати, и поэтому оказалась в хвосте среди венгров. Конечно, я не понимала варварского наречия, на котором разговаривала свита Андрея, но понять, что они разгневаны, было несложно.

Во время службы этот гнев еще больше усилился. И к моменту выхода королевы и ее окружения из собора венгры уже просто кипели от бешенства, так что одно неосторожное слово вызвало заваруху. Замелькали кулаки, засвистели кнуты, а кое-кто уже доставал шпаги. Карл Дураццо во главе своих людей немедленно предпринял меры для безопасности королевы. Вооруженные охранники раздвинули толпу, и королева с эскортом поскакала к замку. Канча и я также воспользовались помощью людей Карла, чтобы благополучно выбраться из сутолоки и укрыться за стенами замка. Карл немедленно приказал тотчас же поднять мост.

Происшествие произвело на Джованну удручающее впечатление. Она была бледна и тяжело дышала. Мы проводили ее в апартаменты, куда вскоре прошел и Карл Дураццо.

— Они невыносимы, — сказал он.

— Они оскорблены, в чем я не сомневаюсь, — поправила его Джованна, — но в любом случае, кузен, я благодарна вам за помощь в нашем благополучном возвращении. И я буду еще более признательна вам, если вы оставите мои апартаменты. Мне нужно отдохнуть, а вашей помощи ожидают другие мои кузены.

— Они вполне справятся без меня, ваша светлость, — заверил Карл, — и я бы с готовностью предоставил вам возможность отдохнуть, но мне необходимо обсудить с вами несколько жизненно важных вопросов.

— Что за вопросы? — спросила Джованна. Карл покосился на нас с Канчей.

— Эти вопросы мы должны обсудить наедине, ваша светлость, — выразительно произнес он.

Джованна пожала плечами и также взглянула в нашу сторону.

— Оставьте нас, сударыни.

Мы присели и вышли. Но мы обе прекрасно поняли взгляд Джованны, мастерицы повелевать глазами. Так что сразу же поспешили по тайному переходу в королевскую спальню, дверь которой была смежной с комнатой, которую мы только что оставили. Фактически мы вновь оказались в покоях королевы, так как, став на колени у двери, прекрасно слышали каждый шорох, раздававшийся в комнате.

— Неаполитанцы ненавидят его, — говорил Карл Дураццо в этот момент, и мы переглянулись, поняв, о ком идет речь. Слова Джованны только подтвердили нашу догадку.

— И все-таки он мой муж и заслуживает соответствующего отношения.

— Ваш народ не потерпит его коронации, Джованна.

Наедине с королевой Карл не считал нужным соблюдение этикета, предпочитая обращаться к ней по родственному.

— Я понимаю и не предлагаю короновать его, — ответила Джованна.

— И все же он всегда будет рядом с вами, будет участвовать во всех делах. Я не думаю, что народ одобрит подобное положение вещей.

— Мой народ одобрит все, что я повелю, — заявила Джованна, слегка противореча своим предыдущим словам, — особенно если вы, мой кузен, будете поддерживать мои решения.

— А если я не буду поддерживать ваши решения, кузина?

Наступила тишина. Я легко представила себе, каким взглядом испепеляет Джованна своего кузена. Но ее голос прозвучал весьма сдержанно:

— Тогда вы более не будете моим доверенным другом, Карл.

— Я думаю о большем, кузина.

Снова тишина.

— Объяснитесь, кузен. И прошу вас, как следует думайте над своими словами, иначе мне придется заподозрить измену.

— Может быть, лучше сказать расплату?

— А разве мне нанесли оскорбление? — спокойно спросила Джованна.

Нам, трепещущим за дверью, было несложно представить, какие эмоции бурлили в голове и в душе королевы за этим кажущимся хладнокровием.

— Вам наносят оскорбление каждый раз, когда этот презренный венгр переступает порог ваших покоев, — твердо ответил Карл.

— Так вы хотели бы вызвать его на поединок?

— Он откажется, — сказал Карл, — но есть более надежный способ.

Послышался звон стали. Мы с Канчей в ужасе схватились за руки. Неужели этот безумец обнажил шпагу в присутствии королевы?

Похоже, что да. И Джованна разделяла наши чувства.

— Вы сошли с ума, немедленно уберите.

— Одно только слово, — сказал Карл, и мы снова услышали звон стали. Видимо, он спрятал клинок в ножны, — и я сделаю вас свободной женщиной.

— О Господи, мой собственный кузен предлагает мне пойти на убийство! — воскликнула Джованна. — Свободная женщина? Вы имеете в виду, чтобы выйти замуж за вас?

Скрип башмаков заставил нас предположить, что Карл склонился в поклоне.

— Я был бы польщен вступить в такой союз, дорогая кузина. Но слишком многие, не исключая самого Господа Бога, воспротивятся подобному браку, особенно если учесть тот замысел, который мы сейчас обсуждаем. Не говоря уже о том, что у нас с вами слишком похожие характеры, и вряд ли можем рассчитывать на

семейное блаженство. Нет, милая кузина, я всего-навсего прошу лишь руки вашей сестры. Я не собираюсь вмешиваться в ваши привилегии королевы Неаполитанской. Мое единственное желание — быть назначенным вашим наследником.

На этот раз молчание продолжалось долго. Мы могли только воображать, какие чувства отражались на лице королевы. Наконец она заговорила:

— Жалкий негодяй! Этот подлый замысел — порождение вашей черной души. Чтобы я отдала за вас свою сестру?.. Да я скорее сошлю ее в монастырь. Этого не одобрил бы Господь Бог. Да он поразил бы нас громом небесным. Сделать вас наследником... Никогда! У меня будет собственный наследник!

Снова тишина.

— Вам бы лучше не делать меня своим врагом, милая кузина, — тихо сказал Карл.

— Будьте довольны, что я не позвала стражу и не приказала заточить вас за измену! — воскликнула Джованна. — Вы навлечете проклятие и опустошение для всего королевства. Неужели вы не сознаете, что король Людовик захочет отомстить за своего брата и двинется на нас всей мощью венгерской армии?

— Разве у нас нет собственной армии? Я поведу ваши войска, Джованна.

— Вы никогда не будете во главе моих войск, Карл. Вы самый низкий негодяй, когда-либо ступавший на эту землю. Я приказываю вам оставить меня и никогда более не показываться мне на глаза, пока я не позову вас сама.

Молчание.

Наконец принц сказал:

— Вы сами захотели этого, ваша светлость. Раз я не могу быть вашим доверенным другом, я стану вашим неумолимым врагом.

Мы услышали звук закрывающейся двери и немедленно распахнули нишу.

Такой я Джованну еще не видела. Она не находила себе места: ее щеки горели, губы дрожали, дыха-

ние прерывалось. Напомню, что в те годы ей было всего шестнадцать лет.

— Вы слышали? — спросила она.

— Каждое слово, ваша светлость, — подтвердила Канча.

— И мы с радостью дадим показания против принца, если это будет угодно вашей светлости, — добавила я.

Я говорила от лица нас обеих, хотя у Канчи подобное заявление явно не вызвало энтузиазма.

Джованна покачала головой.

— Это бесполезно, да и опасно. У Карла слишком много друзей и шпионов в Неаполе. Как только вы выступите с обвинением, он велит убить вас обеих.

Такая перспектива значительно умерила мой пыл.

— Нет, — продолжала королева, — если он решил стать моим врагом, пусть так и будет. По крайней мере, буду знать, что от него ждать.

И Джованна решила выкинуть из головы неприятный разговор со своим кузеном, однако меня не могло не тревожить то обстоятельство, что Карл Дураццо начал заигрывать с принцем Андреем и другими венграми. Мне казалось, что лицемерие человека, предлагающего сначала убить человека, а потом подлизывающегося к предполагаемой жертве, должно быть очевидным каждому. Однако, как видно, только не венграм. Они с энтузиазмом восприняли появление в своем лагере нового союзника в лице графа Дураццо.

Оказалось, однако, что Дураццо поддерживал неудачника. Регентский совет, состоявший, как я уже говорила, из высших чинов королевства, всесторонне обсудив этот вопрос и рассчитывая на молчаливое одобрение Джованны, объявил, что коронация Андрея королем-консортом Неаполя несвоевременна и способна вызвать осложнения в жизни королевства. Совет постановил короновать только Джованну, и на этой церемонии Андрей будет находиться с ней рядом просто как супруг. Тем временем все

приказы и документы, исходившие из Нового замка, должны подписываться только именем королевы. Джованна долго не отваживалась на столь решительный шаг и поддалась на уговоры даже не Регентского совета, а известного адвоката Андре Изерна, друга покойного короля и человека, которому она полностью доверяла.

Такое решение, естественно, взбудоражило венгерский лагерь, вызвав неистовый гнев брата Робера. Последний рвал и метал, естественно, без особого эффекта, перед Регентским советом и настраивал Андрея отстаивать свои права. Принц начал самоутверждаться с того, что одарил почестями и состоянием некоего Иоанна Пипино, графа Альтамура, которого ненавидел буквально весь Неаполь.

Одновременно брат Робер отправлял слезные послания в Венгрию, описывая унижения своего царственного хозяина и призывая короля Людовика вступить за своего брата.

Но вмешиваться в дела Неаполя Людовик мог только либо приехав по приглашению с визитом, либо объявив войну. О войне против другого христианского государства без разрешения Святой Церкви не могло быть и речи, а Папа сам в то время был обитателем владений Джованны. Венгерский вопрос зашел в тупик. И тут вдруг стало известно, что мать Андрея, Елизавета Польская, находится на пути в Неаполь, вознамерившись посетить Неаполь и обсудить сложившееся положение со своим сыном и невесткой.

Известие вызвало трепет и испуг, поскольку эта принцесса — известная под именем королевы Польской, хотя она и никогда не правила на своей родине, — обладала грозной репутацией. Она была дочерью великого Владислава, того самого, которому после многочисленных войн и бед удалось вернуть Польше достоинство королевства, которого она лишилась после опустошительных монголо-татарских набегов прошлого века. Несомненно, что Владислав был сильным рыцарем, но все же ему не удалось бы

осуществить свои планы — учитывая постоянные и жадные поползновения немцев, венгров, литовцев и русских на его окруженную врагами страну, — если бы не поддержка папской курии. Последнее соображение не давало нам покоя.

Как ни странно, визит Елизаветы прошел очень гладко. Она радовалась встрече с сыном, которого не видела много лет, и казалась довольной его цветущим видом. Джованна предприняла все усилия, чтобы очаровать ее, и даже допустила Андрея на королевское супружеское ложе в дни пребывания его матери в Неаполе. Этой милости он был лишен со дня той ссоры в воскресное утро.

Были устроены праздники и развлечения, организованы катания на лодках, поездки на Капри с посещением знаменитого грота, рыцарские турниры. Прибытие вдовствующей королевы случайно совпало с окончанием шестимесячного траура по королю Роберту, и неаполитанцы предавались развлечениям с пылом и жаром, на которое способны только темпераментные южные народы.

К тому же Елизавета Польская и донна Санча очень сблизилась и стали лучшими подругами. За шесть недель, что вдовствующая королева провела в Италии, нам стало казаться, что сгустившиеся на горизонте и предвещавшие столкновение темные тучи стали наконец рассеиваться. Неаполь казался столь же счастливым и беззаботным, что и в прежние времена.

Но подошло время ее отъезда. Конечно, Елизавета отнюдь не была в глубоком заблуждении по поводу происходящих событий, как это могло бы показаться на первый взгляд. Она не раз запиралась наедине с братом Робером, и они вели длительные беседы, в ходе которых события явно толковались от противного. В свою очередь, Джованна, донна Санча и Регентский совет заверяли королеву Польскую, что коронация Андрея в настоящий момент при отрицательном настроении населения Неаполя неразумна и опасна. К тому же в завещании короля

Роберта на этот счет не было прямого указания, что, впрочем, было не совсем правдой. Одновременно все наперебой заверяли ее, что Андрей будет всегда пользоваться всеми правами и привилегиями монарха, стоять рядом с королевой и принимать участие во всех делах и решениях.

Елизавета выразила свое понимание и благодарность... Но в день отъезда в присутствии королевы она подарила сыну кольцо замысловатой работы.

— Этот талисман хранится в нашей семье уже многие годы, дорогой Андрей, — сказала она, обнимая сына, — я дарю его тебе. Кольцо будет оберегать тебя. Тому, кто постоянно носит его, не страшны ни сталь, ни яд.

После этого странного заявления она обняла онемевшую Джованну и уехала.

Мы не могли понять, что навело королеву Польскую на подобные предположения. Карл Дураццо вел себя как преданнейший друг венгерского принца; казалось немыслимым, чтобы королева-мать могла угадать его подспудную мысль об убийстве. Еще труднее было себе представить, что Андрей мог бы пострадать от руки обыкновенного убийцы. Принц был постоянно окружен преданными венгерскими дворянами и заходил без сопровождения разве что в спальню королевы. И уж конечно, у Андрея хватало ума, чтобы отказываться от рыцарских поединков с другими принцами.

Я провела не одну бессонную ночь, когда мне пришло в голову, что во время той беседы с кузеном Джованна отвергла убийство не потому, что это смертный грех, а потому, что вся эта затея казалась ей опасной, и она совершенно не хотела оказаться в его власти и делать его своим наследником. Канча, кстати, не разделяла моих кошмаров и сомнений, поскольку не считала убийство смертным грехом. Она принадлежала к тем счастливым натурам, что не боятся

никаких грехов, пока есть священник, который может их отпустить.

Может быть, королева Польская поняла, какое отвращение питает Джованна к своему мужу? Но даже в этом случае трудно было бы себе представить, что она могла предположить, будто угроза жизни принца исходит от его жены, лично мне это казалось невероятным. Да этого и не случилось бы, если бы не глупость самого Андрея, которая так глубоко затронула глубокую, благородную, но страстную натуру Джованны: он решился угрожать тому, что было ей дороже самой себе и своих привилегий — а именно жизни мужчины, которому выпало в данный момент быть ее любимым.

Как я уже говорила, отъезд королевы Польской оставил Неаполь на какое-то время в спокойствии и счастье. Но период этот был совсем недолгим, а вслед за ним наступило время несчастий и ужаса. Ибо наступал тот самый час, когда донна Санча собралась удалиться в монастырь Святой Клары, основанный ею несколько лет назад. Закончился год, который она обещала своему умирающему мужу провести в миру. Приняв постриг, вдовствующая королева надеялась молиться за благополучие и наблюдать долгое счастливое правление своей внучки. Но то, что ей довелось увидеть, свело ее в могилу уже через год.

Казалось, с ее уходом порвались последние нити, державшие в узде кипящие страсти ее семейства. Не прошло и месяца со дня удаления вдовствующей королевы в монастырь, как однажды утром Новый замок был взбудоражен чрезвычайным происшествием. Исчезла принцесса Мария.

Я хочу еще раз напомнить читателю, что мой рассказ основан сугубо на фактах. Конечно, трудно себе представить, как из королевского замка — являющемуся к тому же неприступной крепостью с надежной охраной — могла пропасть принцесса крови. Но факт

остаётся фактом — Мария исчезла, а с нею и две ее доверенные горничные.

Замок и покои дворца всегда были открыты для принцев, они могли приходить и уходить в любое время. Все мгновенно поняли, кто был виновником похищения, и не менее ясны были его причины. Джованна сжимала кулаки так, что ногти вонзались в ладони.

— Негодяй, — шептала она, глядя из окна на гавань, — презренный негодяй!

Кажется еще более невыносимым и то, что, зная, где находится сестра, кто ее похититель и кто, без сомнения, уже лишил девицу девственности (не в пример Джованне ревностно охраняемой), королева не двинула свои войска на дворец Карла Дураццо, который был скорее не дворцом, а замком и при этом находился всего через несколько улиц, чтобы стереть его с лица земли и вместе с ним и самого Карла.

Причина была проста — Джованна просто не осмеливалась на это. Карл Дураццо, щедрой рукой раздавая неаполитанцам подачки из своего огромного состояния, завоевал большую популярность среди жителей. А что касается армии, Джованна не очень хорошо представляла, кто из офицеров служит ей, а кто — ему.

Я бы предпочла, чтобы королева обратилась за помощью к Людовику Тарентскому, обладавшему значительным влиянием и командовавшему большим отрядом. Но Людовик был недоволен колебаниями Джованны в венгерском вопросе. Благородному принцу в голову бы не пришло предложить убийство в качестве решения. Он настаивал бы на высылке принца Андрея с последующим обращением к Папе за аннулированием брака, после чего королева вполне могла бы ввериться своим кузенам, избрав одного из них (несомненно, самого Людовика) себе в мужья с тем, чтобы противостоять гневу короля Людовика Венгерского.

Таким образом, королева оказалась абсолютно беспомощной. Все, что смогла сделать Джованна, так это

объявить о награде в три тысячи дукатов любому, кто укажет местонахождение ее сестры. Она прекрасно понимала, что никто не дерзнет воспользоваться наградой.

Но была и еще причина, заставлявшая Джованну бездействовать. Они с Марией никогда не были близкими друзьями. В детстве их сближению противодействовали махинации донны Филиппы. Впоследствии обнаружилось и большое различие в характерах сестер. Мария была существом веселым и взбалмошным. Она жила днем сегодняшним, не думая и не заботясь о будущем. Развлечения значили для нее все. Джованна подозревала, что и сейчас, будучи похищенной, Мария продолжает развлекаться.

Карл Дураццо был симпатичным молодым человеком и при необходимости или под влиянием настроения вполне мог вскружить девушке голову и, без сомнения, сыграть на ее воображении. Марии было всего пятнадцать лет, и он вполне мог внушить ей мысль, что в один прекрасный день она могла бы стать королевой, поскольку ее сестра бесплодна... А он, Карл, будет ее верным consortом.

Не следовало сбрасывать со счетов и бытовавшего мнения, что похищение Марии, по сути дела, могло быть вовсе не похищением, а побегом. Тот факт, что парочка являлась двоюродными братом и сестрой, ничего не значил. Ведь они принадлежали к королевской семье, а значит — в отличие от простого народа, — они не подчинялись обычным законам. Все, что им требовалось, — это получить разрешение Папы. Именно этого Карл и ждал.

Итак, пока мы с Канчей причитали и рвали на себе волосы, что от нас и требовалось, а Бертран потрясал шпагой и бормотал угрозы, что и требовалось от него, Джованна оставалась абсолютно спокойной. И что более ужасно — данное событие несколько примирило Джованну с катанийкой. Филиппа была все время рядом. Был всегда рядом и Роберто, как главный сенешаль. Никто не выражал такого сочувствия, как прачка и ее сын. Роберто

заявлял, что пусть Джованна только скажет, и он лично разнесет на куски дворец Карла Дураццо. Джованна принимала их поддержку и сочувствие, как будто ссоры не было и в помине. Казалось, она делает смотр своим силам. Но против чего? Или кого? Она до сих пор так и не выступила против Карла. Но чем далее, тем более восемнадцатилетняя девушка входила в роль королевы. Она появлялась перед народом, выслушивала жалобы и восторженные крики, принимала делегации в Новом замке. В ее поведении угадывались все задатки мудрой, если не великой правительницы. Ее уверенное спокойствие поражало. Быть может, она уже знала о том, что обладает оружием, способным свести на нет все махинации своего неистового кузена.

А тем временем Карл Дураццо праздновал победу. В один прекрасный день двери палаццо, крепко запертые с момента исчезновения Марии, распахнулись. Папское благословение было получено. Карл и Мария во главе свадебного кортежа направились на венчание в собор Святого Джованни. Переписка между Дураццо и Авиньоном велась в такой строжайшей тайне, что никто в Неаполе, не исключая и самой королевы, не ожидал этой свадьбы. Обряд совершился прежде, чем кто-либо успел осознать, что произошло. К тому же не было сомнений, что этот брак уже практически реализован.

Никто не помешал счастливой парочке вернуться во дворец, где двери были открыты для всех желающих закусить и выпить за здоровье новобрачных. Джованна, как и любая женщина, не могла сдержаться любопытства и отрядила меня разведать настроение своей сестры. Я должна была смешаться с толпой, попасть во дворец и посмотреть, что там происходит. Надо сказать, это поручение меня сильно встревожило. Хотя Карл и не благоволил замечать моего присутствия во время визитов во дворец, мое лицо было ему явно знакомо. И не могло вызывать у него

положительной реакции, поскольку я служила королеве.

В правильности своих подозрений мне, к своему ужасу, пришлось убедиться уже очень скоро.

Как бы то ни было, в тот раз моя разведка прошла удачно: меня никто не узнал и не арестовал. Вместе с другим людом я пила и ела во дворце Дураццо и была удостоена несколькими внимательными взглядами со стороны новобрачной. Надо сказать, что розовые щеки, счастливая улыбка и сияющие глаза Марии делали ее похожей на всех невест. Может быть, ее накачали лекарствами. Или в состоянии волнения она выпила слишком много вина. В любом случае я доложила королеве, что ее сестра выглядит вполне счастливой и не похоже, чтобы она действовала по принуждению.

— Неверная девчонка, — отозвалась Джованна, — что ж, пусть наслаждается своим браком.

— А что, если она забеременеет? — спросила Канча.

— Пусть наслаждается своим ребенком, — расхохоталась от всей души Джованна.

Через неделю причина такого спокойствия королевы прояснилась. Джованна была беременна.

Удивительно, но в нашем тесном кружке мы все трое забеременели в один месяц, хотя только Джованна заподозрила свое состояние. Мы с Канчей были слишком озабочены делами своей госпожи, чтобы заметить такую малость, как отсутствие месячных.

Когда это повторилось и в следующем месяце — тогда все стало понятно.

Каждому ребенку нужен отец, а его не всегда легко найти. Канча объявила отцом своего ребенка графа Терлицци. Последний был только рад, он уже отчаялся завести детей с Авророй ди Кабане. Донна Аврора и донна Филиппа обрадовались не меньше. Несмотря на предательство Канчи в деле устранения Роберто из фаворитов, они все опять составляли счастливое семейство.

Положение Джованны было сложней. Разумеется, отцом принца или принцессы крови мог считаться

только супруг королевы. И появление ребенка должно было положить конец честолюбивым планам Карла Дураццо унаследовать трон по праву своей супруги. Андрей был очень доволен, улыбка появилась даже на лице брата Робера. Гонцы поскакали в Будапешт с радостной вестью. Мы могли только молиться, чтобы будущий наследник или наследница неаполитанского престола не родились с приметным носом Бертрана Артуа или с его янтарными глазами, ибо ни королева, ни ее супруг такими чертами лица не обладали.

Мое положение было самым сложным. Я не хочу перегружать своей рассказ деталями личной жизни. Мое повествование посвящено личностям гораздо более выдающимся и прославленным. Но все же не все свои дни и особенно ночи я посвящала службе своей госпоже. В постели Джованны меня заменила донна Канча, если, конечно, ее место не занимал Андрей или Бертран. Понятно, у меня оставалось довольно много свободного времени, особенно ночью, которое я проводила так же, как и все остальные в чувственной атмосфере неаполитанского двора.

Таким образом, у меня было три кандидата в отцы моего ребенка. Одним из них был кучер королевы Чезаре, высокий ладный мужчина, по годам годившийся мне в отцы.

Вторым был лакей принца Андрея Томассо Паче. Я не очень любила негодника, но мы проводили немало времени наедине, пока наши господа предавались чувственным общениям. Мы, слуги, лишь следовали примеру избранных свыше.

Третьим был один из личных телохранителей королевы, Альберто Коньи. Высокого роста, молодой и красивый, он держался как принц, хотя им не был. А вот любить он умел гораздо лучше любого принца, на этот счет у меня не было никаких сомнений.

Когда я сообщила Джованне, что отец моего ребенка — Альберто, она была в восторге. Королева немедленно вызвала его к себе, чтобы сообщить радостную весть, которая его явно ошарашила. Но, видя

очевидную радость королевы, Альберто не посмел высказать никаких возражений.

— Конечно, я не могу позволить моей служанке выйти замуж, — заявила Джованна, — и не могу освободить ее от всех ее обязанностей, к тому же Ричильда мне слишком дорога.

Не говоря уж о том, что слишком много знает о тайнах королевского ложа, подумала я про себя.

— Но я обещаю вам, капитан Коньи, — продолжала королева, — что вы получите следующий чин и вознаграждение и сможете встречаться с матерью и ребенком.

Альберто поклонился и вышел. Я получила разрешение последовать за ним, поймала его в коридоре и затащила в укромный уголок.

— Ты не хочешь поцеловать свою жену? — спросила я.

— Мне только что сказали, что ты не можешь быть моей женой, — заметил он.

Я все равно его расцеловала.

— У нашего ребенка не будет имени, — грустно сказал он.

— Ерунда. Я назову его Альберто, и он наверняка будет похож на тебя. К тому же рано или поздно, я уверена, мы сможем пожениться.

— А вдруг Альберто будет девочкой? — угрюмо спросил он.

Я не раз замечала, что с любовника враз слетает вся галантность, как только он узнает, что ему предстоит быть еще и отцом.

Первые месяцы беременности, быть может, составляют лучший период в жизни женщины. Внешние признаки беременности еще не заметны, по крайней мере первые три месяца, а уже торжествует сознание, что ты готовишься исполнить свое величайшее из предназначений природы.

Такое блаженство продолжается недолго. Как и всякое иное блаженство — оно быстротечно. В слу-

чае беременности женщина вскоре переживает деформацию тела и невыносимую боль, и после очередной блаженной передышки, когда она кормит младенца (если, конечно, он родится живым), наступает кошмар — все эти детские проблемы, болезни и капризы.

Мы все трое были пока на третьем месяце беременности, и впереди нас ожидали еще двенадцать недель спокойного размышления о новой жизни, зреющей в наших чревах. Но так нам только казалось. Тучи, сгущавшиеся над нашими головами в течение десяти лет, должны были наконец превратиться в сокрушающую бурю.

И она не утихла и до сей поры.

Новость о беременности королевы еще не успела устареть, а празднества еще не успели утихнуть, как Джованне надо было отправиться засвидетельствовать свое почтение синьору Америку, папскому легату и кардиналу Сен-Мартен-де-Монтскому. Дело в том, что Неаполь считался ленным владением Папы Римского, одарившего им в свое время Карла I после своей ссоры и отлучения от церкви дома Гогенштауфенов.

Торжественная церемония состоялась в церкви Святой Клары, где покоились отец и дед королевы. Джованна в королевском облачении с короной на голове преклонила колени пред святым алтарем и приняла клятву верности от посланца его святейшества. За нею толпились все принцы крови и родственники, включая и ее мужа.

Собрание было поистине впечатляющим. В прибывшей из Авиньона свите папского легата были архиепископы Барийский, Пизанский, Капуйский и Бриндизийский, а также отец Хуголин, епископ Кастелланский и Филип, епископ Кавайонский и канцлер королевы. Более торжественного события в жизни Джованны до этого дня еще не было.

И все же неаполитанцы и венгры даже в такой день не уставали обмениваться гневными взглядами и репликами. Впрочем, это не влияло на положение

Джованны, позицию которой, казалось, еще более укрепила данная церемония.

Увы, не прошло и недели, как однажды вечером Бертран Артуа, пробравшись тайным ходом, появился в покоях Джованны и упал в кресла почти без чувств.

Он был столь бледен и взволнован, что Джованна приказала мне налить ему кубок вина, а сама опустилась на колени и взяла его за руку.

— Что случилось, дорогой мой? — спросила она.

— Разве вы не слышали новость?

— Какую новость?

— Не сомневаюсь, что принц Андрей сам поспешит информировать вас, как только вдоволь насладится ею.

— Ну так скажите мне сейчас, — предложила королева с завидным спокойствием, — чтобы к его приходу новость уже стала старой и затасканной.

— Она никогда не станет старой и затасканной, — с горечью произнес Бертран. — Получено письмо из Авиньона от его святейшества.

— И что в нем? — Джованна начинала хмуриться.

— Настоятельное требование короновать принца Андрея Венгерского королем Неаполя наравне с вами.

Джованна раздраженно выпрямилась.

— Мы не спрашивали мнения его святейшества.

— О нет, — еще более горько подтвердил Бертран, — вы-то ни о чем не спрашивали его святейшество. А наверное, стоило бы. А вот ваш кузен не упустил воспользоваться вашим промахом.

— Мой кузен? — Джованна сжала ворот платья. — Карл Дураццо?

— Кто же еще?

— Он писал Папе?

— Он сделал лучше. Написал своему дяде — кстати, он и наш с вами дядя, — кардиналу Карлу Периньонскому. А Папа, как вы прекрасно знаете, слушается кардинала во всем. И Карл Дураццо всю жизнь был его любимейшим племянником, как вам

тоже должно быть известно. И вот вам результат. Вы были слишком уверены в своих силах, моя дорогая Джованна. А теперь нам конец, по крайней мере мне.

Джованна взяла бокал вина.

— Негодяй, — проговорила она. — В один прекрасный день я рассчитаюсь с ним. Но, дорогой Бертран, чего он достиг, кроме того, что доставил мне некоторое беспокойство? Я согласна, что поступила недальновидно, не обратившись к Папе с просьбой вынести решение в мою пользу еще до того, как кто-нибудь успеет настроить его против меня. Но что это меняет? Андрей будет королем Неаполя. И моим супругом. Он и так уже мой муж. Он очень беззаботный и невнимательный муж, и думаю, что станет не менее беззаботным и невнимательным королем. Править по-прежнему буду я.

— Моя дорогая, наивная девочка. Как король Неаполя Андрей будет распоряжаться жизнью и смертью своих подданных.

Джованна нахмурила брови.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что Андрей очень злопамятный и что ему известно гораздо больше, чем вы думаете. Он может быть беззаботным, и все же он способен на решительные действия, когда находит это нужным. И он уже начал действовать.

— Расскажите мне. — Голос королевы прозвучал уже гневно.

— Прошлой ночью, через час после прибытия в Неаполь письма от Папы, был убит Андре Изерна.

— Андре Изерна? Один из самых известных адвокатов? Как это возможно?

— Он был убит на улице во время спровоцированной драки. Это постарался Конрад де Гольт, правая рука принца Андрея.

— О Боже! — вскричала Джованна.

— Это только начало, — продолжал Бертран. — Андре Изерна рекомендовал вам не короновать принца Андрея. Вашему супругу это прекрасно извест-

но, а он не забывает никого, кто ему противостоял или задел его. И Изерна только еще первый в списке его обидчиков. Простые смертные получают свое немедленно, а с людьми благородного происхождения и даже королевской крови принц расправится после коронации. От смерти никто не уйдет.

— Принцы крови? — прошептала Джованна.

— Конечно. В его списке есть, по крайней мере, один принц крови. — Бертран в упор взглянул на Джованну. — Это я.

Джованна отступила на шаг. Мне показалось, что она вот-вот упадет, и я бросилась поддержать ее. Но этого не случилось. Наоборот, она твердо стояла на ногах и несколько секунд смотрела на своего возлюбленного. Ее лицо изменилось и приняло жесткое выражение, какого я никогда у нее еще не видела. И нет ни малейшего желания увидеть еще раз.

В тот момент я поняла, что смертный приговор самому принцу Андрею уже вынесен.

Глава 3

В окружении королевы я самой последней узнала, что происходит. Джованна решила не посвящать меня в такое злое дело, как убийство ее мужа, или, как она предпочитала выражаться, в исполнение приговора.

Трудно передать, как я расстраивалась, отстраненная от участия в тайных совещаниях, которые проводились в самых отдаленных покоях, и особенно, когда узнала об участии в них донны Филиппы и ее сына, а также дочерей вместе с их мужьями. Последнее обстоятельство еще более огорчало и тревожило меня. Для спасения любовника — а Бертран, естественно, тоже участвовал в этих тайных сборищах — Джованна обратилась к тем, кто были ее доверенными лицами в годы детства, но я-то знала, что семейка ди Кабане столь же надежна, как и сосуд без дна.

Кроме того, в числе заговорщиков была и еще одна незаурядная личность, а именно тетка королевы Екатерина Валуа, императрица Константинопольская. План по избавлению Джованны от неугодного мужа весьма устраивал мать троих сыновей, каждый из которых мог бы стать мужем овдовевшей королевы, а она тогда могла бы войти в Регентский совет.

Особенно же меня злило то, что в избранном кругу оказалась и донна Канча. Она постоянно не упускала случая, чтобы подчеркнуть, что мысли королевы разделяет она, Канча, а вовсе не я.

Но что ни делается, то всегда к лучшему. Как мне не было обидно тогда, сейчас я понимаю, что мое исключение из числа заговорщиков спасло мне жизнь. Иначе мне не довелось бы писать эти строки, мои кости давно бы уже истлели в неаполитанской земле.

Потому что заговорщики были преданы чуть ли не после первого же заседания. И предал их не кто иной, как мой любовник Томассо Паче. Трудно объяснить глупость моей госпожи и ее друзей, позволявших Томассо присутствовать на тайных заседаниях. Ведь он же был лакеем человека, которого собирались убить, и к тому же пользовался доверием принца Андрея. Но это и делало его неоценимым участником заговора. Кроме того, Томассо уже давно получал деньги из рук донны Филиппы и ненавидел венгров, и в особенности брата Робера. Тот не раз бивал его палкой. Эта ненависть была искренней, и он никогда бы не предал Джованну ради ее мужа.

И все же его участие в заговоре было катастрофой. Томассо Паче был в долгу у своего друга, стряпчего по имени Никола ди Мелаццо. Последний вскоре выведал, что его приятель знает какую-то тайну. Нет сомнений, что Томассо распирало от гордости при общении с Никола не меньше, чем Канчу при разговорах со мной. Хитроумный стряпчий вскоре выведал у него всю историю.

Партия королевы о том не догадывалась. И уж конечно никто из них, включая несчастного Томассо,

и не подозревал, что Никола ди Мелаццо состоит на службе у Карла Дураццо. Более того, незадачливый адвокат Никола был обязан Карлу жизнью и благополучием своей семьи: принц помог ему уйти от наказания за весьма серьезное преступление. Ради жены и детей стряпчий был готов на все. Позднее выяснилось, что Карл Дураццо поручил ему сблизиться с Томассо Паче, дабы иметь доступ ко всем новостям королевского замка. Несомненно, он внимательно следил за всеми переменами, и потому отстранение Роберто ди Кабанае и его замена на нового любовника Бертрана Артуа не было для него новостью. Гораздо больше Карла интересовала реакция королевы на сообщение о том, что он добился благословения Папы на коронацию принца Андрея.

То, что Карлу удалось выяснить на самом деле, превзошло все его ожидания. Даже во сне он не мог бы вообразить, что королева, столь решительно отвергнув его братское предложение убрать с дороги принца, теперь возьмется за дело сама. Причины ее отказа были ясны: она не хотела оказаться в его, Карла Дураццо, власти. Но теперь в ее заговор были вовлечены не самые способные помощники: Бертран и его отец, граф д'Ар; Годфри ди Марсан, он же граф Скуиллаче, и главный адмирал. Двое последних — члены Регентского совета; графы Терлицци, Морконе и Катанцаро, заклятые враги дома Дураццо, и сама императрица Константинопольская, относившаяся к Карлу с явным отвращением. И естественно, в соучастниках была и донна Филиппа со своими отпрысками. Могу себе представить тайное ликование Карла Дураццо, считавшего королеву с ее приближенными уже в своих руках.

Ибо Карл и не думал сделать то, что пришло бы в голову вам или мне — предупредить принца Андрея. Жизнь Андрея ничего для него не значила. Этот страшный человек собирался выждать, пока королева осуществит свой замысел, и тогда она и ее сторонники полностью окажутся в его власти. Низложенная, а может быть, и казненная и уж во всяком случае опозо-

ренная, Джованна лишится короны, которая должна будет перейти к ее ребенку под регентством ее младшей сестры и ее мужа. Можно не сомневаться, что ребенку вряд ли будет позволено остаться в живых.

Поэтому Карл ничего не предпринимал, а только внимательно слушал доклады господина ди Мелаццо. Во всех донесениях главным для него было одно — имена заговорщиков, посещавших тайные совещания. Нет сомнения, что отсутствие моего имени в списках, подготовленных презренным стряпчим, спасло мне жизнь.

А тем временем Джованна все больше погружалась в свой заговор, не подозревая, что меч над ее головой уже занесен. Может возникнуть вопрос, как могла эта юная восемнадцатилетняя женщина, почти девочка, столь хладнокровно и спокойно планировать убийство собственного мужа? И как могла я, зная об этом ужасном преступлении, остаться ее верной служгой и подругой до последнего дня?

Ответ только один: она была королева, воспитанная с самого рождения в полном убеждении, что не может быть никаких препятствий ее желаниям. К тому же она принадлежала к роду Анжу и была праправнучкой Карла I Анжуйского, того самого, который, когда в нем закипали страсти, не боялся ни Бога, ни черта, ни человека; а в Джованне страсти бушевали с четырнадцати лет; и еще она любила, а когда она любила, то любила всей душой, каждой клеточкой своей страстной натуры. А я, в свою очередь, любила ее.

Если бы она обратилась ко мне, мой подход к проблеме был бы совсем иным, гораздо более целенаправленным и простым, и тогда те несчастья, что последовали за печальными событиями, могли бы и не случиться. Но она ко мне не обратилась, а заговорщики, которыми она себя окружила, были слишком неумелы и неспособны к действиям, ибо руководствовались фантазиями.

С самого начала перед ними встала проблема талисмана. Андрей носил это кольцо постоянно, и по заверениям его матери кольцо охраняло его от яда и кинжала. Как я уже сказала, при моем участии в этом деле я бы непременно настояла на проверке чудодейственных качеств талисмана, прежде чем обратиться к иным средствам. Но меня там не было; эта идея была отвергнута без обсуждения.

Если человека нельзя зарезать или отравить, остается один способ преждевременно отправить его на тот свет — удушить. На этом варианте и остановились заговорщики, невзирая на трудности, связанные с исполнением этого замысла. Ведь принц был сильным и рослым молодым человеком, к тому же постоянно окружен верными телохранителями.

Поскольку я не участвовала в заговоре, принятое решение было мне неизвестно. Но я заметила, что моя госпожа немного успокоилась. С того дня, когда новость о возможной угрозе жизни Бертрана достигла ушей королевы, она не знала покоя. Теперь же Джованна стала очень внимательна к своему супругу и чаще прежнего привечала его в своих апартаментах. Это казалось естественным — ведь отец принца Андрея, Карл-Роберт, слег и, по сообщениям из Венгрии, находился при смерти. Как было бы легко и спокойно, если бы, повинувшись сыновнему долгу, принц Андрей отправился проститься со своим отцом. Но нет — честолюбивый юноша не желал ни на минуту оставить Неаполь. Он упрямо шел к своей гибели, не подозревая, сколь короток этот путь.

Все заговорщики никогда не могут удержаться и не поделиться своей тайной с будущей жертвой. Прodelала это и Джованна, беседуя однажды с принцем Андреем.

Дело происходило в королевском будуаре. Андрей стоял у окна, чуть опираясь на подоконник, и посматривал то на корабли в гавани и толпу на пирсе, то на Джованну, склонившуюся над работой. Мы с Канчей занимались в углу своим рукоделием.

— Вы так старательны и трудолюбивы, моя дорогая супруга, — произнес он, — это очень радует глаз, но я бы предпочел видеть, как вы применяете ваши таланты на пользу нашего будущего ребенка. Я никак не могу понять, что это вы с таким усердием плетете?

Джованна показала ему шелковый шнурок около шести футов длиной.

— Это шнурок, монсиньор, — ответила она.

— Я вижу, Джованна, но для какой цели?

Джованна сардонически усмехнулась.

— Чтобы повесить вас, монсиньор.

Принц воспринял сообщение как шутку и весело расхохотался. Мне стоило лишь взглянуть на лицо Джованны, а затем Канчи, чтобы понять, что Джованна сказала чистую правду.

Так я догадалась о задуманном убийстве. Я дошла до всего своим умом, благодаря природной наблюдательности. Подобное преступление ужасало меня как своей значимостью, так и немалым риском. Меня не страшило преступление закона Божьего, я открыто признаю это. Ни принц Андрей, ни его люди не были мне близки или дороги, хотя многие из них позволяли себе вольничать со мною, если у них возникала подобная прихоть. Но то, что моя госпожа шла на такой опасный шаг и тем самым тянула за собой всех нас, заставляло меня трепетать.

Будучи не посвященной в заговор, я могла только гадать о плане действий. Но через неделю после знаменательного разговора шнур — длиной в двенадцать футов и весьма крепкий — был сплетен, и Джованна объявила о своем намерении сопровождать принца Андрея на охоту, которая должна была состояться между Капуей и Аверсой. Подобное желание выглядело, мягко говоря, весьма странным, а учитывая беременность Джованны, просто абсурдным. Для нас с Канчей участие в охоте было не меньшим абсурдом, но нам оставалось только повиноваться.

Королева, естественно, не предполагала нестись вскачь вслед за охотниками с соколами. Она наме-

ревалась присоединиться к мужу при ночлеге в монастыре Сан-Пьетро, расположенном недалеко от Аверсы. Но и этот план все равно предполагал поездку верхом на несколько миль, что по мнению многих медиков является лучшим способом вызвать в случае необходимости выкидыш. Так я поняла, что Джованна приступила к выполнению следующего этапа задуманного плана. Мои подозрения еще более укрепились, когда по прибытии в монастырь мы увидели, что сюда не только прибыли Бертран, Роберто ди Кабана, граф Терлицци и Морконе, но и то, что охрана состояла только из неаполитанцев из личной свиты королевы, включая моего ненаглядного Альберто.

Все приготовления осуществлялись Роберто ди Кабана, поскольку он был главным сенешалем. Последний продумал все до мелочей, однако у него не хватило ума обратить внимание на одно обстоятельство. Впервые за много месяцев лучший друг принца Андрея, а именно Карл Дураццо, не участвовал в охоте. Карл сослался на болезнь принцессы Марии и остался в городе, прислав принцу взамен собственной персоны своего лучшего сокола. И никому это не показалось подозрительным.

Андрей приехал, как обычно, в сопровождении венгерских дворян и брата Робера. Они явно насторожились, увидев, что в монастыре уже все готово к их прибытию. Но Джованна была так оживлена, так нежна со своим мужем, что все подозрения быстро рассеялись. К тому же она распорядилась приготовить роскошную трапезу для венгерских дворян, которые любили поесть и выпить не меньше, а может быть, и больше, чем охоту. Венгры радостно набросились на угощение. Стоит ли говорить, что в вино было подмешано снотворное, и весьма скоро венгерский отряд уже крепко заснул. Даже брат Робер, пивший не менее других, громко храпел вместе со всеми.

Монастырь погрузился во тьму. Благочестивые монахи расположились на ночлег в отдельном крыле, вдали от королевских покоев. За охрану последних

отвечала неаполитанская стража. Даже если стража и не была посвящена в подробности заговора, то ей были даны четкие инструкции. Вот почему, повинуюсь приказу, в два часа ночи стражники впустили в переднюю комнату перед королевской спальней шесть человек: Бертрана Артуа, Роберто ди Кабанае, графов Терлицци и Морконе, Томассо Паче и еще одного, в тот момент мне не известного. Позднее оказалось, что это был сам Никола ди Мелаццо. Повинуясь указаниям Карла Дураццо, негодяй должен был непосредственно участвовать в убийстве с тем, чтобы позднее полностью предать соучастников. Предатель прекрасно знал, что подобное преступление грозило виселицей ему самому, но Карл Дураццо обещал ему позаботиться о его семье. В случае отказа Никола мог оказаться на виселице за свое прежнее преступление, но в этом случае участь его семьи трудно было бы себе представить.

Доверчивость королевы и ее помощников, допустивших на самом последнем этапе в свой узкий круг новое лицо только потому, что это был друг Томассо Паче, не поддается оправданию.

Итак, королева крепко спала в своей постели, рядом со своим мужем. Во всяком случае, все так полагали. А в прихожей при спальне ночевали мы с Канчей. К нам-то и вошли эти шестеро. Понятно, что моей первой реакцией при виде стоявших надо мной шестерых мужчин было закричать. Но тут Канча зажала мне рот ладонью, потащила меня к своей постели и прошептала на ухо: «Ни звука!» Я гнала от себя тревожные мысли, но долго ждать объяснений мне не пришлось. Томассо Паче, тот самый, что часто сжимал меня в своих объятиях, как сейчас это делала Канча, подошел к двери спальни. Для всех, кто не подозревал о заговоре, Томассо был преданным слугой венгерского принца. Он громко постучал и позвал:

— Хозяин, хозяин, вставайте, пора на охоту.

Спустя минуту дверь спальни отворилась и на пороге появился принц Андрей в чем мать родила, но с кинжалом в руках.

— Томассо? — сказал он. — Ты, должно быть, ошибся. — Андрей всматривался в темноту. — Канча? Ричильда? Где вы?..

Он не закончил фразу, поскольку Бертран, стоявший за дверью, резким ударом ноги захлопнул ее, одновременно накинув удавку на шею Андрея. От неожиданности принц выронил кинжал, что спасло его убийц, ибо вслед за этим последовала неистовая схватка. Андрей был один против пятерых — ибо Никола ди Мелаццо практически не участвовал в борьбе, — но он был сильный, здоровый мужчина, к тому же сражавшийся за собственную жизнь.

Принц обладал также звучным голосом, чем не преминул воспользоваться.

— Ко мне! — закричал он. — Ко мне, мои венгры, меня предали! Конрад де Гольт, ко мне!

Его крики разносились по монастырю. Несомненно, они достигли ушей святых отцов, но те предпочли остаться в своих кельях. Они достигли и венгров, но никто из них не проснулся. Достигли они и стражников, но у них был строгий приказ не приближаться в эту ночь к королевским апартаментам.

И уж конечно, крики разносились по комнате, где семеро мужчин барахтались в драке. Каждый из заговорщиков пытался свалить Андрея, чтобы Бертран мог затянуть удавку. В пылу схватки они навалились на кровать, где съжились мы с Канчей, и нам с трудом удалось отскочить в сторону от сплетенного клубка множества рук и ног и спрятаться в углу.

Принц попытался воспользоваться предполагаемой неприкосновенностью своей спальни, где находилась не только королева, но и его шпага. Он начал было отступать в сторону двери, но Никола ди Мелаццо просунул свой кинжал сквозь ручки, тем самым заблокировав дверь спальни. Остальные продолжали нападение. Шум схватки усилился, и группа стала приближаться к той двери, что выходила на балкон. Под тяжестью стольких тел дверь поддалась, и они выкатились на балкон. Крики Андрея становились все громче, но сам он уже терял силы. Бертрану удалось

наконец закрепить удавку. Мы с Канчей дрожали, слушая, как крики постепенно переходят в стон, хрип, и вот уже слышно только учащенное дыхание убийц. Во всяком случае, меня действительно била дрожь. Дрожь Канчи походила скорее на определенное возбуждение, и она сжимала меня в объятиях так, что мне казалось, я в постели с женщиной.

— Закрепите веревку, вот здесь, — слышался голос Бертрана, а вслед за тем звук чего-то скользящего.

— Давайте, — рявкнул Роберто, и что-то тяжело свалилось вниз.

Мы не могли сдержать любопытства и подошли к открытой двери. Шнур был обвязан вокруг балюстрады, а тело переброшено через перила. Наша госпожа хорошо справилась с задачей — шнур не оборвался под тяжестью. Безжизненное тело принца Андрея раскачивалось под балконом взад-вперед.

После завершения злодеяния убийцы поспешили выскочить из комнаты, а затем из монастыря. Дробный топот копыт подсказал нам, дрожащим в наших ночных рубашках, что они ускакали. Никто из них, даже Бертран, не потрудился сообщить королеве об успехе совершенного дела.

Канча и я посмотрели на мертвого принца, затем друг на друга и, крадучись, вернулись в свою комнату и заперли дверь.

— Все подумают, что это было самоубийство, — прошептала Канча.

Я предпочла не комментировать. Только слепой или ненормальный мог не обнаружить следов насилия на теле Андрея.

— Пойдем к королеве? — прошептала в ответ я.

— Она спит, и ее нельзя беспокоить, — ответила Канча.

Понятно, что этой ночью она была во власти фантазий. Нужно было бы принять огромную дозу снотворного или лечь спать не ближе, чем в полумиле от

монастыря, чтобы не проснуться потом от шума всей этой схватки. Но я ничего не сказала. Мы с Канчей поправили наши кровати и вновь легли под одеяла. Мое сердце колотилось как бешеное, в голове роились всякие мысли — сна не было ни в одном глазу. Да и время уже близилось к рассвету. Прокричал петух.

Но Джованна позвала нас только через полчаса.

— Ричильда! И ты, Канча! Идите ко мне.

Меня чуть-чуть утешило, что в этот страшный миг она позвала меня первой. Мы вошли в спальню. Канча поправила фитиль и зажгла свечу. Джованна сидела на кровати, бледная как смерть, и тяжело дышала.

— Это... сделано? — тихо спросила она.

— Да, ваша светлость, — ответила Канча.

— О Боже, — королева закрыла лицо руками, — этот шум...

— Никого не разбудил, — заверила Канча со свойственным ей оптимизмом.

— А Бертран?

— Ускакал вместе с остальными.

Джованна глотнула ртом воздух так, что я испугалась, выдержат ли у нее легкие, затем с шумом выдохнула.

— Может быть, мне поднять тревогу, ваша светлость? — предложила я, чтобы хоть как-то ей помочь.

— Нет! Ни за что! — воскликнула Джованна. — Идите обе ко мне и закройте дверь.

Я не могла не сознавать, что это было ошибкой. Но Джованна была моей госпожой, и я повиновалась. Мы втроем забрались под одеяло в постель, все еще согретую теплом тела покойного принца.

Не прошло и нескольких минут, как в саду под окном послышались крики, а затем и голоса, призывающие королеву. Светало, и мы уже могли смотреть ей в лицо. Но глаза Джованны были плотно закрыты, она ничего не произнесла и лишь только крепко прижимала нас к себе. Прошло еще несколько минут, и раздался стук в дверь.

— Ваша светлость, — произнес мужской голос, — ваша светлость, это настоятель монастыря. Мадам, произошло огромное несчастье. Мадам, ваш супруг мертв.

Джованну передернуло, но она опять не произнесла ни слова. Ее пальцы впились в мое тело, как когти большого зверя.

— Мадам, — вновь заговорил настоятель, на сей раз более нетерпеливо, — как вы прикажете распорядиться телом вашего мужа?

Джованна опять не ответила. Казалось, монахи ушли из апартаментов. Но затем послышались другие голоса, задававшие все те же вопросы, и слова молитв перед дверью в спальню Джованны. Шум постепенно нарастал, собралось уже много народа, люди глазели на раскачивающееся тело человека, которому предстояло быть королем Неаполя.

— Джованна, — сказала я, впервые обратившись к моей госпоже просто по имени. Но в данной ситуации мы все были равны. — Нужно что-то делать. Иначе они вышибут дверь, и мы окажемся перед лицом толпы.

— Они разорвут нас на части, — простионала Канча без присущей ей бодрости.

Джованна с большим усилием выпрямилась. Казалось, она взяла себя в руки.

— Позови мою стражу, Ричильда, — сказала она.

— Я, ваша светлость? — спросила я, помня даже в столь опасной ситуации свое место.

— Конечно. Ведь среди них твой муж. Позови их сюда и вели им приготовить носилки.

— У меня здесь нет одежды, ваша светлость. Моя одежда осталась в той комнате, где сейчас монахи.

— Надень мое платье, — скомандовала Джованна, — и быстро приведи охрану.

Я надела королевское платье, выскочила через боковую дверь, выходящую на лестницу, и быстро побежала к комнатам стражи. Меня заметили, но не могли разобрать, действительно ли это была королева, — у меня на голове была накидка, — и прежде

чем меня успели остановить, я уже вбежала в комнату охраны и упала в объятия Альберто.

Он был мрачен.

— Ночное происшествие наделает немало шума, — сказал он.

Он любил выражаться решительно.

— Все равно, — сказала я, — мы слуги королевы и должны выполнять ее приказания, и как можно скорее.

Он согласно кивнул и послал своих четверых людей принести носилки и подготовить лошадей. Когда все было готово, я решительно направилась в сопровождении шести стражников к главной лестнице. Мы поднялись к дверям королевской спальни. Монахи и зеваки расступились перед нами. К счастью, венгры еще не очнулись и не понимали, что происходит. У дверей спальни я назвала себя.

Джованна и Канча к тому времени уже были одеты и готовы к дороге. Мы втроем поспешили к носилкам, и поскольку наши лица скрывались под вуалями, трудно было определить, кто из нас королева и с нами ли она вообще. Носилки пронесли сквозь толпу, откуда раздавался ропот, но не было сделано ни единой попытки прибегнуть к насилию. Через несколько часов мы были уже в безопасности в Новом замке и вслед за нами немедленно был поднят подъемный мост.

Если только вообще можно говорить о том, что хоть какое-то место на земле могло быть для нас безопасным. Преступление было совершено столь неумело, что личности убийц ни у кого не вызывали сомнений. Мы не пробыли в апартаментах и нескольких часов, едва успев рассказать о происшедшем донне Филиппе и ее испуганным дочерям, как появился Бертран. Он быстро взбежал по потайной лестнице и вошел в покои королевы. Я стала невольной свидетельницей встречи двух любовников, совершивших преступление.

Можно было ожидать, что они бросятся друг другу на шею, ища в объятиях поддержки и утешения.

Джованна явно в этом нуждалась. Но Бертран смотрел на нее как на чудовище. За одну ночь он постарел буквально лет на двадцать, на его лице застыл ужас. Казалось, он только сейчас стал осознавать, на какое злодеяние пошел ради любви этой женщины. И что эта любовь не спасет его от ужасных последствий.

— Какие новости, любовь моя? — спросила Джованна.

— Новости! — Он бросился в кресло и закрыл глаза. — Тело упало и теперь лежит на земле.

— И никто не забрал его?

— Никто не осмелился прикоснуться... Его даже не накрыли. Он будет так лежать и разлагаться! — вскричал Бертран.

— А что же... венгры?

— Они поскакали в сторону границы, опасаясь за свою жизнь.

— Чего же нам тогда бояться, дорогой Бертран? — спросила королева, и в ее голосе прозвучало нетерпение.

— Гнева Господня, — простонал юноша, направляясь к двери.

— Куда вы?

— Я еду в имение своего отца в Сан-Агате. Он уже там и хочет, чтобы я был с ним.

— Но я хочу, чтобы вы были здесь! — топнула ногой Джованна.

— Мы прокляты! Прокляты! И я вам больше не нужен, ваша светлость!

Дверь за ним захлопнулась.

Джованна посмотрела на нас в полном оцепенении. Канча расхохоталась.

— Прокляты! — весело вскричала она. — Да! Мы все прокляты!

Она подошла к столу, налила себе бокал вина и принялась пить его так торопливо, что даже залила себе платье.

— Мне кажется, это совсем неуместно, Канча, — жестко сказала Джованна.

— А что вы можете сделать, бедная, проклятая королева? Позовите вашу стражу, велите меня высечь? А вы уверены, что я всего не расскажу, в том числе и о вашей роли в этом деле?

— Думаешь, они не знают? — спросила Джованна. Ее голос звучал спокойно, но это было ледяное спокойствие.

— Они могут подозревать, мадам. Но нет, они предпочли бы не знать и не рассказывать. Ведь тогда это будет предательство. Вас должен выдать кто-нибудь, кто не боится умереть. Кто-нибудь вроде меня.

И она налила себе еще один бокал. Несколько секунд Джованна молча смотрела на нее.

— Пойдем, Ричильда, ты мне поможешь, — наконец сказала она.

Мое сердце рвалось на части. Я видела, в какую ловушку попала королева. Но унижения пока еще только начинались. Мы еще не дошли до дверей спальни, как входная дверь в апартаменты распахнулась и перед нами появились донна Филиппа и Роберто ди Кабане. Оба явно уже пришли в себя.

— Все забудется, великая королева, — произнесла катанійка.

Джованна посмотрела на нее так, что прачка должна была бы упасть замертво. Но донна Филиппа не была расположена трепетать от одного лишь взгляда.

— Предстоит кое-что сделать, ваша светлость.

— Да, — сказала Джованна, — я должна облачиться в траур.

— Черное идет вам больше всего. Но сначала нужно организовать похороны.

— После того, как кто-нибудь позаботится о теле моего мужа.

— Ха-ха. Думаю, какой-нибудь пройдоха этим займется. Да, это будет большое событие. Надеюсь, вы позволите мне ехать рядом с вами во время процессии?

— Вам, синьора?

— Разве я не ваша близкая подруга? Не ваша наставница? Не ваша мать, наконец? Но есть еще одна проблема. Нам понадобится одежда, чтобы предстать перед толпой в приличном виде.

— Разве у вас, синьора, нет платья, подходящего к такому случаю?

— Я говорю о новой одежде, ваша светлость. Вы же не хотите, чтобы я, мои дочери или главный сеньсаль плохо выглядели во время процессии? Нет-нет. Двухсот дукатов будет достаточно.

— Двухсот дукатов? — повторила за ней Джованна.

— Вот приказ, — произнесла Филиппа, разворачивая один из своих презренных свитков.

Джованна взглянула на нее, резким движением взяла свиток, подошла к секретеру и одним росчерком поставила свою подпись.

— Оставьте меня, — произнесла она спокойным тоном, в котором, однако, угадывалась масса эмоций.

Филиппа поклонилась, а за ней и Роберто.

— Я, ваша светлость, без сомнения подумаю о том, что нам еще нужно. И когда нам что-нибудь потребуется... Я уверена, ваше щедрое сердце немедленно откликнется на нужды верных друзей... по крайней мере тех, кто посвящен в вашу тайну. Доброго вам дня, ваша светлость.

Филиппа взглянула на нас с Канчей и удалилась.

Джованна тоже посмотрела на нас, затем опустилась на стул и бессильно уронила голову на колени. Мне кажется, она впервые поняла, что обречена.

Я бросилась было ее утешать, но у двери опять послышались голоса. Джованна побледнела, но не успела она произнести и слова, как Канча уже распахнула дверь. На пороге стояла императрица Константинопольская, как всегда величественная и сердитая.

— Ах, ваша светлость, почему такой мрачный вид? — требовательно спросила она.

Джованна поднялась.

— Я скорблю о моем муже, мадам, — произнесла она, используя французскую форму обращения к французской императрице.

— Муж, о котором скорбят, скоро забудется, — заявила Екатерина, — видит Бог, у меня есть опыт в таких делах. Нужно думать о будущем. О вашем новом муже.

— Мадам, прошу вас. Тело Андрея еще не остыло.

— Уже вполне остыло. А вы — незащитная девочка, нуждающаяся в сильном мужском плече, на которое смогли бы опереться.

— Нет сомнений, что у вас уже есть на примете такой мужчина! — воскликнула Джованна.

— Конечно. Мой сын Роберт. Он вашего возраста и достойного происхождения.

— Роберт? Но он мне двоюродный брат. Такой брак будет незаконным.

— Это не так важно. Его святейшество выдаст необходимые разрешения. Роберт боготворит вас. Я уже переговорила с ним.

— Уже? — На мгновение Джованна даже лишилась дара речи, а потом продолжила: — Мадам, но ведь принц Роберт не старший ваш сын.

Мое сердце забилося. Людовик Тарентский мог стать королеве надежной защитой.

Екатерина поняла, что имела в виду Джованна.

— Я говорила и с Людовиком, — сказала она, — но у мальчика голова забита романтическими бреднями. Он заявил мне, что не считает возможным делать вам такое предложение в такое время. А вот у Роберта нет таких предрассудков.

— Вы думаете, у меня тоже нет предрассудков? — воскликнула Джованна. — Я благодарна принцу Людовику за его понимание. Я не могу думать о новом браке до истечения шестимесячного траура.

— Джованна, — начала императрица, отбросив притворство, — вы станете женой моего сына. Он пока еще не знает о том, что знаю я. Они оба в это не посвящены. А в скором времени вам пона-

добится их поддержка, как и всякая другая надежная рука, на которую вы сможете опереться. Но если бы я открыла им правду о смерти принца Андрея, они бы от вас безусловно отвернулись, и тогда уже вам долго не выстоять. Быть может, через шесть месяцев вы уже не будете королевой. Так что, дорогая моя, дайте мне свою руку как будущая моя невестка. Все, что я хочу, — это объявить о вашей помолвке. Конечно, вы не можете сочетаться браком до окончания траура, да и надо еще получить разрешение Папы. Пусть Роберт поселится в замке, чтобы вы могли его принимать каждый день, тогда все поймут, что вы обручены. Итак, вашу руку.

Как бы я хотела, чтобы Джованна ответила старой карге отказом. Я знала этого Роберта. Он был еще совсем мальчишка и мог стать Джованне столь же надежной защитой, как бумажный щит. К тому же я понимала, что императрица Константинопольская блефует. Как она могла бы рассказать сыновьям «правду о смерти принца Андрея», не раскрыв при этом своего собственного участия в этом деле?

Но я не могла поделиться своими мыслями с Джованной. А сама она была так расстроена, что ничего не сознавала.

Немного подумав, королева вздохнула и протянула свою руку.

— Что мне делать? Что делать? — простонала Джованна, когда мы наконец остались одни. — О Господи! Не будь я королевой, я бы ушла в монастырь... Выйти замуж за Роберта... или за кого-то другого... Сама мысль об этом мне противна... Я самое пропащее создание на земле. Те, кому я верила, — тут она бросила уничтожающий взгляд на Канчу, которая по-прежнему пила в углу, — эти люди предали меня, все заняты только собой. Я одна против всего света.

— Я с вами, ваша светлость, — осмелилась напомнить я.

— О Ричильда, моя дорогая Ричильда, — проговорила Джованна, — без тебя я бы сошла с ума.

Этой ночью, впервые за несколько лет, я вновь оказалась в постели с королевой. Ночь прошла мучительно. Джованна металась, ее мучили кошмары, она часто вскрикивала во сне и под конец просто выпихнула меня из постели. Я терпеливо переносила все это, не меньшие страхи терзали и меня. И мы обе знали, что наши мучения еще только-только начинаются. На следующий день тело принца Андрея было привезено в Неаполь.

Это сделал Карл Дураццо, приступивший к осуществлению своего плана по свержению королевы и устранению ее приближенных.

Он притворился, что случайно узнал о произошедшем в монастыре событии, и отправился туда немедленно. Здесь Карл был «потрясен», увидев тело Андрея по-прежнему лежащим под балконом. Поскольку королева не дала никаких указаний, никто не осмелился приблизиться к телу. Карл немедленно распорядился подобрать труп и организовать пышную процессию, препроводив тело усопшего мужа королевы в Неаполь, в собор, где уже собиралась толпа поглазеть на останки того, кто, по указанию Папы, должен был стать их королем. Среди собравшихся находились и те венгры, кто не удрал, а остался на месте. Именно на них смотрел Карл Дураццо, стоя около катафалка и обращаясь к народу:

— Благородные дворяне и иные сословия, перед вами тело нашего короля, жестоко умерщвленного и брошенного на поругание. Я обещаю вам всем, что не успокоюсь, пока не найду виновников этого гнусного злодеяния. Я обещаю расправиться с ними, без жалости и снисхождения, повинувшись праведному гневу, вне зависимости от их звания и происхождения. Я призываю вас всех поддержать меня в исполнении этого священного долга.

Стоит отметить, что хитроумный негодяй не выдвинул ни одного прямого обвинения. Он прекрасно знал, что его человек представит все необходимые доказательства, а уж он сам потом сможет всю изобразить ужас и негодование, как бы осознав, что его королева сама избавилась от своего мужа.

Толпа ответила Карлу громкими криками. Громче всех надрывалась венгры: «Мсть! Мсть!»

Шум достиг Нового замка, как, впрочем, и толпа, его производившая. Джованна была в такой прострации, что я всерьез стала опасаться за ее рассудок. Слабым голосом она велела объявить замок на осажденном положении, ожидая в любую минуту начала гражданской войны.

Мой возлюбленный Альберто расставил стражу, в то время как мы, женщины, со страхом выглядывали из окон, следя за приближающейся толпой. Впереди ее шел сам Карл Дураццо и требовал впустить их в замок.

— Впустите этого мерзавца, — сказала императрица Константинопольская, поспешив на помощь своей будущей невестке, — лучше нам знать, что у него на уме.

— Но только его одного, — предупредила Джованна.

Подъемный мост был по-прежнему поднят, но из боковых ворот спустили на воду лодку, в которой Карл и переправился через ров, представ перед королевой, своей теткой и приближенными дамами в позе победителя.

— Ваша светлость, — произнес он, низко склонившись перед королевой и коснувшись пола пером своей шляпы, — какие ужасные события. Я понимаю, что только скорбь помешала вам появиться перед народом и позаботиться о теле вашего мужа. Я был рад заменить вас как ваш зять и наследник.

— Наследник? — спросила Джованна.

— Разве нет? Ведь я муж вашей преданной сестры. Разве она не унаследует трон, если вы, безутешная вдова, умрете бездетной?

— У меня будет ребенок, — объявила Джованна, — я ношу его под сердцем.

Карл усмехнулся.

— Пройдет столько лет, прежде чем ваш ребенок, если, конечно, он родится живым, сможет править Неаполем. А народу нужен надежный правитель, достойный этого имени.

— Вы слишком вмешиваетесь в государственные дела, дорогой племянник, — произнесла Екатерина. — Джованна будет прекрасно править Неаполем ко всеобщему удовлетворению и при поддержке своего нового мужа.

— Нового мужа?

— Да. Моего сына.

— Вашего сына? — На мгновение с Карла слетел весь апломб. Как бы я хотела, чтобы Екатерина бросила ему в лицо имя Людовика Тарентского. Это был достойный рыцарь, перед которым затрепетал бы даже Карл.

— У вас же трое сыновей, тетушка.

— Моего сына Роберта.

Карл уставился на нее, затем встряхнул головой и расхохотался.

— Этого мальчишки?

— Он принц крови и выше вас по рождению, — вспыхнула императрица.

— Но он по-прежнему мальчишка. И чересчур изнеженный. Оставим этот спор, милые дамы. Я пришел сюда во главе народа и не сомневаюсь, что вам это известно. И народ считает меня наследником престола как единственного достойного защитника несчастной королевы и требует, чтобы именно сейчас я был провозглашен герцогом Калабрийским. Вы не можете не учесть его воли и желания.

— Вы требуете слишком многого, — возразила императрица.

— Я требую того, что должно быть моим по праву, — ответил Карл Дураццо и пристально посмотрел в глаза императрице, а затем и Джованне. — Народ поручил мне найти и покарать убийц принца

Андрея независимо от их ранга и положения. Или вы думаете, что я еще не начал расследования и у меня нет никаких результатов?

Джованна побледнела, и даже императрица, хоть и принадлежала к горделивому роду Валуа, не сразу нашлась что ответить.

— Быть может, дитя мое, — обратилась она к Джованне, — вам стоило бы сделать Карла своим наследником до тех пор, пока ваш ребенок не подрастет, чтобы править самостоятельно.

— Да, — выдохнула Джованна, — до тех пор.

Карл усмехнулся, поклонился и направился с королевой к крепостному валу. Отсюда под восторженные крики толпы он был провозглашен новым герцогом Калабрийским.

Наверняка ему казалось, что он достиг желаемого. Но недалекое будущее показало, что он ошибался.

Екатерина Валуа всегда была женщиной, с которой шутки плохи.

— Ничтожный негодяй! — вскричала она, как только новоявленный герцог Калабрийский удалился. — Он ставит себя выше нас всех, выше меня и моего сына! Я заставлю его волком выть и валяться у ваших ног! Не беспокойтесь, дитя мое.

— Он так силен, — простонала Джованна, — и ему так преданы мои подданные. Знаете, тетя, во мне все более крепнет желание отдать ему предмет его мечтаний, королевство, и удалиться в монастырь.

Екатерина растерялась. Она уже представляла себя в роли всемогущей королевы-матери, фактической правительницы государства.

— Вы не можете так поступить, Джованна, — поспешно сказала она. — Ваш священный долг — быть королевой Неаполитанской. Вы не можете оставить престол из-за пустых угроз какого-то негодяя. Предоставьте Карла Дураццо мне. Я... — тут Екатерина призадумалась, — я заставлю Людовика вызвать его на поединок!

— Нет! — воскликнула Джованна, и в этом взгляде отразилась тайна ее сердца.

Екатерина нахмурилась.

— Неужели вы думаете, что мой сын не покарает Карла, как он покарал бы любого строптивного смерда?

— Я не сомневаюсь в его силе и умении, дорогая тетя, но поединок... Ведь никогда нельзя предугадать, какой злой рок может вмешаться в судьбу турнира?

— Да. — Екатерина прикусила губу. — Да, — задумчиво повторила она, — а жаль. Я бы очень хотела посмотреть на этого негодяя, поверженного, лежащего в крови у моих ног.

Она вздохнула.

— Что ж, можно избрать иной способ...

— Нет, — сказала Джованна, на сей раз более спокойно, — я не позволю его отравить. Я совершила достаточно преступлений в своей жизни.

А ведь ей еще не было и двадцати лет.

— Ваша светлость, — угрюмо возразила Екатерина, — как я могу разделаться с этим подлецом, если вы противитесь его уничтожению?

Как раз в этот момент Канча, привычно наливавшая в углу вино, разразилась хохотом.

— Но, мадам, есть много способов превратить тигра в ободранную кошку.

— А эта пьяная девица заслуживает порки, — предложила Екатерина.

— Выслушайте меня, мадам, — запротестовала Канча, — и если вы не согласитесь с моими доводами, я не замедлю подставить свой зад под розги. Вы хотите уничтожить Карла Дураццо. Но ведь смерть часто приносит облегчение. Не лучше ли просто превратить его жизнь в постоянную пытку?

Екатерина не стала затруднять себя разгадыванием этой головоломки, а спокойно направилась в угол, где стояли трости для прогулок. Теперь она выбирала самую длинную.

Канча оставалась спокойна. Впрочем, она всегда была спокойна, пока не доходило до дела.

— Скажите, мадам, — начала она, — кому более всего предан Карл Дураццо? Вернее сказать, кто тот единственный человек на белом свете, кому Карл предан душой и телом? Только не жене, это уж точно.

— Его мать! — воскликнула Екатерина.

— Я не позволю причинить вред тетушке Агнессе, — сказала Джованна.

— Никто не тронет даже волоска на ее голове, ваша светлость, — заверила Канча, — но если посеять раздор между вдовствующей герцогиней Дураццо и ее сыном, последний будет несчастнейшим из ваших подданных во всем королевстве. Послушайте меня, милостивые государыни. Вдовствующая герцогиня Агнесса сильно угнетена в последнее время, я знаю об этом от ее придворных дам.

— Ничего удивительного, — заметила Екатерина, — она наверняка знает, о чем думает ее сын. А с такими амбициями как не вспомнить легенду об Икаре: высоко взлетевший обжигает крылья.

— Факт остается фактом, милостивые государыни. Она переживает как женщина, которую что-то гнетет. А что, если причина депрессии — беременность?

Крайне удивленные, Джованна и Екатерина уставились на Канчу; даже я не могла понять, к чему она клонит. Джованна облекла мои мысли в слова.

— Агнесса Дураццо? Да это самая благочестивая вдова в королевстве!

— Вполне возможно, ваша светлость, — возразила Канча, — но как врач распознает раннюю беременность? Он исследует женскую мочу. А среди нас есть по крайней мере трое, — тут Канча обвела взглядом присутствующих дам, соблаговолив включить в их число даже меня, — кто может дать мочу, анализ которой убедит любого скептика, что женщина, ее представившая, ждет ребенка.

Джованна смотрела на нее, раскрыв рот.

— Я, во всяком случае, готова дать свою, — закончила выступление Канча.

Джованна посмотрела на Екатерину, по-прежнему не в силах закрыть рот.

Но императрица уже не хмурилась, наоборот, ее чело разгладилось и она восторженно захлопала в ладоши.

— Замечательно! Одна только мысль, что его мать беременна... Да Карл не будет знать ни минуты покоя! Да, но... как же заменить мочу в анализах? Если хоть одна живая душа за пределами этой комнаты узнает, о чем здесь шла речь... Нас вновь будут шантажировать!

Взгляд императрицы остановился на мне. По-видимому, ей пришло в голову немедленно уменьшить количество посвященных хотя бы на одного человека.

— Никто ни о чем не узнает за пределами этой комнаты, мадам, — пообещала Канча. — Я очень дружна с Алисой Салерно, придворной дамой герцогини. Что ж, я подружусь с ней еще больше, что вполне естественно, ведь Карл теперь наследник престола. Я буду бывать во дворце Дураццо, веселиться, хохотать и пить вино со всеми. Думаю, что мне предложат там погостить. И уж если мне не удастся поставить свой ночной горшок под кровать герцогини, считайте, милостивые государыни, что я ни на что не гожусь. А дальше все очень просто. Одного только намека Карлу о том, что причиной страданий его матери является беременность, хватит, чтобы он тут же позвал врача.

— Да, Канча, — согласилась Екатерина, — ты действительно способная женщина. Будь ты моей дочерью, я бы тобой гордилась.

На том и порешили.

Спешу сразу же сказать, что Джованна, как и я, отнеслась к этой затее весьма настороженно. Конечно, ни Канча, ни Екатерина ни минуты не задумывались, насколько жестока подобная затея в отношении герцогини Агнессы, женщины поистине безупречной. Так или иначе, их план превратить Карла в несчастнейшего из смертных вполне удался. Канча проникла во дворец Дураццо, поменяла ночные горшки и

проследила за тем, чтобы анонимная записка попала прямо в руки Карла Дураццо.

О том, что произошло вслед за этим, мы можем судить лишь по обрывочным фактам, ибо сами события происходили за закрытыми дверями палаццо. В любом случае от своей приятельницы Алисы Канча узнала, что Карл Дураццо, узнав постыдное известие от врача своей матери, поначалу отказывался ему верить. А когда понял, что несчастный говорит правду, гнев Карла был страшен.

После этого из палаццо не было никаких известий. Никто оттуда не выходил, и никого не впускали. Так прошла неделя, по истечении которой разнеслась весть, что вдовствующая герцогиня Агнесса занемогла и скончалась, а вместе с ней и ее личный врач.

Неаполь погрузился в траур по достойной даме. Джованна впала в отчаяние. У нее не было сомнений, что Карл убил свою мать либо путем вскрытия — чтобы удостовериться своими глазами, — либо прибегнув к яду. Впоследствии мы узнали, что он выбрал яд, которым убил и врача, чтобы быть уверенным в том, что правда никогда не выйдет наружу. Она и так никогда не могла бы выйти наружу. Мечь Канчи и Екатерины была нерадостной победой.

Надо сказать, что Екатерина явно чувствовала угрызения совести за свое деяние. Она из кожи вон лезла, чтобы угодить несчастному герцогу и его не менее несчастной супруге, ибо Мария страдала от окружающих ее и непонятных ей интриг и злобы. К тому же, как и все мы, Мария к этому времени уже была беременна. Подобострастие Екатерины, а вскоре она подключила к делу и Роберта, при любых других обстоятельствах могло вызвать только смех. Я сразу же вспомнила, как Карл Дураццо подлизывался к венграм, когда его выставила королева, не поддержав его предложение устранить Андрея. К тому же было не похоже, чтобы Карл хоть немного поддался на эту уловку.

И все же лицемерие Екатерины сыграло положительную роль. Поскольку императрица с Робертом

отныне проводили большую часть дня во дворце Дураццо, у нас, приближенных Джованны, было теперь время заняться собой. Беременность у нас троих пока явно не проявлялась, но мы знали, что еще немного, и наши животы станут заметны. Времени для развлечений было мало. И вот теперь, когда мы по своей наивности полагали, что буря, разразившаяся в результате смерти принца Андрея, уже пронеслась и мы остались, слава Богу, в целости и сохранности, произошло одно примечательное событие.

Однажды утром мы, как всегда, сидели в будуаре королевы, занимались рукоделием и болтали о наших будущих детях. Роберт и императрица уже отправились во дворец Дураццо. Ничто не нарушало тишины, как вдруг мы услышали скрежет опускаемого моста. Джованна отрядила меня проверить, в чем дело, кто отдал приказ опустить мост, ибо сама она не отдавала Альберто на этот счет никаких распоряжений. Представьте мое изумление, когда я увидела Людовика Тарентского, в походном облачении отправляющегося на войну рыцаря, а с ним еще полдюжины вооруженных людей.

Возможно, мои читатели уже заметили, что для меня Людовик Тарентский являлся лучшим представителем мужского племени. Мое сердце забилося, особенно когда он отдал распоряжение снова поднять мост вслед за собой. Альберто вопросительно посмотрел на меня, и я кивнула. Я не знала о цели приезда Людовика. Я могла только надеяться на лучшее и молиться.

Людовик спешил, и его люди помогли ему разоблачиться, хотя он все же остался в панцире и со шлемом на голове. Затем он взглянул на меня.

— Проводи меня к своей госпоже, — скомандовал он.

У меня создалось впечатление, что он с трудом сдерживает свои эмоции. Однако я присела в реверансе и затаив дыхание повела принца в королевские покои. Мое сердце билось в унисон его шагам за моей спиной. У двери будуара я обратилась к нему:

— Если вы позволите, я доложу ее светлости о вашем прибытии...

— Я представляюсь сам, — прервал меня Людовик, открывая дверь.

Раздался хор восклицаний, и когда я вошла вслед за принцем, то увидела Джованну с Канчей, вскочивших на ноги при неожиданном появлении прекрасного рыцаря. Спицы в их руках топорщились как шпаги. Надо сказать, возбуждение принца к этому моменту возросло до предела, но он все же справился с собой и поклонился.

— Ваша светлость, — обратился он к королеве.

— Монсиньор, — голос Джованны звучал спокойно, хотя я не сомневалась, что пришелец произвел на нее должное впечатление, — что означает ваше внезапное появление? Разве вы не знаете, что я обручена с вашим братом?

Людовик выпрямился.

— Я должен был прийти раньше. Сколько ночей провел я без сна, терзаемый волнениями души, совести и сердца. Но теперь я знаю — вы не должны стать женой другого. Я не могу жить без вас, Джованна.

Он упал на колени, схватил ее руку и поднес к губам.

Я чуть было не захлопала в ладоши от радости. Канча не преминула это проделать, пока Джованна смотрела на своего любимого кузена со смешанным чувством радости, удивления и грусти. Она слишком хорошо сознавала, какие препятствия лежат на пути столь желанного союза.

— Вы не хотите ответить мне? Не оставляете мне никакой надежды? — Людовик по-прежнему сжимал руки Джованны.

— Увы, мой дорогой, драгоценный Людовик, — отвечала она, — я не желала бы иного мужчины, с кем хотела бы разделить свою постель. Но что же делать? Ведь я уже обручена с вашим братом.

— С этим мальчишкой! — произнес Людовик не менее презрительно, чем в свое время Карл Дураццо.

— С вашим братом, — повторила Джованна, — сыном вашей матери, — добавила она, подводя черту под вопросом.

— Они заставили вас, пока я находился в смятении, — заявил Людовик. — Их поспешность просто непристойна. Я не допущу этого.

Джованна взглянула на него с любовью. А когда во взгляде Джованны светилась любовь, она действительно была прекраснейшей женщиной Европы.

— Вы воспротивитесь своей матери?

— Я воспротивлюсь самому Господу Богу, только бы быть с вами.

— Прошу вас, не надо святотатствовать, — запротестовала Джованна. — Давайте лучше поставим этот вопрос перед императрицей Константинопольской по ее возвращении.

— Я не могу так долго ждать, ваша светлость, — проговорил Людовик, — к тому же это неразумно. Моя мать весьма хитрая женщина, она наверняка придумает, как нас разлучить и держать вдали друг от друга. Нет, мы должны поставить ее перед свершившимся фактом.

— Монсиньор, — ответила Джованна, — но не можем же мы отправиться в собор и просить архиепископа обвенчать нас. Не говоря уже о неразумности такого шага, мы не делали оглашения, и нам необходимо разрешение его святейшества, поскольку мы кровные родственники.

— Ваша светлость, — заговорил Людовик, — я знаю, что браки заключаются на небесах и что для нашего союза необходимо благословение Папы. И все же есть еще другая сторона брака, без исполнения которой брак будет недействительным даже после благословения церкви. Но в то же время, если это свершится, церковный обряд становится уже только формальностью, и Папа не сможет отказать нам в своем разрешении.

Джованна смотрела на него. Кровь прилила к ее бледным щекам, а грудь вздымалась от волнения.

— Монсиньор, что вы имеете в виду? — спросила она, будто бы не догадываясь о его намерениях. Мы с Канчей, во всяком случае, в них не сомневались, и у нас обеих перехватило дыхание.

Впрочем, принц не замедлил объясниться.

— Я предлагаю, дорогая Джованна, реализовать наш брак немедленно, а уж потом волноваться о формальностях. — Принц нахмурился. — Я надеюсь, вы не удостоили моего брата подобной чести?

— Упаси Боже! — воскликнула Джованна.

— Тогда нет никаких препятствий. — Он кивнул мне. — Раздень меня, Ричильда.

Я с радостью бросилась выполнять приказание. Мне пришло в голову, что нам с королевой предстоит не самые плохие полчаса. Но у Джованны еще не отпало желание протестовать.

— Монсиньор, — сказала она, — я беременна.

— Я не поврежу ребенку, — обещал он, — может быть, ему даже будет лучше.

Джованна прикусила губку, затем посмотрела на Канчу. Та немедленно принялась расстегивать ей платье, пока я пыталась управиться со своей задачей. Конечно, у меня было мало опыта в снятии одеяний типа панциря и иных доспехов, но вскоре мне удалось освободить принца от всего ненужного. Канча закончила помогать Джованне, и мы обе отступили в восхищении. Надо сказать, я сама была возбуждена от такого зрелища. Перед нами стояли во всей наготе двое прекраснейших людей королевства, к тому же возбуждение принца уже достигло предела. Через секунду они слились в объятиях. Людовик поднял Джованну и понес к постели. Чувство такта заставило нас с Канчей покинуть спальню, хотя мы обе с удовольствием бы остались.

Я не знаю, как забавлялась в последующие полчаса Канча, сама же я поспешила найти Альберто, затащила его в комнатку и помогла избавиться от одежды, как до того помогала принцу. Но судьба не считается с нами, простыми смертными. Не успели мы с Альберто соединиться, как раздался стук, и дежурный сержант

вбежал с сообщением, что принц Роберт Константинопольский в сопровождении матери и свиты приближается к замку.

— Что делать? — спросил Альберто.

— Не впускать его, — не замедлила я ответить.

— Не впустить принца? Он наш будущий король!

— Положение изменилось, — сказала я и, быстро накинув рубашку, помчалась в королевскую спальню. Вряд ли я когда-нибудь сумею забыть зрелище, представшее пред моими глазами. Королева была прекрасна в объятиях своего любовника, ее великолепные волосы рассыпались по плечам, голова откинута, а тело содрогалось в экстазе оргазма. Я не решилась нарушить миг блаженства, к тому же явно взаимный. К счастью, подобные мгновения быстротечны. Как только Джованна в изнеможении откинулась на спину, я немедленно дала ей знать о своем присутствии и объяснила причину.

Джованна вскочила с кровати, прижав руки к груди.

— О Боже! — воскликнула она.

Людовик принялся натягивать одежду.

— Я разберусь с ними, дорогая моя жена, — сказал он и выбежал из комнаты.

Джованна и я в развевающихся рубашках последовали за ним и прильнули к окну. Людовик выбежал на крепостную стену над подъемным мостом.

Роберт был в бешенстве. Ему отказывали во входе в замок, который он уже считал своим домом.

— Негодяи, — кричал он на стражников, включая моего Альберто, — опустите мост сию же минуту, или я перевешаю вас как собак!

Он не сразу заметил брата, но тут Людовик ответил ему.

— Они выполняют мои распоряжения, Роберт, — спокойно произнес он, — я не хотел, чтобы мне помешали.

— Помешали? — вспыхнул Роберт. — Помешали заниматься чем?

— Я как раз демонстрировал королеве свою любовь и верность, — объяснил Людовик.

Не думаю, что он поразил бы брата сильнее, если бы выстрелил в него из какого-нибудь адского орудия. Успевшая набежать толпа невольно затаила дыхание. Простой люд не упускает возможности поразвлечься, когда высшие сословия затевают ссору. По лицу Роберта было видно, что он вот-вот упадет.

И вряд ли ему стало лучше от следующих слов Людовика.

— Думаю, что ты захочешь поздравить меня, брат, — продолжал он. — Королева оказала мне честь и приняла мое предложение. Более того, наш брак уже реализован.

Оживление усилилось. Екатерина не выдержала и подъехала к сыну.

— Вы сошли с ума! — воскликнула она.

— Напротив, матушка, я как раз обрел рассудок, — возразил Людовик. — Надеюсь, вы благословите наш союз с королевой?

— Гнусный негодяй! — воскликнул Роберт, выхватывая шпагу и размахивая ею. — Спустишь только вниз! Мы сразимся один на один, если у тебя хватит смелости, предатель собственной семьи!

— С удовольствием, — согласился Людовик и покинул крепостную стену.

Но Екатерина, естественно, не могла допустить поединка между своими сыновьями, тем более что в его исходе, печальном для Роберта, не приходилось сомневаться. Она принялась увещевать младшего сына, отвечавшего с такой горячностью, что он инстинктивно натянул поводья, и их лошади столкнулись. Екатерина едва не вылетела из седла. Но как только подъемный мост стал опускаться, чтобы пропустить Людовика, Роберт развернул лошадь и помчался галопом, явно в сторону дворца Дураццо.

Нас не особенно заботило, куда он направился. Мы только лишь бросились друг другу на шею, выражая свой полный восторг. К сожалению, теперь нам предстояло встретить императрицу Константинопольскую. Она была мрачнее тучи.

— У меня нет слов, — произнесла она.

— Вам нужно всего только благословить нас, дорогая мама, — произнес Людовик. — И признайтесь, что ничего лучшего вы и не желали с самого начала.

Екатерине Валуа была присуща слабость всех женщин королевства — она не могла смотреть на Людовика Тарентского и хмуриться одновременно. К тому же она была его матерью, а следовательно, могла рассчитывать на то, что после его коронации будет пользоваться большим влиянием.

— Дорогой Людовик, — произнесла она, — дорогая Джованна. Было бы чудовищно не порадоваться вашему столь очевидному счастью. Но я опасаясь мести вашего брата...

Людовик презрительно махнул рукой.

— ...и мести Карла Дураццо, — продолжала Екатерина, — к которому, без сомнения, и поскакал Роберт.

— Уж не думаете ли вы, что я боюсь Карла, мадам? — спросил Людовик.

— Конечно нет. И я бы не опасалась за вас, если бы вам предстояло встретиться лицом к лицу в честном бою. Но Карл Дураццо может выбрать иное оружие. И увы, — она вздохнула, — выбор у него предостаточный.

Людовик, конечно же, не знал о заговоре против принца Андрея и не воспринял слова императрицы всерьез. Джованна предпочла не показывать свою озабоченность и разделяла чувства мужа. Канча привычно хохотнула.

Зато я сразу же почувствовала, как ледяная рука сдавила мне сердце.

Глава 4

Целых три месяца мы были абсолютно счастливы. Ни Карл Дураццо, ни Роберт Константинопольский не делали попыток расквитаться с нами, и мы позволили поверить себе, что все уже позади. Ни-

кто из нас и не задумывался о том, что жернова правосудия все равно возвращаются: хоть и медленно, но верно. Нет сомнения, что еще до брака Джованны с Людовиком Тарентским Карл Дураццо успел собрать компрометирующие свидетельства об участниках заговора и направить их в Авиньон. Ему оставалось только подождать официальных распоряжений его святейшества, чтобы начать обвинительный процесс против убийц.

Но его святейшество не торопился с ответом. Папе предстояло обдумать многое, и в первую очередь, конечно, вопрос о том, какую выгоду способен извлечь он лично из этих печальных событий. Не следует забывать, что сам он находился в изгнании и что дорога в шумный и суматошный Рим была ему заказана, и таким образом, как я уже говорила, его святейшество сам являлся подданным в ленных владениях неаполитанской короны.

Естественно, соображения собственной безопасности диктовали наместнику Божьему осторожность в принятии решения по вопросу о том, кто будет занимать этот трон. С одной стороны, добивавшийся этого трона принц Карл Дураццо, невинный, по крайней мере, в смерти принца Андрея и достойный короны, был в то же время человеком страстным, непредсказуемым и страшно упрямым. С другой стороны, столь же упрямая Джованна, безусловно виновная, но прелестная молодая женщина, которой нет еще и двадцати одного года и которая, если ее спасти от ужасных последствий содеянного ею зла, должна будет доказать и продемонстрировать благодарность своему спасителю и благодетелю! Уже сколько времени его святейшество одолевали сомнения.

А мы использовали это время весьма плодотворно. В положенный срок Джованна произвела на свет прелестного мальчика. Шумные торжества отметили это событие. Ребенка назвали Карлом Мартелом в честь деда, отца принца Андрея, и с явным намерением умиловить короля Венгрии Людовика, брата

Андрея, который оставался пока грозовой тучей на северо-востоке.

Канча также родила сына, названного Иоанном, или Джованни, и немедленно вновь забеременела, как всегда, от графа Терлицци.

У меня же родилась девочка. Я назвала ее Лючией, и мы с Альберто распили в ее честь бутылку доброго вина.

Мария, герцогиня Калабрийская, также произвела на свет девочку, назвав ее Маргаритой.

Екатерина, императрица Константинопольская и свекровь королевы, держалась и в Новом замке и за его пределами так, будто она сама была королевой Неаполитанской.

Ее сын Роберт дулся.

Другой ее сын вскоре примирился с проделкой Людовика.

Сам Людовик исполнял обязанности принца-консорта блестяще. Он гордо проезжал по улицам и площадям города с поднятым забралом, демонстрируя народу открытое, улыбающееся лицо. Он выступал на рыцарских турнирах, раздавал милостыню и сделал королеву счастливейшей из женщин. Кипучий и страстный, Людовик порой, к моему величайшему восторгу, находил время уделять внимание и мне. По счастью, ни Джованна, ни я не забеременели вновь.

Донна Филиппа ди Кабана пыжилась разве что чуть меньше, чем императрица Константинопольская. Ее сын Роберто чванился своим положением и щеголял как знатный рыцарь.

Народ был счастлив и прославлял свою королеву.

Тем временем Карл Дураццо закрылся в своем дворце и ожидал известий из Авиньона. Они прибыли в июне 1346 года.

Здесь мне хотелось бы временно прервать свой рассказ. Прежде чем я продолжу разговор о тех драматических, если не сказать разрушительных, событиях, сотрясавших нашу жизнь в последующие два

года, мне хотелось бы попытаться обрисовать, в какой ситуации находилась Европа, да и весь мир в целом к середине XIV столетия.

Если принять за основу, что центр мира находится в Риме, можно обнаружить, что в те годы папские владения ограничивались весьма небольшой территорией в центре Италии, а сами папы, увы, как я уже упоминала, нашли причину убежать из бурлящего Рима, подальше от непокорной римской черни и укрыться в Авиньоне, где, как выяснится позднее, им придется столкнуться с едва ли меньшей опасностью — честолюбием французских монархов, но откуда они могли взывать о помощи к своему хозяину, коим сейчас являлась их госпожа — королева Неаполитанская.

Само Неаполитанское королевство занимало нижнюю треть Апеннинского полуострова, к тому же Сицилия, как я уже говорила, в те годы перешла во владение дома Анжу и входила теперь в состав Арагонского королевства, управляемого в то время королем Педро IV; ему то и дело приходилось разбираться со своими бунтующими баронами, но все же он играл большую роль в делах Средиземноморья.

К северу от Рима образовалось несколько отдельных герцогств или республик, зовите как хотите. Сиена, Флоренция и Генуя были безусловно республиками; Милан, Мантуя, Феррара и Савойя именовались герцогствами на более аристократический манер, а Венеция была Венецией — сборищем пиратов, которые не страшились ни Бога, ни черта и были готовы на все ради своей империи и богатства.

Из всех названных городов Флоренция была на грани финансового краха, Милан находился под контролем трех властных братьев Висконти, а все остальные... Им никто не предавал особого значения, что, впрочем, было не совсем правильно.

К северу от Италии располагалась Священная Римская империя, на которую в те годы претендовал император Людовик IV Виттельсбах. Его притязания

оспаривал принц Фридрих Габсбург, прозванный — почему, я так и не поняла — Красивым. Фридрих пользовался поддержкой папского престола, и хотя гражданская война, которую он разжег, уже давно захлебнулась в крови, Папа и император по-прежнему оставались смертельными врагами.

Двигаясь далее на север, мы находим Данию, жившую в то время под рачительным управлением Вальдемара IV, дочери которого Маргарите предстояло объединить всю Скандинавию. Но в эти годы Швеция пока еще была отдельной страной под властью Магнуса II, ничтожества по прозвищу Слюнтяй.

Если теперь повернуть на запад, мы, естественно, попадем на Британские острова. Из них Ирландия была по-прежнему в привычном для нее состоянии анархии, Шотландия в несколько лучшем положении под властью Дэвида II Брюса, сына знаменитого воителя и победителя в битве под Баннокберном, но, к сожалению, никчемного монарха. Зато Англия начинала свое триумфальное шествие под знаменами юного монарха Эдуарда III. Говоря прямо и честно, весной 1346 года трудно было предсказать исход этого шествия. Наш король, вступив на престол при мрачных, если так можно выразиться, обстоятельствах, решил начать свое царствование войной с Францией вследствие причины, о которой я предпочла бы поговорить позднее, поскольку волею судьбы я оказалась причастной к этим событиям.

Пока же Эдуард одержал знаменательную победу в морской битве под Слейсом (Экюзом) во Фландрии и опустошал, без особой добычи, северную и восточную часть Франции; его великолепная победа при Креси еще только наступит в том же 1346 году, но весной этого еще никто не мог предвидеть. На данный момент все обсуждали его отказ расплатиться с флорентийскими банкирами по долговым обязательствам, что не в малой степени способствовало беспорядкам и смятению в Италии.

Францией управлял в то время Филипп IV, кузен нашего Эдуарда, который практически не имел закон-

ных прав на престол. Я опять же не хочу вдаваться в запутанный клубок доказательств законности или незаконности прав на престол. Я объясню все в свое время. В настоящий момент важно только отметить, что Филипп принадлежал к династии Валуа, а значит, состоял в родстве с теткой Джованны Екатериной Валуа. И обладал не меньшей беспринципностью.

Иберийский полуостров был по-прежнему разбит на несколько мелких королевств. Я уже упомянула Арагон; Кастилией управлял мужественный Альфонсо XI, одержавший несколько лет назад знаменательную победу над маврами на реке Саладо и прочно утвердивший себя героем в глазах народа. Впрочем, война с маврами занимала большую часть его жизни; он стремился отвоевать захваченные испанские земли. Наиболее удаленная часть полуострова — Португалия — находилась в руках Альфонсо IV, известного под именем Альфонсо Смелого, хотя данное прозвище скорее подходило к его альковным победам. Португальский двор славился скандальными историями, особенно вызывающей была связь его сына и наследника престола с прекрасной Инес де Кастро.

К югу от Тагуса находились земли мавров; они и управляли в этих королевствах.

На том покончим с Западной Европой и посмотрим на Восточную. Иоанн Люксембургский, король Богемский и сын покойного императора Генриха VII, находился при смерти; престол должен был перейти к его сыну Карлу I. Швейцарцы по-прежнему восставали против своих австрийских владетелей. Польшей правил Казимир III, известный под именем Казимира Великого; в Литве царствовал некий язычник Ольгерд, на Руси татарский ставленник Симеон. Самой важной для нас была Венгрия, где королем был Людовик, быстро осваивающийся на престоле брат принца Андрея, откуда нам могли в ближайшем будущем грозить некоторые осложнения.

Христианские страны Европы были окружены темными, мрачными силами. Не только юг Испании, но

все южное Средиземноморье находилось в руках арабов, от рук которых и погибла вся моя семья. К счастью для Европы, арабы, которые на словах признавали власть халифа Багдада примерно так же, как мы, христиане, подчиняемся его святейшему Папе, постоянно враждовали между собой, точно так же, как и христианские страны.

Куда более зловещую силу представляла собой нарастающая мощь Османской империи. Дикие всадники из степей Центральной Азии уничтожили империю Сельджуков и вот уже в течение нескольких лет отщипывали кусочками от обширных владений императора Византийского Иоанна V Палеолога. Впрочем, сама Византия способствовала тому непрекращающимися междоусобицами. Всего год назад Иоанн Кантакузин сам призвал турок пересечь Босфор, чтобы помочь его армии в гражданской войне против императора.

Мы могли только надеяться и молиться за то, чтобы эти события, происходящие вблизи восточной границы Венгрии, отвлекли внимание и заняли армию Людовика, короля Венгерского. Но вот в этих-то ожиданиях мы как раз и ошибались, к несчастью для нас с Джованной и, как оказалось, к несчастью для всей Европы.

Папская булла от 2 июня была адресована Бертрану де Бо, графу Монте-Скальозо и министру юстиции королевства. Папа приказывал немедленно приступить к расследованию и сурово покарать виновных в смерти принца Андрея. Одновременно все они предавались анафеме.

Такая новость, естественно, как и следовало ожидать, вызвала переполох. К тому же Бертран де Бо дал понять, что ему уже известны имена двух заговорщиков. Джованна чуть не упала в обморок, узнав об этом, а всех остальных бросило в холод. Положение осложнялось тем, что принц Людовик никак не мог понять причин нашего волнения и ничем не мог быть полезен.

К тому же мы не знали, что Климент приложил к булле секретное послание, адресованное лично Бертрану, в котором говорилось, что ни имя королевы, ни имена принцев не должны упоминаться на процессе: королевскую семью Папа покарает сам — но в свое время и своими силами. Быть может, мы легче отнеслись бы к происходящему, если бы знали об этом секретном послании.

Таким образом, Джованна была не в состоянии участвовать в предварительном слушании дела. Вместо нее в суд отправили меня, заставив отказаться от своих обязанностей няньки новорожденного принца — я заботилась и о нем, и о моей маленькой Лючии. Я даже давала мальчику грудь, когда его мать была занята — моего молока вполне хватало, чтобы накормить обоих крошек. Итак, я смешалась с толпой, наполнявшей просторный зал суда. Для высших сановников королевства в центре возвышалась большая платформа. Среди сидевших на ней Карл Дураццо и Людовик Тарентский выделялись своим суровым видом.

В зал ввели Томассо Паче и Никола ди Мелаццо. Этого следовало ожидать — этим двоим труднее всего было бы доказать свою невиновность. Теперь-то мне стало ясно, что синьор де Бо безусловно совещался с Карлом Дураццо еще до начала слушания дела. Иначе — принимая во внимание секретную инструкцию из Авиньона — как бы он был уверен, что обвиняемые не прокричат во всеуслышание имя королевы?

Понятно, что Никола ди Мелаццо был человеком Карла Дураццо. Но и Томассо Паче явно подчинялся неким указаниям. Обоим преступникам была обещана легкая и возможно безболезненная смерть, если они не сболтнут лишнего. В противном случае им предстояла пытка — и их семьям тоже.

В этом-то, конечно, и состоял промах Карла Дураццо. Он настолько стремился уничтожить королеву, что, легко согласившись с тем, что обвинение против королевы не должно прозвучать из уст людей простого звания — кто же их будет слушать, —

он ни минуты не сомневался в том, что, как только слуги назовут имена заговорщиков благородного происхождения, последние под пыткой немедленно выдадут ее величество. А обвинение из уст близких придворных приведет королеву на скамью подсудимых. Вот только он не учел юридических способностей Бертрана де Бо.

Оба обвиняемых вначале заявили о своей невинности — что, впрочем, и следовало ожидать. Они оба знали, что предварительной пытки им не избежать; любое их заявление потребовало бы подтверждения. Итак, их потащили на площадь. Я сразу же заметила, что мэтр Никола поискал глазами в толпе Карла Дураццо. Немой диалог между обвиняемым и герцогом Калабрийским завершился едва заметным кивком головы со стороны последнего. В тот момент я не могла разгадать содержания столь краткого диалога, теперь же мне ясно, что Никола искал подтверждения своим инструкциям и заверений герцога в отношении благополучия своей семьи.

Я со всех ног бросилась бежать в сторону площади. Надо с прискорбием заметить, что такое зрелище, как мучения ближнего своего, привлекает всегда массу народа. Думаю, что на площади к тому времени собрался уже весь Неаполь. Все хотели поглазеть, как двух несчастных будут рвать на части.

В центре площади возвышалась виселица, а на ней уже болтались веревки. Рядом стояли палачи в надвинутых на глаза капюшонах. Естественно, никто не собирался вешать Томасо и Никола — такая смерть была бы слишком легкой для преступников, и в любом случае они еще не были осуждены. Но для начала их полагалось подвергнуть пытке вытягиванием — проще говоря, подвесить. Делалось это просто. Руки жертвы заламывались за спину и стягивались в кистях веревкой, закрепленной на виселице. А далее палач уже решал, на какую высоту вздернуть несчастного. Несильный рывок гарантировал резкую боль; при более высоком натяжении выворачивались суставы, а при достаточной высоте одним рывком можно

было просто вырвать руки. Именно для такого испытания построенная виселица обладала вполне достаточной высотой.

Но до этого дело не дошло. Едва только веревка коснулась его рук, Томассо Паче признал себя виновным, обещая рассказать все. Толпа разразилась криками негодования — ведь ее лишали такого удовольствия! В едином порыве зрители двинулись вперед, быть может, решив продолжить развлечение своими силами. Я, естественно, двинулась вместе со всеми, ибо все равно не могла бы вырваться из толпы, да к тому же оказалась в весьма затруднительном положении. Я не знала о секретных инструкциях Бертрана де Бо, и мысль о том, что Томассо может вдруг рассказать все, не давала мне покоя.

Возможно, в моей голове бродила смутная идея — попросить его во имя нашей любви не распускать язык, какие бы страдания не пришлось ему вытерпеть. Что делать — я была молода и склонна к романтике. Но стража охраняла пленников очень тщательно, и толпа была вынуждена расступиться, потеряв тем самым всякий интерес к происходящему. Пленников быстро увезли, причем по разным улицам. Я решила последовать за Томассо и вскоре обнаружила, что осталась почти одна. Почти, потому что рядом со мной вдруг объявился не кто иной, как граф Терлицци, а с ним и четверо его слуг.

— Мы с тобой преследуем одну и ту же цель, Ричильда, — обратился он ко мне, — так что предоставь лучше все мне, а сама ступай.

Я понятия не имела, о чем шла речь, и могла только стоять и ждать, так как через минуту мы поравнялись с солдатами.

— Остановитесь, — приказал граф.

Солдаты немедленно повиновались высокооставленному вельможе.

— Я хочу переговорить с заключенным, — заявил граф Терлицци.

— Мне приказано привести его обратно в зал суда, — запротестовал было сержант.

— Так ты и сделаешь. Но сначала я переговорю с ним. У меня приказ главного сенешаля, который приходился ему шурином.

Сержант помедлил, а потом повиновался.

— Как вам будет угодно, монсиньор.

— Это ненадолго, — заверил его граф Терлицци, — кстати, вот этот дом принадлежит мне, и сейчас там никого нет. Мы зайдем сюда на минутку.

Негодяй рассчитал все до мелочей.

Томассо явно встревожился.

— Умоляю вас, — обратился он к сержанту, — отведите меня обратно в зал суда.

— Но монсиньор желает переговорить с вами, — оправдывался сержант.

— Тащите его внутрь, — скомандовал Терлицци, и его слуги немедленно запихнули Томассо внутрь. Я не успела и глазом моргнуть, как граф схватил меня за локоть и поволок туда же.

— Монсиньор, — закричала я, — меня ждут в другом месте!

— Мы ненадолго, — вновь повторил граф.

— Ричильда, — завопил Томассо, — помоги мне, Ричильда!

Я была растеряна не меньше, чем сержант. У меня в голове не укладывалось, что граф посмеет убить человека, находящегося, так сказать, под защитой закона. К тому же имя убийцы стало бы известно мгновенно. Но пока я раздумывала, граф уже действовал.

Своим возгласом Томассо совершил непоправимую ошибку. Он открыл рот, и слуги графа в момент ухватили его за подбородок, раздвигая челюсти. Его руки были по-прежнему скручены за спиной, так что он не мог сопротивляться. Язык вывалился наружу, и в то же мгновение граф Терлицци выхватил из кармана бритву. Громкие стоны сменились воплем, перешедшим в жуткий хрип. Кусок плоти был отрезан.

Чтобы проделать это, графу пришлось отпустить мою руку. Одного взгляда в сторону Томассо с пол-

ным ртом крови хватило, чтобы я рванулась к двери и выскочила наружу, оказавшись вновь рядом с солдатами.

— Задержите девчонку, — приказал граф Терлицци, появляясь в дверях.

Но я уже промчалась мимо и теперь бежала изо всех сил, чуть-чуть задержавшись на углу, чтобы оглянуться. Впрочем, сержанту было уже не до меня.

— Где же пленник, монсиньор? — подбежал он к графу.

— О, мои слуги сейчас его приведут, — успокоил сержанта Терлицци. — Похоже, этот парень откусил себе язык.

И граф помчался вслед за мной. Но я успела первой добежать до Нового замка, где была в безопасности. По крайней мере, мне так казалось.

Очередное заблуждение. Королева немедленно приказала мне вновь вернуться на слушание дела. Тщетно пыталась я доказать, что Томассо теперь будет не в состоянии оговорить кого бы то ни было. Так оно и вышло. Я смешалась с толпой народа и оказалась как раз напротив графа Терлицци, который выглядел мрачнее тучи.

— Итак, мастер Паче, — начал Бертран де Бо, — вы обещали рассказать нам о своей роли в организации убийства принца Андрея Венгерского, а также назвать имена своих соучастников. Приказываю вам говорить.

Несчастный Томассо попробовал открыть рот, что закончилось весьма печально. Ему удалось лишь выдать несколько нечленораздельных звуков, зато кровь лилась вовсю. Бертран уставился на него в изумлении. Ничего подобного их совместный план с Карлом Дураццо не предусматривал.

— Что это! — вскричал судья. — Говорите яснее.

Но Томассо по-прежнему не мог произнести ни звука, как он ни старался.

— Парень язык проглотил, — засмеялся Терлицци, — ха-ха-ха.

Толпа разразилась хохотом, и Бертран гневно свел брови.

Но тут раздался спокойный голос:

— Если будет угодно Высокому суду. — И Никола ди Мелаццо выступил вперед, за ним и его стража. Смех в зале немедленно затих.

— Говорите, мастер ди Мелаццо, — приказал Бертран де Бо.

— Я хочу сознаться, монсиньор, и рассказать о моем участии в заговоре против принца Андрея.

Тишина.

— Признаться? — Бертран изобразил изумление. — Вы назовете нам имена соучастников этого ужасного преступления?

— Я готов, монсиньор.

— Тогда говорите.

— Томассо Паче.

Все разочарованно вздохнули; участие Томассо было очевидно.

— Граф д'Ар.

Вот это уже была сенсация. Толпа зашумела, головы стали поворачиваться в поисках графа. Он отсутствовал.

— Его сын, Бертран Артуа.

Этого следовало ожидать. Обвинение против отца неминуемо вовлекло сына.

— Графы Скуиллаче, Милето и Катанцаро.

Еще большая сенсация, поскольку Годфри ди Марсан, граф Скуиллаче, был не только адмиралом королевства, но и членом Регентского совета. К тому же он сидел всего лишь в нескольких метрах от Бертрана де Бо и смотрел на Никола ди Мелаццо, как будто хотел поразить его насмерть. Графы Милето и Катанцаро, подобно графу Карлу и Бертрану Артуа, предусмотрительно отсутствовали.

— Графы Морконе и Терлицци, — продолжал Никола.

Оба негодяя посмотрели друг на друга, и Терлицци хотел было вскочить с места, но стражники у дверей уже стояли с обнаженными клинками.

— Их жены, графини Морконе и Терлицци.

— Подлая скотина! — вскричал граф Морконе.

— Продолжай, — приказал Бертран де Бо.

— Донна Филиппа ди Кабане.

В толпе слышались злобные возгласы. Донна Филиппа не пользовалась особой популярностью.

— Ее сын, Роберто ди Кабане.

Опять гул восклицаний. Напыщенность Роберто раздражала еще больше, чем манеры его матери.

— И еще одна женщина, донна Канча ди Реджо.

Бертран де Бо взглянул на Никола.

— Кто-нибудь еще?

Никола встретил его взгляд.

— Нет, монсиньор. Даю вам слово христианина.

А ведь он должен был умереть. Напомню, что этот человек отдавал жизнь ради благополучия своей семьи.

— Отлично. Твоя честность будет учтена, — объявил Бертран и обратился к страже: — Арестуйте графа Скуиллаче, а также графов Терлицци и Морконе.

Всех трех схватили прежде, чем кто-либо из них попытался ускользнуть.

— Я выдал ордера на арест всех остальных перечисленных лиц, — заявил Бертран де Бо. — Пока же, мастер ди Мелаццо и мастер Паче, я готов проявить к вам снисхождение. Вы честно покаетесь перед Высоким судом в совершенном злодеянии. Смертный приговор вам обоим будет приведен в исполнение немедленно, на центральной площади, путем повешения. Стража, исполняйте приговор.

Томассо жалобно застонал. Никола даже и глазом не моргнул. Думаю, он прекрасно знал, сколь милостиво это решение по сравнению с тем, что ожидало других заговорщиков.

Любому постороннему наблюдателю вроде меня могло бы показаться странным, что монсиньор де Бо

распорядился немедленно повесить человека, назвавшего имена соучастников, не дав ему даже возможности опротестовать обвинение. Но Бертран де Бо держал в кармане папскую буллу — и тем являл собой сам закон и потому не считал нужным доводить дело до открытого суда.

А передо мной была дилемма. С одной стороны, мой долг перед королевой обязывал меня бежать в Новый замок, чтобы предупредить ее светлость и ее придворных о том, что меч над их головами уже занесен. С другой стороны, долг перед своими инстинктами толкал меня последовать за несчастным Томассо, чтобы присутствовать при его последних минутах. Ведь в конце концов он был прекрасным любовником.

Победил инстинкт. Я сообразила, что Людовик Тарентский, тоже присутствовавший в зале суда, не замедлит отправиться к королеве. Услышав разоблачения Никола, он, конечно, был в шоке, узнав об участии в заговоре людей из ближайшего окружения королевы. Но, придя в себя, он должен был, во всяком случае, отправиться к жене, чтобы хотя бы проинформировать ее о случившемся, если уж не предупредить об опасности.

Итак, я вместе со всеми побежала вслед за Томассо и Никола. Несчастных раздели, привязали к лошадиным хвостам и так тащили по улицам города; за ними тянулся кровавый след от порезов о камни.

Толпа свистела и улюлюкала, развлекаясь вовсю. Мне было не до веселья. Томассо продолжал стонать. Я смотрела на него и вспоминала те счастливые минуты, которые мы проводили вдвоем по вечерам в объятиях друг друга. Никола молчал, плотно сжав веки. К счастью, его семья не присутствовала при казни.

Зато присутствовал Карл Дураццо. В сопровождении своих людей он ехал верхом и, сурово сдвинув брови, смотрел на стряпчего. Затем, переведя взгляд на толпу, он к моему ужасу в упор посмотрел на меня. Мои ноги подкосились. Я не сомневалась, что Карл

прекрасно сознавал, что из всего королевского окружения единственно мое имя не было упомянуто его шпионом.

Затем он отвернулся — процессия приближалась к площади. Те же виселицы и те же веревки ожидали своих жертв. Дальнейшее произошло весьма быстро: на шеи осужденных накинули петли; их руки по-прежнему были связаны за спиной. Рывок — и их тела были вздернуты под восторженные крики толпы. Лица посинели, пенисы обоих поднялись, что обычно происходит в случаях, когда повешен мужчина. Я подумала было о том, что случается при повешении женщины — и содрогнулась от этой мысли. Но вот тела перестали дергаться, пенисы опустились. Томасо и Никола были мертвы.

Я поняла, что это были только первые жертвы заговора.

Бедняжка Томасо был мертв. Я перевела дыхание и кинулась со всех ног в Новый замок, более напоминавший в тот момент потревоженный муравейник. Надо сказать, что я добралась до замка одновременно с солдатами, посланными Бертраном де Бо для ареста донны Филиппы и ее отпрысков. Сила папской буллы была неоспорима — Альберто уже опускал мост перед представителями правосудия.

Стражники направились прямо в покои Джованны, где встревоженная донна Филиппа с сыном и дочерьми как раз окружили Людовика Тарентского, сконфуженно рассказывавшего о последних событиях. Они едва успели разразиться воплями, услышав об аресте Терлицци и Морконе, как солдаты и я вслед за ними уже вошли в комнату.

Все уставились на сержанта, который зачитал имена арестованных. Донна Филиппа бросилась на колени перед Джованной.

— Спасите нас, ваша светлость, — закричала она, — только вы можете спасти нас. И у вас, ваша светлость, нет выбора.

Она подняла голову, чтобы не оставить сомнений в реальности своей угрозы. Но Джованна стояла как громом пораженная и, казалось, была не способна реагировать на что-либо. Сержант же не желал терять время и подал знак подчиненным. Донну Филиппу схватили как самую обыкновенную простолюдинку, а за нею и ее детей. Роберто имел глупость прийти в покои королевы без оружия и потому не мог защищаться. Его сестры вопили и визжали, пока их связывали солдаты. Только Канча продолжала улыбаться. Но она уже успела приложиться к бутылке. К тому же она была беременна — это был реальный шанс выжить.

Поняв, что от королевы ей помощи не дожидаться, Филиппа обратилась к Людовику Тарентскому.

— Монсиньор! — воскликнула она. — Монсиньор, мы были верными слугами вашей супруги. Мы ее доверенные лица. Помогите же нам!

Но Людовик нахмурился.

— Если вы действительно виновны в этом ужасном преступлении, синьора, — произнес он, — вы должны понести наказание.

— Но, монсиньор, вы не поняли. Вы...

Мое сердце упало. Мне показалось, что она вот-вот все расскажет. Но сержант имел строгие инструкции от Бертрана де Бо. Плотная повязка в момент стянула рот донны Филиппы, а затем то же самое проделали со всеми остальными. Так их и повели в темницу.

Едва дверь закрылась, как Джованна, глухо вскрикнув, упала в кресла.

— Быстро, ее светлости плохо, — приказал мне Людовик Тарентский. — Принеси вина.

Я немедленно принесла требуемое и напоила Джованну. Мне и самой очень хотелось выпить. А Людовик тем временем нежно гладил ее руки.

— Я понимаю, — говорил он, — я понимаю, дорогая моя, что вам приходится переживать. Подумать только, столько лет эти гадюки грелись у вас на груди. Но ничего, возлюбленная моя супруга, будьте уверены, они понесут заслуженное наказание.

— Да, — слабо отозвалась Джованна, — мне действительно нехорошо. Я пойду прилягу, монсиньор, если вы не возражаете.

— Конечно, конечно. Прислать вам еще одну даму?

— Мне будет достаточно моей верной Ричильды. Благодарю вас, монсиньор.

Он вышел, и мы перебрались в спальню Джованны. Она разрыдалась, судорожно сжимая меня в объятиях.

— Друг мой, что мне делать?

— Вы ничего не можете сделать, ваша светлость, — сказала я, — вам остается только отрицать все обвинения. Никто им не поверит, слово королевы имеет больший вес.

— Но они понесут наказание только за то, что исполняли мою волю, — простонала она. — Я не могу их так бросить.

— Ваше положение королевы обязывает вас, и вы должны проявить хладнокровие, — настаивала я. — Вы выше их, ибо рождены быть королевой. Что станет с вашим королевством? Разве вы не пошли на этот шаг ради вашего народа, страдавшего от венгерского бесчинства?

Не думаю, что такие мысли приходили ей в голову. В сущности, основной целью заговора для Джованны была защита ее собственной персоны и жизни своего любовника от бесчинства одного-единственного венгра. Но такое объяснение событий подействовало на нее успокаивающе, а я тем временем продолжала развивать ту же тему:

— А Карл Дураццо? Неужели вы бы отдали ему королевство?

— Негодяй! — воскликнула Джованна, и я поняла, что победа осталась за мною.

Но у меня были еще и другие козыри на руках.

— А ваш ребенок? Разве не он должен унаследовать этот престол? Неужели вы лишите его законных прав? А Бертран Артуа, который укрылся с отцом в монастыре Святой Агаты?

Здесь я допустила промах, и Джованна сразу нахмурилась.

— Не напоминай мне об этом трусливом мямле, — сказала она.

Я сразу же переменяла тему:

— А принц Людовик? Он любит вас больше жизни...

— Я только о нем и думаю. Если он узнает, в чем меня обвиняют...

— Тогда его любовь подвергнется серьезному испытанию. Думаю, что он его выдержит, и любовь восторжествует.

— Если бы я только знала наверняка... Ричильда, может быть, мне следует пойти к нему, признаться во всем и положиться на его великодушие?

— Нет-нет, ваша светлость! — закричала я. — Ни в коем случае! Вы должны все отрицать, отрицать, и только! И я буду отрицать вместе с вами!

Она обняла меня.

— Ты самый мой близкий друг, Ричильда. Иногда я даже думаю, что ты мой единственный друг. Когда ты со мной, мне легче думать о том, что будет завтра. О Ричильда, что же будет... завтра?

В эту ночь ни одна из нас так и не сомкнула глаз.

Конечно, благодаря инструкциям, полученным господином де Бо из Авиньона, никакой опасности для Джованны не существовало. Даже со стороны мужа королеве ничего не угрожало. Людовик Тарентский был влюблен так, что самые очевидные доказательства причастности его жены к заговору не могли бы на него воздействовать. Ослепленный любовью, он не желал видеть того, что Джованна не могла не знать о существовании заговора, если только она вообще не была его участницей. Не удивил Людовика и тот факт, что его мать, императрица Константинопольская, покинула Новый замок и под предлогом какой-то инфекционной болезни уехала к себе домой, хотя уже было считала дворец своим домом. Она и Джо-

ванна были единственными из заговорщиков, которым еще не было предъявлено обвинение.

Но мы ни о чем не знали. На рассвете следующего дня я, как всегда, была послана госпожой во Дворец правосудия, чтобы следить за развитием событий и предупредить ее о любой грозящей ей опасности.

В этот день господин де Бо подготовился к слушанию дела весьма тщательно. Допрос обвиняемых должен был проводиться на галере, пришвартованной в нескольких метрах от берега. По официальной версии такая мера предосторожности гарантировала пресечение любой попытки освобождения или побега арестованных. Как я понимаю, истинной целью подобной организации было желание устранить ненужных слушателей с тем, чтобы показания обвиняемых не стали всеобщим достоянием. Но на этом меры предосторожности не заканчивались — набережная была огорожена высокой оградой, призванной сдерживать толпу. А столпотворение царило немыслимое. Казалось, каждый мужчина, женщина и ребенок Неаполя пришли сюда понаблюдать за мучениями себе подобных. Увы, такова уж человеческая природа.

Среди присутствовавших на берегу был, конечно, и Карл Дураццо. В роскошном убранстве он восседал на красивом коне в окружении рыцарей и слуг. Карл явно упивался триумфом. Он был уверен, что, как только обвинение королевы в убийстве мужа прозвучит из уст ее приближенных, это немедленно повлечет за собой ее арест. И тогда ему, наследнику престола, придется немедленно исполнить приказ об ее аресте, что было его самым заветным желанием.

Однако Карл не сознавал, сколь тщательно и хитроумно подготовился к делу Бертран де Бо. Ровно в восемь утра ворота тюрьмы распахнулись, и четверо мужчин и три женщины, обвиняемые в этом преступлении, были доставлены на берег. Канчи среди них не было. Беременность спасла ее от сегодняшней публичной экзекуции. От одного из тюремщиков я знала, что заключенные провели эту ночь вместе. Я содрогнулась, живо представив себе эту

картину ожидания в подземелье, когда они смотрели друг на друга, зная о предстоящей ужасной участи. Надо сказать, вид у них был весьма жалкий, и на бледные изможденные лица было просто невозможно смотреть.

Но ни один из них не вызвал большого сожаления в сердцах столпившихся на берегу людей. Все очень оживились, увидев мрачного, злобного Роберто ди Кабанае, дрожащего старика Годфри ди Марсана и не менее трепещущих графов Терлицци и Морконе. Их всех вывели в одних рубашках и быстро провели сквозь собравшиеся толпы людей.

Шум возрос еще больше, когда из тюрьмы вывели Филиппу и двух ее дочерей. Они тоже были в одних рубашках. Надо признаться, что я свистела и улюлюкала вместе со всеми. Во-первых, мне бы не хотелось, чтобы меня хоть кто-нибудь заподозрил в сочувствии к обвиняемым (что отчасти было правдой). А во-вторых, эти люди причинили мне в прошлом немало боли и были реальной угрозой моей госпоже в настоящем и будущем. Я могла желать только их смерти.

Как и Карл Дураццо, я понимала, что сейчас наступает критический момент. Руки преступников были связаны за спиной, но на устах никаких повязок не было, и поэтому Филиппа сразу же обернулась к толпе и попыталась к ней обратиться. Я говорю попыталась, поскольку из уст ее вырвался только тонкий, протяжный крик. И пока мы пытались понять, почему она вдруг лишилась способности говорить, пленников уже ввели на галеру.

Толпа рванулась прямо на ограждение, чуть было не смяв его и не придавив меня до смерти. Все хотели насладиться предстоящей страшной забавой. Ибо инструментом истязаний было избрано железное кресло, орудие, способное изорвать в клочья даже не самую нежную кожу.

Издали кресло выглядело достаточно безобидно, но вся поверхность его сиденья и подлокотники были усеяны острыми шипами, к тому же к спинке был

приспособлен ошейник, а ниже — наручники и кандалы для ног, словом, все для того, чтобы тело жертвы никоим образом не могло избежать соприкосновения с острыми шипами. Сидеть на острых шипах неподвижно было просто невозможно, а любое движение делало страдания еще более невыносимыми, ибо шипы безжалостно рвали кожу; к тому же они проникали во все естественные отверстия человеческого тела, вызывая мучения жертвы.

Но даже это было лишь началом пытки, ожидавшей моих бывших товарищей по детским играм. Ибо под креслом находилась железная печка. Ее растапливали углем, и тогда и кресло и шипы раскалялись докрасна.

Первым мучеником стал Роберто ди Кабане. С него сорвали рубаху и пристегнули к заблаговременно накалившему креслу. Стоны и крики Роберто были ужасны. Толпа безумствовала, тем более что шипы пронзали мужские гениталии. Думаю, что Роберто выкрикнул не менее дюжины признаний и все же ни одно его слово нельзя было разобрать. К тому же он мямлил так же нечленораздельно, как донна Филиппа несколько минут назад.

Агония боли продолжалась недолго. Через пару минут было объявлено, что Роберто сознался во всем, его стащили со стула и бросили на палубу, а на кресло посадили его шурина, графа Терлицци.

Этот гордый вельможа, столь невозмутимо отрезавший язык моему несчастному Томассо, дрожал как осиновый лист и начал вопить раньше, чем коснулся кресла. Его крики разносились даже сильнее, чем вопли Роберто, но слов опять же было не разобрать.

Думаю, что как раз зрелище пытки Терлицци и жуткое воспоминание о бедном Томассо, лишившемся языка, и навело меня на подозрение, что синьор де Бо взял пример с первой жертвы. Мои подозрения оказались небезосновательными, как я потом поняла. Бертран не стал вырезать языки своим жертвам. Это слишком явно доказывало бы, что он опа-

сается их откровений. Он просто-напросто приказал воткнуть в языки рыболовные крючки, лишив тем самым обвиняемых возможности произносить членораздельные звуки. Они могли исходить диким криком сколько душе угодно, а вот сказать ничего не могли.

Все обвиняемые прошли сквозь пытку, в том числе и Филиппа и ее две дочери-графини, которые были всего лишь чуть старше меня. К тому времени, когда их уже бросили на палубу, где они продолжали кричать от боли, мне стало уже совсем плохо. Но толпа все более и более возбуждалась от зрелища, к тому же некоторые стали возмущаться, что не слышат показаний. Но тут объявили, что виновные раскаялись и признали свою вину и что на следующий день они будут казнены.

Стало быть, народу предстояло увидеть еще один захватывающий спектакль.

Пленников вернули в темницу, где они могли только стонать от боли, не в состоянии ни лежать, ни стоять. Я же собиралась как можно скорее добраться до Нового замка, чтобы поделиться своими наблюдениями с королевой. А заодно и выпить бокал вина или, может быть, даже бутылку и хоть немного забыть ту ужасную сцену, свидетелем которой мне довелось стать.

Но не только я заметила странную неспособность обвиняемых произнести обвинения в адрес королевы. Здесь был один человек, который жаждал услышать такие показания. Когда обвинения против королевы не прозвучали, Карл Дураццо понял, что заключенных просто лишили возможности говорить. Но Карл был не из тех, кто просто так отказывается от своих целей. Привстав на стременах, Карл обводил взглядом толпу, разыскивая меня.

Естественно, я немедленно удвоила усилия, чтобы выбраться из плотной человеческой массы и в итоге оказалась на боковой улице. Я была совсем одна, и вдруг дорогу мне преградили трое мужчин. Я сразу поняла, что это враги.

Я развернулась и бросилась обратно — и тут же угодила прямо в руки другой тройке, без сомнения последовавшей за мной от самой площади. К тому же они были хорошо подготовлены. В одно мгновение на меня накинули балахон, закрыв полностью лицо и волосы, а рукавами стянули руки так, что я не могла и пошевелиться. Кто-то взвалил меня себе на плечо, и меня понесли.

Мое положение было неприличным — мужские руки крепко держали меня, обхватив за бедра; неприятным — плечо тащившего меня давило мне на живот; опасным — я боялась задохнуться, ибо при дыхании ткань балахона забивалась мне в рот; и более чем страшным — я могла только предполагать, какая судьба меня ожидает.

Путешествие длилось недолго. Послышались слова команды, звук открывающихся ворот — меня внесли внутрь, — и ворота закрылись. Топот ног, опять выкрики команд, и вот меня несут вниз. Лязг дверей, и я брошена на холодный каменный пол.

С меня стянули балахон, и я смогла наконец оглядеться. Ничего хорошего беглый осмотр мне не предвещал. Я была явно в подземелье замка Дураццо, а вокруг меня стояли трое мужчин.

Все в черных капюшонах, они имели достаточно зловещий вид. Еще более зловещим было само помещение, едва освещенное двумя закрепленными на стенах факелами. Сами стены выглядели тоже неприветливо, но мое внимание сразу же привлекло сооружение в углу — массивная, прислоненная к стене лестница, барабан и колесо, с помощью которых тело жертвы можно растянуть до неестественных для него пределов.

Я перевела дыхание, перекрестилась и села, поджав колени. Мужчины молча смотрели на меня. Маленькая дверь отворилась, и вошел сам Карл Дураццо.

— Молишься? — спросил он.

— Что мне еще остается, монсиньор? — ответила я, стараясь говорить как можно спокойнее. Я уже не

сомневалась, что вскоре мне предстоит надрываться криком.

— Не думаю, что тебе это очень поможет, — сказал он, подходя ко мне ближе, — оставайся на коленях, у меня есть к тебе вопросы.

— Я с радостью отвечу на все вопросы, монсиньор, если только я знаю ответы. Чтобы задать вопрос, вам не было нужды похищать меня силой.

— Думаешь? А ответишь ли ты правду, моя прекрасная рабыня?

— Бог мне свидетель, — заверила я. Я не сомневалась, что Он простит мне мелкие отступления от истины.

— Ты была на берегу, я тебя видел, — сказал Карл. — Что ты обо всем этом думаешь?

— Мое сердце обливалось кровью от жалости к этим несчастным, монсиньор.

— Так и должно быть. Ведь ты тоже разделишь их судьбу, и весьма скоро.

— Я, монсиньор? Меня ни в чем не обвиняют. Я ни в чем не виновата.

— Ха! Мы скоро узнаем правду. А тебе не пришло в голову, что эти мерзавцы не могли говорить?

— Мне ничего не приходило в голову, монсиньор, кроме сострадания к их мучениям.

Если верить во всепрощение Господа, надо подчас давать ему повод нас прощать.

Вновь пристальный взгляд. Затем он сказал:

— Королевская прилипала.

— Я служанка королевы, монсиньор, — поправила я.

— Она во всем тебе доверяет и все рассказывает.

— Как бы я хотела, чтобы это было так, монсиньор.

— Не пререкайся, Ричильда. Ты знаешь, что она виновата.

— Виновата в чем, монсиньор?

— В убийстве своего мужа. Ты при сем присутствовала. А потом вы на несколько часов закры-

лись в ее спальне. Я это знаю точно, мне сказали монахи.

— Конечно, это так, мөнсиньор. Я потеряла голову от страха, и ее светлость тоже. Мы закрылись в спальне и забились в постель, уверенные, что убийцы хотят лишить жизни и нас тоже и оставались там до тех пор, пока не посчитали, что уже можем выйти.

— Ты осмеливаешься мне лгать?

— Я всего лишь говорю правду, монсиньор.

Мне была известна старая аксиома. Ложь убедительна только тогда, когда, однажды ее произнеся, не устаешь ее повторять.

— Посмотрим, — сказал Карл, — посмотрим.

Он кивнул своим подручным.

— Возьмите ее.

Я было открыла рот, но меня схватили, грубо сорвали одежду и поволокли к лестнице. Мои слабые потуги вырваться только смешили негодяев, не отказывавших себе в удовольствии похватать меня за самые интимные части моего тела.

Один из них взобрался на лестницу передо мной, чтобы привязать кисти рук. Двое других держали меня за ноги. Легкий поворот — и я на колесе, распластанная, как цыпленок табака. Пальцами ног я сразу же стала нащупывать опору, чтобы облегчить натяжение в руках. Но прежде чем я смогла это сделать, мои ноги уже привязали. Я не осмеливалась взглянуть вниз, но знала, что привязана к колесу так, что любой поворот вызовет жуткую боль во всех суставах.

В таком положении, более чем неприятном для любого живого существа, а уж особенно для женщины перед лицом мужчин, я попыталась настроить себя на предстоящие мучения. Тем временем Карл Дураццо подошел ближе и принялся разглядывать меня. Надо сказать, что изучал он отнюдь не только мое лицо. Все остальное было также на виду, и планки лестницы не служили ему помехой.

Карл никогда ранее не видел меня обнаженной, и думаю, что ему понравилось то, что он увидел.

— Такая красавица! Жаль будет тебя уродовать. Ну же, признайся во всем, расскажи о вине королевы. Ты запишешь все, что знаешь, а я уж позабочусь, чтобы ты избежала наказания. Даю тебе слово. Более того, ты станешь моей служанкой. Служить мне доставит тебе гораздо больше удовольствия, чем прислуживать Джованне.

— Я никогда не смогу покинуть свою госпожу, монсиньор, — сказала я.

Но даже если бы я и хотела это сделать, я знала, что все его обещания не стоят и ломаного гроша. Как только бы я написала обвинение против Джованны, так Карл уж постарался бы избавиться от меня, чтобы я не смогла изменить свои показания.

Если уж мне и предстояло умереть, я не хотела бы умереть предательницей.

— Думаешь, тебе удастся меня провести, наглая девчонка! Ты, которую купили по сходной цене! Дайте-ка ей! — приказал Карл.

Я не знала, чего ожидать, и потому изумилась, получив розгой по ягодицам. На какой-то момент я замерла, но дальше принялась вопить что есть сил. Боль была сильная, и удары сыпались один за другим. Мои крики, казалось, только возбуждали негодьяев, и меня ударили еще раз пять, хотя я потеряла счет ударам уже после двух первых. Избежать ударов я не могла, хотя и старалась увернуться, стараясь вертеть тело из стороны в сторону. Кричать я, естественно, не переставала.

Мои телодвижения, видимо, нравились Карлу. Он даже просунул руки сквозь планки лестницы, взяв в ладони мои груди.

Удары прекратились, но боль осталась. Из глаз моих рекой полились слезы, я склонила голову, и мои волосы закрыли волной лицо. Рука Карла провела по моему лицу, отодвинув волосы назад, надо сказать, весьма нежно.

— Может быть, ты готова передумать? — спросил он. — Тебе нужно только подписать бумагу. Я напишу все сам.

— Моя хозяйка ни в чем не виновата, — всхлинула я, — и я тоже.

В этом была хотя бы доля правды.

Рука, гладившая мои волосы, остановилась, и он резко дернул за одну прядь.

— Глупая девчонка, неужели ты не понимаешь, что я могу тебя уничтожить?

— Я надеюсь на Господа Бога, монсиньор, — выдохнула я, стараясь сдержать слезы. Я не сомневалась, что в ближайшем будущем мне еще понадобится немало слез.

— Господь Бог не покровительствует убийцам! — выкрикнул Карл. — Давайте сюда грушу!

Один из прислужников быстро вернулся, держа в руках предмет, внешне действительно напоминавший большую грушу. У меня перехватило дыхание. Деревянная груша на самом деле представляла собой две половинки, закрепленные на пружине. При легком нажатии ручки-пружины половинки разводились в стороны на ширину до шести дюймов.

Чаще всего грушу использовали как кляп. Заткнув ею рот жертвы, половинки разводили в стороны так, что челюсти раздвигались до предела, и максимум, что мог выдавить из себя заключенный, был хрип.

Но мне было известно и иное применение этого дьявольского орудия. Рот не единственное отверстие человеческого тела. Грушу вполне можно было загнать в вагину или анальный проход, и тогда человек надолго, если не навсегда, лишался возможности пользоваться этими отверстиями. Поскольку Карл явно не хотел заставить меня замолчать, я стала опасаться самого худшего. Колени мои задрожали. Карл держал страшный предмет прямо перед моим носом.

— Итак, — сказал он, заметив мою реакцию, — неужели ты хочешь испытать на себе ее действие? Уверяю тебя, только маленькое знакомство навсегда лишит тебя радостей жизни. Не лучше ли подписать документ?

Я стояла перед страшным выбором. С одной стороны, я знала, что королева виновата, но дальнейшая

ее защита привела бы меня к тому, что я перестала бы быть женщиной. А это все, что у меня было. Но в то же время я поняла, что лучше прожить до конца дней бесполом существом, нежели подчиниться этому дьяволу, предать единственного человека, принявшего меня с теплотой и любовью, и увидеть свою королеву осужденной за убийство.

— Я не могу обвинить невинную, — сказала я, — не могу и не буду.

Он уставился на меня, опять просунул руки сквозь планки и так сильно сжал мне груди, что я вскрикнула от боли.

— Приготовьте ее, — приказал он.

Приготовления к пытке грушей не менее неприятны и уж точно более унижительны, чем само ее применение.

Подручные Карла с большой охотой занялись моим телом, к тому моменту полностью обнаженным. Мне развязали ноги, но только для того, чтобы задрать повыше колени, что и было сделано. Колени развели в стороны и привязали высоко по бокам лестницы, а затем накинули веревки на бедра в том месте, где они соединяются с телом, крепко прикрутив меня к барабану. Еще две веревки стянули мне лодыжки.

Так я повисла на руках и коленках, точно цыпленок, готовый отправиться в печку. Но при том, что мои бедра были раздвинуты до упора, я скорее напоминала лягушку, распластанную на оконном стекле.

Все мышцы были напряжены, но ни одной из них я не могла бы пошевелить. Напрягались и мышцы рта. Понимая, что меня вот-вот изувечат, я не видела греха в том, чтобы отвести душу криком.

Карл Дураццо наблюдал за приготовлениями, стоя у меня за спиной. Теперь же, несмотря на свои вопли, я поняла, что он отдает своим людям приказание оставить нас. Карл явно не желал лишать себя удовольствия вставить грушу лично. Через мгновение дверь хлопнула, и я оказалась наедине с герцогом Калабрийским. Конечно, я могла бы попробовать повернуть голову, моя шея была единственной частью

тела, еще способной к движению. Но увидеть, что делается за моей спиной, мне вряд ли бы удалось, да и не хотелось. Я выдохлась и перестала кричать, стараясь сжать мускулы как можно сильнее, чтобы противостоять страшному орудию. Но в таком распятом состоянии сделать это было невозможно, мне лишь оставалось ждать начала пытки.

Когда его руки коснулись моих ягодиц, я закричала опять, долгим, истошным воплем. Его пальцы шарили по моим интимным местам, и тут я с ужасом поняла, в какое именно отверстие он думает поместить грушу. И это было даже страшнее, чем что-то другое. Мой крик усилился. И тут я ощутила прикосновение груши, ее движение внутрь. Она была достаточно твердой, но не такой, как я ожидала.

Орудие проникло в меня, и я в панике начала ожидать последующего расширения, которое лишило бы меня навсегда радостей жизни. Но тут до меня дошло, что радости жизни я как раз сейчас и переживаю, что сама груша — это кусок плоти, а Карл Дураццо, сопя и тяжело дыша, вцепился мне в волосы, помогая себе удерживаться на лестнице и запрокидывая мне голову так, что вполне мог сломать шею.

Презренный негодяй, так использовать женщину, которую к тому же намеревался замучить после этого.

Но пока что он был занят своими движениями, и прошло какое-то время, прежде чем он выбросил в меня семя и сполз с лестницы вниз, оставив меня дрожащей от неудовлетворения и страха перед следующим испытанием.

Прошло несколько мгновений. Затем я почувствовала, что он снова поднимается по лестнице, и вдруг ремни отпустили мои ноги. Я повисла на руках, но Карл поставил мои ноги на ступеньку с тем, чтобы уменьшить нагрузку на руки, а затем освободил и руки тоже. Я сразу же схватилась за лестницу, чтобы не упасть, и попыталась массировать свои кисти. Кровообращение постепенно восстанавливалось,

и мне казалось, будто тысячи иголок впивались в мою плоть.

Думать я не могла.

Карл, судя по всему, тоже.

— Ты верная раба, — проговорил он наконец, — слишком верная для такого создания, как твоя хозяйка. Но раз уж ты ее выбрала, что ж, возвращайся к ней. Только учти: когда она падет, а она непременно падет, ты погибнешь вместе с нею. Ступай.

Пророческие слова. Но в ту минуту я этого не понимала. Я спустилась с лестницы и дрожащими руками принялась натягивать одежду, все еще не веря тому, что с моим телом все в порядке. Все мои помыслы были нацелены на то, чтобы оказаться на улице до того, как Карл передумает или скажет, что пошутил. Я боялась даже взглянуть в его сторону. Но ничего не случилось. Через несколько минут, насколько мне позволяли дрожавшие ноги, я уже спешила к Новому замку.

Конечно, мне пришлось все рассказать Джованне, встревоженной до смерти моим опозданием к вечернему столу. Глотая вино и в спешке проглатывая куски остывшей курицы, я старалась как можно подробнее рассказать о моих злоключениях. Джованна выпрашивала все до мелочей и особенно допытывалась, искусен ли Карл в любви.

Что ж, тут я могла только сказать, что он был возбужден и нетерпелив, в остальном же скорее был грубым животным, чем искусным любовником.

— Какой негодяй! — вскричала королева. — И он мой официальный наследник! Нет, этому не бывать!

Мне показалось, что она... приревновала Карла ко мне, служанке. Но я заодно и встревожилась, поскольку поняла, что Джованна вновь замышляет убийство. Только вот Карл Дураццо был совсем другого поля ягода, нежели Андрей Венгерский.

— Но эти несчастные, — продолжала Джованна. — Людовик рассказал мне, как они кричали от

боли и все же никого больше не обвинили. Непонятно... Даже мне непонятно, хоть это и такое облегчение... Может быть, я ошибалась все эти годы насчет Филиппы и Роберто? Может быть, они действительно были верны мне?

Я оставила ее в этом заблуждении, раз уж она придавала этому такое большое значение. Что до меня, так я хотела только одного — не покидать стен Нового замка. По крайней мере, пока я не оправлюсь после randevu с герцогом Калабрийским.

К тому же я опасалась, что мой Альберто, подверженный припадкам ревности, способен предложить свои услуги королеве, чтобы исполнить какое-нибудь черное дело, стоит ему узнать, что меня изнасиловали.

Но рабам не дано отдохнуть или побыть в покое. На рассвете следующего дня Джованна растолкала меня в постели, которую я делила с моей ненаглядной Лючией.

— Я должна знать об их последних минутах, — сказала она.

— Разве принц не поедет на казнь? — спросила я.

— Конечно, поедет, но Людовик считает меня молодой невинной девицей, так что, по его мнению, ужасные подробности не должны достигать моих ушей.

Естественное заблуждение принца Людовика, ибо полуодетая Джованна, какой она была сейчас, стоя в ночной рубашке, действительно выглядела самой молодой, самой невинной и к тому же самой красивой девушкой на свете. Я вздохнула и отправилась выполнять приказание. В том, что мне предстоит увидеть страшное зрелище, я даже не сомневалась.

Следует окончательно признать, что человек — самое жестокое животное из существующих на этом свете. И что еще более неприятно, так это его стремление прикрыть свою всепоглощающую страсть к мучению и уничтожению себе подобных налетом культуры, религиозности или притворной жалости.

В то же время он пускается на самые хитроумные изобретения, дабы заставить страдать свои жертвы возможно сильнее.

Конечно, люди относятся к этому по-разному. Я признаю, что у нас в Англии мы гуманны не больше, чем другие. Преступника, изобличенного в измене, конечно, отправляют на виселицу. Но снимают его прежде, чем он успеет окончательно задохнуться, затем бросают на помост и отрезают половые органы, вспарывают живот и выставляют внутренности на обозрение. Нет сомнений, что все это болезненно и унижительно, зато потом ему сразу же отрубают голову. Последующее расчленение тела и демонстрация отдельных его частей в разных концах страны уже не может причинить боль жертве, хоть и заставляет страдать его близких. К тому же — и это важно — подобный конец не предусмотрен для женщин. В моей стране уважение к женской скромности все еще сохраняется. Женщин-преступниц вешают либо сжигают, а если речь идет о знатной даме, обезглавливают, но не выставляют на всеобщее обозрение части их тел, как в случае с мужчинами.

Ничего подобного не происходит в Неаполе или, как я слышала, в иной другой стране с теплым климатом. Вообще-то мне начало казаться, что отношение неаполитанцев к смертной казни отражает некую присущую им религиозную ересь. Можно подумать, они боятся, что Люцифер будет слишком миролюбиво настроен в тот час, когда грешники окажутся в его власти, и поэтому неаполитанцы терзают свои жертвы на этом свете до упомощения.

Есть и еще одна черта южных народов, вызывающая настороженность, а именно их манера вершить правосудие. Как уже ясно из моего рассказа, донна Филиппа и другие заговорщики были осуждены на основании обвинения одного подозреваемого — Никола ди Мелатто. При этом без какого-либо следствия и без участия защиты, хотя адвокатов в городе вполне хватало.

В Англии подобное было бы невозможно. Ни одно показание не принималось бы на веру без свидетельств, а обвиняемые имели бы право на защиту. Слушание дела велось бы в присутствии двенадцати присяжных, при участии адвокатов обвиняемых. Не знаю, насколько помогло бы последним такое заседание, но во всяком случае это было их право.

В данном деле Бертран де Бо выступал в качестве обвинителя, судьи и присяжных одновременно, поскольку в его распоряжении была папская булла. Благодаря его стараниям подозреваемые не проронили ни слова в свою защиту, они даже не могли отрицать свою причастность к преступлению. Все семеро были обречены. К тому же их уже было восемь, ибо длинная рука закона успела настичь Раймондо Паче, брата несчастного Томассо.

Джованна отослала меня из замка на рассвете. Хотя она могла бы дать мне выспаться — ворота тюрьмы распахнулись только в полдень. К тому времени многотысячная толпа уже достаточно разогрелась от солнца, желания поиздеваться над павшими вельможами, да и от огромного количества выпитого вина. Короче говоря, это было сборище рычащих зверей, встретивших арестантов таким ревом, что морские чайки в испуге взвились с дамбы в небо.

Наконец показалась процессия. Впереди три ряда конников, в броне, с опущенными забралами и копьями на изготовку. За ними везли повозки с приговоренными. Все они были обнажены, связаны по рукам и ногам и с кляпами во рту. Каждую повозку сопровождали два палача в черных масках. Как я понимаю, в их задачу входило причинять жертвам максимум страданий, пока процессия не достигнет места сожжения. Дым костра уже разносился по городу, впрочем, как и крики возбужденной толпы.

На первой повозке лежала Филиппа ди Кабане. Ее бросили на живот, и мучители с двух сторон хлестали ее тело плетками с металлическими пруть-

ями. Кровь с кусками мяса разлетались по сторонам. Даже сквозь кляп можно было слышать ее душераздирающие стоны.

Вторая повозка везла графинь Терлицци и Морконе, еще недавно прелестных дам и почти моих ровесниц. Их участь была еще страшнее, ибо их палачи были вооружены острыми бритвами. Они отрезали кусочки тел своих жертв и бросали их в кровожадную толпу. Озверевшая чернь ревела от удовольствия и вскоре уже сама диктовала мучителям, какие кусочки она желает. За лакомые кусочки сосков и ягодиц начиналась настоящая свара. Меня несколько раз сбивали с ног, когда кусочки кровавой плоти падали в моем направлении, а звери в человеческом облике дрались за свою добычу.

Палачи работали столь ретиво, что казалось, в останках двух женщин уже не может теплиться никакая жизнь. Но когда их бросили на костер, где уже валялось тело их матери, окровавленные тела еще выпускали стоны. Ибо их смерть еще не пришла — костер был разожжен загодя и к двенадцати часам представлял собой грудку тлеющих углей. Таким образом, сожжение было скорее медленным запеканием заживо.

Мучения мужчин были не меньшими, разница состояла лишь в том, что у них не отрезали, а отрывали куски плоти раскаленными щипцами. Графы Терлицци и Морконе, Годфри ди Марсан, Раймондо Паче и мой первый мужчина Роберто ди Кабоне лишились своих мужских достоинств, как, впрочем, и иных кусков плоти. Как и женщины, мужчины громко стонали и кричали. За исключением, надо сказать, Роберто, хранившего упорное молчание, хотя палачи не оставляли его в покое, причем настолько, что я была уверена, что он не дожил до костра.

Толпа оставалась на пепелище еще несколько часов, голося песни и пританцовывая, пока наконец костер не погас и угли не залили водой. Тогда все ринулись искать остатки костей на память о таком увлекательном событии. Но еще задолго до того я

уже помчалась в Новый замок оповестить королеву. Джованна слушала, плотно сжав губы. По капелькам пота, выступившим у нее на лбу, я поняла, что она сознает, от какой участи спасла ее королевская кровь.

К тому же она не получила еще отпущения грехов от его святейшества, к которому она, кстати, так и не решилась обратиться.

Ее всю передернуло, она прижала меня к себе и сказала:

— Будем надеяться, что на этом все кончилось.

Как будто подобным делам бывает конец.

Глава 5

Заботы не оставляли нас. Кошмар с расследованием и казнью обвиненных остался позади. Только Канча по-прежнему находилась в тюрьме, ожидая решения своей судьбы после рождения ребенка. Джованна решилась написать в Авиньон, умоляя его святейшество освободить ее от всех подозрений относительно ее причастности к этому преступлению. Однако беспокойство не покидало нас. Мы помнили, что Климент пока так и не отозвался на совместное прошение Джованны и Людовика Тарентского о прощении греха и разрешении на их брак и признание его церковью.

Были и другие, беспокоившие нас проблемы. И прежде всего, конечно, дела в Неаполе. Карл Дураццо несомненно поддался искушению плоти в случае со мной, но что значила моя персона в его грандиозных замыслах. Поняв, что Джованна выпуталась из дела об убийстве своего мужа, даже не замарав своей репутации, Карл метался как дикий зверь, упустивший добычу. Ведь он по-прежнему оставался наследником Джованны, и я уверена, что он ничего бы не пожалел, лишь бы увидеть свою прекрасную кузину такой же подвешенной и распятой, какой он видел ее служанку.

Быть может, у него еще оставалась надежда удовлетворить свое желание. И уж он безусловно не отказался от идеи стать королем Неаполя. С этой целью он и начал не что иное, как планомерный захват города. Его вооруженные сторонники расхаживали по городу, одетые в цвета дома Дураццо, и переманивали жителей на свою сторону. Дворец Дураццо превратилось в штаб боевых действий. Все, кто поддерживал королеву, подвергались опасности нападения.

Ситуация стала невыносимой. Но Карлу удалось собрать достаточное число наемников, чтобы королева не могла ему противостоять. К счастью, Джованна теперь была замужем, хоть и без церковного благословения, за настоящим мужчиной и прирожденным солдатом. Людовик Тарентский лично следил за охраной Нового замка, а затем вместе с моим Альберто сделал вылазку за его пределы. Схватка с отрядом Дураццо была короткой, хотя и жестокой. Людовик и Альберто вернулись с победой. Но на следующий день они столкнулись с гораздо более многочисленным отрядом, носившим цвета дома Дураццо, и им пришлось отступить в Новый замок.

— О Боже, мы пропали, — причитала Джованна, — подумать только, мой кузен и моя родная сестра... что они со мной делают...

— Пропали? Никогда! — заявил Людовик Тарентский. — Карл нанял целую армию? Что ж, мы сделаем то же самое и вот тогда посмотрим.

— Для содержания армии, монсеньор, нужны деньги, — устало сказала Джованна, — а у меня денег нет.

— Ха, — отозвалась Екатерина Валуа, вновь появившаяся в нашем кругу. Теперь, когда все те, кто мог бы обвинить ее, были благополучно казнены (за исключением ее племянницы-невестки), императрица Константинопольская снова вела себя как королева-мать будущего короля Неаполитанского. — Вам нужны деньги? Я вам их достану.

— Вы, дорогая тетя? — изумленно вскричала Джованна.

Все прекрасно знали, что Константинополь и Таренто, мягко говоря, обеднели.

— Дайте мне половину своей гвардии, Джованна, — заявила Екатерина, — и я скоро вернусь с такими сокровищами, о каких вы и не мечтали.

И она это сделала. Лишь только после своего триумфального возвращения Екатерина рассказала нам, как ей это удалось. Думаю, она прекрасно понимала, что иначе королева могла бы воспротивиться ее планам.

Ибо Екатерина задумала не что иное, как ограбление замка Святой Агаты, ставшего убежищем Карла д'Ар и его сына Бертрана Артуа. Последний, как вы помните, был ранее любовником королевы и почти наверняка отцом ее ребенка. Теперь эти бывшие заговорщики, коими они были, как и сама Екатерина, спрятались в этом замке и отражали все наступления, в том числе со стороны Карла Дураццо, укрывшись за высокими крепостными стенами. Как они могли там укрыться от проклятия его святейшества, это уже другой вопрос, но как принцы крови они оба никак не попадали под юрисдикцию Бертрана де Бо.

Но зато никоим образом не выпадали из обриту хитроумных замыслов Екатерины Константинопольской. Она принадлежала к династии Валуа, а Валуа правили Францией со всеми уловками средневековой тирании. То, что Карл с Бертраном приходились ей и кровными родственниками, и родней со стороны мужа, делало ее преступление только более ужасным. Но никак не могло на нее повлиять. Екатерина была не из тех, кого волнуют родственные чувства.

И Карл и Бертран оторопели, увидев под стенами замка солдат королевы, а не Дураццо, да еще под предводительством женщины, являвшейся душой заговора. Но Екатерина была признанным мастером, который мог бы давать уроки лицемерия. Она не замедлила усыпить всякие подозрения, заявив, что в эти смутные времена отряд является всего лишь ее

личной охраной, и попросила аудиенции у Карла по весьма срочному для обеих сторон делу. Екатерина прекрасно знала, что последний прикован к креслу приступом подагры, поэтому предложила, что пройдет в замок в сопровождении только своего адъютанта — адвоката Никколо Аччаиуоли и десяти солдат.

Карл вздохнул с облегчением, узнав, что ему не грозят войной, и понял, о каком срочном деле шла речь. Подъемный мост был опущен, Екатерина со свитой въехала в замок, где Бертран Артуа лично встретил тетю, чтобы проводить ее к отцу.

Екатерина, если она того хотела, могла быть само очарование. Она бросилась к ногам Карла, оплакивая несчастную судьбу соучастников и делясь опасениями за свою собственную жизнь. Карлу, конечно, не могло не польстить, что императрица обратилась за советом и утешением именно к нему.

А совещаться им было о чем. При желании Екатерина могла заговорить зубы кому угодно. Короткий визит перерос в недельное пребывание, а одна неделя постепенно переросла в другую. За это время по причине того, что погода была весьма неприветлива, ее отряд успел уже целиком просочиться в замок, что никого не встревожило. Императрица к тому времени была уже вне подозрений.

Как только весь отряд оказался в сборе, Екатерина сразу же сбросила маску. Во главе вооруженной стражи она ворвалась в комнату графа, приставила клинок к его горлу и потребовала выдачи всех сокровищ. Ни для кого не было секретом, что Карл д'Ар был человеком состоятельным. В случае отказа императрица грозила родственнику мгновенной смертью.

Карл, будучи слаб здоровьем и уже в годах, не нашел ничего лучшего, как упасть к ее ногам, умоляя, по крайней мере, пощадить жизнь его сына, Бертрана Артуа, который еще не успел оправиться от шока после смерти Андрея.

Екатерина великодушно согласилась, но при условии получения сокровищ Артуа. Бедняжка граф

указал ей, где стоит ларец, и через несколько минут Екатерина уже погрузила руки по локоть в ларец с бриллиантами, жемчугом, рубинами и прочими драгоценными и полудрагоценными камнями неимоверной стоимости, которые Артуа передавали из поколения в поколение. Начало богатств было положено еще сделкой Артуа с восточными владыками во времена Карла Анжуйского.

Граф осмелился напомнить Екатерине о ее обещании.

— Жизнь вашему сыну я сохранию, — заявила она, — но не свободу. Он проведет остаток своих дней в подземной тюрьме моего замка в Малфи.

Известие настолько поразило старого графа, что он вскоре скончался. Кровавая пена на его губах свидетельствовала о случившемся ударе. Его сын ненадолго пережил отца. Узнав о его смерти, Бертран повисел на решетке в своей камере.

Так погибли еще два заговорщика.

Екатерина поспешала с награбленным добром в Неаполь, где мы радостно встретили ее, и нам даже дали насладиться игрой бриллиантов. Новости, которые мы были вынуждены сообщить ей, омрачали нашу радость, ибо в ее отсутствие Карл Дураццо, отчаявшись взять верх над королевой хитроумием или силой, имел неосторожность обратиться за помощью к Людовику Венгерскому, обладавшему прекрасной армией и к тому же нашему смертельному врагу. К тому времени Людовик уже стал самым значительным монархом в Европе, хотя наш Эдуард III Английский и завоевал позднее славу лучшего солдата христианской части континента, выиграв битву при Креси, но она состоялась значительно позднее.

Людовик Венгерский находился в затруднении после смерти брата. Кровавые узы, слезы матери — королевы Польской, проклятия брата Робера призывали его выступить против Неаполя. Но война с христианским государством без благословения Папы грозила отлучением от церкви. Итак, стиснув зубы, Людовик приготовился ждать, заверенный Авинь-

оном в том, что убийцы предстанут перед судом. Но его постигло разочарование: на скамье подсудимых не оказалось величайших особ, в отношении которых у Людовика были свои подозрения. И вот теперь они были подтверждены Карлом Дураццо.

Разгневанный Людовик немедленно написал Папе, требуя покарать, как он выразился, эту «неверную жену и мужеубийцу», восседавшую на неаполитанском троне и демонстрирующую миру свою преступную красоту. Климент, гнувший свою линию, о чем нам вскоре предстояло узнать, ответил в значительно более мягких тонах. Он допускал возможность существования серьезных подозрений по поводу соучастия Джованны в убийстве. Однако Климент напоминал Людовику о том, что, поскольку Папа является оплотом добра и справедливости, он не может предпринять никаких действий, не имея веских доказательств виновности королевы.

Его святейшество явно был человеком занятым и в суматохе дел забыл о том, что сам же приказал казнить всех тех, кто мог бы представить подобные доказательства. Да к тому же его действия в отношении этих несчастных вряд ли диктовались идеалами справедливости и уж тем более добра.

А Людовик Венгерский истолковал это письмо как приглашение к действию. Он решил, что ему как разгневанному брату предлагалось добыть доказательства виновности королевы. Собственно, дело именно так и обстояло. Папа привел в действие свой замысел и теперь, довольный, потирал руки. Людовик, уверенный, что не преступает заветы церкви, отдал приказ о наступлении. Хотя мне кажется, что история пошла бы иным путем, направь он свои силы против неверных турок, нахлынувших на Восточную Европу, и может быть, он даже сложил бы голову, как многие его потомки, пытавшиеся противостоять этому бурному морю, под знаком полумесяца двинувшегося на Европу.

Но вместо этого Людовик пошел на Неаполь. И весьма успешно. Джованна просто обезумела от

страха и сразу же отправила послание брату своего первого мужа. Она клялась в своей невинности (ее вера во всепрощение соответствовала моей) и умоляла его отказаться от своих враждебных намерений.

Ответ короля Людовика был краток и не оставлял никаких надежд. «Мадам, — писал он, — ваша беспорядочная жизнь и захват верховной власти, ваше попустительство убийцам вашего мужа, ваш следующий так называемый «брак», даже сам факт, что вы пытаетесь оправдать себя свидетельствуют о том, что вы причастны к этому ужасному злодеянию».

Ответ вызвал новый приступ страха и отчаяния у бедной Джованны. Принц Людовик, разумеется, готовился отразить надвигавшуюся опасность всеми имеющимися у него силами, хотя вряд ли это было разумно. В его распоряжении была едва лишь половина неаполитанской армии, ибо вторая половина состояла на содержании Карла Дураццо. А что может затеять эта тварь, предугадать было невозможно.

Пока мы были в растерянности, Екатерина Валуа взяла власть в свои руки, чего ей всегда так хотелось. Но это было в последний раз. По натуре своей она была женщиной прямолинейной: если без союза с Карлом Дураццо Неаполь обречен, значит, надо сделать его союзником. Она поставила Джованну перед фактом, и та была вынуждена согласиться на тайную встречу со своим кузеном. Однажды она даже призналась мне, что страшится предстоящего свидания в саду Нового замка.

Во время встречи Джованна предала интересы своего собственного ребенка, официально назначив Карла наследником престола. Думаю, что все четверо присутствующих на тайной встрече говорили одно, а думали совсем другое.

Екатерина явно рассчитывала, что в случае победы Людовика Венгерского Карл сразу же перестанет быть для нас проблемой. Если же выиграет он, что ж, надо будет с ним смириться, но только до следующего подходящего момента, когда она сможет сделать соответствующий шаг. Императрица отнюдь не

желала, чтобы Джованна с Людовиком Тарентским оставили своих будущих детей без наследства.

Мысли Джованны витали в том же направлении.

Карл же явно рассчитывал на то, что после отражения венгерского наступления он получит, по крайней мере, регентство.

У меня не было сомнений, что со временем этот подонок плохо кончит. После всего, что он со мной сделал, негодяй во время встречи едва взглянул в мою сторону, настолько ему не терпелось приступить к делу.

Что ж, впоследствии оказалось, что его конец был даже ближе, чем я предполагала, а пока что нам казалось, что все наши проблемы разрешены. Карл и Людовик объединили свои силы и выступили в сторону Аквилы. Над этим городом уже реял венгерский флаг.

Последний вечер перед походом был грустным и нежным. Наши герои отправлялись на войну. До этого дня ни Джованна, ни я еще никогда не расставались со своими мужьями. И мы не знали, сколько продлится наша разлука, когда они вернутся и вернутся ли вообще.

Итак, мы разошлись по спальням, чтобы насладиться ласками наших возлюбленных. Во всяком случае, мы с Альберто не теряли времени даром и наконец успокоились, удовлетворенные и довольные, в испарине и истоме. Как раз в этот блаженный миг я и услышала призыв из спальни Джованны, расположенной всего через дверь от моей.

Я мгновенно вскочила с постели, опасаясь очередной напасти, подбежала к королевской спальне и постучалась.

— Это ты, Ричильда? — спросила королева. — Входи.

Я замешкалась, пытаюсь привести в порядок свои мысли. В сущности, ничто другое приводить в порядок я и не могла, так как выбежала из комнаты

так быстро, что ничего не успела на себя надеть. Что делать, я откинула волосы на плечи. В конце концов, принц Людовик был знаком с моим телом.

Собравшись с духом, я открыла дверь опочивальни и усталилась на королеву и ее мужа.

Они оба были столь же наги, как и я сама, и эта картина могла вызвать только восхищение. Более красивой пары я не видела. К тому же было ясно, что они только что предавались любви, как и мы с Альберто. Но было не менее очевидно, что между ними возникло некое разногласие по поводу удовлетворения страсти.

Я немного забеспокоилась, заметив, что они оба с интересом изучают нижнюю часть моего тела. Что ж, я всегда гордилась тем, что могу без стыда сравниться с любой женщиной, хотя и предпочитаю оценку мужчин. И несмотря на свой юный возраст, я не страдала ни излишней скромностью, ни похотливостью. Мне пришло в голову, что Джованна с Людовиком еще не насытились любовными играми и решили поразвлечься с моим телом. Ничего не поделаешь, ведь я по-прежнему была им служанкой и должна была исполнять их желания.

Однако оказалось, что они не собирались ни восхищаться моим телом, ни желать меня. Джованна вытянула руку и указала на меня.

— Ну так что?

Принц Людовик поднялся с постели. Восхитительное зрелище.

— Альберто! — позвал он. — Альберто!

— Ваша светлость! — выдохнула я.

Меня ничуть не затрудняло демонстрировать свою наготу перед королевской семьей. Иное дело, если королева покажет себя простому капитану.

Видимо, та же мысль пришла в голову и Джованне. Она натянула простыню до самых плеч, однако от этого не было никакого толку.

Альберто примчался немедленно. Он успел натянуть штаны и в руках держал обнаженную шпагу, приготовившись отражать нападение. Увидев

открывшуюся картину, он в замешательстве остановился.

— Альберто, — сказал Людовик, — твоя жена не надела этот предмет.

Мы все посмотрели на мое тело, включая меня самое. Какой предмет?

Альберто покраснел.

— Мы еще не говорили об этом, монсиньор.

— У вас был целый час, — заметил Людовик.

— Да, монсиньор. Но дело в том... — Альберто с тревогой посмотрел на меня.

Дело в том, что мой милый муж страшился меня подчас больше, чем вооруженного врага.

— Какой предмет, мой милый муж? — спросила я, стараясь говорить как можно мягче.

— Какой же предмет? — отозвалась эхом Джованна, также весьма сдержанно.

Людовик вздохнул.

— Ты здорово осложнил нашу задачу, Альберто, — сказал он, — ну да ладно. Неси их сюда.

Альберто отправился в нашу спальню. Мы с Джованной переглянулись.

Альберто вернулся, неся в каждой руке по довольно странной вещи. Внешне этот предмет одежды несколько напоминал те мужские штанишки, что используются противоположным полом при купании в присутствии дам. Иными словами, там были отверстия для ног и жесткий пояс, чтобы придерживать сие одеяние. Вся нижняя часть живота и интимные части тела должны были прикрываться.

Но что действительно отличало эти предметы — назову их пояса, — так это материал, из которого они были сделаны. Пояса были изготовлены из железных колец.

Наши мужья посмотрели на нас, затем взглянули друг на друга и опять на нас. В комнате стояла тишина. Невысказанные мысли так и повисли в воздухе.

— Их рекомендует Святая Церковь, — решил сказать нарушить молчание Людовик.

— Неужели? — отозвалась Джованна.

— Это работа самых искусных ремесленников, — продолжал принц, — и как уверяют, весьма удобная вещь при носке. К тому же пояса облегчают сомнения как тех, кто их носит, так и их мужей.

— И создают неудобства, — предположила Джованна.

— Вовсе нет, ваша светлость. Если вы посмотрите на эти изделия внимательнее, то сразу поймете, что никаким естественным надобностям они не препятствуют.

Он взял один из поясов целомудрия из рук Альберто и подал его Джованне.

Каждый раз, когда обстоятельства требовали немедленного принятия решения, Джованна долго не раздумывала. Скорее наоборот, подчас она, пожалуй, принимала решения слишком быстро. Сейчас она понимала, что двое мужчин, которых мы любили всем сердцем, хотят одеть нас в эти пояса. И что наш отказ безумно их расстроит. А ведь им предстояло идти на войну и сражаться за победу.

Но она прежде всего оставалась женщиной.

— Неужели вы сомневаетесь в нашем добропорядочном поведении во время вашего отсутствия, монсиньоры?

Людовик так смутился, что не нашелся, что ответить.

— Святая Церковь...

— ...рекомендует это неестественное облачение, — согласилась Джованна. — Что ж, я не смею противоречить Святой Церкви. Но, монсиньор, будете ли вы сами и капитан Коньи также носить подобные пояса?

— Я?.. — Людовик обернулся к Альберто за поддержкой.

— В таких поясах мы не сможем ехать верхом, ваша светлость! — запротестовал Альберто.

— А, ну да, — сказала Джованна. — Ну что ж, капитан, наденьте это на вашу жену. Посмотрим, как это выглядит.

Итак, я просунула ноги в отверстия, а Альберто затянул пояс у меня на бедрах так, чтобы снять это одеяние было невозможно. Затем он вставил ключ в маленький замочек, приделанный к поясу, и повернул его. Щелчок — и Альберто уже любовался результатом.

— Разве это так уж неудобно, дорогая жена?

Надо признать, что при первом впечатлении пояс вовсе не казался неудобным. К тому же это была жаркая ночь, а железные кольца приятно охладили кожу. Но это было так унижительно...

— А у кого будет храниться ключ? — спросила Джованна.

— У мужа, ваша светлость, — чуть нервно ответил Альберто.

— Ну-ну, — сказала королева. — Что ж, капитан, спасибо за этот показ. Вы можете идти. Ричильда, ты поможешь монсиньору.

И мы с принцем Людовиком заковали в пояс королеву.

Джованна, Екатерина Валуа и я стояли у окна Нового замка, наблюдая за потоком проходящих отрядов. Блестели пики и копья, развевались вымпелы и стяги, сверкала на солнце рыцарская броня. Боевые кони поднимались на дыбы, в кожаных доспехах маршировали лучники, за ними шли священники, кузнецы, бежали женщины и дети, двигались повозки с домашней птицей и скотом. Одним словом, армия уходила на войну. Это был великий и очень торжественный день. Все солдаты считали своим долгом посмотреть на королеву и поприветствовать ее. Джованна сияла от гордости и была безумно красива. Вечером мы отправились в собор на торжественную службу за успех нашего оружия.

А наутро случилось невероятное. Накануне мы вернулись из собора, поужинали как обычно и разошлись по покоям. Мы с Джованной вновь спали в одной постели, прижавшись друг к другу, как это всегда бывало во время отсутствия принца Людовика. Нас

подняла одна из придворных дам императрицы. Мы бросились в ее спальню и нашли ее мертвой. На теле не было никаких признаков насилия, в застывших чертах лица не видно было никаких страданий. Ее дамы клялись, что она никого из них не звала.

Она просто скончалась.

Мы похоронили ее очень быстро, без всякой помпы. Во время войны это было вполне естественно, тем более что все ее сыновья ушли сражаться. Когда мы с Джованной, одетые в черные платья, вернулись во дворец и остались одни, мы несколько мгновений просто смотрели друг на друга. Затем отбросили вуали и налили по бокалу вина, выпили и бросились друг другу на шею.

— Она была ужасной женщиной, — сказала Джованна, — даже не знаю, как ей удалось вырастить такого прекрасного сына, как мой муж.

Джованна замолчала и вздохнула.

— Стоит мне только подумать, — произнесла она, — что он сейчас в опасности...

Но у нас с королевой была и еще одна насущная забота. Нам нужно было придумать, как избавиться от стеснявших нас поясов, а потом суметь надеть их обратно по возвращении наших мужей.

Последнее соображение автоматически исключало применение клинка или топора, что так или иначе было опасно для нежной кожи. Итак, мы обе ломали головы.

— Спинелли! — решила Джованна.

Прекрасная идея, и вряд ли можно было сделать лучший выбор. Антонио Спинелли был ее личным секретарем, и ему можно было доверять. Он не стал бы распускать язык. Конечно, он все же был мужчиной, и потому здесь был некоторый риск. Но ему уже было за сорок, а нам с Джованной — чуть больше половины этого возраста. Нам казалось, что у него вряд ли могут возникнуть сексуальные вожделения.

Молодость все же сродни глупости.

Итак, мастер Спинелли прошел в королевские апартаменты. Двери закрылись, мы остались втроем, и Джованна принялась излагать суть дела. Она говорила без тени смущения, хотя мои щеки мгновенно запылали. И могли гореть еще очень долго.

— Что ж, ваша светлость, — отозвался Спинелли, не выказывая никаких эмоций. — Вам нужен дубликат ключа.

— Великолепная мысль, Антонио, — согласилась Джованна. — Вы можете достать дубликат?

— Да, ваша светлость, — проговорил Спинелли, — только... надо будет сделать восковой слепок замка.

— Конечно! — воскликнула Джованна. — Ричильда!

Для чего же еще нужны служанки, как не для того, чтобы делать для господ то, что те сами выполнять не желают? Я легла на пол, мои юбки были задраны вверх, и мастер Спинелли принялся растапливать воск. Размягчался, надо сказать, не только воск, но и взгляд Спинелли. Ибо пояс, позволяя выполнять естественные функции организма, давал возможность человеческому взору разглядеть этот организм.

Так или иначе, достойный секретарь не позволил себе никоим образом обнаружить свои впечатления от произведенного обзора. Разве что дыхание его участилось, а рука, державшая воск, дрогнула, так что капля расплавленного воска упала мне на живот, и я немедленно вскрикнула.

Сделать слепок было гораздо сложнее. Мошеннику понадобилось просунуть руку мне за пояс, так что я с силой втянула живот, освобождая место. Выпихивая воск наружу, пальцы Спинелли блуждали по моей коже.

Джованна наблюдала за происходящим, стоя на коленях по другую сторону от меня. Когда воск был извлечен, она захлопала в ладоши от радости. Спинелли заявил, что слепок получился удачным и что завтра он принесет ключ. Что он и сделал. Драго-

ценный кусочек металла легко вошел в замок, и через мгновение я была свободна, а пояс остался целым и невредимым.

— Замечательно! — закричала Джованна. — Вы будете награждены, Антонио. А теперь оставьте нас.

Спинелли поклонился и удалился. Но далеко не ушел. Негодник подозревал, что может произойти в следующее мгновение.

Джованна дрожала от возбуждения. Хотя в то время она еще не вела ту беспорядочную жизнь, что стала для нее привычной в поздние годы, как мне кажется, вследствие разочарования в любви, все же пояс был ей явно неприятен. Он был ей более неприятен, чем мне, ведь она была королевой! Едва дверь захлопнулась за секретарем, а Джованна уже подняла юбки и велела мне расстегнуть пояс.

Что я и попыталась сделать. Но ключ, свободно открывший мой замок, не подходил к замку ее пояса.

Мы были в отчаянии. Но что делать, пришлось снова звать Спинелли. Теперь его задача была куда более сложной. Как почти все мужчины в окружении Джованны, секретарь обожал ее. А теперь королева лежала перед ним, практически обнаженная к низу от талии, и зрелище не могло не взбудоражить беднягу. Капли расплавленного воска попали на нежную кожу, и Джованна вскрикнула.

Наконец слепок был сделан, и я нежно растерла кожу королевы. Потом был изготовлен ключ, и вот мы обе свободны. Одной заботой стало меньше. Мы всерьез призадумались над тем, какой опасности подвергаются наши мужья.

А поводов для беспокойства было более чем достаточно. Людовику, а с ним и моему дорогому Альберто, приходилось нелегко. Король Людовик Венгерский начал вторжение в Северную Италию через Пулию. Многие малодушные градоначальники поспешили распахнуть перед ним крепостные ворота, даже не пытаясь противостоять ему. К тому же, помня о недавних событиях, многие районы Северной Италии приветствовали венгров, а кое-кто и

припоминал старые обиды, нанесенные еще Карлом Анжуйским во времена его процветания. Более того, братья Альберто и Мартино делла Скала, да покroются их имена вечным позором, предоставили Людовику Венгерскому конный отряд из трехсот всадников, хотя армия последнего и так имела значительный перевес.

Это были плохие вести. И чем дальше, тем хуже. Джованна попросила папского легата отправиться в поход с ее армией с тем, чтобы от имени Папы постараться убедить короля Людовика воздержаться от войны. На что Людовик, естественно, возразил, ответив, что его святейшество знал о существующих намерениях и никак им не воспрепятствовал. Что, несомненно, было известно и самому легату. Действуя по инструкциям Авиньона, посланец Папы, видимо, использовал аудиенцию для подробного отчета о дислокации неаполитанских войск.

Наш принц Людовик разместил свои отряды, перекрыв проход в районе Капуи у реки Волтурно. Венгры неминуемо пошли бы этой дорогой, если бы Людовик Венгерский не знал точного расположения противника. А так они свернули в сторону, тайно перешли через горы Алифе и Морконе и появились под Беневенте, пока наш Людовик Тарентский ждал их под Капуей.

Это была полная катастрофа. Враг находился на расстоянии всего одного перехода от столицы. Всех охватила паника. Посланец Папы, опередив короля Венгерского, поспешил к Джованне и настоятельно рекомендовал ей спастись бегством, пока еще не поздно. Джованне отнюдь не хотелось видеть себя в цепях у ног Людовика Венгерского. Она поспешила принять совет легата и забрала с собой только самых близких, а из всех советников — только Спинелли. К счастью, волею провидения или указания свыше в порту находилась галера его святейшества, куда королева и отправила своего новорожденного сына, новорожденную дочь своей преданной служанки, саму преданную служанку и, что самое

главное, самое себя. Так мы попали в железные щупальцы его святейшества Папы Римского. И даже без защиты наших поясов целомудрия, ибо в спешке мы выкинули эти изделия за борт.

Здесь мне хотелось бы продолжить рассказ о дальнейшем удачном и столь драматичном для нас выступлении Людовика Венгерского. Зловещий легат не замедлил оповестить старейшин Неаполя о бегстве королевы. Хорошо понимая, что их собственная армия далеко, а венгры находятся почти у стен Неаполя, они сговорились поднести королю Венгрии ключ от города. Таким образом, Людовик добился бескровной победы. Если, конечно, не считать парочку-тройку крестьян, которых он повесил после того, как солдаты изнасиловали их жен и дочерей. Но что поделаешь — на войне как на войне. Я каждый раз пытаюсь представить себе, как поступали бы мы, женщины, будь мы в рядах вооруженных воинов. Вот досталось бы мужчинам.

Но я отвлекаюсь. Новость о побеге королевы и сдаче столицы быстро достигла неаполитанской армии. Многие командиры сразу же побросали знамена и ринулись заключать мир с завоевателями.

Принц Людовик поскакал в Неаполь, не в силах поверить в бегство своей жены. Здесь он узнал горькую правду. Несокрушимый и по-прежнему влюбленный, он решил последовать за нею, но в гавани не было ни одного корабля, а венгры уже наступали ему на пятки. Людовик не поддался страху или отчаянию. С четырьмя преданными людьми, включая моего Альберто и верного Никколо Аччаиуоли, он вышел в открытое море на небольшой лодке.

Его тезка сразу же забыл о нем, уверенный, что тот утонул. Но Людовик спасся, достигнув Пизы далеко за пределами Неаполя. Оттуда уже сухопутным путем он решил пробираться в Авиньон.

Такой поступок подтвердил его репутацию храбреца и кавалера. Впрочем, действия иных личнос-

тей вполне оправдали их репутацию. Карл Дураццо и Роберт Константинопольский решили сдаться на милость победителя.

Они нашли его в Аверсе, ибо, хотя Людовик отправил свои войска захватить Неаполь, он сам вовсе не собирался появляться в этом беспокойном городе, где у него было полно врагов. Но теперь эти враги либо бежали, либо явились пред его очи, причем в том самом месте, где погиб его брат. Так что он вполне мог считать себя везучим человеком.

У Карла и Роберта хватило ума оставить, по крайней мере, своих братьев в относительной безопасности за стенами Неаполя. Но Людовик, встретивший их с очаровательной любезностью, немедленно потребовал присутствия младших Анжу. Никакие отговорки — болезни или неотложные дела — не могли изменить его позицию, и в результате младшие принцы также предстали перед королем Венгерским. А он по-прежнему заверял их, что ссора началась и касается только его и королевы, к остальным же членам дома Анжу он вражды не питает.

Эти слова проливали бальзам на душу Карла Дураццо. После побега королевы трон пустовал, и Карл рассчитывал, что Людовик отдаст его своему верному союзнику. Это была невероятная глупость, но Карл именно этим и отличался. У меня есть веские доказательства, что после праздничной трапезы с королем Людовиком в апартаменты Дураццо прошли Лелло д'Аквила и граф Фонди. Они пытались предупредить Карла, что король намеревается его казнить. Дураццо им не поверил и велел убраться из его покоев.

Итак, на следующий день Карл с братьями и кузенами вновь предстал перед королем. И вновь был приглашен за стол. Ужин был накрыт в той самой комнате, где в последний раз ужинал принц Андрей, но даже это зловещее совпадение не насторожило Карла. Верный Лелло, прислуживавший за столом, пытался еще раз убедить его бежать. Но Карлу нравилась торжественная трапеза, он явно думал, что со смертью всех заговорщиков его путь к престолу рас-

чищен, и наслаждался триумфом, роскошной обстановкой и сервировкой стола, а еще более приветливой королевской улыбкой... пока король не перестал улыбаться.

Внезапно король, сидевший напротив Карла, гневно вытянул правую руку и указал на него.

— Негодяй, как ты смеешь сидеть за моим столом! Ты, кого я ненавижу больше всех на свете!

Карл в оцепенении уставился на него, испуганный неожиданным выпадом.

— Или ты думаешь, что я не знаю о твоих ухищрениях захватить неаполитанский престол? — продолжал кричать Людовик. — Ты мог спасти моего брата, если бы предупредил его о заговоре. Но ты решил оставить все как есть и не вмешался.

Карл в ужасе упал на колени, а за ним его брат и кузены.

— Или ты думаешь, — продолжал Людовик, — что я не знаю, как ты выступил вместе с моим тезкой, так называемым супругом преступной мужеубийцы, сражаться против меня?

— Монсиньор, — заикаясь, проговорил Карл, — на мне нет вины, клянусь вам. Я бы предупредил принца Андрея, моего лучшего друга, если бы смог попасть сюда вовремя. А что касается моего участия в походе, мне приказала королева, все, что я мог, это только поспешить к вам при первой же возможности.

— Наглый лжец, — заявил Людовик, — это все только мелкие преступления. Ты виновен в большем. Ты посмел жениться на принцессе Марии, а ведь ее дед на смертном одре завещал ее руку мне.

— Монсиньор, — умолял Карл, — сжальтесь надо мною. Я не знал, что вы действительно хотели жениться на принцессе. Монсиньор...

— Уведите его, — приказал Людовик своим преданным офицерам, Стефану Вайводе и графу Цимику.

Карл, его брат и кузены провели эту ночь взаперти. На следующее утро молодые офицеры были отправлены в Венгрию, где прожили в плену долгие годы.

Сам Карл был приговорен к смертной казни, которая состоялась на том же самом проклятом месте, где умер Андрей. Карла вывели на балкон, закололи кинжалом в сердце, а затем отрубили голову. Тело было сброшено с балкона и пролежало три дня без погребения, как в свое время пролежало тело Андрея.

Говорят, что перед смертью Карл совсем сник и что-то бессвязно бормотал.

Теперь король Людовик двинулся на Неаполь. Он не принял предложенную старейшинами капитуляцию города, предпочитая войти в столицу завоевателем и со всеми вытекающими отсюда последствиями. Людовик жаждал мести, и гнев его только усилился, когда он понял, что герцогиня Калабрийская от него ускользнула. При появлении венгерской армии Мария с детьми и верной служанкой заперлись в монастыре, а затем сбежали, переодевшись монахинями. Трудно сказать, как намеревался король Людовик поступить с несчастной Марией, ведь супруга у него к тому времени уже была. Но не вызывает сомнений, что, окажись Мария с детьми в его власти, ее ждала бы печальная участь.

Как будто нас могло ожидать нечто лучшее!

Так или иначе, но неаполитанцам предстояло расплачиваться за то, что обе сестры ускользнули от венгерского короля. Как, впрочем, и за то, что сами жители так быстро предали своих правителей. А свою месть Людовик начал с донны Канчи. Она уже несколько месяцев находилась в тюрьме, где и произвела на свет второго ребенка. Бертран де Бо ничего не предпринял против нее, и, может быть, ей удалось бы уцелеть. Но не после прихода венгров. Людовика нельзя было растрогать симпатичной мордашкой и аппетитными формами — а Канча сохранила и то и другое. Он приказал казнить ее тем же способом, что и ее сообщников. На следующее утро зловещая телега повезла ее на площадь, как в свое время графинь Терлицци и Морконе. Надо отдать должное Канче, она не изменила своей натуре и умерла смеясь. Более

того, она даже сама указывала палачам на самые лакомые кусочки своего тела.

Еще худшая участь постигла графа Катанцаро. Как известно, он также обвинялся в причастности к заговору, однако сумел ускользнуть от Бертрана де Бо. Граф имел глупость вернуться в Неаполь, чтобы просить милости и прощения у Людовика Венгерского. Король приказал изломать его на колесе — смерть тем более мучительная, что после того, как все кости несчастного уже переломали, его поднимают как можно выше и еще живого оставляют на съедение хищным птицам.

Для Катанцаро казнь оказалась еще более ужасной. Людовик приказал утыкать колесо острыми лезвиями, и на них-то и привязали несчастную жертву.

Из опыта общения с неаполитанцами я могу твердо сказать, что зрелище казни наверняка доставило народу не меньшее удовольствие, чем жестокий спектакль год назад. Если бы Людовик на том и остановился — то есть лишь на казни сообщников благородного происхождения, — население Неаполя было бы вполне довольным. Но в своей ненасытной жажде мести король пошел дальше. Жертвами становились люди любого сословия, более или менее уличенные в общении с бывшими заговорщиками. Даже пекарь, поставлявший им хлеб, рисковал поплатиться жизнью. Добропорядочные жители всегда высказывали сомнение в непричастности своей королевы к убийству. Появление Людовика Венгерского они было восприняли как замену одного монарха другим. А тут вдруг оказалось, что вместо молодой, цветущей и приятной во многих отношениях королевы власть взял в свои руки жестокий тиран. Конечно, присутствие в городе двадцатитысячной венгерской армии не оставляло им надежды хоть как-то повлиять на ход событий, но многие стали задумываться и со вздохом вспоминать былое. Все больше и чаще головы стали поворачиваться в сторону моря, за которым нашла прибежище бывшая королева. От венгров добра уже не ждали. А вскоре к неаполитанцам пожаловал враг еще более страшный, чем даже венгры.

А тем временем Джованна, я и наши дети прибыли в Ниццу. Путешествие по морю длилось пять дней, и мы ни разу не встретили ни одного враждебного судна. Провансальцы до этого еще никогда не видели своей герцогини — таков был титул, унаследованный Джованной по праву владения этой провинцией. Но как и во всех других местах жители были весьма о ней наслышаны. И сразу же собрались, чтобы решить, хотят ли они видеть ее своей владительницей или готовы признать в ней хладнокровную мужеубийцу. Одного взгляда на ее бледное и прекрасное лицо было достаточно, чтобы привлечь всех на ее сторону. Джованну встретили криками «ура»! В ее честь устраивали праздники и турниры, ее окружили заботой и вниманием.

А некоторые рыцари, явно отчаявшиеся заслужить хотя бы улыбку королевы, бросали одобрительные взгляды на ее стройную, светловолосую и, осмелюсь сказать, также привлекательную служанку, что всегда была рядом с королевой.

Но королева явно не разделяла царившего вокруг нее радужного настроения. На сердце у нее лежала тяжесть, которая доселе не была ей знакома в ее беспокойной жизни. Чувство вины усугублялось горечью изгнания из родного дома. К тому же она не знала, жив ли ее супруг, но прекрасно понимала, что ее собственная жизнь зависит только от расположения его святейшества. Ей следовало бы отправиться за прощением к Папе, а он до сих пор никоим образом не проявил своего дружеского расположения.

Я, ее низкая служанка, полностью разделяла ее чувства. Ведь я тоже лишилась дома и не знала, жив ли мой муж. Мы проводили немало времени в объятиях друг друга, вздыхая о нашей горькой доле.

Все же было приятно думать, что мы находимся среди друзей. Наше путешествие по Провансу проходило с триумфом. Но в городе Экс нас ждал удар. Старейшины города послушно открыли ворота перед своим сюзереном, но в их приветствиях не было ни

энтузиазма, ни доброжелательности. То же самое можно было сказать и о жителях.

— Они подавлены вашим величием, — попробовал было заикнуться Спинелли.

Я не согласилась с ним и заволновалась еще больше, когда мы подъехали к замку Арно, где королеве предстояло остановиться на время пребывания в городе. Все дворяне выстроились в две шеренги и низко кланялись королеве. Но как только Джованна, я, Карл Мартел, Лючия и Спинелли прошли сквозь ряды, они сомкнулись за нами, отделив от нас наших сопровождающих.

— Ваша светлость, — прошептал Спинелли, когда мы входили в здание, — я начинаю думать, что мы стали пленниками городских властей.

— Что же мне делать?

— Попробуйте узнать, чей это приказ.

Собрав все свое мужество, Джованна вызвала для разговора главного магистра. Как только он явился, она спросила, когда будут закончены приготовления к продолжению ее путешествия в Авиньон. Горожанин смутился и, запинаясь, ответил, что как раз ожидает на этот счет инструкций из Авиньона. Джованна немедленно приняла самый грозный вид и спросила, кто же, в конце концов, хозяин этого города — она или Папа?

Несчастный член магистрата снова начал расклиниваться пуще прежнего и умолять ее светлость поверить, что она любима и уважаема всеми жителями Экса и что у нее не может быть ни малейших сомнений в их вассальной преданности, но все они, в том числе и ее светлость, обязаны демонстрировать еще большую вассальную преданность его святейшеству, и что именно эту-то, более высокую преданность они и должны сохранять в первую очередь.

Разумеется, таким иносказательным путем нам дали понять, что мы и впрямь являемся узниками, и это было для нас весьма неприятно. Следующие несколько дней прошли в различных хлопотах. При том, что дворяне и горожане Экса выказывали королеве

всяческое уважение и почтение, ни мы, ни они не знали, когда от них потребуют, чтобы они заковали Джованну в цепи и представили на ужасное судилище верховного иерарха Церкви, а недавние судилища такого рода были еще слишком свежи в нашей памяти, чтобы вселять в нас бодрость.

И все же мы знали, что есть отважные сердца и красноречивые уста, готовые высказаться за нас. Людовик Тарентский, как я уже вкратце упоминала, ухитрился высадиться неподалеку от Пизы, и это было счастливым событием для всех нас. Ведь он был отважным рыцарем, правда, лишенным теперь всех своих привилегий и имущества и сохранившим только свой меч. Его сопровождало всего несколько, не более полудюжины, отважных соратников, и все они оказались в центре враждебного к ним мира. К счастью, Людовик подбирал свою верную дружину с большой тщательностью. Как я уже упоминала, в нее входил Альберто, готовый умереть с мечом в руках, защищая своего господина. Что еще более важно, в числе его сторонников был тот самый адвокат Никколо Аччаиуоли, столь славно служивший императрице. Теперь же с полной искренностью он отдал свою преданность единственному из сыновей Екатерины, остававшемуся на свободе. У этого Никколо был еще более ценный дар, чем преданность, он был братом Анджело, архиепископа Флоренции и лица, высоко ценимого и уважаемого в Авиньоне.

Поэтому, когда небольшой отряд прибыл во Флоренцию, он нашел союзника в лице доброго прелата, готового оказывать помощь. Он их одевал и кормил, а потом взял с собою в Авиньон. К этому времени Людовик уже знал, что Джованна оказалась узницей в Эксе, но по совету Анджело Аччаиуоли предпочел обратиться прямо к Клименту вместо того, чтобы пытаться спасти ее с небольшим отрядом своих соратников.

Это решение было правильным, потому что его святейшество и в самом деле любил и привечал ар-

хиепископа Флорентийского и не мог остаться равнодушным к красивому молодому принцу с открытым и мужественным лицом, столь грубо оторванному от жены и пасынка. Людовик действительно позже признавался нам, что к папскому престолу он приблизился с известной долей робости, но Климент, которого он встретил впервые, сам поднял его с колен и приветствовал как короля Неаполитанского! Те из нас, кто волею обстоятельств были вынуждены усвоить несколько циничный взгляд на жизнь, распространяя его и на стоявших на высших ступенях власти, конечно, поймут, что, действуя подобным образом, Климент, ни разу в жизни не совершивший поступка, который бы не был направлен к собственной пользе и выгоде, и в этом случае не изменил своей натуре. Как столетие назад Карл Анжуйский продвинулся вперед слишком быстро и далеко, так теперь и Людовик Венгерский оказался втянутым в столь же опасный процесс. Признание его королем Неаполитанским по праву завоевания означало бы, что он становился самым могущественным монархом всего христианского мира, но Климент не хотел согласиться с этим: он предпочел бы считать таковым в качестве своего верного помощника Людовика из Таренто, а не его тезку из Будапешта.

Каковы бы ни были хитросплетения извилистых папских мыслей, нам это было только на пользу. Будучи заключены в замке Арно, мы, конечно, ничего не знали о случившемся, а содержали нас там в суровых условиях. Вместо придворных дам, вывезенных Джованной из Неаполя, к нам приставили четырех провансальских дам, и эти старые ведьмы были ничуть не лучше тюремщиков или шпионок. Собственно, таковыми они и были на самом деле. Одна из них неотлучно находилась при королеве в течение всего времени, пока та бодрствовала, и наблюдала за каждым ее шагом. Они были бы готовы отослать меня и оставаться при ней даже ночью, но Джованна отвергла это намерение со всей решительностью. И теперь

только глубокой ночью мы могли делиться своими страхами, а иногда надеждами, хотя не вызывало никакого сомнения, что мы буквально зажаты в тиски. И это продолжалось до тех пор, пока архиепископ Экса без предупреждения не попросил аудиенции у королевы и, будучи принят ею, начал объяснять, что происходит, выражая при этом смиренное и робкое почтение к особе ее светлости.

— Поверьте нам, мы совсем не желали беспокоить вашу светлость, никоим образом не желали, — сказал он, — и поэтому старались уберечь вас от осознания серьезной опасности, которой вы неумышленно подвергали себя, посетив наш город. Дело заключается в том, ваша светлость, что всего лишь за несколько дней до вашего прибытия мы получили весть от короля Франции, всего лишь намек о том, что он собирается отдать Экс в качестве удела одному из своих младших сыновей.

Он помолчал, а Джованна, умевшая притворяться лучше нас всех, позволила себе откликнуться:

— Негодяй!

Это действительно было актом своеволия; хотя вряд ли это можно было бы назвать безусловным беззаконием, ибо Джованна владела Провансом и окрестными городами не как королева, но как герцогиня: Прованс и Неаполь могли бы быть объединены под эгидой дома Анжу, но по политическим мотивам они существовали раздельно. Прованс был дарован Карлу Анжуйскому в качестве удела более чем сто лет назад. Таким образом хоть и дарованный французской короной, по закону он принадлежал Франции. И потому Филипп VI, по сути дела, был синьором Джованны.

Война, которая шла в этот момент между моей родной Англией и Францией, была следствием того, что английский король Эдуард III также имел владения, которые, как предполагалось, ставили его в вассальную зависимость от короля Франции.

К несчастью, нынешнее положение Джованны не позволяло ей участвовать в этой войне.

— Прошу вас верить, ваша светлость, — увещевал достойный прелат, — что народ Экса скорее бы умер, чем выдал вас французам, но ответственность, которую мы берем на себя, продолжая держать вас у нас в то время, как французская армия может начать наступление на нас, слишком серьезна. Поэтому мы попытались скрыть ваше присутствие, пока искали поддержку, и теперь я счастлив уведомить вашу светлость, что такая поддержка найдена и исходит из высочайшего из возможных источников. Его святейшество лично обещал нам позаботиться о вашей безопасности и желает только одного — принять вас при своем дворе в Авиньоне, где (а он выразил свое желание, чтобы мы вам об этом сообщили) уже находится жаждущий припасть к вашей ручке ваш супруг, о чем его святейшество попросил нас довести до вашего сведения. При данных обнадеживающих обстоятельствах мы в Эксе должны смириться с волей его святейшества и не настаивать на том, чтобы ваша светлость и далее оставались здесь с преданными вам людьми. А понимая, что вы, вероятно, стремитесь не только воссоединиться со своим супругом, но и предстать перед его святейшеством, то мы не будем этому препятствовать. Поэтому ваши лошади оседланы и ожидают, когда ваша светлость окажет им честь сесть на них.

Тут я должна на минутку сделать паузу и перевести вышеизложенную тарабарщину на простой и понятный язык, ради блага моих неискушенных читателей.

Смысл сказанных архиепископом слов заключался в следующем:

Папа требует вас к себе, чтобы держать вас у себя как узницу. Ваш муж уже находится у него в качестве заложника, что и вынудит вас капитулировать.

При таких обстоятельствах нам бы очень хотелось как можно скорее увидеть ваш отъезд.

Джованна поняла эту речь столь же хорошо, как и я, но у нее не было иного выбора, чем покориться Папе и его требованию, и, кроме того, ей страстно хотелось увидеться с Людовиком, хотя я весьма со-

мневаюсь, что она удовольствовалась бы тем, что он только поцеловал бы ее руку.

Конечно, тогда я еще не знала, что мой дорогой Альберто тоже был в Авиньоне, но я тем не менее тревожилась только о том, как королева встретится с Папой и добьется ли хоть какой-то определенности в нашей несчастной судьбе. И мы отправились в это удивительное путешествие, которое положило конец всем нашим надеждам.

Авиньон, как всем хорошо известно, расположен на реке Роне, выше городов Арля, Бокэра и Тараскона, нам пришлось пересечь всю страну по реке, несущей свои воды с невероятно бурной стремительностью, так что проход под мостом ниже города был жутким экспериментом, от которого волосы вставали дыбом. Путешествие из Экса заняло несколько дней, но наконец-то в поле зрения появились башни папского анклава, который, как следовало бы здесь напомнить, принадлежал Джованне, а за ними еще выше вздымалась огромная квадратная башня самого папского дворца.

Уже на самых дальних подступах к городу Джованну приветствовали как королеву и сюзерена. Далеко за воротами нас ожидал Людовик Тарентский, одетый в сверкающие доспехи. При виде своего мужа Джованна, издав крик радости, едва не выпала из седла. Пытаясь ей помочь, я тоже чуть не оказалась на земле и тут-то только заметила, что плечом к плечу с нашим господином стоит мой Альберто, которого я уже не чаяла увидеть живым.

Рыцарей окружала толпа одетых в красные мантии кардиналов, присутствие которых несколько ослабило пыл наших первых приветствий. Но они были как бы представителями ожидавшего нас хозяина. Мы были встречены пажам, одетыми в ослепительные наряды. Они сопровождали нас, неся над головой королевы балдахин из малинового бархата, расшитый золотыми королевскими лилиями и увенчанный сверху развевающимися перьями. Впереди нас шли красивые юноши и девушки с венками из цветов на го-

ловах. Они пели хвалы Джованне, пока мы проходили в ворота, и Людовик гордо гарцевал на коне рядом с королевой, а Альберто рядом со мной. Дома в городе были украшены как в дни национальных торжеств, улицы были запружены толпами народа, который пришел посмотреть и поприветствовать королеву. Над всем этим царил хор колоколов, разливистые трели которых неслись из каждой городской церкви. Моим самым страстным желанием было только одно: чтобы все эти негодяи вроде Роберто ди Кабана и Карла Дураццо могли бы видеть нас в час нашего триумфа.

Мы прибыли в Авиньонский замок, папскую резиденцию, и направились к лестнице, где, стоя наверху, нас ожидал высший иерарх Церкви.

Тут следует напомнить, что каких-нибудь десять лет назад я покинула Англию со своей несчастной семьей, чтобы совершить паломничество в священный город. Возможно, что тогда мой отец надеялся хоть издали бросить взгляд на Божьего наместника на земле, но даже в самых своих безумных мечтаниях я никогда не мыслила встретиться с этим человеком лицом к лицу, хотя это был уже не тот наместник, что десять лет назад.

Действительно, за последние десять лет положение Папы познало немало тяжелых превратностей судьбы. В предыдущих главах моего повествования я уже рассказывала о том, что, оказав поддержку Карлу Анжуйскому в борьбе с сыновьями Фридриха Второго, папы были потом вынуждены искать противовес избранному ими же самими поборнику справедливости и защитнику, потому что он стал слишком могущественным. Это им удалось, но, с другой стороны, это означало все большее вовлечение Святого Ока Господня в вопросы светской и политической жизни, а оказавшись однажды вовлеченными в искусство дипломатии и предательства, люди, стоявшие рядом с Божьим наместником на земле, непременно оказывались заложниками в этой грязной игре, а не просто людьми, и ничто не давало им гарантии сохра-

нения духовной чистоты, которая возвышала бы их над простыми смертными. И более того: когда дело принимало слишком уж скверный оборот, они почти не могли теперь рассчитывать на духовное покровительство. Примером этого нового положения был Папа Бонифаций VIII, происходивший из семьи Гаэтани, который стал верховным иерархом Церкви в 1294 году и оставался им до 1303 года.

Красивый и тщеславный, надменный и деспотичный, распутный и честолюбивый, он быстро поднялся над Европой как колосс, нимало не заботясь о том, что на своем триумфальном пути наживал и оставлял повсюду немало врагов. При этом он имел две цели: закрепить навсегда временную власть папства и финансовое могущество дома Гаэтани.

Вершины своего могущества Бонифаций достиг в 1303 году.

С невероятным размахом и пышными торжествами был отпразднован юбилей папства, при этом он даже не задумался о том, что как раз заканчивался тринадцатый век существования христианства, и эту цифру можно было бы истолковать как дурной признак.

Практически дни его были сочтены. Его длительное соперничество с Карлом Анжуйским, которому суждено было увенчаться победой Папы, оттолкнуло от него многих коронованных особ Европы, которые, опасаясь нечестной игры с его стороны, не были уверены в прочности своего положения, тем более что достаточно было одного мановения руки Папы, чтобы двинуть армии против любого слишком удачливого монарха. На свою беду Бонифаций ухитрился сделать своим врагом Филиппа IV Французского, бывшего не только кузеном прапрадеда Джованны, но и государем державы, только-только начавшей свой путь к славе, державы, которую еще не вынудили ввязаться в гибельную войну с Англией. Филипп по прозвищу Красивый, получивший его скорее по причине внешней привлекательности, а не величия духа, поднял мятежное знамя против

светских амбиций папства и, перечислив все преступления, в которых считал повинным Бонифация (некоторые из них были общеизвестны, другие же не были доказаны, и о них только ходили слухи), потребовал доставить святого отца во Францию, дабы возбудить против него процесс и призвать к ответу.

Папа, разумеется, никак не отозвался на это беспрецедентное требование и предал французского короля анафеме. Но Филипп принадлежал к той небольшой группе людей, для которых гнев небес, который пророчили такие же, как и он, смертные, не представлял никакой угрозы. Победив армию Папы, он послал двоих своих преданных слуг Гийома де Ногарэ и Шарра Колонна — род Колонна был заклятым врагом рода Гаэтани — и потребовал, чтобы они арестовали Бонифация, укрывшегося в Ананье, и доставили его в Париж.

Попытка похищения окончилась неудачей: итальянцы сгруппировались вокруг своего Папы, однако потом двое из вражеского стана ворвались в папские апартаменты и, схватив норовистого старца, подвергли Папу всем формам унижения, под конец облепившись прямо на лежащее ничком дрожащее тело. Потом они убежали, но цели своей достигли, потому что Бонифаций так никогда и не оправился от унижения, которому был подвергнут, и вскоре после этого умер.

Это событие, как и следовало ожидать, поставило весь христианский мир перед вопросом: что же будет дальше? Было совершенно невыносимым, чтобы подобное обращение с Папой не повлекло бы немедленного прямого вмешательства небес, но тем не менее такого вмешательства так и не последовало. Поспешно избранный новый Папа Бенедикт XI даже не смог добраться до Рима, такой была анархия, царившая в ту пору в Италии, и он удовлетворялся тем, что отлучил от церкви всех, кто был замешан в происшествии в Ананье.

Но это оказалось для него гибельным, потому что через год после этого он умер, и мало кто сомневал-

ся в том, что он был отравлен, или в том, что смертоносный напиток был прислан из Парижа.

Хотя большинство кардиналов и были достаточно честолюбивы, чтобы стремиться занять самый высокий из возможных постов, но печальная тенденция привела к полному отсутствию кандидатов на замещение Бенедикта в его должности. Почтенные прелаты препирались в течение десяти месяцев, прежде чем избрали Бертрана де Гота, архиепископа Бордо, который, как известно, был злейшим врагом Филиппа.

Но очень скоро оказалось, что Бертран всего лишь притворился или, что более вероятно, просто решил выжить, и, поднявшись на папский престол под именем Климента V, он сразу же проявил готовность и добрую волю сотрудничать с монархом Франции. После множества шагов с обеих сторон и после длительных переговоров с Филиппа были сняты все обвинения в преступлениях против церкви, а с Бонифация — посмертно сняты обвинения в преступлениях против человека и природы.

Филипп на этом не остановился и с папского одобрения продолжил свою деятельность, уничтожив Орден Тамплиеров, весьма могущественную и богатую организацию. Сам Климент, не имея возможности вернуться в Рим из-за царившей там анархии, никак не хотел оставаться на территориях, управляемых французским королем, и потому добился разрешения Роберта Анжуйского, деда Джованны, «временно» обосноваться в Авиньоне и там держать свой двор.

Это произошло в 1308 году, и к тому моменту, когда мы туда прибыли, этот двор существовал там уже тридцать восемь лет.

В то время Клименту наследовал уже Иоанн XXII, которого, в свою очередь, сменил Бенедикт XII, а по смерти Бенедикта в 1342 году, в том самом году, когда начались все наши несчастья, кардиналы избрали своим главой некоего Пьера Роже.

Родившийся в 1291 году в Коррезе, Пьер сначала был клириком, потом аббатом монастыря бенедиктинцев

в Фекампе, а затем в Ля-Шэз-Дье, в 1329 году архиепископом Санса, а в 1330-м — Руана.

Он, конечно, был абсолютным французом и более того — французским духовным лицом от кончиков ногтей до самой макушки. Став Папой под именем Климента VI, он стал бесконечно расширять свой двор и новый папский городок, перещеголяв в этом даже Бонифация. В Авиньоне и вокруг него возводились дворцы. Они росли, как грибы, роскошь папского двора стала притчей во языцех. Не все это одобряли. Критики называли это «Вавилонским пленом» Церкви и насмеялись над претензиями Папы на то, чтобы его именовали Климентом Великолепным. Но он мог позволить себе не обращать внимания на злоязычие. Он стремился к упрочению своего положения и шел к этой цели с бесконечным терпением с того самого момента, как Джованна была возведена на трон Неаполя и стала таким образом его сюзереном.

Этот красивый, улыбающийся 55-летний прелат был тем самым человеком, перед которым мы теперь стояли на коленях, склонившись в просительном ожидании, и если в тот момент мы сами этого еще не сознавали, то я не сомневаюсь, что главной мыслью Климента в эту минуту было: все приходит к тому, кто умеет ждать.

— Ваша светлость, — сказал Папа, поднимая Джованну с колен и жадно впивая всеми фибрами своего существа ее чувственную красоту. — Это для нас честь и привилегия приветствовать вас в Авиньоне, вашем собственном городе.

— О святой отец, — произнесла Джованна, — если бы вы знали, как давно я мечтала предстать перед вами.

Приветствия почти всегда — это всего лишь канва жи, присутствующей при любом событии. А сейчас нужно было перейти к делу.

— Я предпочел бы только, чтобы наша встреча состоялась при более благоприятных обстоятельствах, — заметил Папа.

— Я всего лишь ищущу справедливости, святой отец, — ответила Джованна, глядя ему прямо в глаза. — Но будьте уверены, я готова искупить любое преступление, в котором меня сочтут виновной.

Папа ответил ей столь же пристальным взглядом, и было ясно, что они достигли взаимопонимания и предварительной договоренности.

Климент улыбнулся.

— Я уверен, что придется изобрести приемлемую епитимию, чтобы стереть с вас все пятна, ваша светлость, — сказал он. — Но против вас выдвинуты такие серьезные обвинения, что вам придется предстать перед кардиналами и объяснить сложившуюся ситуацию.

Джованна склонила голову.

— Как пожелаете, ваше святейшество, — согласилась она.

— Но вам нечего опасаться, — успокоил ее Климент. — Даю вам слово.

Теперь он удостоил своим мимолетным взглядом и всех остальных, и я с чувством некоторого беспокойства отметила, что на несколько мгновений он задержался и на мне.

— А это ваши дети? — спросил он мягко, но с некоторой долей недоверия.

— Это мой сын Карл Мартел, — ответила Джованна, выдвигая вперед мальчика. — А девочка — дочь моей близкой придворной дамы и доверенного лица Ричильды Бенуа.

— Ах вот как! — Климент почти и не взглянул на мою Лючию, предпочитая разглядывать меня. — Она такая светловолосая.

— Она родом из Англии, ваше святейшество, — пояснила Джованна.

— И, как вы говорите, она ваша самая верная наперсница. Подойди сюда, девушка.

Я сжала колени и, отодвинувшись от Альберто, опустилась на колени перед человеком в пурпурной одежде. И ощутила пальцы Папы под своим подбородком, когда он приподнял мою голову.

— Право же, такой красивый цвет волос, — заметил он, и его взгляд переместился с моего лица на корсаж платья. — Возможно, вам предстоит разделить епитимью со своей госпожой.

Потом он отпустил меня, и мне было дозволено вернуться к Альберто, но я уже была вся во власти тревожных мыслей.

На минуту засверкало солнце, и все кругом осветилось. Свиту Джованны и сопровождавших ее лиц проводили во дворец кардинала Наполеоне Орсини и там нам разрешили по-настоящему приветствовать наших возлюбленных мужей и вновь представить им их детей, а также вернуться к забытым радостям супружеского ложа. Это был счастливый вечер, и несмотря на то, что все мы, наверное, сознавали, что над нами все еще нависает туча, мы позволили себе на время забыть о ней, чтобы она не омрачила наших простых радостей. Но самым главным наслаждением, чего мы в тот момент больше всего жаждали вместе с королевой, так это как можно скорее слиться обнаженными телами со своими возлюбленными.

По-видимому, мужья жаждали того же самого, и потому ни слова не было сказано об отсутствовавших на нас поясах целомудрия.

Мы ожидали, какое будет решение Папы, но, судя по всему, Климент не спешил представить Джованну на суд кардиналов. Это отчасти объяснялось тем, что этих почтенных господ предстояло собрать вместе, а не все они находились поблизости от Авиньона. Но в то же время у меня не было сомнения в том, что его святейшество знал, какого вердикта он хочет: было необходимо убедиться в том, что все кардиналы точно знают, как в свое время они должны проголосовать независимого от того, какие свидетельства и доказательства могли бы быть представлены. Некоторых из них безусловно требовалось бы убеждать гораздо дольше, чем других.

Мы были достаточно счастливы тем, что теперь, после всех событий истекшего года, находились в относительной безопасности, даже если Джованна и

вздыхала по своей бедной семье и народу Неаполя, которые все еще находились под пятой завоевателя, чудовищные проявления мести которого стали уже широко известны.

И были подтверждены с прибытием принцессы Марии Дураццо, которая, следует напомнить, бежала от Людовика, переодетая в монашеское платье в сопровождении двоих дочерей и сына Карла, который был всего лишь грудным младенцем.

Вполне могло стать, что он бы погиб во время этого бегства.

И это едва не случилось, ибо принцессе было суждено перенести множество удивительных и страшных лишений и опасностей прежде, чем она оказалась в безопасности за стенами Авиньона, где со смиренной мольбой пала на колени перед сестрой.

У Джованны были все основания считать, что Мария предала ее, оказав поддержку Карлу Дураццо в его необоснованных и безумных честолюбивых притязаниях, но сейчас все эти чувства были забыты перед непреодолимым желанием Джованны увидеть свою сестру, вдову без копейки денег, бежавшую от их общего врага. Она подняла Марию с колен и заключила ее в объятия, обещая ей, что они вместе встретят уготованные им несчастья и испытания.

Не являясь более королевой Неаполитанской, Джованна решила утвердиться пока в качестве герцогини Прованской. Причиной тому была ее природа, не терпевшая праздности, а также расчетливая политика, а именно ее желание показать Клименту, насколько хорошей правительницей она была бы, имея она такую возможность.

Как я уже говорила, Авиньон стал центром христианского мира с тех пор, как его Святое Око было вынуждено перебраться туда из Рима. Было довольно трудно делать какие-либо дела — жениться, родить детей или даже умереть достойным образом — без благословения Церкви. Для смиренного люда это было благословение приходского священника, а для тех, кто был рангом повыше и стоял на другой сту-

пеньке социальной лестницы, это благословение исходило от местного епископа.

Однако с теми, кто вершил крупные дела или обладал большим честолюбием, дело обстояло иначе. Они стремились подольститься к иерархам Церкви, и если кто-либо из них хотел сидеть рядом с архиепископом или кардиналом, то он должен был найти своего человека, а это было легче осуществить в священном городе нежели в епархии. Великие мужи Церкви предпочитали, насколько возможно, быть поближе к своему господину и пребывать в отбрасываемой им тени.

Само собой разумеется, что если кто-либо отправлялся в Авиньон, чтобы обратиться с какой-либо просьбой к архиепископу, то имело смысл пойти еще выше и изыскать возможность просить аудиенцию у самого Папы.

В итоге Авиньон в определенном смысле стал самым деловым и космополитическим городом, какой мне только довелось видеть. На улицах там всегда было полно людей всех видов и мастей. Проходя по улицам, гордые прелаты толкались плечом к плечу с арабскими купцами-мусульманами, доблестные воины — с беспокойными евреями; испанцы с итальянцами; французы с венграми; англичане со скандинавами; поэты с монахами, а клоуны со школярами. И все это весьма способствовало процветанию дел. Владельцы постоялых дворов зарабатывали на этом состоянии, как и торговцы мясом и вином. Но человеку ведь свойственно не только есть, пить и спать. Он выполняет и четвертую функцию, самую восхитительную из всех и перевешивавшую значение всех остальных, без которой никого из нас не было бы на этой земле.

А эта особая потребность, как правило, требует особых услуг, которые предоставляют женщины. Джованна могла бы кокетничать и флиртовать по прихоти или по наущению, но если исключить Роберто ди Кабане в раннюю пору ее жизни, то она никогда не смотрела ни на кого, кто был бы ниже по рожде-

нию, чем принц крови. И даже я, смиренная раба, могла позволить себе иметь только наилучшее из всего доступного. Что же касается удовлетворения сексуальных потребностей большинства людей, толпившихся в Авиньоне, то тут требовались женщины в большом количестве и такие, что согласились бы спать хоть с татаринoм, лишь бы цена была стоящей. Потому к описанному мною калейдоскопу пестрой толпы следовало бы добавить еще и множество проституток, зарабатывающих огромные деньги и даже состояния, выкачивая их из готовых раскрыться для них кошельков и еще более готовых раскрыться сладостных объятий этой заезжей части мужского населения. И поэтому многочисленные куртизанки Авиньона, уверенные в своей необходимости, были самым вызывающими, шумными и агрессивными в мире. Такое положение удручало Джованну. Хотя ее собственные чувства и желания, касающиеся, по крайней мере, тех ощущений, которые, как принято считать в народе, возникают между ног, были извращены еще в самом детстве, в данный период она удовлетворяла свою страсть только в сугубо интимной обстановке и, как я уже упомянула, только с мужчинами, принадлежавшими к ее классу.

Вид женщин, открыто выставляющих напоказ свое тело на каждом углу и даже называвших цену за всевозможные оказываемые ими услуги, был отвратителен молодой королеве, ибо она считала, что они позорят пол, к которому она принадлежала, и обесценивают его достоинства.

И потому как герцогиня Прованса, а значит, и правительница Авиньона, она издала указ, согласно которому эти несчастные должны были очистить улицы и жить все вместе в одном большом доме.

Этот дом, известный всем, потому что снаружи на его двери висел красный фонарь, был открыт во все дни года, кроме последних трех дней Святой недели, хотя его двери всегда были закрыты для евреев. Но мужчины, входившие туда, а поток их никогда не иссякал, что легко можно было понять и объяснить,

согласно указу не смели позволять себе никаких скабрезностей и непристойностей.

За порядком в доме следила аббатиса, специально назначенная быть хозяйкой всех проституток города. Можно было бы предположить, что королева столкнется с трудностями, подыскивая хорошую женщину, готовую принять на себя столь малоприятные и обременительные обязанности, но на самом деле все было как раз наоборот. Пришлось буквально отбиваться от монахинь, желающих занять эту должность.

Такое начинание Джованны, как мне сказали, было первым в мире подобным начинанием, но с тех пор ее примеру последовали и в других местах. Это вызвало многочисленные суждения, и мнения высказывались самые разные. Большинство мужчин одобрили такое начинание, ибо это означало для них меньшую опасность того, что во время сладостных развлечений у них обчистят карманы или что они подцепят какую-нибудь болезнь, потому что в обязанности аббатисы входило регулярно осматривать своих подопечных.

Самим проституткам это вовсе не нравилось, и вскоре стали распространяться непристойные слухи, будто королева заточила всех женщин, чтобы отбирать лучших мужчин Авиньона для себя самой.

Но что самое главное — все добропорядочные матроны города собрались вместе, чтобы выразить благодарность своей герцогине за то, что она очистила улицы от всей этой мерзости, как они называли «трудолюбивых» молодых женщин города, и это шумное одобрение не осталось незамеченным Папой.

Приближался час суда над Джованной. Климент со своим обычным пристрастием ко всему показному и жаждой личной славы был занят собиранием судей со всей Европы, хотя все прекрасно знали, что единственным судьей, который будет решать дело, был сам Папа. Однако подготовка к судилищу была прервана, когда Людовик Венгерский прислал своих послов с требованием осудить королеву и вынести ей приговор за убийство его брата. Это побудило Климента к действию, и от Джованны потребовали явить-

ся во дворец Папы, где ей предстояло убедить мир в своей невиновности.

Это было весьма торжественное и великолепное действие, свидетельницей которого мне довелось стать. Процесс проходил в огромном дворе папского дворца, в котором по этому случаю были воздвигнуты навесы и в дальнем конце которого для самого Климента был поставлен высокий трон, возвышавшийся над всеми нами. Слева от Папы, на поставленных полукругом стульях, восседали облаченные в пурпур кардиналы. Позади них выстроились епископы, викарии, каноники, дьяконы, архидьяконы и все клирики, каких только можно было сыскать.

У их ног стояли послы Людовика, обвинители королевы.

Лицом к сомкнутым рядам церковников на помосте, но не столь высоком, как у Климента, был поставлен трон для Джованны и выделено место для ее свиты, в числе которой была и я. Но мы не появлялись до тех пор, пока не расселись все остальные. Здесь теперь собрались все послы иностранных держав, все знаменитые капитаны и известные купцы, которые были в городе. У меня было такое чувство, будто мы предстали на суд перед всем миром, и я не сомневалась, что если королева будет осуждена, то и я, будучи с ней связана теснейшими узами, тоже буду обречена спуститься в ад вместе с нею.

Но теперь, когда наступил момент истины, Джованна казалась необычно бесстрашной. Ее лицо было бледным, но она выглядела настоящей королевой, когда, одетая во все черное, появилась во внутреннем дворике дворца, опираясь на руку своего дяди, престарелого кардинала Перигорского.

К этому моменту Джованна жила в Авиньоне уже несколько месяцев, и вполне вероятно, что почти все присутствовавшие, по крайней мере, хоть раз имели возможность ее уже видеть, однако теперь, когда она появилась на арене, потому что едва ли это можно было назвать чем-либо иным, огромная масса собравшихся людей издала глубокий вздох, и я готова по-

клясться, что причиной тому отчасти было явное желание. Джованне было всего двадцать лет, и красота ее была безупречной. Но еще большее впечатление должно было вызвать выражение ее лица, блеск восхитительных глаз, слегка приоткрытые малиновые губы, изгибы ее совершенного тела, когда она шествовала, направляясь к своему месту, и когда поклонилась Папе.

Вглядываясь в эти возбужденные лица, молодые и старые, я размышляла о том, что в случае осуждения королевы не будет недостатка в мечях, которые обнажатся в ее защиту, но на меня особенное впечатление произвел один юноша, еще совсем мальчик, ибо он казался значительно моложе всех остальных.

Это был красивый юноша с великолепными каштановыми волосами и лицом столь же выразительным, сколь сильным было его тело. Я спросила одного из сопровождавших королеву авиньонцев его имя, и мне ответили, что это Хайме Арагонский, инфант (что по-испански означает принц) Майорский и отпрыск королевского Арагонского дома. Этот, подумал я, будет достойным защитником моей госпожи.

Тогда я еще и не подозревала, что одним из нераскрытых еще в то время моих талантов был дар предвидения.

Когда Джованна, принеся клятву, заговорила, собрание умолкло. Как я уже сказала, это был момент истины, хотя, конечно, по своей сути это скорее был момент лжи, потому что, признайся Джованна во всем, даже поклонники не смогли бы спасти ее.

Но она всячески отрицала, что знала что-либо о заговоре с целью убить ее мужа, и, говоря это, лила слезы, чем убедила в своей правдивости каждого из присутствующих мужчин. Сделать это было совсем нетрудно, хотя я не могла избавиться от чувства, что, будь ее судьями вместо мужчин женщины, задача ее оказалась бы много труднее.

Самым слабым местом в ее рассказе были те страшные часы, когда королева вместо того, чтобы броситься к телу мужа и требовать отомстить его

убийцам, просто забралась со мной и с Канчей в постель. Многим казалось, что такое поведение как раз и подтверждает ее виновность. Но это обвинение Джованна опровергла с таким потрясающим присутствием духа, какого я никогда не видела. С горящими глазами, из которых по щекам ее катились слезы, оставляя следы на ее прекрасном лице, она рассказывала собранию о своем ужасе, когда узнала о его убийстве, о страхе за себя и своих верных приближенных, и тут она даже оказала мне честь, взглянув на меня, и я, заранее припася для такого случая большую луковицу, которую прятала в носовом платке, смогла присоединиться к ней и пролила обильные слезы, стараясь в то же время придать своим чертам выражение величайшей муки.

Но к этому моменту слезы стали уже настоящими, их поток еще более усилился, когда Джованна достигла кульминации своего знаменательного выступления: она широко раскинула руки и, слегка отвернув голову от Папы, полуобернулась к слушателям и своим сильным, ясным и звучным голосом начала оплакивать свою судьбу и просить помощи и защиты от узурпатора, захватившего ее трон, от человека, убившего ее родных и столь жестоко угнетавшего ее подданных.

Когда она закончила свою речь и позволила своим рукам безвольно упасть вдоль тела, на минуту воцарилось молчание, и я слышала в этой тишине, как глухо и тяжело бьется мое сердце. Но мой страх мгновенно рассеялся, едва раздались первые звуки, которые нельзя было истолковать иначе, как рев одобрения ее речи, и этот рев исходил из каждой глотки, а сотни мечей были мгновенно выхвачены из ножен и подняты к небу. Я наблюдала за венгерскими посланцами, которые, видя столь единодушное проявление поддержки королевы, в страхе поглядывали друг на друга, а затем без единого слова поднялись и покинули двор. А затем по кратчайшей дороге они убрлись и из Авиньона. Климент видел, как они уходили, и выждал, когда наконец уляжется весь этот шум. Затем он сказал:

— Славная наша королева, вы поистине царственно изложили нам печальные факты, касающиеся прискорбного события, смерти вашего мужа, и ваших собственных испытаний. Мне остается лишь вынести свое суждение о ваших обвинителях и вас самих. Я сделаю это завтра утром.

Джованна, как и я, посмотрела на него с некоторым беспокойством; а в толпе зрителей послышался недовольный ропот, ибо теперь они не сомневались, что королева была самой невинной женщиной на всем белом свете. Но Папа отпустил свой двор, которому не оставалось ничего иного, как удалиться, зато наши опасения вернулись снова и даже с удвоенной силой, потому что, когда мы уже покидали помост, к нам протиснулся священник в черной сутане и сказал:

— Ваша светлость, его святейшество просит личной аудиенции, чтобы выяснить пару неясных ему вопросов, прежде чем он сможет вынести по этому делу свое суждение.

— Личной аудиенции? — выдохнула Джованна, бросая беспокойный взгляд на мужа.

— Я буду рядом с тобой, любовь моя, — объявил Людовик.

— При всем моем почтении, монсиньор, — сказал священник, — но его святейшество особо подчеркнул, что желает побеседовать с королевой наедине, но ради приличия ее может сопровождать одна из ее доверенных дам. — Его глаза обежали нашу группу, но я уже знала, кого он искал, и ноги мои подкосились. — Он требует, чтобы ее сопровождала ее доверенная наперсница, англичанка Ричильда Бенуа.

Джованна посмотрела на меня, и я ответила на ее взгляд. Мы не обменялись ни словом, но обе поняли, что думает каждая из нас. И как могло быть иначе, ведь, пережив вместе столько опасностей, мы черпали свою уверенность и надежду в том, что встретим и эту неожиданность рука об руку.

— Мы сейчас подготовимся, — сказала Джованна.

— Мне даны инструкции отвести вас в папские апартаменты немедленно, — настаивал низкий плут.

Джованна вздохнула и повернулась к мужу:

— Я присоединюсь к тебе как только смогу, мой возлюбленный рыцарь, — сказала она, — и принесу тебе сладчайший дар, благословение его святейшества нашему союзу. Ничего не бойся.

Я ограничилась тем, что сжала руку Альберто, и поспешила за своей госпожой, которую вел священник. Мы не разговаривали и даже не бросили и взгляда друг на друга, потому что обе знали, что все то, что имело место раньше, было не более чем представлением: а вот истинные причины пребывания королевы в Авиньоне и истинное решение Папы по делу Андрея Венгерского нам еще только предстояло узнать.

Мы вошли во дворец через маленькую дверцу, нас провели по многочисленным темным переходам, потом мы поднялись наверх по таким же темным и узким лестницам, а затем оказались в роскошной приемной, которая, несмотря на драпировки, расписанные сценами с распятием, и ковры, казалась очень светлой и воздушной, потому что на большой высоте в стенах были пробиты окна, которые пропускали дневной солнечный свет, но не давали возможности взглянуть наружу.

— Соблаговолите подождать здесь, ваша светлость, — сказал священник и удалился.

Больше в комнате никого не было, и мы с Джованной хоть на минуту смогли облегченно вздохнуть.

— Ваша светлость, — сказала я, — мне что-то страшно.

— Не бойся, — возразила Джованна, обнаруживая лучшее, чем у меня, знание человеческой природы. — Если бы Климент намеревался осудить нас, он сделал бы это на суде открыто, чтобы продемонстрировать свое величие. Но чего бы он от нас ни хотел, мы должны подчиниться его желаниям. — Она посмотрела на меня. — И помни, что, даже будучи Папой, он все-таки остается мужчиной. Я подозреваю, что все дело как раз в этом.

Ее слова встревожили меня, потому что в них был оттенок богохульства, но прежде чем я успела высказать свое мнение, другая дверь отворилась, чтобы пропустить в комнату Климента и еще одного священника. Эта серая тень была нам уже известна: его звали Пьером, и он был личным секретарем Папы и его доверенным лицом.

Как только Папа вошел, Джованна опустилась на колени, и я последовала ее примеру:

— Вы можете встать, королева Джованна, — сказал Климент. — Прикажите своей служанке сделать то же самое.

Мы стояли перед ним, а он опустился в резное деревянное кресло. Отец Пьер встал за его плечом.

— Что за очаровательную картину являете собой вы двое; — заметил Климент. — Одна такая темно-волосая; а другая совсем светлая — такая великолепная пара. И такая смертоносная.

Мои колени так дрогнули и стукнулись друг о друга, что я была уверена, что на них появились синяки. Не знаю, произошла ли подобная неприятность и с Джованной тоже, но голос ее был звучным, лишь с едва заметным признаком дрожи.

— Меня обвиняют в клятвопреступлении, ваше святейшество?

— Что такое клятвопреступление по сравнению с убийством? — спросил Климент. — Но если вы желаете получить прощение Господне, вы должны исповедаться во всех своих преступлениях.

Джованна смотрела на него несколько секунд, а я в это время уже ощущала прикосновение топора палача. Потом королева спросила:

— А Господь прощает любое преступление?

— Его милость беспредельна, дитя мое, — ответил Климент, — если только вы проявите подлинное раскаяние.

— Тогда могу ли я просить у вас индульгенцию за то, что вела себя как женщина и королева, пытаюсь избавиться от грязной твари, паразитировавшей на

моем теле' и покушавшейся отнять у меня мое королевство.

У меня перехватило дыхание, но Климент только с серьезным видом склонил голову.

— Действительно грязная тварь! Признаетесь ли вы и в клятвопреступлении?

— В интересах своего народа я совершила бы любое преступление, ваше святейшество. И считаю, что интересы моего народа требуют, чтобы им правила я, а не узурпатор.

— Признаетесь ли вы также и в прелюбодеянии?

— Когда в браке нет любви, святой отец, женщина, обладающая силой духа и чувств, нуждается в утешении и ищет его везде, где только возможно.

Несколько секунд Климент внимательно смотрел на нее, потом кивнул:

— Мне кажется, что сейчас вы произнесли куда более лучшую речь в свою защиту, нежели когда лили потоки слез сегодня утром. А ваша наперсница тоже повинна во всех этих преступлениях?

Я бросила на королеву умоляющий взгляд, но Джованна, разумеется, не собиралась предавать меня.

— Ричильда совершенно невиновна, она совершенно ни о чем не подозревала, пока не произошло это ужасное событие, святой отец.

— Но вы не можете утверждать, что она не принимала участия в других преступлениях.

Джованна склонила голову:

— Она была всего лишь рабыней, святой отец. И потому против нее было совершено больше прегрешений, чем грешила она сама.

— Из вас получился бы достойный защитник, ваша светлость. И все же я слышу здесь страшную исповедь. Возможно, Господу известно, что вы действовали именно так, как утверждаете, руководствуясь интересами своего народа и своими собственными. И знаю, что Господь склонен проявлять милосердие. Тем не менее нельзя совершать убийство, прелюбодеяние и клятвопреступление, не понеся должного наказания.

— Я уже сказала, что готова покориться любому вашему решению и принести любую искупительную жертву, которую потребует от меня ваше святейшество, — сказала Джованна ровным голосом.

Климент прищурил глаза:

— Вы говорите, ваша светлость, любую жертву? Джованна испустила слабый вздох.

— Да, любую, но кроме отказа от моего королевства.

— Тогда можете быть уверены, — улыбнулся Климент, — что вы будете прощены. Епитимья может накладываться в самой разной форме. Простейшая — это молитвы, обращенные к Господу нашему, а в вашем случае — Святой Матери Божьей. Есть и более суровая ее форма — физическое страдание и унижение во искупление преступления. И есть высшая форма искупления — это дарование части своего богатства или имущества Святой Церкви. В случае, когда преступление столь тяжко, как ваше, искупление требует всех трех форм епитимьи.

Говоря, он продолжал не отрываясь смотреть на королеву, и лицо его порозовело от возбуждения. Я была все еще слишком напугана, чтобы понять его истинные намерения, но Джованна, хоть и моложе меня, в познании житейских вещей ушла значительно дальше и в этом смысле была старше и мудрее, чем я.

— Я все понимаю, святой отец, — ответила она довольно тихим голосом.

— Тогда вашим первым актом искупления будет ежевечерняя десятикратная молитва Божьей Матери до конца вашей жизни.

— Я это исполню, святой отец.

Климент впервые взглянул прямо на меня:

— Ваша служанка также должна принять это покаяние и исполнять его до конца жизни.

— Она это исполнит, святой отец, — пообещала Джованна от моего имени.

— Вторая часть вашей епитимьи будет состоять в бичевании до тех пор, пока у вас не выступит кровь,

так вы сможете заплатить за свое преступление собственной кровью.

От этих слов у меня даже перехватило дыхание, но Джованна только склонила голову и на этот раз не произнесла ни слова.

— Это наказание будет осуществлено здесь и сейчас, — сказал Климент. — Это будет сугубо конфиденциальным делом, о котором будут знать только четверо присутствующих здесь.

Теперь было видно всю бурю охватившего его чувства: грудь высоко вздымалась, дыхание сделалось прерывистым и тяжелым.

Джованна обернулась ко мне и сказала:

— Помогите мне, Ричильда.

Несмотря на головокружение я бросилась к ней. Как Джованна и предсказывала, даже Папа оказался всего лишь мужчиной и потому был подвержен мужским слабостям.

Но до какой степени?

Мои пальцы скользили и не слушались меня, когда я пыталась расстегнуть одежду своей госпожи, и, по правде говоря, Джованна сама проделала большую часть необходимой работы и разделась. В жарком летнем климате Прованса она не обременяла себя слишком большим количеством нижнего белья и, в пять минут сняв с себя все, кроме сорочки, повернулась к своему духовному господину.

— Бичевание следует принимать на обнаженную плоть, ваша светлость, — произнес этот мерзкий человек, и сейчас стало уже совершенно очевидно, что он буквально задыхается от желания, ибо Джованна, одетая в одну тонкую сорочку и со своими черными волосами, ниспадавшими на спину, представляла такое зрелище, что могла бы свести с ума любого мужчину, да, кстати, и лишила покоя уже не одного из них.

Но ничто не могло сравниться с картиной обнаженной Джованны, когда она спустила сорочку с плеч и позволила ей соскользнуть вниз к ее ногам, а потом переступила через нее. Климент поднялся со своего кресла, как будто его притянули за веревку.

— Такая молодая, такая прекрасная, — бормотал он, сжимая губы.

Я не осмеливалась взглянуть на отца Пьера, который, без сомнения, находился в таком же возбуждении.

— Мне холодно, святой отец, — сказала Джованна ледяным тоном, но не повышая голоса.

— Сейчас, ваша светлость, вам станет жарко, — пообещал он. — Вот стул, встаньте на колени.

Джованна подчинилась и обхватила спинку стула руками.

— Розги, Пьер, — скомандовал Климент.

Отец Пьер поспешил к стоявшему у стены сундуку, где лежало несколько прутьев. Он выбрал один из них он начал размахивать им взад и вперед, со свистом разрезая воздух, и звук этот был ужасен.

Мне казалось, что, когда Джованна, не поворачивая головы, услышала этот свист, все ее тело с головы до кончиков пальцев ног содрогнулось от этого звука. Что и говорить, положение королевы было ужасным, но худшее было еще только впереди.

Я была уверена, что и Джованна думала, будто ее наказание окажется весьма кратким и скорее чисто символическим. Несколько легких ударов по обнаженным ягодицам, чтобы удовлетворить похоть святого отца... Но нет: он начал наносить ей удары с такой яростной энергией, что у меня перехватило дыхание. Он не удовлетворился шестью ударами, а нанес ей двенадцать — и все с такой же силой, — пока в конце концов на теле моей царственной госпожи действительно не выступила кровь.

Джованна вынесла первые несколько ударов с огромным присутствием духа, потом у нее потекли слезы; и хотя она старалась удержаться от криков, я видела, как побелели суставы пальцев ее рук, вцепившихся в стул со всей доступной ей силой. Когда порка была окончена, она еще несколько секунд оставалась неподвижной, будто приросла к стулу, а потом выпрямилась и без единого слова, с пылающими щеками.

даже не взглянув на нас, подняла с пола и надела свою сорочку.

Теперь отец Пьер похлопал по плечу меня.

— Ваша очередь, мадемуазель, — сказал мерзавец.

Тут, возможно, уместно остановиться и сказать несколько слов о том, как искусно и насколько сильно Святая Церковь владела не только нашим телом, но и властвовала над нашим сознанием. Небесам известно, что я не была безгрешной, обстоятельства всегда были не на моей стороне. Но у меня не было ни малейшего сомнения в том, что небеса в должной мере и в должный момент воздадут мне за мои прегрешения, и потому я не видела никакой необходимости в том, чтобы я была подвергнута большому наказанию, чем Джованна. Обе мы были лет на двадцать моложе Климента и его приспешника. Обе мы были крепкими молодыми женщинами, и я нисколько не сомневалась, что мы могли бы каждому из них ответить такой оплеухой, что они оказались бы без чувств на полу.

Вместо этого я просто подчинилась, ибо он был Папой, а я всего лишь рабыней. Какими же дураками бываем мы, простые смертные!

Поскольку я не была королевой, то не видела причины заботиться в подобном окружении о сохранении своего достоинства, во всяком случае больше, чем когда Карл Дураццо измывался надо мной в подземной тюремной камере, и потому при первом же ударе розгой я закричала во всю глотку. Голос мой становился все громче по мере того, как мне наносили удары, которых было тоже двенадцать. Я все еще продолжала кричать и после того, как порка прекратилась.

Тем временем Папа бессильно упал в свое кресло, выглядел он совершенно опустошенным, чего нельзя было сказать о Джованне и силе ее духа. Совершенно ледяным тоном она спросила:

— Будет ли теперь нам дозволено удалиться, святой отец, если наказание уже завершено?

— Завершено? — Климент выпрямился. — Но вы забыли еще о таком вопросе, как дарение в пользу Церкви.

Джованна наградила его полным негодования взглядом:

— Не сомневаюсь, что вы, ваше святейшество, сообщите мне, что вы имеете в виду?

— Я полагаю, ваша светлость, что для того, чтобы отныне и навсегда получить отпущение грехов своих, вам следует передать Церкви дар, величина и значимость которого достойны только королевы.

— Да?

— Я думаю об этом великом городе, в котором пребываю как ваш арендатор. Неподобаает Божьему наместнику на земле платить ренту.

Джованна просто онемела от этой наглости, бывшей вершиной всех его прочих выходов. Прошло несколько секунд прежде, чем она собралась с силами ответить ему.

— Вы хотите, чтобы я отдала вам Авиньон?

По ее тону Климент понял, что зашел слишком далеко.

— Я имел в виду заплатить приличествующую сумму наличными, — объяснил он. — В конце концов, я могу даровать вам все права оставаться королевой Неаполитанской, но если этот подлый венгр не подчинится моей воле, вам придется изгнать его оттуда. А для этого вам потребуется армия, но чтобы собрать армию, вам будут нужны деньги. И откуда же вы их возьмете, если не из моих сундуков? В обмен на мою финансовую и духовную помощь, думаю, Авиньон будет достойным и равноценным вознаграждением.

Если бы взгляд был способен убить, то, вне всякого сомнения, пришлось бы выбирать нового Папу.

Климент снова понял, что небольшой шаг назад может превратиться в огромный шаг вперед, навстречу тому, к чему он так стремился.

— Я смогу помочь вам и в другом отношении, ваша светлость. Я награжу вашего прекрасного супруга орденом Золотой Розы и официально провоз-

глашу его королем Сицилии и Иерусалима. Не говоря уже о Неаполе. Чего же большего может желать ваша светлость?

Намерение Папы осыпать своими милостями Людовика несколько умерило гнев Джованны. Но она все еще оставалась недовольной.

— Сколько вы мне заплатите? — спросила она.

— Ну... пятьдесят тысяч флоринов, — предложил Климент.

— Да вы шутите, ваше святейшество! Это за Авиньон-то? Сто тысяч!

— Ну, я готов согласиться на шестьдесят.

— Девяносто, — ответила Джованна, — и ни флорина меньше.

— Восемьдесят, — отозвался Климент, — и ни флорина больше.

Хотя моя госпожа и подвергалась только что бичеванию, ум ее оставался таким же острым, как и всегда. Она знала, что больше он не уступит. Джованна опустила на колени и склонила голову.

— Святой отец, я желаю искупить свои преступления, передавая курии город Авиньон в вечное владение... при условии, что вы мне заплатите восемьдесят тысяч флоринов. И только наличными.

Глава 6

Отпущение грехов и обещание Папы предписать своей буллой Людовику Венгерскому немедленно покинуть Неаполь несколько смягчили боль и унижение, которое мы с Джованной претерпели по воле Папы. Этому утешению в немалой степени способствовало и то, что теперь в распоряжении королевы оказалась большая сумма денег. Целуя рубцы на наших ягодицах и бормоча проклятия в адрес Папы, наши мужья тоже утешались этими же соображениями.

— Лучше всего забыть об этом, — убеждала Джованна. — Теперь надо думать о том, что делать дальше.

Людовик Тарентский и Альберто немедленно приступили к поискам галер и людей, которых они могли бы нанять, не дожидаясь, пока будет провозглашена папская булла. Но не успели они приняться за дело, как до нас дошла удивительная новость из Италии. Людовик Венгерский вместе с большей частью своей армии под покровом ночи покинул Неаполь и скрылся, перевалив через Апеннины.

Услыхав об этом, мы с облегчением переглянулись, однако изумлению нашему не было предела.

— Неужели мой народ прогнал его? — спросила Джованна, никогда не терявшая оптимизма.

— Только своими молитвами, ваша светлость, — отвечал посланец. — Дело в том, что венгерская армия, Неаполь, вся Италия, а возможно, и весь мир стали жертвой эпидемии весьма заразной болезни, называемой чумой, от которой люди мрут, как мухи.

— Бог мой! — воскликнула Джованна. — Откуда же взялась эта напасть?

— Сие никому не ведомо, ваша светлость. Но нет сомнения, что это Божья кара, ниспосланная нам за грехи наши. Это ужаснейшая болезнь, которая начинается с того, что распухают железы под мышками и в паху, а потом течение болезни становится очень стремительным и оканчивается мучительной смертью.

— Так это только страх перед этой заразой заставил короля Венгрии покинуть Италию? — спросил принц Людовик с некоторым презрением. Сам он болезни, конечно, не боялся.

— От этой болезни погибло множество его солдат, монсиньор. Но он все-таки не отказался от обладания городом. В Капель Нуово находится гарнизон, которым командует Коррадо Лупо, и предполагается, что король Венгерский еще вернется.

— Дьявол, — проворкотал Людовик, а Джованна побледнела.

— Мы должны действовать решительно и быстро, — заявил господин Аччаиуоли. — Но вы не должны подвергать себя опасности, ваша светлость, по

крайней мере, до тех пор, пока мы не расчистим вам путь, а мы уверены, что народ Неаполя готов подняться и навсегда изгнать захватчиков. Поэтому дозвоьте мне отправиться туда прежде вас в качестве вашего посла и посмотреть, что там происходит.

Джованна с радостью приняла это галантное предложение, и мы пока продолжали оставаться в Авиньоне в качестве гостей Папы, улыбавшегося нам самой очаровательной улыбкой, когда случалось встретиться с ним, а происходило это довольно часто. В это время Людовик и Альберто продолжали заниматься сбором флота и армии, поскольку стало ясно, что, несмотря на чуму, они будут нам совершенно необходимы.

Тем временем Аччаиуоли, вооруженный самым действенным в мире оружием — то есть папской буллой, — отбыл в Италию. Однако от него требовалось проявлять осмотрительность и осторожность. Поэтому прежде всего он отправился в единственный во всем Неаполе замок, не сдавшийся венгерскому властителю, а именно Мельци, комендантом которого, как оказалось, был его собственный сын Лоренцо. Можно себе представить, с какой радостью встретились и заключили друг друга в объятия эти двое самых верных слуг королевы.

Лоренцо заверил отца в том, что неаполитанцы устали от вымогательств и казней, обрушившихся на них по воле венгерского монарха, и что они только ждут слова от своей королевы о ее готовности вернуться к ним — а значит, и простить их предательство, — и тогда они все встанут под ее знамена.

Это была хорошая весть, но осторожный Аччаиуоли предпочел самолично убедиться в истинном положении дел. Поэтому он сначала побывал во всех больших и малых городах королевства, прежде чем появиться в самом Неаполе. Нельзя сказать, что это путешествие было безопасным или полным комфорта, ибо чума все еще крепко держала всю страну за горло, и многие общины закрывали ворота и ставили вооруженных часовых на стенах, чтобы предотвратить

проникновение туда путников, которые могли бы занести смертельную болезнь.

Но господин Аччаиуоли, будучи посланцем королевы и с папской буллой в руках, всегда добивался успеха и симпатий своих слушателей, когда рассказывал им о том, что теперь брак королевы и принца Людовика освящен, что Папа дал им отпущение грехов и оправдал ее, признав невиновной в смерти ее первого мужа. Он не забывал упомянуть и о том, что восстановление Джованны на престоле послужит только благу королевства.

В Неаполе ему был оказан самый восторженный прием, хотя из-за присутствия в городе венгерского гарнизона ему пришлось пробираться туда тайком. Убедившись в истинном положении дел, он поспешил назад в Авиньон и доложил королеве, что трон, принадлежавший ей по праву рождения, ожидает ее в Неаполе.

К этому моменту Людовик и Альберто смогли собрать значительный флот и огромную армию наемников, жаждущих служить столь прекрасной, а теперь еще и богатой госпоже. Поэтому 10 сентября 1348 года мы отплыли из Марселя; герцогиня Дураццо сопровождала сестру, с нами были и наши дети и, конечно, преданные Аччаиуоли и Спинелли.

Поскольку брать гавань Неаполя силой было слишком рискованно, ибо она была защищена замком, все еще находившимся в руках венгров, Людовик принял решение высадиться в маленьком морском порту Санта-Мария-дель-Кармине, что в устье реки Себето, что и было сделано. Не успели наши паруса появиться в поле зрения жителей, как начала собираться толпа, а когда мы вошли в маленькую гавань, нас окружила бурлящая многочисленная толпа людей, встретивших нас приветственными криками и не перестававших кричать до хрипоты. Такая встреча вызвала у Джованны слезы радости, но вскоре стало ясно, что народ видел в ней не только свою законную правительницу и избавительницу от венгерского ига, но, будучи по большей части всего лишь простыми крестьянами,

они видели в ней также свою спасительницу от поразившей их мерзкой заразы.

Это и впрямь было ужасно. Некоторые районы города были забаррикадированы и патрулировались вооруженными стражами: никто, находившийся внутри огражденного участка города, не мог выйти оттуда, равно как и никто, находившийся вне его пределов, не выказывал ни малейшего желания туда проникнуть. Мы поняли, что они огораживали кварталы, если оказывалось, что там находился хотя бы один дом, зараженный чумой.

— Но нельзя же оставить их без помощи? — запротестовала Джованна.

— Им нельзя помочь, ваша светлость, — заявил мэр.

— Но ведь это мой народ, — настаивала Джованна. — Я не могу позволить им умирать покинутыми в их несчастье. Немедленно разберите эти заграждения. — Она повернулась к своему духовнику.

— Отец Ансельм, вы будете меня сопровождать, чтобы помочь этим бедным людям.

Добрый священник даже поперхнулся.

— Я, ваша светлость? Но, к несчастью, я только что вывихнул лодыжку. Ступать на эту ногу — чистая мука.

Разумеется, он тут же убедительно продемонстрировал, как хромает, страдая от отчаянной боли.

Джованна нетерпеливо тряхнула головой.

— Ну тогда со мной, как всегда, пойдешь ты, моя верная Ричильда.

Не будучи столь сообразительной, как священник, я не смогла тут же придумать убедительной отговорки, которая позволила бы мне не подчиниться. Но когда нас подвели к заграждению, я ухитрилась прошептать:

— Ваша светлость, стоит ли нам подвергать себя столь бессмысленному риску?

— Чепуха, — заявила Джованна. — Ты когда-нибудь слышала, чтобы королева умирала от чумы?

Естественно, такого я никогда не слышала. Тем не менее мне пришло на ум, что причиной того, почему королевы не умирали от чумы, возможно, являлось то, что любой королеве ее положение позволяло очень легко оберегать себя от источников заразы. И уж во всяком случае, только одна из нас была королевой.

Однако было уже поздно: солдаты начали разбирать заграждение.

— Ты не пойдешь без меня в это зачумленное место, — заявил вдруг Людовик.

— Дражайший монсиньор, — сказала Джованна, касаясь своей рукой его руки. — Ты разрешил бы мне сопровождать тебя в битве?

— Разумеется, нет, — ответил изумленный герой.

— Тогда позволь мне сразиться с этим демоном моим собственным оружием. Я не должна подвергать опасности нас обоих.

Это замечание означало, что она, по крайней мере, сознавала весь риск предпринимаемого ею шага.

Заграждение было разобрано, и мы совершили то, что точнее всего можно было бы назвать досрочным сошествием в ад.

Это сравнение было выбрано мною не зря, ибо в наши ноздри тотчас же ударило зловоние болезни, смешанное с запахом дыма от костров, и первое, что мы увидели, были несколько человек, пытавшихся сжечь трупы на открытом огне. И хотя это зрелище было достаточно неприятным, но вид живых был и того хуже, они были одеты в лохмотья и, вероятно, давно не мылись и, судя по их выпиравшим из-под кожи ребрам и другим костям скелета, давно не ели.

Они с полным недоумением, не веря своим глазам, уставились на внезапно появившихся среди них двух элегантно одетых дам, и их взгляды не были лишены похоти, и я даже испугалась, уж не рискуем ли мы чем-либо еще, кроме жизни, хотя, конечно, риск такого рода сопровождал нас всегда и повсюду.

Однако Джованна направилась прямо к ним и сказала:

— Не бойтесь, я ваша королева.

Они сначала глазели на нее, а потом пали на колени, крича и плача, полные благодарности за ее посещение. Они пытались целовать ее руки, даже подол ее платья. Остальные подвергли подобной же осаде и меня, но едва я подумала о том, что сейчас самое время удрать, как увидела королеву, стоявшую среди них, спокойную, прекрасную и величественную, и почувствовала, что должна вести себя не менее достойно, хотя и была уверена, что ужасная болезнь уже проникла в мое тело.

Отвага Джованны была удивительна. Вспоминая о том времени, когда дрожащая молодая женщина лежала в моих объятиях после убийства своего мужа или когда до нас дошли слухи о том, что Людовик Венгерский, облаченный в доспехи, движется на нас с целой армией, я осознала, что все эти несчастья помогли моей дорогой подруге повзрослеть и возмужать, и теперь она действительно была королевой буквально во всех отношениях, хотя ей пришлось стать ею в слишком раннем возрасте.

Я все еще очень беспокоилась, что она продолжала подвергать себя и меня опасности заразиться. Невзирая на ужасный окружавший нас со всех сторон запах гниения, хуже которого и вообразить ничего было нельзя, она настояла на том, чтобы зайти в жалкие лачуги этих несчастных и лично посмотреть на больных.

Это было еще одно ужасное испытание — видеть, что в дополнение к распухшим железам в пахах и под мышками кожа умирающих приобретала очень темный оттенок, и, видимо, благодаря этой особенности болезнь и стали называть «черной смертью». В заразности этой болезни сомневаться не приходилось. Несколько человек умерли на наших глазах, а их растерянные родственники сообщили нам, что обычно болезнь длится не более четырех дней. Если же ее жертва на четвертый день не умирает, то можно не сомневаться в ее выздоровлении. Но такой счастливый исход болезни случается очень редко.

Урон, нанесенный этой мерзкой заразой, оставшиеся в живых будут помнить еще очень долго. Было подсчитано, что в Европе в течение трех лет, пока свирепствовала эта болезнь, вымерла треть населения. Немыслимая цифра. И ни один самый ученый врач пока что не раскрыл ее причины, и наиболее вероятно, что болезнь эта пришла в Европу из Азии, а кто знает, какие зловещие испарения могут витать над этим таинственным континентом? Никто не мог также вразумительно объяснить, почему вдруг без всякой объяснимой причины она прекратилась, истребив за столь короткое время всех восприимчивых к ней людей.

Однако можно было заметить некоторые ее особенности, и люди, принадлежавшие к медицинской братии, отмечали те моменты, которые в противном случае можно было бы считать таинственными. Одной из особенностей этой болезни было то, что она сильнее всего проявлялась в жаркую пору. В северном климате, например, в моей родной Англии, где, как мне стало известно, она свирепствовала столь же яростно, как и всюду, она практически исчезла в зимние месяцы. И даже в солнечном Неаполе с наступлением более прохладного сезона она вдруг внезапно прекратилась, чему способствовал тот факт, что та зима в Европе была невиданно холодной.

Все это оказалось нам на руку и особенно Джованне. Ведь все будут помнить, что королева явилась спасительницей и избавила свой преданный народ от ужасного несчастья — а за ней закрепилась именно такая репутация благодаря мужеству, с которым она рвалась в места, охваченные заразой, — и что она прибыла на территорию Неаполитанского королевства в конце сентября. Что касается Санта-Мария-дель-Кармине, то там она предприняла немедленные шаги к тому, чтобы заставить сопротивляющееся население снести заграждения раз и навсегда. Тогда можно было передавать пищу и питье больным людям и приняться за достойное погребение умерших.

Она лично наблюдала за этими работами, а я, ее верная служанка, всегда была рядом с ней, и хотя горожане и не хотели подвергать себя опасности, они не могли не следовать примеру королевы.

Ясно, что мы жили в состоянии постоянного страха и каждый вечер мы с Джованной осматривали друг друга, ища бубоны или вздувшиеся железы — эти ужасные признаки болезни.

Справедливости ради следует сказать, что и Мария тоже делала все возможное, чтобы помочь нам. Мы отослали своих детей в монастырь за город, где, как мы надеялись, они будут в безопасности, а своих мужчин мы удалили из опасного места, послав их в Неаполь воевать с венграми. Такое средство спасения может показаться странным, но, без всякого сомнения, венгерское копье не представляло собой и сотой доли опасности по сравнению с той, что несла с собой «черная смерть».

Через месяц после прибытия Джованны случаи заболевания чумой пошли на убыль, и к Рождеству эпидемия фактически закончилась. И то, что это произошло во всем королевстве, было большой радостью: избавительницей сочли королеву. И хотя то же самое происходило по всей Европе и даже в таких землях, как Венгрия, где было полно смертельных врагов Неаполя, это осталось незамеченным: вести доходили слишком медленно. Не заметили также и того, что погода была не по сезону холодной.

Но то, что это произошло вообще, было для нас настоящим благом, о чем я расскажу дальше.

Из Санта-Мария-дель-Кармине Джованна, я и наши сопровождающие перебрались во дворец синьора Аюторис близ порта Капуана. Это место сочли самым безопасным для пребывания королевы, пока не решится исход войны, то есть на все то время, пока Людовик и Альберто со своими солдатами будут отвоевывать нашу прекрасную землю для своей прекрасной госпожи.

Господину Аччаиуоли было дано задание очистить от врага сам Неаполь, и в этом деле он обнаружил не меньший талант, чем на поприще посла и адвоката королевы. Генерал Лупо вскоре был вынужден обратиться из Капель Нуово, при этом оставив половину своих солдат в качестве пленных.

Тем временем Людовик и Альберто победоносно завершали одну за другой битвы и осады, уменьшая тем самым число твердынь в Неаполитанском королевстве, где все еще располагались венгерские гарнизоны. Начался новый год, и сначала казалось, что наши дела поистине пошли на лад, но нет, катастрофа была уже не за горами.

Одна из проблем использования армии наемников заключается в том, что эти люди воюют, движимые вовсе не чувствами патриотизма или чести. Они сражаются, пока им платят. Они всегда готовы покинуть своего господина, стоит лишь ему задержать выплату денег, или перебежать из-под знамен одного господина под знамена другого, если генерал вражеской армии предложит более высокую оплату их услуг.

Случилось так, что Людовик Венгерский счел необходимым прибегнуть к услугам наемников, чтобы собрать силы, достаточные для успешного вторжения в Неаполь, что считал своей первоочередной задачей.

Эти наемные войска, главным образом немцы, составляли основную часть гарнизонов, оставленных их венгерским хозяином, когда он был вынужден отступить. Теперь почти все они сдались Людовику Тарентскому и снова бодро взяли в руки оружие, встав под знамена Неаполитанского королевства. Этот новый приток солдат сразу же значительно увеличил численность нашей армии и вселил в нас надежду на будущее, а предводитель этих наемников, некто по имени Вернер, скоро занял важный пост и стал вторым по значимости в армии нашего доблестного принца. В этом качестве он получил более широкие возможности и полномочия, и на него возлагалась большая ответственность.

Никто и не догадывался, что этот мужлан все это время вел тайные переговоры с венгерским наместником Лупо, который все еще находился в наших краях.

Никто не подозревал также и о том, что Людовик Венгерский, сидя у себя в Буде и видя, что «черная смерть» ушла из Италии, равно как и совсем прекратилась в Венгрии, пришел к выводу о том, что наступило время вновь собирать армию.

Итак, внезапно в нашей жизни и судьбе произошли сразу два страшных потрясения, и в самое неудобное для нас время, ибо не успели мы с Джованной порадоваться своим вторым беременностям, как узнали, что генерал Вернер сдался сам, сдал свою армию и город Корнето, где дислоцировались его войска, на милость генерала Лупо, высказав намерение служить ему снова. Почти тотчас же поступило известие о том, что Людовик Венгерский со своей большой армией высадился в Манфредонии и уже захватил Трани, Канозу и Салерно; в настоящий момент он осаждал Аверсу.

Эта ужасная весть была немного смягчена доблестью защитников этого города, которых было всего не более пятисот человек, но командовал ими несравненный Джакомо Пиньятелли.

Венгерский монарх располагал войском численностью не менее десяти тысяч всадников и семи тысяч пехотинцев, что вовсе не испугало защитников города, и во время одной из атак он был ранен стрелой в ногу.

В конечном итоге он решил взять сопротивлявшийся гарнизон измором. Нам надо было как-то облегчить их судьбу. После предательства Вернера у нас было недостаточно людей, чтобы противостоять венгерской армии в открытом бою. Со своей обычной отвагой принц Людовик послал вызов своему тезке, чтобы решить дело одним только поединком между ними двоими, но венгр был не так глуп, чтобы помериться силами с нашим доблестным героем. Тем временем Рено де Бо, брат Верховного судьи, собрал в

гавани Неаполя целую флотилию галер на случай, если дело примет настолько скверный оборот и нам снова придется спасаться бегством.

И похоже, нам была уготована именно такая судьба. Аверса пала, как только там наступил голод, и венгры снова пошли на Неаполь. Нет смысла говорить о том, что история повторяется, и добрые граждане начали изыскивать возможность договориться с захватчиком. Но случилось так, что его грубая отповедь вынудила их сопротивляться до последнего, но об этом столь неожиданном решении нам стало известно слишком поздно: мы уже начали погрузку на галеры.

А когда мы уже прибыли в порт, до нас дошла еще одна удивительная и страшная весть.

Мария Дураццо, сестра королевы, после нашего возвращения, учитывая наше беспокойство, как бы трое маленьких детей не заразились чумой, находилась в основном в Кастелло-дель-Уово, к югу от Неаполя. Да и вряд ли она могла помочь своей сестре в деле управления страной. По правде говоря, при всей своей доброте и сестринской любви, Джованна не скрывала от сестры, что больше не может безоглядно доверять ей. При такой ситуации, когда, как говорится, с глаз долой — из сердца вон, да еще при всех тревогах и опасностях, сопровождавших наше возвращение, о ней как-то все позабыли, но, конечно, Джованна не собиралась покидать ее на милость Людовика вторично и сочла, что нет лучшего выбора, чем послать за ней Рено де Бо, чтобы он благополучно доставил ее к моменту нашей погрузки на галеры.

Историю того, что случилось, мы позже услышали из уст самой Марии. Ей рассказали о бедственном положении, в котором снова оказалось королевство. Она упаковала вещи и приготовилась отправиться в путь вместе со своими крошками и ожидала только эскорта, чтобы присоединиться к сестре. Заметив приближение Рено де Бо, она совершенно успокоилась и ждала только немедленного отбытия. Мож-

но представить себе ее изумление и смущение, когда Рено вошел в ее апартаменты в сопровождении своего сына Робера и капеллана и сообщил ей, что должен оговорить с ней некие условия ее спасения, а в противном случае он будет вынужден ее покинуть.

Мария не поверила своим ушам.

— Разве не моя сестра послала вас за мной? — спросила она.

Голос ее дрожал от негодования.

— Ваша сестра, королева, уже не имеет власти посылать кого-либо куда-либо, — ответил негодяй принцессе. — Она с мужем уже обратилась в бегство. Она снова стала скиталицей, и на сей раз ей уже не вернуть своего трона. Если вы не согласитесь с моими требованиями и не покоритесь моим желанием, вы станете жертвой Людовика Венгерского, а, как мне довелось слышать, он обещал отдать вас на потребу своей солдатне и позволить каждому из своих солдат позабавиться с вами.

При мысли о возможности такого исхода Мария чуть не потеряла сознание и, схватив Рено за руку, стала умолять его увезти ее и ее семью куда-нибудь подальше от венгерского чудовища.

— Я это сделаю, мадам, — заверил он, — и сделаю это, даже если моей жизни будет грозить опасность, но только при условии, если вы согласитесь выполнить мои требования.

— Какие же? — спросила Мария. Когда обстоятельства вынуждали ее, она умела быть столь же выскомерной, как и ее сестра.

— Чтобы вы сию же минуту обвенчались с моим сыном. Мой капеллан совершит эту церемонию.

Позже Мария призналась нам, что, услышав это предложение в такое время и от такого человека, в венах которого не было ни капли королевской крови, она подумала, что, наверное, сошла с ума. Чтобы успокоиться, она дала выход своему гневу.

— Вы наглый негодяй, — вскричала она, — как вы осмеливаетесь делать такое предложение сестре

своей королевы? Лучше молитесь за то, чтобы я согласилась забыть ваши слова, и попытайтесь искупить вашу вину, достойно выполнив свой долг.

Рено в ответ лишь поклонился.

— В таком случае я прощаюсь с вами, мадам. — И он направился в двери, а за ним безмолвно последовали его сын и священник.

На сей раз Мария уже не могла поверить своим глазам.

— Вы меня покидаете? — вскричала она.

Рено обернулся, чтоб взглянуть на нее.

— Будьте благодарны, мадам, что я не делаю большего, — сказал он. — У меня есть искушение отомстить вам здесь и сейчас, раз вы бросили в лицо мне такие оскорбления. Но я удовольствуюсь тем, что предоставляю эту месть королю Венгрии. Я представляю вас на коленях у его ног, обнаженную и окровавленную, молящую о милосердии. Говорят, ему неизвестно значение этого слова.

Мария упала на колени.

— Тогда смотрите вы, гордый господин, я умоляю вас. Не за себя. За своих детей. Их-то вы, по крайней мере, заберете в безопасное место?

— Вам следовало бы подумать об этом раньше, мадам, еще до того, как с презрением отвергнуть мое предложение.

Марии показалось, что сердце ее вот-вот разорвется от ужаса. И все-таки она считала, что ей следует продолжать взывать к разуму, пониманию и человечности.

— Но я не люблю вашего сына, — простонала она. — Я никогда и не видела его до сегодняшнего дня. Я ничего о нем не знаю. Как можете вы, брат нашего блюстителя правды и справедливости, спокойно совершить подобное преступление?

Видя, однако, что лицо Рено оставалось суровым и беспристрастным, она повернулась к молодому человеку.

— Ради Господа нашего, добрый Робер, — сказала она. — Я вдова и мать. Если я и обладала

красотой, то она увяла от печали и превратностей моей судьбы. Неужели вам не на кого обратиться свою искреннюю любовь? Неужели в вашем юном сердце нет нежности? Я прошу вас убедить вашего отца отказаться от этого чудовищного предложения, и тогда я буду почитать вас превыше всех остальных мужчин в течение всей моей дальнейшей жизни.

Но молодой человек был достойным отпрыском своего отца. Не смея взглянуть принцессе в лицо, он все же сумел промямлить:

— Я должен повиноваться желаниям отца, мадам.

В отчаянии Мария повернулась к священнику, молчаливому свидетелю этой чудовищной нелепости, но один только взгляд на него убедил ее в том, что он собирается хранить молчание до тех пор, пока его не призовут произнести ужасные слова обета. Так она и стояла, не сводя глаз с троих мужчин, а они с нее. Позже Мария призналась нам, что в тот момент испытала искушение броситься из окна в море, но не смогла заставить себя покинуть своих малышей или убить их вместе с собой.

Эта многозначительная пауза была прервана все нарастающим шумом, в котором, по мере приближения, можно было распознать бегущих и объятых страхом людей. Казалось, толпа состояла из одних женщин, которые кричали:

— Бегите! Бегите! Бегите! Бог нас оставил! Венгры в городе!

Дочери Марии присоединились к этим крикам, да и сама Мария тоже испытала желание закричать. Вместо этого она посмотрела на Рено, отвесившего ей короткий поклон.

— Мы и так замешкались, — сказал он. — Я прощаюсь с вами, прекрасная принцесса. Не сомневаюсь, что больше нам не доведется увидеться.

— Подождите, — сказала Мария. Голос ее был спокоен. — Если я должна пожертвовать собой, чтобы спасти жизни своих детей, то пусть так оно и будет. Я выйду замуж за вашего сына.

— Тогда поспешим, — ответил Рено.

Молодая пара встала на колени перед нечестивым священником, и минутой позже они уже были провозглашены мужем и женой.

— Теперь пора отсюда бежать, — сказала Мария, когда церемония была окончена.

— Не так быстро, невестка, — ответил Рено. — Брак должен быть осуществлен практически.

Она в ужасе посмотрела на него.

— Вы требуете от меня, чтобы я подверглась этому теперь же? На это нет времени.

— На это время всегда найдется, — уверил ее Рено. — Это не займет более нескольких минут. И я вам обещаю, что ваш муж будет очень пылок. Разве не так, Робер?

Молодой мерзавец уже стаскивал с себя штаны, чтобы доказать правоту своего отца.

Рено указал на постель:

— Не мешкайте, мадам, раздевайтесь...

Едва не теряя сознание от стыда, Мария все-таки пыталась сохранить остатки здравого смысла.

— Но мои дамы...

— В них нет надобности. Вам достаточно поднять юбки. Я вам помогу.

— Нет, — со сдавленным стоном произнесла она. — Никогда!

— Тогда займитесь этим сами, а иначе грош цена этому браку, он не имеет смысла. И тогда мы сможем уехать.

Бедная Мария заползла в постель и расположилась на ней, подняв юбки до пояса. Но на этом надругательства и унижения не закончились, так как Рено и священник остались в комнате и стояли по обе стороны постели в то время, как мерзкий парень взгромоздился на принцессу. Как рассказывала нам потом Мария, она была настолько не готова к этому морально и физически, что этот ритуал оказался для нее столь же мучительной и болезненной процедурой, как и первая ночь, проведенная с Карлом Дураццо.

После того как брак был практически осуществлен, Рено собрал своих людей, и его флот вышел в море. Вне всякого сомнения, этот мерзавец лелеял далеко идущие планы. Он, по-видимому, собирался бросить королеву в открытом море, обогнуть ее, захватить Прованс и объявить там, что Джованна погибла, а Неаполь навсегда потерян, и потому герцогиня Калабрийская отныне стала еще и герцогиней Прованской, а это означало — поскольку она была теперь его невесткой, — что он практически становится правителем этой страны. Он не сомневался в том, что ему удастся оттолкнуть Джованну, если она все-таки появится.

Однако пути Господни неисповедимы, и он карает тех, кто попирает его законы. Иногда, правда, кажется, что он делает это слишком медленно и слишком долго испытывает наше терпение, прежде чем творить свое правосудие, но в случае с Рено де Бо возмездие последовало незамедлительно. Его эскадра попала в свирепый шторм и вместо того, чтобы высадиться в Марселе, ему пришлось пристать к берегу в порту Гаэта. Можете себе представить его замешательство, когда, уже будучи в порту, он увидел там большую часть неаполитанской флотилии и корабль, на борту которого находились Джованна с Людовиком и я.

Конечно, мы и не подозревали о драме, которая произошла после того, как мы покинули Неаполь, и были просто вне себя от радости, увидев остальную часть нашего флота, ибо знали, что там находится Мария с детьми. Мы поспешили на палубу, чтобы приветствовать их радостными возгласами, и прошло несколько минут, прежде чем мы осознали, что с кораблями происходит нечто странное. Вместо того чтобы как можно скорее войти в гавань и укрыться в ней от порывистого ветра, они в явном замешательстве застряли позади мола.

Уже только потом нам стало известно, что Рено пытался убедить моряков не входить в гавань, а остаться в открытом море.

Едва только заметив наши стоящие на якоре корабли, он отдал морякам приказ снова выйти в море, но, увидев их сомнение — их испугала очень плохая погода, — начал уже умолять послушаться его приказа. А тем временем они непроизвольно продолжали приближаться к надежно пришвартованным судам королевы, а мы внимательно наблюдали за ними. И вдруг мы увидели выбежавшую на палубу Марию. Подбежав к перилам и глядя в нашу сторону, перекрывая завывание ветра, она стала кричать:

— Помогите, Людовик! Помогите мне, мои дворяне! Убейте этих мерзавцев, столь предательски надругавшихся надо мной!

Не колебавшись ни секунды, Людовик и Альберто, за которыми последовало несколько их самых отважных рыцарей, быстро погрузились в небольшую лодку и отплыли. Прилагая все силы, они гребли против ветра, а мы с Джованной подбадривали их криками, пока они наконец не добрались до галеры Рено.

Прежде чем им успели помешать, они уже вскарабкались на борт, и Мария поведала им свою историю.

— Грязный негодяй! — закричал Людовик и, бросившись на Рено, насквозь пронзил его шпагой и отправил в лучший мир. Потом с помощью Альберто он заковал в цепи бесчестного Робера и еще более низкого священника и вскоре доставил их, а также Марию с детьми на галеру королевы.

Мы все были подавлены этим прискорбным событием, а также обеспокоены погодой, не дававшей нам возможности достичь хоть какого-нибудь порта, где мы могли бы считать себя в безопасности и разрабатывать планы на будущее, но мы все же сумели подавить это уныние. К нашему удовольствию, мы уже могли говорить об улучшении своего положения, по крайней мере в материальном смысле, ибо, как рассказала нам Мария, в наше отсутствие венгры действительно повели наступление на Неаполь, но на-

ступление их было столь безрассудно бурным, что они совершенно измотали себя и, что гораздо важнее, своих лошадей. Видя эту жалкую процессию из людей и животных, столь непохожую на типичное зрелище парада победителей, жители Неаполя немедленно преисполнились отваги и, высыпав на городские стены, начали выкрикивать оскорбления в адрес врага.

Измученный таким приемом и к тому же ослабленный раной, Людовик Венгерский отказался от мысли подписать договор о перемирии и ждать улучшения своего здоровья и перемены своей судьбы к лучшему. Рассчитывать на это не приходилось. С наступлением теплой погоды, которая в этом году пришла необычайно рано, снова появилась чума, и Людовик Венгерский был вынужден признать, что его партия проиграна.

Начались переговоры, в которых в качестве посредника участвовал Папа, и в конце концов было подписано мирное соглашение, по которому Людовик обязывался отказаться от своих притязаний на Неаполь и от своего намерения отомстить за смерть брата в случае, если бы Джованна согласилась выплатить ему в качестве компенсации триста тысяч флоринов.

Столь низменное завершение широко провозглашенной венграм благородной кампании отмщения, без сомнения, было продиктовано его финансовыми затруднениями, ибо к этому моменту его армия уже довольно долгое время была в походе, да к тому же под страхом перед «черной смертью» и беспокоясь о судьбе Венгрии, куда постоянно вторгались турецкие орды. Следует сказать, что он добился определенных успехов на востоке, одно время правил Польшей и своей собственной страной, старался как можно дальше распространить венгерское влияние и в конечном итоге завершил свой жизненный путь под именем Людовика Великого.

Можно придерживаться собственного мнения о том, насколько достоин он такого звания, но в то время нам было не до того — мы просто были счастливы, что он покинул нашу страну.

Естественно, переговоры потребовали значительно-го времени, и наступила уже весна 1352 года, когда Джованна наконец смогла вернуться в Неаполь как его законная королева.

К этому времени она родила дочь, которую нарекли Екатериной в честь почившей в бозе свекрови королевы. Нам оставалось только молить Бога, чтобы девочка не унаследовала характера этой волчицы из семейства Валуа. Я же к тому времени родила хорошенького и здорового мальчугана, которому мы дали имя Уильям в честь моего неудачливого отца в надежде, что судьба его будет более счастливой, чем у его тезки.

Казалось, что наша жизнь наконец устроилась и обещала быть счастливой, ибо к концу 1351 года стало очевидно, что «черная смерть» явно пошла на убыль, народ начал постепенно избавляться от страха, преследовавшего его на каждом шагу и в каждый момент жизни в течение целых четырех лет.

Считалось, что за эти четыре года погибло около семидесяти пяти миллионов человек, но я позволю себе усомниться в этом, ибо не уверена, существовало ли вообще столько людей в целом свете? Вот при таких благоприятных обстоятельствах и избавившись наконец от венгерской угрозы мы могли начать готовиться к торжествам по случаю коронации короля и королевы, для коей цели Папа прислал своего легата, дабы церемония была исполнена как должно.

Это произошло 25 мая 1352 года, в день Пятидесятницы, и празднество было великолепным и пышным за всю историю Неаполитанского королевства, а возможно, и всего мира.

Джованне пришла в голову счастливая мысль объявить всеобщую амнистию, которая относилась буквально ко всем, вне зависимости от того, на чьей стороне они были во время войны. Естественно, это способствовало восстановлению ее былой популярности у народа, заполнившего все улицы, по которым следовала она с Людовиком под пологом из шитой золотом ткани в сопровождении дворян ее королевства.

Но, увы, судя по всему, моей благородной госпоже не суждено было познать счастье, пусть даже столь краткое, какое выпадает всем нам, смертным. Одетые в свои лучшие наряды, окруженные смеющимися и ликующими людьми, мы шли в торжественной процессии, и когда проходили через Порт-Петручча, какие-то дамы бросили из высоких окон гирлянды цветов, предназначенных прекрасному рыцарю, который в этот день должен был стать королем. Падая вниз, гирлянды порвались, Людовик чуть не задохнулся под градом обрушившихся на него лепестков и бутонов, попавших даже под забрало его шлема, в результате чего он начал чихать и кашлять.

Это нервно-возбужденное состояние передалось его коню, который так резко поднялся на дыбы, что лопнула уздечка. Людовика вышибло из седла, хотя он был блестящим наездником и в этом искусстве был столь же неотразим, как и во всех остальных отношениях. Поняв, что ему не удержаться в седле, он приземлился со всей ловкостью и гибкостью атлета, совершенно невредимым... Но корона, только что надетая ему на голову, упала и раскололась на три части.

Это неприятное происшествие было встречено криками испуга, а за этим последовало полное молчание. Среди присутствовавших не было ни одного, кто бы не счел это очень скверным предзнаменованием. Первым от этого происшествия оправился сам Людовик и со смехом пинком отбросил обломки металла своему груму.

— Люди, важна вовсе не корона! — воскликнул он. — Важна в первую очередь голова, на которую она надета. — Он постучал по лбу. Его коня тем временем успокоили и вывели вперед, надев на него более прочную уздечку.

Однако предчувствие беды не обмануло народ, потому что когда мы вернулись в Кастиль Нуово, то застали принцессу Екатерину при последнем издыхании, и в тот же вечер малышка скончалась.

Принцесса уже некоторое время была нездорова. У нее была высокая температура, сухой кашель, однако ее состояние не вызывало особенной тревоги. Но внезапно у нее начался такой острый приступ лихорадки, что через несколько часов все было кончено.

Джованна была безутешна: она восприняла эту трагедию как еще один признак несчастий, которые преследуют ее всю жизнь. Людовик переносил свое горе с обычной для него сдержанностью и мужеством. Он не позволил прервать подготовленную церемонию коронации, и в течение трех дней не прекращались рыцарские поединки и турниры. Король принимал в них живейшее участие и, как и следовало ожидать, каждый раз оказывался в них победителем. Думаю, что только те его противники, которым случилось видеть его суровые глаза, когда он бросал или принимал вызов, могли в полной мере оценить меру его скорби.

Именно тогда он основал свой орден Рыцарей Узла, и со временем именно его неаполитанцы стали считать достойнейшим из королей.

Чтобы видеть ратные подвиги своего мужа, молодая королева (а ей было в то время всего двадцать шесть лет) сидела на высоком помосте, одетая во все черное, как и все ее дамы. И даже если она улыбалась и хлопала в ладоши при всех его победах, ни в ее взгляде, ни в сердце не было радости. Что касается Людовика, то он лишь только через некоторое время понял, что от его брака осталось только название.

Не думаю, чтобы Джованна разгневалась на него за то, что он своей активностью пытался заглушить горе, вызванное смертью дочери. Скорее тут было иное: меня никогда не покидало ощущение, что она завидовала силе его ума и духа. Но его объятия больше не приносили ей радости, и каждый раз, когда он обнимал ее, она вспоминала об этом холодном, неподвижном маленьком тельце, плодом их близости.

И все же она была Джованной, той самой сладострастной девушкой, которую я знала и любила так давно. Ее чресла всегда горели жарким огнем, и чем

старше она становилась, тем больше требовалось ей заниматься любовью. Но так было еще в дни ее юности, и я подозреваю, что в первую очередь ее больше всего беспокоило, сможет ли она снова вернуться к беспечным радостям тех лет, когда она любила бездумно и беззаботно, не беспокоясь о будущем.

Как ее ближайшая и единственная доверенная подруга — поскольку близкие отношения с сестрой у нее так никогда и не восстановились, а все друзья ее юности были уже мертвы — только одна я была посвящена во все ее мысли и желания или в то, что теперь у нее не было никаких желаний, ибо я прекрасно видела, с каким пылом король Людовик приближался к ее ложу и насколько разочарованный он покидал его часом позже.

Я располагала одним-единственным средством изменить это положение, и при своей неизменной преданности и заботе о благе моей госпожи, что, естественно, включало и благо ее мужа, была готова пожертвовать собой, однако было очевидно, что он жаждал обладать только телом своей жены, а не ее служанки, какой бы красивой та ни была.

Скоро его посещения ее спальни почти прекратились, хотя, как я тогда установила, к своему огорчению и досаде, а отчасти и испытывая при этом чувство некоторого унижения... он нашел утешение с одной из придворных дам!

Иногда мне случалось плакать, скорбя за нас обеих. Разумеется, в течение месяца после смерти дочери королева и я вместе с ней оплакивала ее дитя, хотя и утешала ее, говоря, пытаюсь вызывать улыбку на ее лице, что у нее будет еще много других детей. Но хотя мне было не вполне ясно, как это можно осуществить, если она не позволяет своему мужу входить в ее лоно.

Несмотря на все мои попытки утешить ее, она предавалась своей безудержной печали. И не находила ни малейшей радости в обществе своего сына, который, как ей было хорошо известно, был плодом ее связи с Бертраном Артуа и вызывал у нее только

воспоминания о совершенном ею преступлении, за которое, как она была уверена, теперь расплачивалась, несмотря на дарованное ей Папой отпущение грехов. Она взяла теперь в привычку сидеть с каменным лицом в своей комнате, глядя из окна на мол, гавань, сверкающее Средиземное море, не прикасаясь к лежащему на коленях вышиванию.

Естественно, я старалась развлекать ее, как только умела, и потому привела к ней группу менестрелей, которые под звуки лютни пели романтические баллады. Мне они казались великолепными, блестящими и очень пригожими молодыми людьми, но Джованна некоторое время не проявляла к ним ни малейшего интереса. Потом я заметила, что ее взгляд как-то напряженно прикован к самому юному из этого трио, юноше очень нежного возраста, который пел больше остальных, а голос у него был высокий, ясный и чистый. Это противоречило величине холма на гульфике его плотно обтягивающих штанов. Вне всякого сомнения, это обстоятельство вызвало интерес королевы, которая в конце представления слегка похлопала в ладоши в знак одобрения, а потом, когда я уже собиралась проводить их из комнаты, она сказала:

— Останься, молодой человек, я хочу поговорить с тобой.

Юноша с беспокойством посмотрел на своих товарищей. Они только пожали плечами и выскользнули бочком из комнаты, оставив меня в некотором замешательстве стоять у двери. Оно еще более усилилось, когда моя госпожа сказала:

— Можешь закрыть дверь, Ричильда.

Я подчинилась и вернулась в комнату, где молодой человек в полной растерянности стоял перед королевой.

— У тебя восхитительный голос, — заметила Джованна. — Где ты научился петь?

— У своей матери, ваша светлость.

— Но ты уже теперь мужчина, у тебя на подбородке появился пушок, — заметила Джованна. —

А голос твой такой высокий и нежный, совсем как у кастрата.

— Вы мне льстите, ваша светлость.

Джованна улыбнулась ему.

— Так, значит, у тебя все на месте?

Он покраснел:

— Ваша светлость...

— Бокал вина для молодого человека, Ричильда, — приказала Джованна. — И нам с тобой тоже.

Я выполнила ее приказание, и Джованна пригубила вино.

— Ты женат? — спросила она.

— Я слишком молод для брака, ваша светлость.

— Слишком молод, — повторила Джованна и вздохнула, а уж когда она вздыхала, содрогались даже стены. — Сколько же тебе лет?

— Четырнадцать, ваша светлость.

— Четырнадцать! Я была моложе тебя, прекрасный синьор, когда меня положили на брачную постель. (Или, точнее сказать, просто в постель.) Клянусь, если бы мой муж был таким, как ты, моя жизнь была бы более счастливой.

Столь ясно выраженное приглашение должно было бы дойти даже до такой тупой головы, какая, очевидно, была у этого парня. Он взволнованно посмотрел на меня, как бы ожидая подтверждения.

— Мне кажется, ваша светлость, вас зовет принц Карл, — солгала я, стараясь незамедлительно проявить необходимый такт. — Не посмотреть ли мне, чего он хочет?

— Сначала помоги мне лечь в постель, — приказала королева.

Менестрель и я воззрились друг на друга: уж слишком все было обыденно и просто.

— А пусть этот прекрасный юноша останется, чтобы спеть мне перед сном, — продолжала Джованна. — И еще, Ричильда, у меня в ящичке лежит мешочек. Принеси его сюда.

Должна признаться, что это последнее приказание обеспокоило меня больше всего остального. Неужели

это означало, что моя прекрасная царственная госпожа унизилась до того, чтобы покупать себе плотские утехи за деньги?

Гульффик менестреля уже чуть не лопался, и в самом деле, к тому времени, когда мы раздели и уложили королеву в постель, шов на штанах совсем разошелся. Но Джованна переживала присущее ей чувство самоуничижения, и когда часом позже я вернулась и нашла их обоих нагими и взъерошенными, она как раз сунула руку в мешочек и одарила изумленного юношу золотым флорином.

— Ты как-нибудь споешь для меня еще раз, — сказала она.

В этот момент он был готов умереть ради нее.

Я не могла не осознавать, что в данный момент проблемы Джованны частично объяснялись тем, что она находилась в состоянии полной протрации. У нее был острый ум и столь же готовое к действию тело, но не было необходимых средств, чтобы с его помощью она могла удовлетворить постоянно снедавшую ее жажду деятельности, как умственной, так и физической. Она обладала материнским инстинктом, но Карл Мартел уже обнаружил скудные умственные способности, что наводило на мысль о том, что он, возможно, был все-таки сыном Андрея Венгерского. Поэтому, не имея других детей и не желая зачать ребенка снова из страха потерять его, она обратила свою любовь и привязанность на двух моих детей, унаследовавших кипучие натуры своих родителей.

Она обладала инстинктом любящей женщины, но человек, которого она любила больше всех других, теперь вызывал у нее отвращение.

Она обладала инстинктом королевы, но убедилась, что управлять дворянами Неаполя было невероятно трудным делом, а я еще не забыла, какими неуправляемыми были бурные и мятежные бароны и в моей родной Англии. Не было и возможности приняться за осуществление какого-либо проекта, дабы улучшить

состояние города путем строительства новых зданий или сноса старых, ибо Неаполь, как и все города Европы, страдал от недостатка самого главного товара, что ценнее самого золота: недостатка людей. Опустошение, вызванное «черной смертью», столь сократило население, что найти рабочую силу даже для самого пустякового дела было почти невозможно. Если же это удавалось, то за непомерную цену.

Нельзя сказать, что у нас было много денег. Затраты на ведение войны, а ныне еще и наши обязательства о возмещении ущерба Людовику Венгерскому, почти опустошили сундуки Джованны.

Возможно, Джованна могла бы прочнее утвердиться на троне, если бы ей были свойственны непреклонность и безжалостность некоторых из ее предков, но ни у нее, ни у ее мужа не было замашек тиранов. Людовика теперь интересовала только одна сторона жизни, которая удавалась ему лучше всего: теперь, когда, как я понимаю, он уяснил, что его жена предпочитала объятия других мужчин его собственным, он проводил все свое время в поединках и турнирах, готовый участвовать в любой войне, в которой мог бы обрести достойное его положение командира, не важно, требовали ли этого интересы Неаполя или нет.

В этот момент с появлением при дворе Неаполя Никола ди Лоренцо удивительный поворот произошел и в моей собственной судьбе.

Этот человек, предпочитавший, чтобы его называли Кола ди Риенцо, был самого низкого происхождения: его отец держал в Риме таверну, но при всем этом он утверждал, что является незаконным сыном некогда знаменитого императора Священной Римской империи Генриха VII. Как бы то ни было, но Кола увивался вокруг нас с 1343 года, когда в возрасте тридцати лет он был послан из Рима в Авиньон защищать дело реформ в истерзанном «вечном городе», столь долгое время бывшем добычей соперничавших политических партий дворян. Кола, будучи человеком

скромного происхождения, представлял народную партию, или пополанскую партию, и стремился только к одному: восстановить права Папы в Риме, чтобы тот мог править им мирно и справедливо.

Тот верховный иерарх церкви, к которому он взывал, был, конечно, тот самый старый и похотливый наш с Джованной друг — Климент VI, к тому времени только недавно избранный на папский престол. Климент, естественно, был бы весьма рад вернуться в Рим со славой и триумфом. Поэтому он всячески поощрял Риенцо и даже назначил его нотариусом папской курии в Риме, пост, все еще находившийся во власти папства. Заполучив его, наш герой вернулся в свой родной город не для чего иного, как для того, чтобы совершить революцию, в результате которой Рим должен был восстановить свою былую славу и величие.

Эти планы ему удавалось с успехом осуществлять, и 20 мая 1347 года, когда Джованна и я были в самой гуще событий в связи со смертью Андрея, Риенцо созвал парламент на Капитолийском холме, с высоты которого он провозгласил целый ряд эдиктов, направленных против дворян и баронов, столь долго несправедливо управлявших городом. С одобрения толпы он присвоил себе звание трибуна с полномочиями диктатора.

Бароны не могли противостоять ярости народа, и складывалось впечатление, что Риенцо победил. Но, как и многие люди низкого происхождения, — хотя таких немало и среди людей благородного происхождения, — внезапно вознесенные к власти, он уже смотрел далеко вперед, превосходя в своих амбициях самого Папу. Его реформы налоговой и законодательной систем, а также политика Рима вызывали одобрение, потому что в них усмотрели знак того, что над Римом занимается заря новой эры.

Его решение сделать Рим столицей Священной Италии, чьей миссией должно было стать распространение мира и справедливости во всем мире, не подвергалось критике. Однако не были одобрены неко-

торые его другие действия, например, тот факт, что он послал серебряные жезлы во все основные города и всем правителям на Италийском полуострове без согласования с Папой, тем более что не менее двадцати пяти городов приняли его приглашение присоединиться к его священной конфедерации.

Неаполь, в то время раздираемый внутренними распрями, не принадлежал к их числу.

Теперь Риенцо пошел еще дальше и позволил себе наглость обратиться к соперничающим претендентам на трон Священной Римской империи, а именно к Людовику IV Баварскому, отпрыску семьи Виттельсбахов, и Карлу IV Люксембургскому, пригласив их явиться к нам, дабы он мог решить вопрос об их пригодности для занятия этого трона.

Для Климента это уже было чересчур, ибо Людовик был его врагом. Немедленно был послан папский легат, чтобы осадить гордого трибуна. Но Кола предпочел проигнорировать его появление и поддержать претензии Людовика Баварского. В Риме начались приготовления к коронации баварского претендента.

Этот направленный против Папы шаг мог бы увенчаться успехом, останься Людовик в живых, но, к несчастью для Кола, он в том же году умер, оставив императорский трон своему сопернику. Климент же, как нам удалось наблюдать воочию, был не таким человеком, который мог бы позволить обращаться с собой пренебрежительно. Его агенты поработали и среди народа, и среди баронов и особенно настроили они такие могущественные семьи, как Орсини и Колонна, в результате чего маховик истории заработал в другую сторону. Кола был вынужден бежать в горы Аbruцци и там затаиться.

Это могло бы стать концом его истории, но он, проявив удивительные упорство и цепкость, двумя годами позже, как раз в то время, когда наши судьбы висели на волоске, а «черная смерть» свирепствовала с беспредельной яростью, покинул свое убежище и объявился в Праге при дворе Карла IV, к которому обратился, и попытался воздействовать

на него своими мистическими пророчествами. Но Карл сделал то, что сделал бы на его месте любой разумный правитель: он взял его под стражу и отправил в Авиньон, где Климент, не имея возможности, как требовали многие, сжечь его как еретика — ибо ортодоксальность его взглядов была широко известна, — просто бросил его в тюрьму. Он мог бы остаться там до конца жизни и совершенно исчезнуть со страниц истории, если бы в декабре 1352 года Климент не умер. Это было событие, вызвавшее замешательство у всех, потому что смена Папы почти всегда означала смену политики папства. Если было бы натяжкой с нашей стороны утверждать, что Климент был нашим другом, то, по крайней мере, мы помнили, что он был мужчиной, не устоявшим перед чарами Джованны.

Не говоря уж о моих собственных.

С новым же претендентом мы виделись мельком во время своего пребывания в Авиньоне. К нашему некоторому облегчению он тоже был французом по имени Этьен Обер. Но в отличие от Климента он начинал свою взрослую жизнь как юрист в области гражданского права и только позже принял святой обет. Вне всякого сомнения, будучи протеже Климента, он вскоре был назначен кардиналом — епископом Остии, которая была портом Рима. И в бытность свою там он тоже, возможно, питал честолюбивые надежды на восстановление папства в «вечном городе», а после избрания Папой под именем Иннокентия VI стал подумывать о том, как их осуществить. И в Кола Риенцо он увидел подходящее для своих целей уже готовое и сильное орудие. Поэтому Кола выпустили из тюрьмы, даровали ему пост сенатора и приказали подготовить римлян к возвращению в Рим Папы.

Конечно, эту задачу нельзя было назвать легким делом. Как я упоминала прежде, прегрешения и неудачи Бонифация и его последователей стали причиной поселившихся во многих людях сомнений в подлинной роли и могуществе папства. И эти сомнения

не были рассеяны даже в результате такой катастрофы, как «черная смерть». В борьбе с нею священник был столь же бессилён, как и профессор. Теперь власть в Риме принадлежала семье Колонна, и эта семья готова была бросить вызов тем папам, которые, как они считали, отделяли себя от источника и местонахождения их духовной и светской власти. Поэтому Риенцо сознавал, что его возвращение в Рим будет связано с некоторой опасностью и что ему будет нужна какая-то поддержка. Помня об этом и имея поддержку в лице Папы, в начале лета 1354 года он появился в Неаполе.

Джованна была рада принять революционера не потому, что она была готова отдать предпочтение народу, а не господину. С одной стороны, она считала необходимым сохранять добрые отношения с преемником Климента, а с другой — не забывала, что почти вся Италия к северу от Неаполя, а также все бароны Рима поддержали Людовика Венгерского, когда он двигался к югу Италии, объявив ей войну.

В дополнение ко всему этому Кола был изящным и красивым мужчиной сорока одного года, а это, как я позже поняла, и есть самый расцвет жизни. Я с охотой и сознательно признаю это теперь, когда стала старше этого возраста и, как мне кажется, ещё не достигла такого периода расцвета жизни. Его длинный прямой нос, четко очерченные губы и выдающийся вперед подбородок, не вполне удачно замаскированный короткой бородой, — все вместе взятое безусловно говорило о сильном характере и целеустремленности... которые необязательно должны были иметь отношение к политике.

Однако удивительным было то, что Кола проявил к королеве меньше интереса, чем к ее служанке. Не мне бы следовало говорить о том, что такое случилось не впервые. Стоит вспомнить о Карле Дураццо, но Карл, в конце концов, как и большинство других до него, ощущал, что совершенную красоту

моей госпожи окружает аура величия, и они не смели смотреть дальше, даже поднять свой взор выше ее плеч. Следует напомнить, что даже Папа Климент, зная, что его первой целью должна быть, конечно, королева, получал удовольствие, продлевая свои упражнения за мой счет. Однако Кола был человеком из народа, который считал королей и принцев ненужными наростами на лице человечества. Он выбирал женщин только за красоту лица и тела и совершенно не думал об ауре.

Или, возможно, будучи итальянцем, он никогда еще не встречал никого со столь светлыми волосами, как у меня.

Джованна немедленно прониклась серьезностью ситуации и без колебаний согласилась предоставить сенатору вооруженный неаполитанский эскорт, чтобы с его помощью утвердить папскую власть в Риме. Командиром этого эскорта был назначен генерал Альберто Коньи.

Я была в восторге от того, что мой милый муж был избран для этой роли, хотя он снова должен был остерегаться опасности. Но еще больше озаботило меня то, что Джованна призвала меня в свой будуар и нежно поцеловала в губы.

— Я хочу, чтобы ты сопровождала Альберто, — сказала она.

— В Рим?

— Это знаменитый город.

Этого я не могла отрицать.

— Но этот Риенцо, он буквально раздевает меня взглядом.

— Если он соберется сделать это своими руками, моя дражайшая Ричильда, я бы попросила тебя не сопротивляться, а наслаждаться и думать обо мне.

Я провела пальцами по своим золотистым волосам.

— Ты хочешь, чтобы я это сделала, Джованна?

— Я хочу, чтобы ты помогла Риенцо выполнить его миссию. Таким образом, нам не только удастся сохранить союзника на северном фланге, но добиться того, что этот новый Папа станет нашим другом. Обе

эти цели в высшей степени возвышены и желанны. Конечно, Риенцо стремится возвыситься. Насколько я знаю римскую историю, сенатор может стать императором.

Едва ли я была вправе возражать против этого прогноза событий. Я, конечно, понимала, что, несмотря на всю любовь Джованны ко мне, сейчас она хотела удалить меня из своего ближайшего окружения, и, покидая ее, я не могла не порицать ее за то, что она общается с такими людьми низкого происхождения, как менестрели и им подобные. И поэтому я предпочла бы остаться, чтобы охранять мою госпожу от нее самой, ибо я считала это своей главной обязанностью на этой земле. Но побыть с месяц хозяйкой собственной судьбы было также очень привлекательно, и, если я даже думать не хотела о том, что могла бы изменить моему возлюбленному Альберто, я все же считала, что нет греха в том, чтобы выполнять приказ самой Джованны. То, что мне предстояло сделать, следовало рассматривать только как порученную мне королевой работу.

Однако я покидала своих двоих детей в Неаполе с тяжелым чувством, потому что меня угнетало неприятное предчувствие. Но я оставляла их на попечении гувернантки, присматривающей за Карлом Мартелом. Я была уверена, что здесь они остаются в полной безопасности. Кроме того, Джованна разрешила мне вернуться осенью в Неаполь навестить их. А если бы я сочла, что мое новое положение вполне устроено и надежно, то тогда могла бы забрать их с собой в Рим.

Никто из нас даже не мог предположить, что мне придется вернуться в Неаполь значительно раньше осени или что мне предстоит пережить полную катастрофу.

Мы выступили на север группой из пятидесяти человек, поскольку помимо Альберто и его двух десятков солдат сам Кола располагал еще таким же количеством сопровождающих, а Джованна настояла на

том, чтобы я захватила с собой несколько собственных слуг обоего пола.

Мне впервые пришлось испробовать недавно вошедшее в обиход женское седло. До этой поры мы, несчастные женщины, должны были ездить не вполне достойным образом, сидя по-мужски, с развевающимися юбками и обнаженными ногами. Могу только сказать, что долгий день, проведенный в седле с юбками, болтающимися по обе стороны от седла и ничем не защищенными самыми нежными и уязвимыми частями тела, которые травмировал костистый лошадиный хребет и жесткое седло со сложенным на нем в несколько рядов одеялом, был весьма неприятным испытанием, хотя иногда это вызывало и некоторые своеобразные ощущения. Новое же седло было само удобство и наслаждение. Оно прикреплялось с одного бока лошади, так, что в стремени оказывалась только одна нога, а колено другой оказывалось согнутым и обвивалось вокруг слегка поднимающейся и выдвинутой вперед части седла. Это означало возможность сидеть на собственной юбке и нижнем белье, а не опираться на седло некоторыми частями голого тела. Что же касалось тех моментов, когда надо было садиться в седло или спешиться, то это выглядело вполне пристойно. Боковое седло, как его называли, обладало только одним недостатком, ибо наездница имела меньшую возможность управлять лошадью, однако для обычных поездок оно было великолепно.

К тому же наездница в нем выглядела наилучшим образом, и смею сказать, что в своей малиновой одежде, подбитой белым шелком, в бледно-голубом плаще с пуговицами, которые заменяли обычные завязки, в малиновом верхнем плаще, также подбитом белым шелком, в золотистом головном уборе, точно совпадавшим с оттенком моих ниспадавших по плечам волос, я представляла собой весьма элегантное зрелище. Кола тоже был такого же мнения, и большую часть времени он ехал рядом со мной, пока мы продвигались к легендарным семи холмам Рима.

Не стану скрывать, что при первом взгляде на «вечный город» я была разочарована, вернее даже напугана. Долгие годы беспорядков, гражданских волнений и пренебрежения к папству привели к тому, что Рим, некогда бывший господином мира, выглядел весьма плачевно и являл собой одни руины. Акведуки, возведенные во времена Цезаря и призванные снабжать свежей водой кишевшие людьми бесчисленные бани, выглядели теперь самым плачевным образом. Они были изрыты ямами и пусты. На улицах трава прорастала сквозь камни мостовой. Построенные в древности огромные здания выглядели заброшенными. Они были похожи на пещеры, населенные летучими мышами и крысами, а руины форума затерялись в разросшихся кустах и деревьях, добравшихся уже до самого Капитолийского холма.

— Конечно, это весьма печальное зрелище, — соглашался Кола. — Здесь нужен лидер с широкими взглядами, чтобы можно было восстановить город и возродить его вечную славу.

— А не вы ли такой лидер с широкими взглядами? — спросила я, стараясь польстить как его личности, так и положению, так как это было моим главным, если не единственным оружием.

Он с явным удовольствием погладил бороду.

— Я и в самом деле такой, прекрасная дама, но для того, чтобы отстроить Рим заново, мне нужна власть.

— Которую вы надеетесь заполучить, — заметила я.

— И много денег, — задумчиво добавил он.

— Которые окажутся у вас, если вы получите власть, — подсказала я.

Это дало ему пищу для размышлений.

Но не сразу. Я уже говорила о своих мрачных впечатлениях, возникших у меня с появлением семи холмов в поле нашего зрения. Но, как теперь оказалось, они были беспочвенными. Вступление Риенцо в Рим можно было сравнить только со вступлением Джованни в Авиньон... Хотя я понимала, что то знаменатель-

ное событие было подстроено честолюбивым Климентом. В этом же случае трудно было усомниться в искренности чувств римлян, потому что они окружили нашу кавалькаду, плакали и приветствовали нас криками радости. Не думаю, что проявлю нескромность, если скажу, что мое присутствие и внешность также способствовали этому энтузиазму, во всяком случае нас с проявлениями живейшей радости проводили до палатцо, которое было приготовлено для сенатора.

К сожалению, мой горький опыт убедил меня в том, что специально собранные толпы, такие, как были согнаны тогда в Авиньоне, пусть даже и не выражавшие искренних чувств, предпочтительнее таких спонтанно возникающих демонстраций, когда идолопочитание и обожание легко могут перейти в ненависть.

Однако мы были избавлены от такой неприятности, потому что нас несла вперед ни с чем не сравнимая волна возбуждения, которая и доставила нас к нашему новому дому.

Здесь для нас с Альберто были отведены апартаменты, отделенные тенистым и просторным двором от шума и зловония римских улиц, а внутренняя отделка и комфорт ничем не напоминали о разрушающихся и крошащихся стенах здания.

— Пока все хорошо, — сказал Альберто, на краткий миг заключая меня в свои объятия. По правде говоря, его злоключения, равно как и мои собственные, а также возраст — он был несколькими годами старше меня, — способствовали тому, что он стал превращаться в пессимиста.

Он посвятил себя своим прямым обязанностям, которые состояли в том, чтобы соответствующим образом расставить часовых у разных дверей палатцо, в то время как я и мои помощники занялись уборкой наших комнат, поставили свежие и ароматные цветы в пустые вазы и постарались превратить это место в жилое помещение. Оставалось сделать еще очень много, потому что в помещении не было ни драпировок, ни даже циновок на полу, а я с первого взгляда оп-

ределила, что находишь этот дом даже в южной Италии, но в январе в нем все равно было бы холодно, как в могиле. Правда, сейчас был июнь, и в нашем распоряжении оставалось еще шесть месяцев, чтобы все привести в порядок.

А тем временем мне предстояло заняться выполнением моей собственной миссии. Альберто и я обедали с Кола и несколькими римскими влиятельными людьми, которые пришли приветствовать Кола в его новом доме. Вино текло рекой, и беседа лилась свободно, в основном о политике. Складывалось впечатление, что семья Колонна и их родичи правили городом властно и жестко, чем отчасти и объяснялся энтузиазм, с которым приветствовали Кола.

Оказалось также, что бароны обсуждали и вопрос о недопущении его вступления в город или о немедленном аресте, как только он окажется в пределах города, но в итоге было принято решение занять более нейтральную позицию, во-первых, потому, что он явился как представитель Папы, а во-вторых, из-за восторженного отношения к нему римской толпы, силы которой боялись со времен братьев Гракхов.

Было очевидно, что правители города всего лишь выжидали благоприятного случая и возможности действовать, но как сказал Кола: «Кто заранее предупрежден, тот заранее вооружен. Пока народ со мной, я защищен от интриг баронов».

Я не могла полностью согласиться с ним, ибо знала, что существуют такие вещи, как яд и кинжал в ночи, которые не остановит никакая популярность, но так как я была единственной присутствовавшей там женщиной, то сочла за благо придержать язык. Когда трапеза была окончена и мне удалось присесть возле сенатора, я прошептала ему, что, будь я на его месте, я никогда бы не стала спать в одиночестве.

Он сжал мою руку:

— Я пришел к тому же выводу, милая Ричильда, — ответил он тихим голосом. — А кто лучше вас мог бы охранять мой сон?

Я была захвачена врасплох такой прямоотой, но не могла дать ему отпора, потому что была связана приказом моей госпожи. Я удовольствовалась тем, что сказала несколько каких-то ничего не значащих слов о том, что он мне льстит, но это не сбило его с толку.

— А как насчет вашего мужа? — спросил он, заметив, что Альберто смотрит на нас.

— Это предоставьте мне, — ответила я ему, беря все в свои руки, что всегда было свойственно моей натуре.

— Тогда, значит, в полночь? — предложил сластолюбивый кавалер.

Альберто такой поворот событий не понравился, но когда я объяснила ему, что этого от меня потребовала королева, он больше не возражал. А уж когда я сказала ему, что несколько часов в объятиях Кола, который, как я заверила мужа, ничуть меня не привлекал, что в тот момент было чистейшей правдой, только возбуждают мой аппетит и жажду его объятий, он и вовсе воспринял данное мне поручение с энтузиазмом.

Давая такое обещание, я была уверена, что так оно и случится. Это был оптимистический взгляд на вещи, а возможно, и пессимистический, ведь все зависит от того, как на это смотреть. За пять минут до полуночи я завернулась в плащ и осторожно проделала весь путь до апартаментов сенатора. Я с радостью отметила, что у двери стоит стражник, но он с готовностью пропустил меня, и через минуту я уже стояла возле постели, на которой сидел Кола и читал при свете свечи, одетый только в ночной колпак.

Я почувствовала, что его вид вызывает у меня отвращение. Мне было всего двадцать девять лет, и если обстоятельства моей жизни были таковы, что она оказалась полна событий, мне еще не доводилось пребывать в объятиях мужчины в возрасте старше сорока лет. Я сбрасываю со счета мое краткое общение с Папой Климентом, во-первых, потому, что это происходило на стуле, а не в постели, а во-вторых, по-

тому, что поскольку он стоял позади меня, то я скорее воспринимала его не как мужчину, а как пронзающее меня орудие, в-третьих, потому, что фактически он не овладел мною, и в-четвертых же, поскольку это действительно было наказание.

Поэтому к возрасту Кола я отнеслась с предубеждением, без одежды его внушительная фигура, казалось, как-то съежилась, и я заметила, что у него достаточно большой живот, а уж что касается его мужских достоинств, то едва ли они могли вызвать неистовый пыл. Я подумала, что, возможно, ему просто потребовался кто-то, чтобы разделить с ним ложе в целях безопасности, и дабы не прослыть человеком со специфическими наклонностями, он предпочел женщину. Испытывая досаду и неприязнь к тому, чем мне предстояло заниматься, я тем не менее, привыкшая выполнять каждое порученное мне дело с максимальным прилежанием, была более чем готова принести себя в жертву.

Как оказалось, я весьма и весьма недооценила его намерения и способности. Он отложил книгу и снял ночной колпак, чтобы лучше меня видеть. Ночь была теплой, я сняла ночную рубашку и положила на стул прежде, чем подойти к постели.

— Ричильда, — сказал он. — Вы невероятно красивая женщина.

Я продолжала стоять перед ним, а он начал водить пальцем по всем изгибам моего тела, и прикосновение его было таким легким и в то же время таким возбуждающим, что я почувствовала, как у меня между ног повлажнело.

Я заставляла себя стоять спокойно, пока его палец подробно исследовал все мои долины и холмы, в том числе лесистую впадину и глубокое влажное ущелье. При этом он не забыл и двух горных вершин-близнецов и округлых дюн, каждой из которых он посвятил некоторое время.

Потом мне пришлось встать на колени у постели, а он с таким восторгом запустил пальцы в мои волосы, будто они и впрямь были из чистого золо-

та. Пропуская пряди сквозь пальцы, он, насколько я могла чувствовать, покрывал каждую из них поцелуями. Пожалуй, никогда прежде мною не овладевали еще столь полно и так нежно, и к тому времени, когда его путешествие окончилось, я уже была готова без колебаний совокупиться хоть с самим дьяволом.

Но для него ритуал еще не был окончен. Поскольку я стояла возле постели на коленях, то они оказались самой последней областью его исследований. Теперь же он заставил меня лечь и восхищался красотой моих ступней, целуя каждый палец по очереди, пока не покончил с этой процедурой, и его палец не возобновил путешествие по моему телу: сначала вдоль спины, а потом по груди и животу.

Задолго до того, как он окончил это второе путешествие, я испытывала самое восхитительное из наслаждений, которое только может испытывать женщина, и к этому моменту его копье было уже в полном порядке и наготове, чтобы рассеять мои прежние сомнения.

Теперь он встал на колени у меня между ног, захватил руками мои ягодицы и в таком положении показал всю силу своих мышц, о коей я и не подозревала, и вошел в мою плоть с такой нежностью и силой, что я снова закружилась в сладострастном вихре оргазма. И в таком состоянии он держал меня несколько секунд, прежде чем позволил себе окончить этот любовный акт.

Это был лучший любовный опыт в моей жизни. Во всяком случае, до настоящего момента.

Этой ночью я спала мало, ибо на уме у сенатора было только одно: я! Он был ненасытен, и я размышляла о том, что если все мужчины по мере возмужания обретали более выраженные сексуальные наклонности и сноровку в этой области, то тогда нам, несчастным женщинам, было уготовано хлопотное, хотя и восхитительное будущее.

Когда я, шатаюсь, добрела на рассвете до своих апартаментов, то нашла там с нетерпением ожидавшего меня Альберто.

Мне было нелегко проявить должный энтузиазм, так что ему самому пришлось приняться за дело. Сравнения ужасны, и я лучше воздержусь от них. Альберто был моим мужем и красивейшим из мужчин. Достаточно сказать, что, когда он оставил меня в покое, я впала в глубокий и беспробудный сон, чтобы проснуться уже около часа пополудни и начать размышлять о том, когда же мне снова доведется идти по коридору в спальню Кола.

В таких обстоятельствах у меня были все основания предвкушать долгое, жаркое, полное эротических радостей лето. Жарким и эротическим оно и вправду стало. Но, к сожалению, недолгим. Равно как и не стало счастливым, несмотря на мои ночные утехы.

Я хорошо сознавала, что место женщины у очага, в постели или возле колыбели и что от нее не требуется, чтобы она принимала участие в великих делах или даже интересовалась ими, потому что такие забавы были только для мужчин. Королевы являются исключением из этого правила, а мне всю жизнь довелось пробывать служанкой королевы. И я не могла не интересоваться политикой и финансовыми делами, как не могла бы перестать дышать. Точно так же у меня была потребность ежедневно появляться на людях, даже если эта светская жизнь ограничивалась всего лишь базаром, и таким образом иметь возможность наблюдать, как меняются настроения жителей Рима в первую очередь.

А менялись они с поразительной скоростью. Толпа, приветствовавшая Кола криками радости и рассыпавшая цветы на пути его следования, по-видимому, решила, что сам факт его возвращения означал, что со злом покончено и его присутствие в городе сразу же снова вернет Рим к имперской мощи и славе. Но мысли о том, что для того, чтобы вернуть былую славу прошлого, требовались деньги, которые могли дать только они сами, граждане Рима, а также законы,

которым должны были подчиняться они сами, и самое главное — предстояло выполнить немало тяжелой работы, которую должны были проделать они сами, просто не приходили им в голову. Поэтому с того момента, как Кола взял бразды правления в свои руки и принялся за дело, его популярность пошла на убыль.

Вне всякого сомнения, на отношения и чувства римлян к своему сенатору влияли агенты баронов, ненавидевших и боявшихся Риенцо. К сожалению, эта растущая враждебность к его правлению была гораздо лучше видна мне, поскольку я бывала среди простых людей, но не была видна ему, заседавшему в палатах своего Совета, и он слышал только то, что ему говорили, а говорили ему только то, что он желал слышать. Когда я попыталась его предупредить, он уверенно рассеял мои опасения и заявил, что когда народ не ропщет, то это значит, что его пора припугнуть.

Я не могла с этим согласиться. Я слишком хорошо понимала, что все происходящее касается не только человека, которого я уже просто обожала, но и моего дорогого мужа, чьей обязанностью было охранять сенатора, а также и меня, постоянно находившуюся в его обществе. И это было хорошо известно толпе. Тем не менее я ничего не могла поделать. Я почувствовала себя так, будто была привязана к спине несущегося во весь опор коня; я видела приближающуюся пропасть, но не могла ничего изменить.

И мои опасения оправдались. Лето было необычайно жарким. Поэтому стали распространяться не только обычные для такой поры болезни, вроде недомогания с лихорадкой или кишечных заболеваний, когда люди страдали непрекращающимся поносом, но и самые малые раздражители теперь превращались в серьезные проблемы и становились причиной большого недовольства. Когда Кола решил, что пора покончить со зловонием, прспитавшим весь город, и следует произвести очистительные работы в стоках и канавах,

люди, назначенные выполнять их, выразили протест. Они разглагольствовали об этом со своими друзьями, подстрекаемые, как обычно, врагами государства, и скоро сложилась ситуация, когда вот-вот должен был начаться мятеж.

— Сенатор, вас требуют, — сообщили ему, и ничего не боявшийся Кола немедленно отправился усмирять толпу. С ним отправился и Альберто. С тяжелым сердцем смотрела я, как они покидают палатцу, но даже я не была подготовлена к тому, что последовало вслед за этим, потому что шум, который доносился издали и который я смутно различала, теперь достиг крещендо и скоро перестал походить на человеческие голоса. Следующее, что я увидела, был сам Кола, бежавший ко мне через двор. Лицо его было белым, а руки дрожали.

— Они обезумели! — кричал он. — Обезумели! Они хотят убить меня!

— Где мой муж? — спросила я его.

— Ричильда, ты должна укрыть меня. Переодень меня в одежду своего слуги. Мы должны бежать отсюда.

— Где мой муж? — спросила я снова. Мой голос сорвался на крик, я схватила его за плечо и встряхнула.

— Безусловно погиб! Он встал перед толпой с мечом в руке. Они его опрокинули и растоптали. Ричильда, ради всего святого, ради Бога, помоги мне!

Каков был контраст, каков был переход от гордого сенатора, каким он был всего час назад, к этому невнятно бормочущему существу! И сколь велик был контраст между этим лепечущим ничтожеством и моим дорогим отважным героическим мужем, единственной мыслью которого было встать с мечом в руке лицом к лицу с этой толпой... чтобы защитить этого труса.

Тем не менее я сознавала опасность моего собственного положения, и единственной надеждой на спасение казалось бегство, а чтобы выжить, лучше

было бежать с мужчиной, чем одной. Кроме того, я любила этого человека, хотя теперь и знала, что больше этого нет и не будет никогда.

— Тогда пойдете, — сказала я ему и, подобрав юбки, побежала, опережая его, в спальню и там надела на него одно из своих собственных платьев, плащ с капюшоном, складки которого, ниспадавшие на лицо, возможно, могли бы скрыть его черты и бороду.

Но нашим надеждам не суждено было сбыться. Едва мы начали спускаться — а слуги уже все сбежали, — то увидели приближавшихся к палатке и вооруженных мечами и пиками толпы людей. Одна из этих пик была поднята высоко вверх, и на ней я увидела голову своего дорогого Альберто.

Едва ли была какая-нибудь женщина на этом свете, которой бы пришлось лицезреть своего мужа в столь ужасающем виде, буквально разорванного на куски у нее на глазах. Вот как раз со мной это и случилось. К тому же мы и сами находились в большой опасности. Толпа явно собиралась разграбить дом сенатора, а мы как раз в нем и находились.

— Уходим через заднюю дверь! — закричала я и побежала туда. Кола был настолько напуган, что не рискнул последовать за мной, и это решило его судьбу. Его схватили за юбки и распластали на полу. Я не сомневаюсь, что в тот момент они жаждали только одного — изнасиловать, но похоть быстро сменилась жаждой крови, когда они обнаружили, что перед ними обнаженное тело мужчины, которого в тот момент они ненавидели больше всех.

Теперь настала моя очередь заколебаться, ибо я услышала мощный рык опустившихся до состояния животных мужчин, а также отчаянные крики Кола, когда он лишился того украшения, которое еще недавно погружал в меня с таким восторгом, и грубый, животный смех его мучителей.

Через несколько секунд он уже был мертв.

Было самое время подумать о себе самой, но я уже упустила свой шанс. Я снова рванулась к сте-

не, но меня схватили как раз в тот момент, когда я пыталась вскарабкаться на стену и перелезть через нее. Я оказалась лицом к лицу со стаей голодных волков в человеческом обличье.

Я была уверена, что наступил мой последний час, но в этом содоме даже не могла открыть рта, чтобы попросить их дать мне время помолиться.

Однако те, кто схватил меня, были мужчинами, и вся толпа состояла в основном из мужчин, и было очевидно, что им не хочется уничтожить такую красоту.

— В конце концов она всего лишь шлюха, — объявил один из главарей.

Итак, казнь была заменена насилием, которое, должна заметить, имея достаточно ясное представление о том и другом, все же предпочтительнее, чего бы там ни говорили некоторые набожные дамы. Все, что я потеряла, это лишь ритм дыхания, а что приобрела — так это несколько лишних синяков на самых нежных частях тела.

К сожалению, получив удовлетворение, многие мужчины превращаются в зверей, и, когда все те, кто хотел мною насладиться, исполнили свое желание, они начали обсуждать, какого наказания я заслуживаю. Мне думалось, что я уже получила свое наказание, но я была слишком измучена, чтобы молить о пощаде, хотя мне казалось, что в один и тот же день понести оба наказания, считающиеся для женщины самыми тяжкими, было уж слишком несправедливым.

Однако и в этом случае меня, вне всякого сомнения, спасла моя необычная красота.

Они удовольствовались тем, что разложили меня на полу, перевернув на живот, и, придерживая в таком положении, выжгли на моей правой ягодице букву «П», заклеив меня как проститутку, после чего меня, обнаженную и избитую, в кровоточащих царапинах, поволокли привязанной к повозке и сопровождаемой толпой женщин и детей. Меня дотащили до городских ворот и выбросили из города, предупредив,

что если завтра на рассвете меня еще обнаружат поблизости от Рима, то повесят как собаку.

Этот опыт убедил меня в том, что ни народ Рима, ни сам город Рим не заслуживают спасения.

Глава 7

Оказаться голой за воротами города в полном одиночестве — малоприятное чувство.

Тем не менее я понимала, что мое положение могло бы быть гораздо хуже, и было бы хуже, если бы меня от римлян не отделяло некоторое расстояние. Итак, босая, нагая и окровавленная, шатаюсь, я отправилась в сторону видневшегося вдаль, на холмах, лесочка.

И тут я усомнилась, не делаю ли я ошибки и не лучше ли было мне вернуться, и пусть бы меня растерзали на мелкие кусочки: по крайней мере, пока со мной расправлялись, мне было бы тепло. Ведь стоял октябрь, и как только солнце скрывалось на западе, становилось очень прохладно, а я уже не ела несколько часов, да и до того ограничилась только легкой трапезой, потому что за последнее время у меня выработалась привычка садиться в середине дня за обильно накрытый стол вместе с Кола и Альберто.

Когда я подумала о том, что ни один из этих прекрасных мужчин больше никогда не сядет со мной за стол, я разразилась рыданиями, и чем яснее сознавала, что сама скоро присоединюсь к ним, тем обильнее лились мои слезы.

И тут ко мне пришло удивительное избавление... если можно так выразиться.

Шатаюсь, я брела в сгущающейся темноте. Я шла вперед, потому что у меня не было иной причины останавливаться кроме как для того, чтобы упасть и умереть от голода, истощения и холода. И внезапно я увидела отблеск огня от костра. И мои ноги сами понесли меня туда, как если бы меня потянули туда невидимой веревкой. Можете себе представить мое

замешательство, когда, выйдя из-за деревьев, я увидела большую группу людей разного пола и возраста, и все они были такими же нагими, как я, и точно так же все в крови.

Они радостно приветствовали меня, считая одной из своих.

Ужасы, которые люди пережили в результате эпидемии «черной смерти» всего несколько лет назад, заставили их пересмотреть свои взгляды на все, переосмыслить свою систему ценностей и даже отношение к собственному существованию. Многим стало казаться, что несущая смерть зараза была знамением Божиим и что это могло быть предвестием Конца Света, как бы далеко мы ни отстояли от конца тысячелетия.

В результате этого процесса самопознания появилось несколько необычных религиозных сект, в отношении которых Церковь еще не выработала своей позиции. Одним из таких образований стала секта флагеллантов, считавших, что Страшный Суд приближается и что лучше всего можно обеспечить себе место у Господнего Престола, отказавшись от всех атрибутов земного существования, вплоть до одежды, и целыми днями замаливая и наказывая себя за свои грехи — не важно, были ли они действительными, воображаемыми или теми, которые они еще не совершили.

Именно в лагерь этой секты я и забрела, а следы побоев на моем теле, на моей спине, казалось, доказывают, что я одна из этих скитальцев, отбившаяся от своей группы. Я не посмела возражать против такого предположения, потому что умирала от голода и готова была на все ради скромной порции их убогой еды.

По правде говоря, я была рада к ним присоединиться, хотя бы только на время, потому что здесь, как мне показалось, были еда и доброжелательные люди, и если это нельзя было назвать в полной мере убежищем, то уж во всяком случае эти люди шли на юг, что было для меня еще более важно, поскольку

надвигалась зима. Немного поздно, но я все же узнала, что они в конечном итоге двигались в сторону Неаполя, то есть именно туда, куда я желала попасть как можно скорее.

Тем самым я ввязалась в одно из самых удивительных приключений своей жизни, хотя время от времени мне приходилось задумываться над правильностью своего выбора.

Идея этих пятидесяти душ, в числе которых, как я уже упоминала, были люди любого возраста и пола, не исключая детей, и заключалась в том, чтобы брести по дороге, и очень часто даже под проливным дождем, нагишом, как в день своего появления на свет, и торжественно бичевать тех, кто шел впереди. Время от времени они менялись местами, чтобы каждый мог получить свою долю наказания, как и возможность нанести очередной удар. Это может показаться нелепым. Да так оно и было. Но сама абсурдность нашей профессии была нашим спасением. Когда бы мы ни проходили через какое-нибудь селение, все его жители поворачивали головы, чтобы поглядеть на нас, а если нам случалось бичами отгонять собак, которые всегда на нас набрасывались, сельчане охотно приносили нам пищу и питье в благодарность за то зрелище, которое мы им являли.

Это было вознаграждением и возможностью поддерживать свое существование. Тем не менее все время подставлять свою спину под удары бича было несколько обременительно, хотя мы и старались никогда не бить друг друга слишком сильно.

Еще более сложными были наши личные отношения. Для человеческого существа просто невозможно находиться в непосредственной близости от себя подобного, да еще когда оно, как и все остальные, совершенно обнаженное, и не чувствовать веления плоти, кроме тех нескольких святых, стремление которых к полному целомудрию я находила просто неприемлемым.

Я привыкла, что интимные отношения всегда были связаны с удобством и роскошью. То есть это долж-

но было происходить после обильной и изысканной трапезы и подогревающих чувства возлияний, в теплой постели с надушенными простынями и, конечно, с партнером, избранным мною самой. Конечно, бывало и так, что меня вынуждали отступать от моих взглядов. Достаточно вспомнить случай с Карлом. Но такие исключения только укрепляли мою решимость следовать, насколько возможно, своим обычным инстинктам.

Теперь оказалось, что я чуть ли не самая привлекательная женщина в нашей группе и потому я стала объектом вожделения почти всех мужчин. Похоже, что бичевание подстегивает чувства. Я и в самом деле слышала, что некоторые мужчины неспособны к половому акту без применения хлыста. Оказалось, что ни пост, ни холод не действуют на мужчин и женщин, которым удавалось устроиться на ночь поблизости от места, где я, свернувшись клубочком, лежала и дрожала от стужи.

Слово «удавалось» я употребила в фигуральном смысле: часто там выстраивалась целая очередь.

Ситуация сложилась очень непростая. Я была новичком, и меня радушно приняли, но столь же легко могли и отвергнуть. Я знала, что без этих людей не смогу добраться до Неаполя. Почти застывшая от холода, я могла согреться только телесным контактом.

Поэтому обстоятельства вынуждали меня покориться своей участи, и это повторялось не один раз, но сто миль, отделяющие Рим от Неаполя, показались мне целой тысячей, прежде чем я увидела стены своего любимого города.

В ту ночь я отползла от лагеря флагеллантов и направилась к воротам. Увидев меня, добрый сержант гвардии никак не мог решить, что я такое: дар ли богов или посланница дьявола, но мне удалось втолковать ему, кто я такая, и всего часом позже, одетая в его плащ, я уже была в Капель Нуово.

Несмотря на поздний час, Джованна проснулась и поднялась, чтобы приветствовать меня. Разумеется, известие о побоище в Риме намного опередило меня,

и она считала, что я была растерзана толпой, как Кола и Альберто. Теперь же она приказала своим горничным принести теплой воды и сама вымыла мне спину, пока я отмокала в ванне и рассказывала ей о своих приключениях.

— Бедняжка моя, — сказала она, помогая мне выйти из ванны, и мокрую заключила меня в свои объятия. — Я так за тебя боялась.

А потом — она бы не была Джованной — начала меня дотошно расспрашивать о том, какими талантами любовника обладал Кола и каково это быть изнасилованной несколькими мужчинами.

Прошел час, прежде чем мне удалось улизнуть и навестить моих малюток, которые радостно меня приветствовали.

Джованна была искренне рада, что мне удалось уцелеть и что я снова при ней. И хотя я уверена, что она считала меня своим единственным верным другом на всем белом свете, в мое отсутствие она пришла к выводу, что мои несколько суровые взгляды по части нравственности не должны мешать ее удовольствиям.

Потому что за несколько месяцев моего отсутствия королева ни на йоту не изменила своим привычкам и не отказывала себе в наслаждениях. Пожалуй, пыл ее даже еще увеличился, и теперь она уже пользовалась услугами не менее чем полудюжины похотливых мальчишек, приходивших к ней в спальню по ее приглашению. А Людовика Тарентского почти никогда не бывало в Неаполе.

Я, разумеется, заметила, что ее восторг по поводу моего счастливого возвращения несколько сдерживался явным нежеланием принять меня в моей прежней роли, но я была очень удивлена избранным ею способом решения этой проблемы.

— Я считаю, что твоя служба на благо твоей королевы и Неаполя заслуживают достойного вознаграждения, — объявила она через неделю после моего возвращения. — Не говоря уже о тех услугах, кото-

рые ты оказала Риенцо, — добавила она лукаво. — Потому я дарую тебе свободу, моя дорогая Ричильда, и намереваюсь найти для тебя мужа не только, чтобы возместить утрату Альберто, но и для того, чтобы у тебя была пара, достойная твоей красоты и дарований.

Я была польщена и одновременно испугана.

— Я недостойна такой доброты, ваша светлость. Но разве я смогу жить, если не останусь вашей служанкой? И в любом случае, кто же захочет взять в жены бывшую рабыню без гроша за душой?

— О! И даже не один, можешь не сомневаться, — заметила Джованна. — Думаю, что целая дюжина мужчин готова будет пресмыкаться у ног герцогини Эберли.

Я воззрилась на нее с разинутым ртом.

— Последний герцог недавно умер, не оставив потомства, — разъясняла мне Джованна. — И без наследников. Поэтому его владения перешли обратно в собственность короны. Эберли, как тебе известно, моя дражайшая Ричильда, включает двадцать квадратных миль самой плодородной земли с фермами и виноградниками, расположенной в самой прекрасной долине у подножия Апеннин. Эти владения дают доход десять тысяч дукатов в год. Не думаешь ли ты, что все это будет достаточно соблазнительно, не говоря уже о твоем собственном очаровании?

Я еще раз была просто потрясена, а что уж говорить, когда меня привезли в мой новый дом, и я увидела замок, который хотя и был величиной в четверть Капель Нуово, но впервые за всю мою жизнь это был мой собственный дом, и я ехала туда через плодородную долину, которая теперь стала моим владением. У меня состоялись переговоры с моим бейлифом относительно ренты. Это был серьезный и даже торжественный молодой мужчина по имени Рикардо.

Он и словом не обмолвился о схожести наших имен, но ворчал по поводу того, что доходы от имения были недостаточными.

Мне же они представлялись огромными.

Лючия и Уильям вместе со мной восхищались своим новым местом жительства.

Но вопрос о муже пока что оставался открытым. По-видимому, Джованна решила осуществить и этот свой замысел как можно скорее. Она была совершенно права, когда предположила, что у дверей вдовствующей герцогини Эберли, как меня теперь официально называли, будет толпиться множество мужчин, и некоторые из искателей моей руки были довольно привлекательны. Но в моем положении мне не приходилось выбирать.

Однако я была несколько ошеломлена, когда Джованна вызвала меня в Неаполь и объявила, что нашла мне подходящего мужа.

— Фернандо ди Гранди, — сказала она. — Разве может быть лучший выбор?

Я была изумлена.

— Ваша светлость, — запротестовала я. — Мне же тридцать лет.

— На год старше меня, — согласилась Джованна. — И мы обе в расцвете красоты и сил.

Это был не тот вопрос, по которому я была готова спорить. Но...

— Но ведь синьору ди Гранди семнадцать...

— Шестнадцать, — поправила Джованна.

— Как же я могу выйти замуж за мужчину, который годится мне в сыновья?

— Ты убедишься, что это весьма стимулирует. У меня на этот счет нет никаких сомнений. И мне это тоже вполне подойдет. Подумай об этом, Ричильда. Отец Фернандо, Роберто ди Гранди, богатейший человек в моем королевстве. Если все, что я слышала, правда, то он, возможно, даже богаче меня. Я прослежу, чтобы брачный контракт был составлен должным образом. Можешь не сомневаться. Половина будет принадлежать тебе, половина мне. И потом, Фернандо... Ты ведь не будешь отрицать, что он красив?

Тут я не могла спорить. У Фернандо уже пробились усики, и у него было меланхолическое выра-

жение лица, блестящие глаза и весьма внушительно выступающий гульфик.

— Мы будем большими друзьями: ты, я и твой муж, — сказала Джованна.

Я тотчас же поняла, каковы ее намерения, но протестовать не стала. Я опасалась, что мне потребуется вся помощь, какую я только смогу сыскать.

И так оно и вышло.

На следующей неделе я была представлена моим будущим родственникам и мужу.

Я не хочу сказать, что не была с ними знакома. Общество Неаполя достаточно немногочисленное, и, разумеется, я встречала ди Гранди много раз. Но, конечно, ни в качестве возможных родственников. Впрочем, решение было принято, и королева, разумеется, уже объявила им свою волю.

Синьора ди Гранди была само высокомерие: ее сын должен был жениться на бывшей рабыне, но зато ему предстояло стать герцогом. Правда, этот титул ему обещали как моему мужу, а не по его собственному праву. Точно так же, как моя собственность и доход принадлежали мне, а не ему.

Синьор ди Гранди не мог дождаться момента, когда прикоснется к своей будущей невестке, хотя этикет предписывал ему только дотронуться до моих рук, по крайней мере, на этой ступени нашего знакомства... Но он поцеловал мои руки весьма пламенно. По правде говоря, он был красивым мужчиной лет сорока пяти, что было гораздо больше в моем вкусе, чем его сын.

Ди Гранди-старший в тот же момент попытался овладеть мною. Он начал покрывать поцелуями мои руки, целуя их все выше и выше. Что же касается меня, то я только хихикала, как девчонка, так как не могла придумать ничего лучше. Прежде чем я успела опомниться, он уже добрался до моего плеча, и я почувствовала прикосновение его губ на своих грудях, а

подбородком он пытался забраться под вырез моего декольте. Я сочла необходимым отпихнуть его, думая при этом о том, что мне, пожалуй, предстоит более хлопотное время, чем я предполагала.

Поэтому по мере приближения своей свадьбы я испытывала все более полное смятение чувств — ожиданий и опасений. Но ни в коей мере не была разочарована.

Само событие оказалось довольно значительным и было отпраздновано в большом зале моего замка с участием множества менестрелей, с изобилием еды, вина и веселья. Все это было весьма приятно, хотя Рикардо на все это взирал с весьма мрачным видом. Это было очевидным намеком на то, что празднество существенно отразится на доходах. С другой стороны, я помнила о том, что Джованна потребовала от синьора ди Гранди семьдесят тысяч дукатов в качестве его вклада в брачный контракт. Конечно, половину этих денег она собиралась оставить себе, но я все же считала, что в финансовом отношении я, по крайней мере, приобрела больше, чем она.

Сама королева посетила церемонию и была моей подружкой. Это было сделано, чтобы не оставалось ни малейших сомнений в моем новом положении. В конце концов она отвела меня в спальню, лично уложила в постель, самым нежным образом поцеловала меня и прошептала:

— Я потом хочу услышать все подробности.

Она, конечно, могла бы это сделать уже той же ночью, если бы, как и все остальные гости, не удалилась в состоянии глубокого опьянения. У меня же не было времени для столь невинных забав. Моего мужа отвели ко мне в спальню и в постель в сопровождении целой толпы гостей, включая и Джованну. Мою ночную рубашку подняли до самой груди, положили его у меня между ног, и шумная толпа пожелала нам оставаться в таком положении, пообещав вернуться утром, чтобы убедиться, что все в порядке. Так как

в этом случае, конечно, не могло быть никаких видимых следов благополучного увенчания нашего брака, они должны были удовольствоваться нашими обоюдными заверениями.

Будто в этом можно было бы усомниться. Признаюсь, что я выпила вина не меньше остальных с единственной целью: привести себя в такое состояние, чтобы я могла совокупиться с шестнадцатилетним мальчишкой, который не терял времени даром. Он уже оказался во мне еще до того, как успели как следует закрыть дверь, и наш брак был практически осуществлен уже через пятнадцать секунд.

И тогда я решила, что могу расслабиться и что меня ожидает сладкий и крепкий ночной сон. Никогда в жизни я не впадала в большее заблуждение. По-видимому, его поведение означало только то, что в нем накопился избыток энергии с того самого момента, как ему объявили, что я буду его женой, и теперь эта энергия побуждала его все к новой и новой эрекции.

Сначала для этого потребовалось пять минут, пока он играл с моими грудями и другими интимными частями моего тела, расположенными между ног. За этим последовало нечто уже знакомое: он вновь взгромоздился на меня, и снова последовала атака.

Но это опять было еще не все. Следующие полчаса он посвятил тому, что целовал и ласкал меня, пока наконец его усилия не увенчались успехом и он не начал говорить, как он обожает меня. Это мне, конечно, польстило, но тотчас же на меня было совершено новое нападение.

Теперь-то уж, подумала я, мы с этим покончили, и решила пожелать юнцу спокойной ночи.

— Спокойной ночи? — вскричал он. — Ну уж нет! Мы еще даже и не начинали!

Тут я совсем потеряла голову и попыталась ускользнуть. Но он оказался у двери прежде меня, и как я ни кричала и ни брыкалась — такая высокая и крепкая женщина, — он, мужчина еще более высокий и крепкий, отнес меня обратно в постель.

— Тыходишь во вкус, — уверил он меня, продолжая терзать меня снова.

Скоро я перестала протестовать и подумала, что, возможно, позволить в одну ночь обладать собой семь раз одному мужчине более приемлемо, чем принадлежать одному за другим семи разным мужчинам, как это произошло со мной в Риме.

В конце концов, ведь этот мужчина был моим мужем.

Но эта мысль была очень мрачной.

На следующее утро при взгляде на мое лицо ни у кого из гостей не возникло ни малейшего сомнения в том, что мы стали мужем и женой — и перед Богом, и перед людьми.

Джованна была в восторге.

— Как я тебе завидую, — сказала она. — О, как я тебе завидую.

У меня было искушение сказать ей, что время от времени она может одалживать у меня мужа, но я воздержалась.

— Я буду ждать тебя в Неаполе, — сказала она мне, — как только закончится ваш медовый месяц. Естественно, вместе с мужем.

— Я там буду, — с энтузиазмом пообещала я.

Итак, гости отбыли, и я осталась одна с моим Фернандо.

Ну и, конечно, со слугами.

Ради справедливости по отношению к своему мужу я должна сказать, что у него был хороший характер: он был добродушным и во многих отношениях даже очаровательным мальчиком. Он стал другом для маленького Уильяма и старшим братом для Лючии, которой было девять лет.

В какой-то степени это меня беспокоило, потому что Фернандо имел слабость: он не мог устоять перед женским началом, безотносительно к возрасту, положению или виду. Если временно я оказывалась для него недоступной, он прибегал к услугам горничных, а когда у меня бывала менструация, он вообще уходил ночевать к себе, деля постель с кем-нибудь из них.

Естественно, у меня не было никаких возражений против этих грешков. Я знала, что в них повинны все мужчины... и радовалась отдыху.

Я знала, что была главным источником его наслаждений. И снова должна признаться, что во многих отношениях это было вполне удовлетворительно: какой женщине не хочется, чтобы ее обожали, а Фернандо, как он утверждал (и кто стал бы это оспаривать?), боготворил меня уже давно — еще до того, как стал юношей.

Но эти отношения были для меня изнурительными.

Должна признаться, что длительностью своей страсти он превосходил любого другого известного мне мужчину. Теперь уже хорошо известно, что главное проклятие для женского рода — это мужское нетерпение и неспособность сохранить воздержание и страсть достаточно долго. Вот почему мы столь высоко ценим мужчину, который умеет сдерживать себя и тянуть время, а также умеет понимать и приспособиться к ощущениям женщины и пользоваться руками столь же хорошо, как и членом.

Фернандо, конечно, знал, как пользоваться в интимных отношениях руками, но скорее старался доставить удовольствие себе, чем мне. С другой стороны, невозможно отдаваться мужчине по нескольку раз за ночь, по крайней мере любящему, а не грубому насильнику, и не ответить взаимностью. Поэтому было бы чистой фальшью, если бы я притворялась, что мне были отвратительны его набегивания на мою постель — вовсе нет.

Однако я не могла не задумываться о будущем. При такой бурной жизни я могла стать изношенной половой тряпкой уже к тридцати пяти годам.

И было чудом, что я не беременела.

Поэтому, выждав приличествующий период времени, два месяца, я воспользовалась первой же представившейся возможностью, чтобы предложить отправиться в Неаполь.

Фернандо без колебаний согласился, и таким образом мы оба отправились в этот притон нечестивцев.

Джованна была счастлива принять нас и стала еще веселее, когда я поведала ей некоторые из тайн своего брачного ложа.

В течение двадцати четырех часов мы обедали тет-а-тет с королевой и одним из ее любимцев, художником по имени Джотто. Это был юноша вроде Фернандо, значительно моложе Джованны или меня и вдобавок он был застенчивым и замкнутым. Его дед, следует помнить, был поистине знаменитым художником, но юный друг Джованны, видимо, не представлял собой ничего особенного и только использовал имя деда в надежде привлечь к себе внимание и получать хорошие заказы. Вдобавок он был начисто лишен таланта деда.

По крайней мере, когда приходилось работать кистью. Но Джованну он, судя по всему, прекрасно устраивал. С другой стороны, он был совершенно сражен моими золотыми волосами и белой кожей, не говоря уже о разных изгибах и впадинах моего тела. По сравнению с моим мужем он был настоящим благом, и когда Джованна и Фернандо после трапезы удалились в спальню для интимной беседы, — после которой она появилась потом столь же растрепанной и утомленной, какой обычно бывала я сама, — мы с синьором Джотто остались вдвоем и так любезничали на небольшом диване, что в конце концов мне пришлось стать его путеводителем по тем местам, куда он так очевидно стремился попасть.

Нерешительность господина Джотто составила приятный контраст с ненасытной потребностью Фернандо. Но меня ждало еще одно испытание — нетерпеливое волнение моего нового свекра.

Ясно, что такой человек представляет большую ценность для несчастной молодой новобрачной и даже для такой, как я, быстро приближавшейся к среднему возрасту. Я чувствовала себя склонной восприни-

мать Роберто ди Гранди как замену отцу, которого я потеряла при столь несчастных обстоятельствах много лет назад. Поэтому я весело смеялась его чудовищным остротам и по-девичьи хихикала, когда он беззаботно обнимал меня за плечи или оставлял свою руку покоиться на моем колене.

Мы с Фернандо, конечно, поселились в Кабель Нуово, но довольно часто и регулярно должны были наносить визиты и в палаццо Гранди, где граф Роберто развлекал нас, точнее меня, показывая мне свою библиотеку, и в самом деле великолепную, а также свою коллекцию гильфиков, не имевшую, как он мне сообщил, равных в Италии.

Разумеется, мне никогда не доводилось видеть такое разнообразие размеров и материала. Но форма этой части туалета всегда одна и та же.

— Они все ваши? — спросила я невинным тоном.

Он рассмеялся:

— О, конечно нет, моя дорогая герцогиня. Это плоды побед. Разумеется, на поле брани. Каким еще образом мужчина может признать свое поражение как не тем, что отдает сопернику и победителю эту часть своего костюма?

Прежде эта мысль никогда не приходила мне в голову, но теперь я была вынуждена признать ее правомерность.

— Но вам, наверное, никогда не доводилось отдавать свой? — пробормотала я.

— Только прекрасным и отважным дамам, — снова рассмеялся он. — В этом случае мужчина может сдаться без малейшей опасности запятнать свою честь. Право же, не делать этого — как раз и значит нанести урон своей части. А вы бы потребовали такого трофея, моя дорогая Ричильда?

Я бросила беспокойный взгляд на дверь, но ловкач закрыл ее и даже запер, как только мы вошли в комнату.

— Он ваш, Ричильда, если вы его желаете получить, — кокетничал он со мной. — Не притворяйтесь, что дама с вашим опытом не имеет пред-

ставления об особенностях и сложностях мужского костюма.

— Меня изумляют особенности мужского ума, а не костюма, — ответила я ему. — Не могу поверить, что ваши намерения могли бы получить благословение Святой Церкви.

— В таком случае мы отправимся на исповедь вместе, — предложил он.

— Я ваша дочь и покорна вам во всем.

— Но я хочу только узнать частицу радости, которую вы дарите моему сыну. Столь удачливому сыну, — бормотал мерзавец, расстегивая мой корсаж.

Ну, а как бы вы поступили на моем месте? Я всегда ценила радости семейной жизни больше всех других, возможно, потому, что их так мало было в моей жизни. И вот я вышла замуж за человека из благополучной, хотя и несколько похотливой семьи, а теперь меня просили сделать главу этой семьи чуточку счастливее. И я сочла, что с моей стороны было бы слишком неблагодарным отказать ему. Кроме того, с тех пор как я узнала Кола, хотя я не могла больше думать без презрения об этом низком трусе, у меня явно обозначилось предпочтение к мужчинам более зрелого возраста, нежели к юнцам... может быть, даже потому, что им время от времени надо было остановиться и передохнуть.

Но в этом я ошибалась, по крайней мере, в случае с Роберто ди Гранди, который во всех отношениях оказался достойным отцом своего сына. Но к тому времени, когда я это выяснила, было уже слишком поздно.

В Неаполе мы провели славную неделю, в конце которой Джованна задала мне несколько вполне определенных вопросов и была крайне настойчива. Когда я уверила ее, что не беременна, она сообщила мне, что у нее есть для меня поручение.

Джованна при всей несомненной шаткости своих нравственных устоев и при пламенных желаниях, сжигавших ее чресла, всегда сохраняла острый ум и была умелой правительницей. Казалось, что она состоит из

двух разных личностей. Одна из них была невероятной соблазнительницей, царившей в спальне, а другая — холодной и расчетливой хозяйкой и госпожой своего королевства и народа. Должна признаться, что именно этой стороной ее натуры я восхищалась больше всего, и теперь это открылось мне в полной мере.

Неаполь был на осадном положении, только в данном случае не физически — он страдал от нехватки денег. Казна была почти пуста, и государство отчаянно нуждалось в средствах, хотя бы для содержания армии.

Поэтому Джованна нуждалась в средствах, ей нужна была сразу большая сумма денег, и она нашла само собой разумеющееся решение: продать герцогство Прованс. Как она совершенно справедливо заметила, она была там всего один раз за всю жизнь и то в качестве беглянки и надеялась, что никогда не вернется туда снова. Прованс не представлял никакой ценности для обороны Неаполя. Два народа, населявших эти два места, не имели между собой ничего общего, а требования правителей этих двух государств, даже если они и существовали в одном и том же теле, были столь же отличны друг от друга, как мел от сыра.

Поэтому приведенные ею доводы были вполне здравыми.

Однако продажу земли можно было осуществить только при двух условиях, и оба эти условия были крайне важны. Первое из них — это законное право продать землю, а второе — найти покупателя.

Что касалось второго, то здесь Джованна не предвидела сложностей: короли Франции давно лелеяли мысль об обладании герцогством, и от своих многочисленных осведомителей она знала, что новый король страны Иоанн был человеком широкого образа мыслей и высокого благородства. Первое же условие было более трудновыполнимым, потому что следует помнить, что на смертном одре добрый король Роберт распорядился о том, чтобы ни при каких обстоятельствах Прованс не отчуждался от его семьи. Когда оказываешься

в такой ситуации, остается только одно авторитетное лицо, к которому можно обратиться с просьбой и в надежде на успех: это Папа Римский.

Или скорее Авиньонский.

Один взгляд на карту Европы убедит вас, что Неаполь, Авиньон и Париж практически находятся на одной прямой линии, идущей с юго-востока на северо-запад, и что в этой прямой линии есть едва заметный изгиб. Поэтому Джованна считала, что ее представительница, посланная с целью договориться о продаже герцогства королю Франции, не потеряет зря времени, если остановится по пути в Париж в Авиньоне и прежде всего проведет переговоры с Папой.

— Представительница, ваша светлость? — спросила я с некоторым беспокойством.

— Неужели может быть лучший посол двора Неаполя, чем герцогиня Эберли? Дорогая Ричильда, тебя знают и уважают в Провансе, и у меня есть неопровержимые свидетельства того, что ты можешь повлиять на Папу. Что же касается короля Иоанна, то у него ты не сможешь не добиться успеха. Кстати, хочу предупредить тебя, что его считают слепым. Поэтому тебе придется позволить ему коснуться тебя, вместо того чтобы восхищаться тобой издали.

Как оказалось, эта информация была совершенно неверной. Слепым королем, с которым Джованна спутала короля Франции, был Иоанн Люксембургский. Однако, поскольку у них обоих были похожие судьбы, ибо один из них, кто не мог видеть, атаковал английских лучников при Креси, а тот, кто не страдал этим недостатком, сделал такую же ошибку при Пуатье, это вряд ли имело существенное значение.

Должна признаться, что меня привлекла возможность выполнить это поручение, что, как скоро выяснилось, было ошибкой. Джованна немедленно рассеяла мое заблуждение.

— Фернандо, конечно, будет тебя сопровождать, — сказала она.

А вот это уже совсем меняло дело. Перспектива быть три раза в ночь распятой на супружеском ложе и одновременно пересечь половину Европы не казалась мне столь уж привлекательной.

— О, ваша светлость, — ответила я. — Мне уже почти тридцать один год, я уже приближаюсь к зрелому возрасту. Кроме того, я мать и к тому же хозяйка большого имения, которым надо управлять... Не лучше ли было бы послать моего мужа одного? Послом, без сомнения, должен быть мужчина.

— Ричильда, — сурово заметила Джованна. — Эта миссия — дело женское целиком и полностью. Фернандо будет сопровождать и защищать тебя и, кроме того, согревать твою постель ночью. Ты герцогиня и самое близкое мне доверенное лицо. Это означает, что у тебя есть долг перед Неаполем, как и перед твоей госпожой и сувереном. Не подведи меня. Когда ты уедешь, оба твоих ребенка и твое имение останутся на моем особом попечении.

Больше возразить было нечего. Итак, я отправилась на поиски приключения, по сравнению с которым весь мой предыдущий опыт мог бы показаться пустяком.

Должна начать свое повествование с признания в том, что я бесконечно наслаждалась путешествием в качестве посла. Даже вызывавшее у меня досаду присутствие Фернандо не могло испортить впечатления великолепного вида, который являли собой я и моя свита, а также омрачить торжественность, с которой меня встречали в каждом пункте моего путешествия.

После того как мы благополучно пересекли Тирренское море, мы столь же благополучно прибыли в Марсель, а оттуда совершили незабываемое путешествие в Авиньон. Разумеется, Фернандо не путешествовал столько, сколько путешествовала я, поэтому мне доставляло большое удовольствие быть его наставником. Нельзя сказать, чтобы его особенно интересовали окружающие нас пейзажи и звуки, если только в поле его зрения не попадала смазливенькая горничная.

Но в Авиньоне мне предстояло предстать перед Папой.

Можно себе представить, что я ждала приближения этого момента с некоторым трепетом, вспоминая свое знакомство с Климентом. Но Иннокентий был совершенно иным человеком. Именно он, будучи еще кардиналом и епископом Остии, мечтал о возрождении папства в Риме и поощрял Кола в его несчастном предприятии.

Он ничего не знал о моем участии в этом деле, а я решила не просвещать его на этот счет. На момент моего знакомства с Климентом Иннокентий был настолько далек от него, насколько это возможно. Будучи человеком строжайших нравственных правил, он много сделал, чтобы реформировать курию, запретил устанавливать новые привилегии и настаивал на том, чтобы епископы возвращались в свои епархии и принимали на себя заботу о них вместо того, чтобы наслаждаться роскошью Авиньона.

И этой роскоши он не одобрял. Но и он не был лишен пороков, свойственных роду человеческому.

— Продать Прованс... — бормотал он, поглаживая подбородок. — Когда это совершается на вечные времена... то такое предприятие весьма серьезно, мадам. Если я и рассматриваю этот вопрос вообще, то только потому, что в определенном смысле он и без того уже французский во всех мыслимых отношениях, и таким образом я способствую ходу истории. Но если сбросить со счетов завещание человека...

К этому моменту я была уже вполне искушенной в вопросах дипломатии и, возможно, не обладая соответствующим темпераментом, необходимым для ведения переговоров, все же знала, как себя вести. Поэтому без околичностей я спросила:

— Какова ваша цена, ваше святейшество?

Иннокентия этот вопрос поверг было в смущение. Но он тут же улыбнулся.

— Вы на редкость прямая молодая женщина, — заметил он. — Ну хорошо, пусть так и будет. Тридцать процентов от продажной стоимости.

— Тридцать?

— Не хотите, не соглашайтесь, — ответил святой негодяй.

Я согласилась. Джованна предоставила мне «карт-бланш» в отношении переговоров об условиях, но хотела, чтобы я выторговала наилучшие условия и наилучшую цену, насколько это было возможно.

Получив согласие Папы, я, естественно, стала собираться в Париж. Но это, как известил меня его святейшество, было бы напрасной тратой времени.

Тут уместно сделать небольшой экскурс в историю, чтобы мой читатель мог понять ситуацию, в которой я оказалась в силу обстоятельств.

Это было не что иное, как война между моей родной страной Англией и Францией, которая к этому моменту уже длилась примерно двадцать лет, и похоже было, что продлится еще дольше. И на самом деле, когда я это пишу, она все еще продолжается.

Причиной же этого было следующее. Мать нашего короля Эдуарда была француженкой. Ее звали Изабеллой, и она была младшей дочерью короля Филиппа IV, ошибочно прозванного Красивым, о котором я уже вскользь упоминала в своем повествовании.

Я предпочла бы особенно не углубляться в анализ характера этой дамы. Достаточно сказать, что она значительно превзошла свою кузину, Екатерину Валуа, императрицу Константинопольскую, в смысле пороков и страстей. Вне всякого сомнения, ее брак с королем был неудачным. Эдуард II Английский предпочитал сам забавляться со своим мужским членом, чем предоставлять это удовольствие дамам. Но даже в нашем мрачном мире месть француженки была чем-то из ряда вон выходящим. Недаром ее прозвали Французской Волчицей.

Будучи по горло сытой склонностью своего мужа к играм с собственным членом, когда, как она счита-

ла, его пальцы должны были быть заняты совсем другими делами и местами, она нашла себе любовника по имени Мортимер, одного из лордов из числа дворян, наделенных большой властью и землями на тех условиях, что они будут присматривать за границей между Англией и Уэльсом. После этого она низложила своего мужа и приняла регентство при своем старшем сыне, нашем Эдуарде Великом, который в те времена был маленьким мальчиком.

Проделав все это, она приступила к расправе над мужем и совершила это самым достойным осуждения способом, а именно: приказала пронзить его внутренности раскаленным докрасна железным прутом. Некоторые историки считали, что это было сделано для того, чтобы не оставалось видимых следов насилия (при условии, что его видели лежащим на спине, ибо прут был введен в его задний проход). Другие полагали, что королева Изабелла считала, что этот способ предания смерти наиболее подходил для того, кто предпочитал такие развлечения всяким другим, но, разумеется, не в столь горячем виде. Как бы то ни было, король Эдуард II был предан смерти самым варварским способом, а Изабелла и ее любовник сохраняли верховную власть до тех пор, пока наш герой в возрасте шестнадцати лет не захватил власть и не повесил Мортимера, что в сложившихся обстоятельствах было вполне милосердным поступком, и, заперев и изолировав свою мать от остального мира, провозгласил себя королем. Оглядевшись вокруг в поисках новых земель, заслуживающих завоевания, он выяснил, что он еще и король Франции. По крайней мере в глазах некоторых законников.

Факты, представляющие для нас значение, таковы: по смерти короля Филиппа Красивого, последовавшей в 1314 году, ему наследовал, как и было положено, его старший сын Людовик X. Этот злополучный принц, получивший прозвище Упрямый, бывший королем Наварры по праву наследования своей матери, Жанне Наваррской, после смерти своего отца передал трон Наварры, этой совсем неболь-

шой страны, своему брату Филиппу, чтобы самому сесть на трон Хлодвига.

В то время он был женат на Маргарите Бургундской, от которой имел дочь Жанну, ставшую королевой Наварры и основавшую собственную династию. Став королем, он теперь вкусил превратностей судьбы, которые часто выпадают на долю и самых ортодоксальных принцев и заблудших. Его жена оказалась виновной в супружеской измене. Для королевы, если она не обладает красотой и силой духа, которые были присущи нашей Джованне (хотя и в этом случае, как мы видели, это было рискованным делом), или же непреклонной решимостью, присущей Изабелле, такой путь мог оказаться гибельным, и Маргариту в итоге удавили в тюрьме.

Людовик тотчас же женился на Клеменции Венгерской, которая сделала то, что от нее требовалось, а именно: родила сына и наследника по имени Иоанн. Однако Людовик умер еще до рождения младенца. Кому в этом случае предстояло стать королем Франции?

Брат Людовика Филипп тотчас же поспешил из Наварры в Париж и объявил себя регентом при еще не родившемся короле.

Все мы можем только гадать о том, что случилось дальше. Несчастный Иоанн, первый принц, которому дали во Франции это имя, родился и пятью днями позже умудрился умереть. Такие трагедии случаются, но, как я опасаюсь, они происходят гораздо чаще, если дядя стремится занять место младенца-племянника.

Каковы бы ни были чувства тех, кто толпился у трона, Филипп был решительным человеком и потребовал корону. Жанна, дочь прелюбодейки Маргариты, была в то время маленькой девочкой и, вне всякого сомнения, последним отпрыском семьи своего отца.

Разумеется, Филипп не собирался уступать место своей юной племяннице, но даже и он, должно быть, чувствовал, что две детские смерти, последовавшие

одна за другой, могли бы вызвать толки. Поэтому он стал искать надлежащее средство ее устранения.

Он усадил своих законников за работу, и они, порыскав в дебрях истории, нашли очень древний закон салических франков, предков нынешних французов, который запрещал передавать по наследству женщинам право предводительствовать племенем.

Возможно, это было крайне необходимо в пятом или шестом веках христианской эры, когда королем должен был быть самый сильный во всех отношениях мужчина. Но в нашем четырнадцатом веке этот закон совсем утратил силу. Тем не менее этот закон был торжественно провозглашен и утвержден применительно к Франции. Чтобы подсластить пилюлю, Жанне, как я уже упомянула, была отдана Наварра.

Но теперь собственные наследники Филиппа стали жертвами юридических интриг своего отца. Его сын Филипп умер юным, а когда в 1322 году умер он сам, то оставил только двух дочерей — Жанну и Маргариту. И теперь наступила очередь третьего брата Карла претендовать на трон в обход своих племянниц.

Он так и сделал, сославшись на это самое салическое право. Как, должно быть, потешалась Судьба, глядя на эти междоусобные бои, потому что самому Карлу удалось произвести на свет только одну дочь.

И вот этот самый принц помогал своей сестре Изабелле и подстрекал ее во всех злых деяниях и убийствах, взяв на короткое время верх над Англией, которая тогда находилась в состоянии войны с Францией. Но когда в 1328 году он умер, все смешалось снова.

Три лишенных наследства принцессы были еще детьми, да и дочь Карла Бланка еще не была в таком возрасте, чтобы править. Во всяком случае, так как Карл не захватил трон силой, но затребовал его как принадлежащий ему по праву, он понимал, что Бланка, вероятно, не могла бы стать королевой раньше своих кузин.

И вот теперь, в Англии, наш Эдуард, мальчик шестнадцати лет, уже возмужал, и, оглядываясь назад на время его царствования, никто не может питать сомнений насчет того, что из него мог бы получиться столь же великолепный король Франции, как и Англии. Но это вызвало бы такое брожение умов и такие воспоминания у французов, что было совершенно неприемлемым.

И все же надо было найти короля. Поэтому французы обратились к дому Валуа. Это была семья Карла Валуа, младшего сына Филиппа III, который был женат на Маргарите Анжуйской, двоюродной бабушке Джованны. Этот Карл, конечно, был братом императрицы Константинопольской.

Карл уже давно почил в бозе, но сын его был мужчиной тридцати пяти лет и, по-видимому, во всех отношениях подходил для того, чтобы править своей страной. И он был коронован под именем Филиппа VI.

Когда в 1328 году это произошло, наш Эдуард был погружен в домашние хлопоты, а именно устранением любовника своей матери Мортимера и заточением в темницу самой Изабеллы. Маловероятно, чтобы он подумал в такой ситуации о Франции. Однако, поскольку Изабелла была двоюродной сестрой Филиппа, отношения с соседом с самого начала у него сложились напряженными до крайности.

Действительные причины, которые привели Эдуарда к мысли о том, чтобы претендовать на французский трон, были разнообразными. Он возражал против того, чтобы Филипп был сюзереном его обширных французских владений. Его честолюбивые планы поддерживали фламандцы, которые ненавидели и боялись французов. Кроме того, если говорить честно, он обладал инстинктами солдата в гораздо большей степени, чем инстинктами государственного деятеля. Его заботило только одно: совершать бессмертные поступки, которые должны были снискать ему вечную славу. При этом он проявлял невероятную отвагу.

Он более чем кто бы то ни было обладал расточительной натурой и унаследовал довольно прискорбную ситуацию, оставленную ему его неудачливым отцом.

Иными словами, он был банкротом и сознавал, что победоносная война могла бы помочь ему наполнить королевские сундуки.

Если однажды ему в голову пришла такая мысль, то его легко было убедить в том, что он полноправный наследник французского престола. Каким он и был, если следовать логике дедукции. По-настоящему же полноправной государыней Франции была несомненно Жанна, королева Наваррская. Но она не обнаружила к этому никакого интереса. Итак, королевой могла бы стать Жанна, дочь Филиппа V, но она была слишком юной. Или Маргарита, ее младшая сестра, но та была еще моложе. Ну уж в крайнем случае Бланка, дочь третьего брата. Но и она была слишком молодой. Таким образом, отметая всех этих юных дам, мы приходим к мысли о сыне дочери Филиппа IV, то есть об Эдуарде Английском. Конечно, он не был слишком молод и уже доказал, что он человек решительный.

К несчастью, те, кто претендует на трон, получив его, обычно не желают с ним расставаться, какими бы серьезными ни были аргументы юридического характера, говорящие не в их пользу. Филипп быстро раздобыл свой собственный юридический аргумент, о котором прежде никто не слышал и даже не представлял, что такое возможно. Его довод гласил, что согласно салическому праву женщина не только не может унаследовать трон, но и сын женщины тоже не может его унаследовать, что было совершенной чушью. Так как каждый человек — сын той или другой женщины, то Филипп хотел доказать, что сын женщины — предполагаемой претендентки на престол — не может воспользоваться таким правом и, сознавая, что Эдуард был сыном принцессы, а не принца, он считал, что исключил его из числа претендентов навсегда.

Абсурдность этого аргумента, если довести его до логического завершения, становится очевидной. Например, если бы это право практиковалось в Англии, то тогда не должно было бы быть династии Плантагенетов, так как Генрих II был сыном Матильды, дочери Генриха I, заявивший, что имеет право на трон после смерти ее отца. Есть и еще многочисленные примеры. И конечно, это был не такой довод, который Эдуард III стал бы принимать в расчет.

Итак, началась война.

Как показывает, по крайней мере, мой опыт, неприятности, связанные с войной, как правило, редко приводят к желательным и решительным результатам, если только речь не идет об очень большой стране, решившей уничтожить очень маленькую. Только в этом случае война может закончиться быстро. Но даже и в случае большого несоответствия в размерах и силе события не всегда оборачиваются в пользу агрессора. Достаточно вспомнить о войне между огромной Венгерской империей и нашим маленьким Неаполем.

В случае же с Эдуардом очень маленькая страна Англия совершила попытку завоевать очень большую страну Францию. И эта попытка была обречена на неудачу. И это несмотря на то, что французы время от времени обнаруживали неспособность сразиться с англичанами на поле боя.

Когда я покинула Авиньон поздним летом 1356 года, чтобы отправиться к королю Иоанну, все еще продолжалась война, начавшаяся с морского сражения при Слейсе в 1337 году, когда я, в то время девочка двенадцати лет, как раз только что была представлена Джованне и включена в число ее слуг. Теперь я была матерью и женщиной в возрасте тридцати одного года, а война все еще бушевала. Эдуард выиграл ряд битв, включая его знаменитую победу при Креси, когда превосходящая силами французская армия была полностью разгромлена, но это не помогло ему приблизиться к французскому трону, он был

все еще далек от укрепления своего финансового положения.

И вот в 1344 году он был вынужден отречься от своих долгов крупнейшим банкирским домам Флоренции, и это событие вызвало политическую бурю в этой помешанной на деньгах республике.

Вскоре после этого было заключено перемирие, потому что обе стороны были совершенно истощены, а пока это перемирие продолжалось, Филипп VI умер, и ему наследовал его сын Иоанн, второй в королевской семье, носивший это имя, если принимать в расчет несчастного малютку, процарствовавшего всего пять дней.

Этот Иоанн и был королем, к которому меня направила Джованна.

Некоторым историкам пришла славная фантазия назвать нового короля Франции Иоанном Добрым. Я полагаю, они имели в виду его хорошие манеры, особенно в отношении дам, с которыми мне скоро предстояло познакомиться. Что же касается остального, то он был никчемным, порочным и склонным к предательству, а также нерешительным и во многом напомнил мне одного английского короля с таким же именем, о котором я, правда, только читала.

Возможно, имя Иоанн не подходит для королей.

Как бы то ни было, наш Иоанн Добрый унаследовал разоренную и разграбленную страну, но зато вместе с перемирием, которое соблюдали англичане. Здравый смысл и простая логика должны были бы подсказывать ему, что самым важным для него делом было попытаться сохранить мир насколько долго, настолько это было необходимо для восстановления разоренной страны. Но уже через год он казнил английского заложника.

Естественно, англичане возобновили военные действия. Иоанн начал лихорадочно искать возможности для нового перемирия, которое снова было прервано военными действиями, а за ним последовало новое перемирие на пять лет. Подписывая договоры о перемирии и нарушая их, он попутно ссорился с

Карлом II Наваррским, известным под именем Недоброго. Едва ли это прозвище было ему дано в противесвес тому, которое получил его французский соперник.

Окончательным итогом всех этих событий, незадолго до того, как я отбыла со своей посольской миссией, было решение англичан снова возобновить войну против вероломного нарушителя перемирия. Этим же летом Эдуард, принц Уэльский, старший сын короля, известный как Черный Принц за свою привычку носить черные латы, выступил из провинции Гасконь на юго-западе Франции и совершил вторжение, вернее, марш-бросок в богатую местность в окрестностях Тура.

В Авиньоне было известно, что практически он выступил из Бержерака 4 августа, когда я еще путешествовала морем. Когда мы высадились, его точное местонахождение еще не было известно, но сообщения о его передвижениях свидетельствовали о том, что он направляется в Тур. Его армия, как я представляю, состояла примерно из четырех тысяч всадников тяжелой кавалерии, четырех тысяч воинов легкой кавалерии и трех тысяч вызывавших у всех страх английских лучников, а также еще одной тысячи пехотинцев.

Папе сообщили, что для того, чтобы отразить вторжение врага, была собрана очень многочисленная французская армия, которой командовал сам Иоанн. Ей был отдан приказ сконцентрировать свои силы в Блуа. Предположив, что французы будут придерживаться оборонительной тактики, Папа решил, что для того, чтобы без всяких задержек и наверняка встретиться с королем Иоанном, я должна держать путь прямо в Блуа. Он намекнул также, что самым разумным было бы оставаться в Авиньоне до тех пор, пока дело не уладится.

Но я спешила завершить свою миссию, чтобы иметь возможность вернуться к своим детям. К тому же меня побуждал и мой муж, много наслышанный о битвах между французами и англичанами, и пото-

му, будучи новичком в этих делах, он очень стремился стать живым свидетелем одной из этих кровавых стычек.

И мы отправились в путь.

У нас была очень небольшая свита, поскольку мы понимали, что надо спешить, ибо в любой момент обе эти армии могли вступить в битву, которая, гипотетически рассуждая, могла уже в который раз изменить карту Франции.

От Авиньона до Блуа примерно триста миль восторженного полета, и благодаря многочисленным долинам, пересекающим центральный массив, эти два города можно было бы соединить прямой линией. Покинув Авиньон 8 сентября и проезжая примерно сорок миль в день, мы оставили позади Ванс, Лангонь, Ланжеак, Клермон-Ферран и Монлюкон еще до того, как уклонились немного на запад к Ле-Шатру.

Путешествие это было небезопасным, так как непрекращающиеся войны, которые вели минувшие поколения, оставили страну безнадзорной и сделали ее добычей так называемых «свободных сообществ» — банд, состоявших из людей вне закона. Многие из них были профессиональными солдатами, уставшими от войны и от мизерной платы за участие в ней. Часто они сражались ради непонятно чьей выгоды, а теперь стали вольными охотниками. И для этих людей грабеж и насилие, за которыми обычно следовало убийство, стали обычным способом существования.

Нам удалось избежать пленения, потому что мы были все время настороже и готовы нестись, как ветер, при малейших признаках опасности. Фернандо, конечно, шипел и фыркал и заявлял, что прибыл во Францию не для того, чтобы спастись бегством, но я убеждала его, что даже его отвага, о которой я не имела ни малейшего представления, не помогла бы выстоять против превосходящих сил бандитов и спрашивала его, желал ли бы он видеть, как его жену подвергнут позору и поруганию.

Он этого явно не хотел.

Из Ле-Шатра утром 15 сентября мы снова повернули на север, направляясь к Шатору, находившемуся на расстоянии двух переходов от Блуа. И тут-то нас и захватили.

Но, к счастью, не разбойники. Мы напоролись прямо на патруль, состоявший из французских жандармов, как они называют свою элитную кавалерию.

Как оказалось, как раз в тот самый день, когда мы покинули Авиньон, король Иоанн, получив известие о том, что англичане проведали о его присутствии и решили отступить, повел свою армию вперед, переправил ее через Луару и теперь двигался с большой скоростью к Пуатье, расположенному на лучшей дороге, ведущей на юг. Он не сомневался, что именно на этой дороге и встретит Черного Принца. Несмотря на все то, что случилось раньше, он был настроен решительно и хотел заставить сражаться дерзкого юнца и отомстить за все свои последние поражения.

И именно к королю и повели жандармы наш небольшой отряд в качестве пленников.

Хозяин Франции находился совсем недалеко. Мы могли бы проходить по двадцать миль в день, но когда движется большая армия (а французская едва ли насчитывала менее тридцати тысяч человек), за которой следовало почти такое же количество сопровождавших ее собак, кур, детей и скота, то она продвигалась не более чем на пять миль в день; и это, надо сказать, было еще очень хорошо!

Джованна всегда предпринимала шаги, чтобы удалиться из Неаполя, как только на него начинали насаждать венгры, но такую картину я видела впервые и была просто поражена.

Мы добрались до них как раз, когда они обедали, и это была единственная их полноценная трапеза за весь день. Они явно намеревались выступить еще до

рассвета — а чтобы вся эта махина начала двигаться, требовалось немало времени — и затем продолжать поход до полудня, когда начиналась не менее сложная процедура прекращения движения.

Остановка требовала еще больше времени, чем подготовка к выступлению, потому что расставить палатку — это не то, что собрать ее, на это надо больше времени!

Поэтому обычно бывало уже пять часов пополудни, когда зажигались бивачные костры и усталые солдаты вместе со своими женщинами усаживались за трапезу.

Король и его дворяне, конечно, не принимали участия в этом утомительном деле. Они спешивались, потом, хорошо отдохнув, снова снимались с места и ехали впереди армии, развлекались охотой, если им приходила такая фантазия, или устраивали пикники у журчащего ручья, а когда возвращались в новый лагерь, их шатры уже были разбиты и готов обед.

Они как раз и развлекались подобным образом, когда к ним привели нас с Фернандо.

Я не хочу сказать, что жандармы обращались с нами не должным образом, ибо тотчас же распознали в нас лиц, занимающих высокое положение, и все же как посол Неаполя я сочла необходимым как можно энергичнее заявить протест против нашего ареста.

Немедленно последовали извинения, вызванные скорее не тем фактом, что я представляла Неаполь как посол, а тем, что, как я уже упоминала, король Иоанн очень интересовался женщинами, и до сей поры ему еще не приходилось видеть ни одной женщины столь высокого роста и столь красивой, как я. Меня тотчас же усадили рядом с ним, подали мне цыплячью ножку и кубок доброго луарского вина и приветствовали самым любезным образом.

По правде говоря, король был очень красивым мужчиной, хотя и с бегающими глазами, и я, признаюсь, подумала, что если он откажется купить Прованс, то некоторые мои уловки, которыми я поль-

зовалась в отношении несчастного Кола, в данном случае могут оказаться совершенно бесполезными.

Однако Иоанн чрезвычайно заинтересовался моим предложением.

— Прованс, — заметил он. — Он расположен как раз вокруг моих владений. Таких денег у меня нет. Но это не важно. — Он улыбнулся. — Вот через несколько дней я встречу с англичанами, и как только разобью их, у меня будут все необходимые деньги. Да я рассчитываю, что только один выкуп за Черного Принца составит три тысячи золотых крон.

— Ваша уверенность делает вам честь, сир, — пробормотала я.

— Уверенность? Да, конечно, я совершенно уверен, мадам. Дело в том, что моя победа — это вопрос обычной арифметики. Я выставлю на поле боя тридцать тысяч солдат, а у Черного Принца — не более одной трети этого количества.

— Мне всегда казалось, что примерно такое же соотношение войск было и при Креси, — не смогла удержаться я от замечания.

— Креси, — заметил он презрительно. — Эти собаки напали на моего отца неожиданно. Такова их тактика. Можете ли вы представить, мадам, чтобы меня застали врасплох? Я могу вам точно предсказать, что сделает Черный Принц, когда выяснит, что мы гонимся за ним по пятам и что ему не удастся улизнуть. Он постарается занять такую оборонительную позицию, чтобы его фланги были защищены болотами, лесом или деревенькой, где он разместит латников позади лучников и будет ждать моей атаки.

Мне показалось, что я поняла его намерения.

— Куда вы тотчас же направите свои войска и окажетесь к югу от него, сир, и таким образом обойдете его с фланга. Великолепная мысль.

Король нахмурился, глядя на меня.

— Король Франции так не воюет, мадам, — сказал он довольно холодно. — Разве я трус? Там, где я найду поджидающего меня врага, я его и встречу с мечом в руках.

Не будь я герцогиней, я поскребла бы в затылке.

— Но если вы снова прибегнете к тактике, которая уже была опробована при Креси, сир...

— Как можно ожидать от женщины, чтобы она понимала науку ведения военных действий, — заметил он, вновь становясь любезным и позволив своей руке соскользнуть под стол, чтобы схватить меня за бедро — вольность, на которую я не могла позволить себе рассердиться. Кроме того, не каждый день случается, чтобы король ущипнул тебя за бедро.

— Мы, видите ли, приготовили для англичан пару сюрпризов, — продолжал он. — Главный урок, который мы усвоили при Креси, — это то, что рыцарь на коне уязвим для летящей стрелы. Следовательно, решение очень простое. Я собираюсь заставить своих рыцарей спешиться и драться пешими.

На этот раз, независимо от того, что я была герцогиней, я все-таки почесала в затылке, но король, видимо, подумал, что меня донимают вши.

— Это совершенно собьет с толку англичан, — сказал он мне. — Спешившийся рыцарь в латах представляет собою вполонину менее уязвимую мишень, чем конный латник, ибо защитить броней коня полностью невозможно.

— Но... — Я с трудом старалась представить себе картину ковыляющих в доспехах пяти тысяч латников, пытающихся двигаться вперед, при условии, что они вообще могли бы сделать хоть один шаг.

— Но не будет ли ваше продвижение вперед вероятно медленным, ваше величество?

— Ха, ха! — Он снова сжал мое бедро.

Я понимала, что мне, видимо, предстоит стать свидетельницей катастрофы, если предположить, что это сражение когда-нибудь вообще состоится, потому что до настоящего момента французы не заметили никаких признаков присутствия англичан, которые, по расчетам короля Иоанна, должны были находиться всего на расстоянии одной-двух миль впереди. Но они были просто пока невидимы.

Добрый король Иоанн сделал также еще кое-какие расчеты, согласно которым он намеревался победить вообще всех, когда дело дойдет до битвы. Давайте же веселиться, ибо завтра мы, возможно, умрем. Только слово «веселиться» — это только ширма, а на самом деле имеется в виду совсем другое слово, имеющее решающее значение для продолжения человеческого рода — в случае, конечно, если удастся найти подходящего партнера.

А такой, вернее, такая уже была у него на примете.

Я довольно быстро сообразила, к чему он клонит и где бродят его мысли, и, когда после нашей трапезы он объяснил, что хотел бы уяснить вопрос о предложенной продаже Прованса более детально и в полном уединении (со мной), я была вынуждена согласиться.

Фернандо, конечно, возражал, но в конце концов он ведь возражал против всего, что не сулило ему нашего совместного с ним пребывания в постели. Я объяснила, что сделанное мне предложение было всего лишь частью моей дипломатической деятельности, что наша королева поручила мне эту священную миссию, которую я была намерена выполнить.

Я присоединилась к королю, предвкушая довольно спокойную ночь по сравнению с той, которая ждала бы меня, останься я со своим мужем.

Мои прогнозы были бы совершенно верными, если бы не абсурдность поведения мужчин на войне. Мы с королем некоторое время поболтали — о Провансе, разумеется, никто и не вспоминал, — выпили по бокалу вина, после чего он вдруг с лихорадочной поспешностью начал раздеваться. Я последовала его примеру, и мы пали в объятия друг друга. Его королевское величество был настолько любезен, что сделал несколько весьма лестных замечаний о разных частях моего тела, когда вдруг наши занятия были прерваны страшным шумом, звуком фанфар и боем барабанов, а также бряцанием оружия и человеческими криками.

Моему партнеру пришлось оттолкнуть меня, надеть рубашку и ринуться вон из шатра в таком неприличном виде, оставив меня гадать на тему о том, успел ли все-таки король побывать во мне или нет!

А случилось как раз то, о чем я уже упомянула — один из типичных примеров абсурдностей войны, типичной, во всяком случае, для четырнадцатого века нашей эры.

Французская армия, должно быть, продвигалась достаточно медленно, но английская, нагруженная награбленным добром и пленными, двигалась и того медленнее. По-видимому, ни одному командиру не пришло в голову выслать вперед разведчиков, чтобы уяснить, где находились позиции врага, и французы продвинулись дальше англичан, оставшись незамеченными ими, и уже миновали Пуатье. Англичане же, со своей стороны, тоже решили скорее миновать этот город и совершили ночной марш-бросок, и в темноте их авангард буквально врезался в арьергард французской армии.

Мгновенно возникла неразбериха, и казалось бы, должна была тотчас же и там же начаться битва, которой все ожидали так долго. Но ни один разумный генерал не стал бы ввязываться в этот хаос в темноте. Черный Принц поспешил отозвать своих людей, а французы не стали их преследовать. Было ясно, что битва должна была бы состояться завтра поутру: ведь французы перекрыли англичанам путь к отступлению.

Озабоченный этой проблемой, король Иоанн потерял интерес к любовной болтовне и начал готовиться к предстоящему бою. Я поспешила в роскошный шатер, отведенный для нас с Фернандо, где нашла своего мужа, который с помощью одного из сопровождавших его дворян тоже готовился к бою.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Я собираюсь принять участие в сражении, — ответил он. — Мне обещали место по правую руку от короля.

Я не могла поверить своим ушам.

— Муж мой, но ведь это битва между французами и англичанами, а ты неаполитанец.

— Это битва, в которой я собираюсь принять участие, — настаивал он. — Чем же мне снискать воинскую славу, если не подвигами с оружием в руках?

— И ты предпочтешь отправиться искать воинской славы, нежели остаться здесь со мной в безопасности?

— Я вернусь к тебе, увенчанный лаврами победителя, — сказал он. — Можешь в этом не сомневаться.

Я больше не прекословила. Я уже испытала муки вдовства, оплакивая гораздо более достойного мужчину.

Тем не менее должна признаться, что окружавший меня воинственный дух проник даже сквозь мою защитную броню холодности, и когда темнота начала рассеиваться, я оделась и вышла посмотреть, что происходит. Мои горничные готовы были меня сопровождать, но я попросила их остаться в шатре. Я не хотела затруднять себя еще и тем, чтобы приглядывать за ними.

Но в тот день, 18 сентября 1356 года, решительно ничего не произошло, поскольку понадобилось много времени, чтобы подготовить армию к сражению. Все утро, пока французские войска медленно строились, из английского лагеря прибыли гонцы, предлагая французам отойти в сторону с дороги и позволить Черному Принцу беспрепятственно вернуться в свои владения.

Разумеется, этих гонцов отослали обратно, поскольку было очевидно, что их задачей было отвлечь французов, пока Черный Принц не займет наиболее выгодную оборонительную позицию, с которой можно было бы начать сражение. Таковую он нашел на пологом склоне виноградника, где и расположился сам, в то время как свой правый фланг он разместил

в болотистой низине, совершенно непроходимой для людей в тяжелом снаряжении и латах и где на переднем плане, не более чем в ста ярдах, он разместил свой левый фланг, позади которого поднимался холм.

Перед его позициями ощетинились остриями изгородь, а перед ней — низина, избороженная проселочными дорогами, что значительно улучшало его положение.

И в такой позиции французскую армию ожидали двенадцать тысяч англичан.

Армия короля Иоанна была примерно в три раза многочисленней, и он разделил ее на три огромных части или дивизии, которыми командовали дофин, герцог Орлеанский, и сам король. Эти массы людей должны были одна за другой обрушиться на английскую позицию. В ту ночь, когда все уже было готово, во французском лагере произносилось много тостов и было слышно много песен. Ни один из присутствовавших не сомневался в победе, и, надо сказать, эта их уверенность была заразной. Я тоже пила за здоровье многих и лучших из них, поддерживая их тосты, и, впад в пьяное оцепенение, разрешала при этом королю ласкать меня спереди и сзади. Потом я вместе со всеми проснулась от звуков, означавших движение со стороны английского лагеря.

— Мерзавцы пытаются сбежать! — закричал король, поскольку явно слышимые всплески воды означали, что люди перебираются через речушку, находившуюся в тылу английских войск.

— К оружию! К оружию!

Как оказалось позже, Черный Принц просто отправлял награбленное добро, а это был целый обоз, который и переправляли через речку. Собирался ли он со всей своей армией последовать за ним до того, как проснутся французы, я сказать не могу, потому что теперь французская армия двигалась вперед и у него не осталось иного выбора, кроме как принять бой.

В равной мере могло быть и так, что он просто хотел обмануть нас в надежде на то, что мы, при-

няв его движение за отступление, рванемся с места и все смешается в страшном хаосе. Если его намерения были действительно такими, то план его сработал великолепно. Как только начало светать, две группы конных рыцарей, поддерживаемых вооруженными арбалетами наемниками, ринулись галопом вперед, чтобы пресечь в зародыше движение англичан. Нет нужды говорить о том, что на них обрушился буквально изрешетивший их град стрел. Какое-то время они продолжали свои усилия, а я тем временем, взобравшись на лошадь, проехала вдоль фланга французской армии до его края, чтобы посмотреть, что происходит, и с изумлением наблюдала, насколько бессмысленной была отвага нападавших. Некоторым из злополучных рыцарей удалось добраться даже до изгороди и рядов англичан, но там их изрубили на куски.

Арбалетчики едва успели выстрелить по одному разу.

Те, кто уцелел во время этой первой атаки, усталые вернулись к нам, но большая часть вернувшихся была представлена лошадьми без всадников. Однако король Иоанн не был ни в коей мере подавлен этой неудачей и скомандовал дофину тоже двигаться вперед.

Французы сочли, что это будет ключевым моментом сражения. Латники дофина спешили и через некоторое время, выстроившись в ряд, начали новую атаку.

Казалось, что время просто остановилось. Неровная шеренга вооруженных рыцарей, мрачно позвякивавших пластинами лат, начала медленно продвигаться вперед и вверх по холму. Все это выглядело ужасно, ибо хотя французы и начали наступление с многочисленными боевыми кличами, но быстро смолкли: ни один человек не мог в своих латах взбираться на холм и одновременно кричать. Для того чтобы продвигаться, ему требовались вся сила и объем дыхания. Некоторые из них вообще не сумели взобраться на холм и после нескольких шагов упали

сначала на колени, потом ничком и уже не смогли двигаться дальше.

Англичане наблюдали за этим тяжеловесным продвижением в полном молчании и, как можно предположить, просто не веря своим глазам. В течение нескольких сотен лет разница между господином и вилланом определялась главным образом наличием вооружения, лат, коня и всадника. Теперь же у них перед глазами возникли спешившиеся всадники в полном вооружении и в латах, мрачно позвякивавших в то время, как они медленно продвигались навстречу своей судьбе.

Я была настроена иронически. Необходимо отметить, что французские рыцари, приняв совершенно неверную стратегию, были преисполнены мрачайшей решимости выполнить свою задачу. Скоро засвистели стрелы, но в каком-то смысле человек пеший представляет собой менее удобную мишень, чем конник, и ему легче использовать свой щит для защиты от стрел. В результате первая волна наступавших настигла англичан и первую их линию обороны. Это, естественно, ни малейшим образом не было похоже на атаку, и все же рыцари пытались двигаться вперед, никак не хотели уступить, вызывая тем самым некоторое замешательство в рядах врага. Со своего очень удобного для наблюдения места мне показалось, что Черный Принц бросил на переднюю линию весь свой резерв, за исключением, может быть, пятиста рыцарей, составлявших его собственную охрану. Поэтому для битвы была мобилизована почти вся английская армия, а французы располагали двумя разобщенными группировками. Наступило время, когда королю Иоанну надлежало продемонстрировать воинский гений, приказать оставшимся рыцарям сесть на лошадей и послать их на английские фланги. И тогда этот день мог бы оказаться для него победоносным.

К сожалению, король Иоанн вообще не обладал военным гением. Разумеется, он отдал приказ своему второму батальону пешим выступить в поддержку первого. Как я уже говорила, этим вторым под-

разделением командовал брат короля, герцог Орлеанский.

Но король был, по крайней мере, человеком отважным. Герцог же был лишен даже этого достоинства. Не успел он оказаться в рядах английских лучников, которые продолжали нападать на французов с флангов, как он и все его люди повернули обратно и бежали.

Эта неудача пагубно повлияла на тех солдат дофина, которые все еще осаждали ряды англичан, — они тоже отступили и обратились в беспорядочное бегство, оставив изумленных англичан, которые в данной ситуации оказались победителями, хотя они понесли тяжелые потери и безусловно устали. А им еще предстояло одолеть третье и крупнейшее французское подразделение.

А король Иоанн был все еще настроен на победу. Как ему представлялось, сражение проходило в соответствии с его планом. Теперь он бросил свои главные силы против истощенного врага, эти главные силы все еще были пешими, но пребывали в полной уверенности, что смогут одолеть своих измотанных противников.

Вместе с королевским подразделением в бой двинулся и мой дорогой Фернандо, размахивавший, как и лучшие из рыцарей, своим мечом.

Как ни печально об этом говорить, но тогда я в последний раз видела своего мужа живым. Потому что в отличие от французских генералов Черный Принц обладал воинским гением. Он оценил ситуацию с одного взгляда и понял, что, если сейчас допустить вступление в бой этого последнего, но самого многочисленного из французских подразделений, которое уже одно превосходило числом все его войско, ему вряд ли можно будет рассчитывать на победу. Более того, он сознавал, что его лучники почти исчерпали свои запасы стрел. Человек менее значительный спасовал бы в такой ситуации. Но реакция принца Эдуарда была молниеносной: он двинул вниз по склону против наступавших фран-

цузов все свои силы, включая и лучников, которые уже вытаскивали ножи, чтобы принять участие в битве.

Конечно, французы были застигнуты врасплох таким неожиданным маневром, и пока они собирались с мыслями, англичане уже захватили инициативу. Но они все-таки сплотили свои ряды и какое-то время успешно дрались, восстановив тем самым военное равновесие.

Однако Черный Принц не рассчитывал только на внезапность. Он знал, что введение в бой новых свежих — пусть даже и малочисленных — сил часто оказывается решающим моментом, и потому послал в бой свой единственный резерв, а именно пятьсот конных рыцарей из своей личной охраны, которые оказались как раз позади позиции, прежде занимаемой лучниками. Им потребовалось некоторое время на то, чтобы занять соответствующее место, с которого было бы удобно атаковать врага, но когда они в итоге это сделали и на полном скаку врезались в тылы французов, результат оказался ужасающим. Французы дрогнули и побежали во всех направлениях, все, кроме рыцарей в латах, которые не могли бежать и только падали на землю, а англичане брали их в плен или убивали в зависимости от своей прихоти.

Я с изумлением наблюдала, как рушатся их многочисленные ряды, а потом сообразила, что пора уже позаботиться и о себе самой. Ибо англичане и в особенности лучники, осознав, что битва выиграна, бросились на поиски французского лагеря, так как знали, что там есть чем поживиться.

Пострадать могла и я сама. И действительно, меня уже заметили, и хотя на таком расстоянии нельзя было разглядеть, насколько я красива, созерцание моих юбок было вполне достаточно для того, чтобы несколько человек побежали в мою сторону.

Я повернула своего коня и без труда избежала бы немедленного пленения, если бы другая, незамеченная мною, группа не подкралась ко мне сзади. И теперь

они появились перед моим испуганным конем, который тотчас же встал на дыбы. И вот в этом-то случае столь скромное и удобное боковое дамское седло оказывается проклятием. Я потеряла одно из своих стремян, а потом и поводья и свалилась с крупа коня на землю с таким грохотом, что с трудом смогла перевести дух.

Выглядела я не слишком достойно, потому что оказалась сидящей в грязи с широко расставленными ногами, но это еще было меньшей из моих бед, поскольку минутой позже меня окружила ватага жаждущих мужчин, и я испытала точно такие же чувства, как тогда, в Риме, оказавшись в руках разъяренной толпы. Через мгновение вся эта группа уже состояла из обнаженных бедер и раскачивающихся членов, а меня в это время крепко держали за плечи, и я с горечью вспоминала, что в Риме, по крайней мере, я хоть лежала на сухой земле, а здесь мои золотые волосы тотчас же почернели от впитавшейся в них грязи. Как оказалось, такой урон, нанесенный моей красоте, вовсе не обескуражил и не смутил нападавших на меня, которых интересовало только то, что помещалось между моими теперь обнаженными бедрами, кроме одного негодяя, совсем мальчишки, деловито срывавшего с меня корсаж, чтобы добраться до моих грудей.

Увы, моя жизнь научила меня приспособливаться к таким унижениям и даже выработать какое-то свое отношение к таким экстремальным ситуациям. Во-первых: не стоит пытаться бороться с буйствующими мужчинами, если нет уверенности в победе. А вероятность победы была ничтожна мала, учитывая неблагоприятное для меня соотношение сил: 20:1. Во-вторых: если не можешь сопротивляться, самое лучшее, что можно сделать, это кричать как можно громче. Если и не окажется поблизости помощи, то насильникам нравится, когда ты кричишь, а если вдруг появится помощь — тут уж всякое возможно. Я принялась кричать, а надо сказать, что, когда в этом есть необходимость, я умею кричать очень громко. Позже

сам Черный Принц говорил мне, что вся армия замерла, услышав мой крик и решив, что в их рядах появилась горгона, взывающая о возмездии.

Это, конечно, заинтересовало находившегося поблизости рыцаря, и он подошел поближе, чтобы посмотреть, что происходит.

— Милорд! — закричала я на своем родном языке впервые за последние двадцать лет. — Спасите мою добродетель, умоляю вас!

Конечно, я тут погрешила против правды, потому что даже будь я девственницей в начале боя, то теперь такое состояние должно уже было отойти в область истории.

Но в ситуации крайней опасности кричишь все, что приходит в голову.

— Бог мой! Англичанка! — воскликнул рыцарь и начал своим мечом плашмя наносить удары мужчине, расположившемуся у меня между ног.

Это настолько охладило пыл этого малого, что, как только он утихомирился, его схватили и отбросили в сторону. Его приятели, тяжело дыша, стояли вокруг: ведь только двое или трое успели добиться своей цели.

— Английская леди! — заметил мой спаситель. — Неужели вы этого не заметили, негодяи?

Мужчины смотрели сердито, некоторые почесывали в затылке, а один малый даже попытался привести мои юбки в прежнее, более пристойное состояние.

— Мне следовало бы вас повесить! — заявил мой спаситель, помогая мне подняться на ноги. — Но, моя дорогая леди, как вас угораздило попасть сюда и оказаться в такой ситуации? Вы действительно англичанка?

Он определил мое положение по моей одежде, действительно очень изысканной, и у меня не было никакой охоты рассеивать его заблуждение. Скорее напротив.

— Я действительно англичанка, сэр, — сказала я. — Но так уж случилось, что я еще и герцогиня Эберли, посол королевства Неаполитанского к ко-

ролю Франции, — тут я бросила на своих недавних интимных приятелей самый суровый из своих взглядов, — а на меня вот набросились эти волки в человеческом обличье.

— Герцогиня? — повторил рыцарь. — Посол? — В его взгляде отразилась мысль о возможном выкупе за такую, как я, высокопоставленную особу.

— Его королевское высочество должен узнать об этом. Будьте любезны последовать за мной, ваша светлость.

Итак, меня повели представить наследнику престола Англии.

Глава 8

Я, конечно, понимала, в какой ситуации оказалась. В то время, как мы пробирались через трупы, которые обшаривали и обдирали догола алчные победители в поисках хоть какой-нибудь добычи, я имела возможность обдумать свое положение. С какой стороны ни погляди, я была всего лишь несчастной женщиной, в настоящем моем положении лишенной даже красоты и не знавшей, что случилось с ее мужем. Я не представляла, как поведет себя Черный Принц, о котором я предостаточно наслушалась разных сказок (в том числе и таких, которые рисовали его полностью соответствующим своему прозвищу). Я не знала, как он отнесется ко мне, особенно учитывая, что я явлюсь перед ним в столь неблагоприятном виде.

— А далеко ли принц, милорд? — отважилась я спросить.

— Нет, нет, он совсем рядом, — ответил человек, взявший меня в плен.

— Тогда, возможно, я смогу принять ванну и переодеться, прежде чем предстану перед ним? Как вы думаете? Мой шатер недалеко отсюда, во французском лагере.

— Ванну? — Он был явно удивлен. Судя по его брошенному на меня взгляду, я поняла, что он и по-

нения не имеет о том, что находится под несколькими слоями грязи, покрывавшими мои волосы.

— Уверяю вас, что мой облик от этого серьезно выиграет, — сказала я ему.

— Ванну... — повторил он. И я с грустью вспомнила свои девические годы в Англии, где вся семья раз в неделю принимала ванну, моясь по очереди, начиная со старших по возрасту, в одной и той же воде. Поскольку я была младшей, то мне приходилось погружаться в коричневую лужу, в которой плавала слущившаяся кожа и многочисленные крошечные насекомые, борющиеся за свое выживание.

Какой контраст по сравнению с Неаполем, где каждый день в продолжение всей своей жизни я мылась в чистой воде!

Но, судя по всему, теперь я снова находилась среди варваров.

— Сначала вас представят принцу, — заявил мой нынешний повелитель, что и произошло несколькими минутами позже.

Эдуарду Вудстоку в то время было двадцать шесть лет, а это означало, что он был на пять лет моложе меня. В последние годы стало обычным клеветать на него и порочить его репутацию, но такова участь всех великих людей, когда они умирают и уже неспособны постоять за себя. Возможно, что тот, кому было суждено впоследствии править Аквитанией, а также пережить приключения в Испании, был личностью с обычными человеческими слабостями.

Его все больше и больше утомляла его постоянная деятельность, он начинал страдать от первых проявлений хилости своего здоровья. К счастью, будущее от нас всегда скрыто, и сейчас, при нашей первой встрече, я видела высокого и красивого рыцаря, молодого, крепкого и полного сил, наслаждавшегося плодами своей недавней победы.

Он сидел за столом, пил вино и ел жареного цыпленка, все еще одетый в доспехи, если не считать того, что снял шлем и перчатки... и рядом с ним сидел не кто иной, как король Иоанн собственной персоной, тоже в

латах, и по тому, что он был слегка запачкан грязью, можно было заключить, что его опрокинули на землю. Он тоже ел и пил с большим аппетитом, как если бы не имел никакого отношения к несчастью, в которое вовлек свой народ. Позади двух царственных персон стояло несколько французских дворян рядом с взявшими их в плен англичанами.

— В чем дело, Дикон? — воскликнул принц, когда мы приблизились к нему. Я шла, волоча юбки по грязи. — Что это за чучело?

— Это дама, которая утверждает, что она важная леди, милорд, — ответил рыцарь.

— Матерь Божья! — откликнулся король Иоанн. — Это же герцогиня Эберли.

— Да, мой господин, она именно так и назвала себя, — признался Дикон, судя по всему, очень удивленный.

— Герцогиня Эберли! — воскликнул Эдуард, поднимаясь на ноги и принуждая короля последовать его примеру. — Мадам, вы должны будете мне объяснить, где находится ваше герцогство.

Я торопливо присела перед ним в реверансе.

— Это в Неаполитанском королевстве, милорд, — ответила я по-английски.

— Но... — Он совершенно явно был в полном смущении.

— Я англичанка по рождению, милорд, — объяснила я.

— И передвигаетесь вместе с французской армией?

Перейдя на французский язык, я поведала ему о своей миссии, при этом король кивками подтверждал правдивость моего рассказа.

— Дама-посол и я как раз обсуждали государственные дела, когда приблизилась ваша армия, — сказал он принцу.

— Ах... — заметил Эдуард. — Ну что же, мадам, я могу только извиниться за то, что вас вываляли в грязи, насколько можно судить по вашему виду, и предложить вам место за столом.

— И я с благодарностью приму ваше приглашение, — сказала я, — как только мне будет позволено смыть с себя эту грязь и сменить одежду. Мои горничные остались во французском лагере, там же находились и пожитки, если, конечно, их еще не разграбили. Я хотела бы также выяснить, что случилось с моим мужем.

Принц посмотрел на короля.

— Славный малый должен был сражаться вместе с нами, — пожал тот плечами. — Но я не видел его с момента, как на нас набросились англичане.

— Я сам позабочусь о ваших горничных и муже, — пообещал принц. — Но вы хотели принять ванну. Дикон, отведи ее к нашим женщинам, и пусть о ней позаботятся.

Когда меня уводили, я слышала, как король заметил:

— Она чертовски красивая женщина, кузен.

Это уже были вполне обнадеживающие перспективы. Получасом позже, плескаясь в бывшем винном бочонке, наполовину распиленном и наполненном водой приближенными принца, я не спеша приводила себя в порядок с помощью добрых дам, с восторгом взявших на себя заботы о герцогине. Они по очереди старательно мыли мои волосы, растирали мою спину и отгоняли криками и угрозами любопытствовавших солдат. И я была совершенно обескуражена, когда внезапно передо мной предстал сам принц.

Я была так поглощена беседой с дамами, раскрывавшими мне свои тайны, что не услышала приближения Эдуарда. И действительно, я много узнала о той стороне жизни, которая до сих пор была мне незнакома. Среди них, как оказалось, не было ни одной, которую бы, как они уверяли, силой не стащили с постели или не изнасиловали, после чего им не оставалось иного выхода, кроме как следовать за армией в надежде найти мужа. Некоторые из них таким образом сменили уже по нескольку мужчин, ибо, как только место освобождалось предшественником, на

него появлялся новый претендент, а случалось это достаточно часто, ведь армия находилась в походе и то и дело вступала в бой. Некоторые из моих новых знакомых уже были матерями.

И все они, безотносительно к своей прошлой жизни, проявляли отчаянную преданность принцу и его армии. И вовсе даже не по причинам политического характера. Лагерь стал их жизнью, их единственной возможностью существовать. Вернуться назад в свои дома для них было совершенно невозможно, а стать добычей победоносного врага — означало претерпеть немало неприятностей, как только что выяснили некоторые особы женского пола, следовавшие за французской армией.

Поэтому-то они и не сделали ни единого шага, чтобы помешать своему обожаемому молодому генералу приблизиться ко мне, и первое, что я заметила, это его взгляд, устремленный в мою импровизированную ванну, вода в которой, несмотря на покрывавшую меня грязь, была не настолько непроницаемой, чтобы защитить мою скромность.

Но я вовсе не была легко краснеющей девственницей, и потому, оценивая сложившуюся ситуацию, перебирала в уме широкий спектр сюжетов и возможностей и выбрала среди них следующую: я громко вскрикнула как бы в испуге и в состоянии крайнего волнения вскочила на ноги. Я тотчас же, конечно, осознала свою ошибку, как и надлежит скромной женщине, но моих рук было явно недостаточно, чтобы прикрыть ими все пространство от носа до бедер, поэтому прошло несколько секунд, прежде чем я сумела взять себя в руки и погрузиться в воду, опустившись на колени, сознавая, что мои волосы, хоть и намокшие и облепившие золотыми прядями плечи и груди, в целом все же придают мне весьма привлекательный вид.

Эдуард, конечно, оценил представшее перед его глазами зрелище по достоинству и на несколько секунд даже онемел, а тем временем мои помощницы сгрудились и суетились где-то на заднем плане, где

они не могли помешать, но имели возможность слышать все, о чем мы говорили.

Так как принц оставался безмолвным, я почувствовала, что должна взять инициативу в свои руки.

— Сэр, — запротестовала я. — Вы застали меня в очень непривлекательном виде.

— Напротив, — возразил он. — Я застал вас в самом привлекательном виде, мадам. Только вот мне хотелось бы прийти к вам с более радостными вестями.

— Ограбили мою палатку?

— Ваши вещи целы, как и ваши служанки. Они сейчас идут с вашей одеждой. Я говорю о вашем муже.

— Ах! — выдохнула я, поняв, что слишком поспешно показала, что для меня дороже.

— Он мертв, мадам. Я сожалею об этом, но эти мои мерзавцы-лучники часто не обращают внимания на ранг рыцаря.

— Увы, бедный Фернандо, — сказала я.

— Вы весьма мужественно приняли эту новость, мадам.

— А вы предпочли бы, чтобы я плакала, сэр? Это был брак по сговору, причем довольно утомительный для меня.

Принц нахмурился.

— Его смерть повлияет на ваше положение в обществе, мадам?

— Ни в малейшей степени, — уверила я его. — Я была герцогиней Эберли задолго до того, как он появился в моей жизни.

— Гм... Итак, мадам, ваши дамы прибыли. А меня ждут дела. Но для меня было бы большой честью, если бы вы присоединились ко мне за ужином.

— С большим удовольствием, сэр.

— Жду вас на закате. — Он уже было отвернулся от меня, но счел нужным поинтересоваться: — Вы будете присутствовать на погребении вашего мужа, мадам?

— Как только оденусь, сэр, — пообещала я.

Что я и сделала, хотя и не без колебания. Когда пали несколько тысяч человек, то трудно достойно предать земле каждого из них, если только они не особы королевской крови. Мой Фернандо был всего лишь одним из нагих тел, лежавших среди многих десятков подобных и ожидавших своей очереди быть брошенными в общую могилу. Во время боя он был в полном снаряжении, однако дрался с поднятым забралом и получил удар кинжалом в лицо. Он практически лишился одного глаза, что испортило всю его красоту. На его теле не было других отметин, а это означало, что он пал только от усталости, когда пытался взобраться вверх по холму и его убили, когда он, совсем беспомощный, лежал на земле.

Возможно, я холодна по натуре, но я не смогла выдавить из себя ни одной слезинки. Его мне навязали, и он нашел свою смерть по беспечности, ибо ринулся в бой без всякой необходимости, когда мог бы в целости и сохранности оставаться рядом со мной.

Мои мысли уже обратились к будущему. С одной стороны, принц проявил ко мне явный интерес, а с другой — тот неприятный факт, что я была его пленницей и должна была признать, что моя миссия осталась невыполненной.

Мне не замедлили дать это понять, когда я сидела за столом между королем и принцем. Это был удивительно прекрасный, хотя в то же время и чудовищный вечер. Мы сидели в своих лучших одеждах, блистая изысканными манерами, перед длинными козлами, уставленными доброй едой, где было и мясо и вино. И был ясный сентябрьский вечер, когда на небе не было ни единого облачка, дул легкий ветерок... и вокруг нас расстилалось недавнее поле боя.

Английские солдаты тоже утоляли голод, как и те, кто стоял выше их. Французские солдаты или пали в бою, или бежали, а те из рыцарей, кто был взят в плен, обедали с нами. Но там были еще раненые и умирающие, время от времени взывавшие к нам о помощи. Слышалось ржание раненых ло-

шадей, напоминавшее нам об ужасах того, что здесь творилось несколькими часами раньше.

И над всем этим царило зловоние смерти.

Но мои сотрапезники были расположены веселиться, хотя несмотря на всю их дружбу и родственные связи (ведь принц был двоюродным братом короля) они находились сейчас в совершенно разном положении.

— Мне бы очень хотелось продолжить нашу прерванную беседу, мадам, — сказал король Иоанн. — Хотя боюсь, я теперь вряд ли могу считать себя возможным покупателем Прованса, во всяком случае в течение года или двух. Сколько вы намерены запросить за меня в качестве выкупа, Эдуард?

— Я об этом еще не думал, сир, — ответил Эдуард. — Ну, скажем, три миллиона золотых крон?

Я чуть не проглотила цыплячью кость.

Но король, казалось, счел себя обиженным.

— И вы думаете, это все, чего я стою? — спросил он.

— Конечно нет, — запротестовал Эдуард. — Думаю, что это все, что сможет собрать ваше королевство.

— Это здравая мысль, — заметил Иоанн. — Французы никогда не могли толком заплатить свои подати. Так что видите, моя дорогая мадам, в течение некоторого времени я буду весьма стеснен в средствах.

— Я понимаю, сир, — сказала я. — И передам ее светлости это печальное известие, как бы ни грустно мне было его сообщать.

— Естественно, когда вам будет разрешено вернуться в Неаполь, — заметил мерзавец.

Я повернулась, чтобы взглянуть на принца.

— Ну, знаете ли, — заметил он, бросая через плечо кость одному из своих мастиффов. — Я еще не думал об этом, но я полагаю, вы должны считаться военнопленной, мадам.

— Я нейтральная сторона, сир, — сказала я довольно резко. Суммы денег, которыми жонглирова-

ли, как мячом, собеседники, было бы невысказано собрать в моем герцогстве или даже получить во всем Неаполитанском королевстве, если предположить, что Джованна не приняла решения сбросить меня со счетов. — То, что я оказалась на поле брани, всего лишь случайность.

— А... — сказал Эдуард. — Но ведь ваш муж сражался на стороне французов.

— Против моей воли, сир. Он был глупым мальчишкой.

— Да, судя по всему, это так. Но я должен подумать. В любом случае вы должны согласиться, что в ваших теперешних обстоятельствах вам скорее есть что обсуждать со мной, нежели с моим кузеном.

Я бы не хотела, чтобы кто-нибудь счел меня развратной и неразборчивой. Однако моя жизнь научила меня смотреть в глаза фактам и принимать обстоятельства, если я не могла их изменить, как они есть. Меня послали во Францию, чтобы продать Прованс королю этой страны. Чтобы выполнить эту задачу ради моей возлюбленной королевы, я была готова пуститься во все тяжкие. Однако, как только что сказал мне сам король, сейчас было не время говорить о делах, и поэтому бедняга не представлял собой никакой ценности ни для меня, ни для Джованны. С другой стороны, я была полностью во власти одного из самых отважных и красивых из принцев, какого мне только доводилось встречать. Он превосходил даже Людовика Тарентского. И я знала, что он холост, в то время как у короля Иоанна, вне всякого сомнения, была жена.

Я, конечно, не питала никаких надежд стать принцессой Уэльской. Хотя, впрочем, мне этого очень бы хотелось, но я знала, что у меня не было на это никаких шансов, хотя, когда Эдуард в конце концов женился несколькими годами позже, то его избранницей стала такая же, как я, вдова, даже занимавшая более низкое положение. Но у каждого своя судьба. Моей первой заботой было избежать адюльтера, к которому я питала отвращение. Насколько мне извест-

но, к этому моменту я совершила его всего дважды в жизни, и то это произошло против моей воли, потому что мои взаимоотношения с Карлом Дураццо можно было бы назвать насилием, а отношения с Кола были моей обязанностью. Став теперь снова вдовой, я целиком и полностью была согласна с принцем и к очевидной досаде короля по завершении трапезы удалилась в шатер победителя, где испытала совершенно удивительное приключение.

Вне всякого сомнения, принц, являвшийся величайшим воином для своего возраста, был абсолютным новичком в искусстве любви. Или во всем, что было связано с женщинами. Он составлял такой полный контраст с тем единственным мужчиной моложе меня, с которым мне пришлось разделять постель, а именно с Фернандо, что я почувствовала, что нервничаю почти так же, как он, и в течение нескольких минут мы неуверенно ласкали друг друга, как пара четырнадцатилетних подростков, впервые открывающих для себя сладость любви. Потом же мое природное воодушевление восстановилось и пришло в норму, так что я смогла направлять его действия, что и делала с огромным наслаждением.

Следующие несколько недель были просто замечательными, ибо армия продвигалась обратно к Бордо, где находилось правительство принца в Аквитании. Новость о нашей победе уже распространилась, и в каждом городе, через который мы проезжали, нас приветствовали ликующие толпы, и наши люди, конечно, были в самом радужном настроении.

Я была счастлива, потому что ночью делила ложе с этим красивым и нежным, в полном смысле слова, мужчиной, ела за его столом и таким образом наслаждалась всем лучшим, что он имел, и чувствовала себя королевой, когда ехала верхом рядом с ним.

Поскольку вопрос о моем выкупе еще не поднимался, то у меня было ощущение, что о нем забыли,

и потому я испытала настоящий шок, когда мы достигли конечного пункта своего назначения.

— Через неделю в Англию отплывает флотилия, — сказал мне принц. — Король Иоанн отправится на этих кораблях, а вместе с ним и остальные пленные. Вы отправитесь вместе с ними, Ричильда.

— В Англию? — спросила я в ужасе.

— Ведь это ваша родина, разве нет?

— Да, когда-то она была моим домом, сир. Но это было давным-давно. Теперь мне надо думать о герцогстве и о своих детях.

— Вы никогда не говорили мне, что у вас есть дети.

— Но теперь говорю. Моей дочери одиннадцать лет, а сыну семь.

Он хмуро посмотрел на меня, и я подумала, что ведь ни разу не говорила ему и о своем возрасте, по части которого он, несомненно, заблуждался, считая, что я была примерно одних с ним лет.

— Должно быть, вы вышли замуж совсем молодой, — заметил он.

— О... нет, сир. Я выгляжу моложе своего возраста.

— Понимаю, но это не имеет значения.

— Конечно нет, сир. Единственное, что я прошу у вас, так это судно, которое отвезло бы меня обратно в Неаполь к моей королеве.

— Это уже дело моего отца, короля, — сказал он. — Во всяком случае, он никогда бы не простил мне, если бы я отослал вас обратно в Италию, не дав ему возможности познакомиться с вами. Мой отец, — добавил он, — неравнодушен к женщинам.

Однако это было, пожалуй, слишком мягко сказано. Однако принц оставался непреклонен, как я ни пыталась повлиять на его решение.

— Неужели эти счастливые недели ничего для вас не значили, сир? — спросила я, глядя на него умоляющим взглядом.

— Ну почему же? Они много для меня значат, Ричильда, — сказал он. — Я всегда буду хранить в душе память о них.

— Я охотно осталась бы в Бордо, — предложила я.

— А как же ваши дети?

— Я могла бы послать за ними.

— А ваша королева?

— Но я могла бы считаться вашей пленницей, сир.

Он улыбнулся:

— Вы мне льстите и искушаете меня одновременно. Но я не думаю, что звездам было бы угодно, чтобы нас с вами связали длительные отношения.

Большого я уже не могла сделать, кроме как попросить, чтобы меня не помещали на один корабль с королем Иоанном. Эта просьба была удовлетворена.

Что же я сделала не так? В чем ошиблась?

В моей голове теснились тысячи мыслей и тысячи ответов на вопрос. Не мог ли принц узнать о моем низком происхождении? Едва ли это было возможно, хотя одна из моих горничных знала о том, что я когда-то была рабыней. Или я оказалась слишком сведущей в искусстве любви? Вполне возможно, хотя мне казалось, что Эдуарду нравилось то, что я умела.

Или дело было просто в том, что, поразвлекавшись со мной целый месяц и научившись от меня всему, чему я должна была его научить, теперь он желал попрактиковаться с другой партнершей? Зная кое-что о семье, из которой он происходил, я подозреваю, что последнее было самым правдоподобным. Тем не менее я отплывала мучительно озадаченной и в полном смятении чувств и ума, ибо при всем моем роскошном окружении и очевидном богатстве мое будущее казалось мне более неопределенным, чем когда бы то ни было в моей жизни.

Ах, эти мужчины! В своих мыслях я снова возвращалась к своему дорогому Альберто. Суждено ли мне было найти другого, подобного ему?

Одна из странных сторон жизни состоит в том, что часто, глядя на то, что мы ищем, мы не понимаем,

что перед нами как раз то, что нам нужно. На борту корабля, на который меня посадили, я считалась пленницей самого высокого ранга. Здесь было несколько рыцарей и графов, но ни одного герцога. Конечно, все эти мужчины рассчитывали на приятное путешествие в обществе такой красивой дамы, и прежде чем мы спустились вниз по Жиронде к морю, — а это путешествие заняло два дня, настолько сильным было течение, когда начинался прилив, — я уже получила свидетельство того, что у меня на корабле множество разных поклонников. Отказывать им было затруднительно, потому что там была всего одна маленькая каюта, в которой мы были набиты, как сельди в бочке. Вместе с моими горничными нас там было четырнадцать человек. Излишне говорить о каких-то ограничениях в смысле количества, ибо все мужчины стремились к одной цели и потому не собирались мешать друг другу, а мои горничные, создания весьма фривольные, были озабочены тем, как бы не пропустить возможность участия в предстоящей оргии.

Поэтому в первую же ночь я ускользнула на палубу и нашла там нашего капитана, который задумчиво и не отрываясь смотрел на землю, лежавшую по обе стороны от нашего корабля, пока мы стояли на якоре, ожидая прилива.

— Добрый сэр, — сказала я, — могу я спросить вас, где вы спите?

Он посмотрел на меня с некоторым изумлением. Это был безобразный малый — не очень еще старый, возможно, старше меня всего на год или на два, но его левый глаз косил, а подбородок слишком сильно выдавался вперед, гармонируя с выдающимся вперед носом, в результате чего он очень напоминал человека, очертания которого мы различаем на лице луны. Но несмотря на все эти недостатки, у него были привлекательные глаза. Я вовсе не хочу сказать, что меня хоть сколько-нибудь интересовали глаза этого морского волка, а если и интересовали, то только с точки зрения их способности благополучно довести нас до конечного пункта назначения.

— Дело в том, — ответил он, — что моя каюта так переполнена, что мне приходится спать на палубе.

— Вас не смутит, если я присоединюсь к вам?

Теперь он повернулся, чтобы посмотреть прямо на меня.

— Я нахожу, что в каюте слишком душно, — пояснила я.

— Добро пожаловать, мадам. Вы можете спать где пожелаете, — сказал он.

— И вы защитите меня ночью?

— Я, мадам?

— Но больше здесь никого нет, — объяснила я.

И в этот момент на палубе появились двое моих предполагаемых соблазнителей.

— Герцогиня! — закричали они. — Герцогиня! Вы могли бы уже облагодетельствовать целую армию!

— Вульгарные малые, — заметила я. — Вы понимаете, что я имею в виду, капитан?

— Вы имеете в виду, что не хотите заниматься флиртом с этими джентльменами? — Он казался удивленным.

— Ни при каких обстоятельствах.

Моя решительность, по-видимому, еще больше усугубила его удивление, но, заметив поднимающихся по трапу французов, он шагнул им навстречу.

— В чем дело, господа? — спросил он.

— Мы ищем герцогиню, — объяснили они.

— У герцогини мигрень, и она останется на палубе, — объявил он.

Он был выше их ростом и к тому же он был капитаном.

— Так с нею останетесь вы? — осклабился один из них.

— Так как это мой корабль, господа, я могу оставаться там, где захочу.

— Бог мой, сэр, если бы при мне был мой меч...

— К сожалению, сэр, его при вас нет, — заметил капитан. — Но у меня меч при себе. Так, может быть, теперь вы исчезнете отсюда?

Они так и поступили.

— Это было замечательно, — сказала я. — Впервые за весь долгий день я чувствую себя в безопасности. Могу ли я узнать ваше имя, добрый сэр?

— Меня зовут Кристофер, мадам.

— И все?

— Ну, некоторые называют меня Кристофером из Залива, так как я регулярно плаваю этим курсом.

— В таком случае, Кристофер из Залива, я вам очень обязана и хочу, чтобы вы знали, что при первой же возможности отплачу добром за добро.

— Услужить вам — уже награда, — ответил галантный малый.

Остальная часть путешествия была для меня приятной. Правда, все это время пришлось провести на палубе, а поскольку уже стоял поздний октябрь, ночи были холодными. Но Кристофер галантно кутал меня в свой плащ в дополнение к моему собственному. Иногда, правда, бывали настоящие ливни, но и в этих случаях я бывала надежно защищена. А лучше всего было то, что всем остальным пассажирам запрещалось даже ступать на корму. Поэтому я наслаждалась полным покоем.

Сам Кристофер был подлинным джентльменом: ни разу не попытался воспользоваться моим положением. Вместо этого он учил меня морскому делу и навигации, чего я никогда не знала. Ко времени, когда мы вышли из пролива и прибыли в Саутхемптон, я уже могла правильно называть и находить звезды.

Мы, конечно, были всего лишь частью весьма внушительной флотилии, на которой в Англии везли ту часть добычи и награбленного добра, которую Черный Принц хотел преподнести своему отцу, а также всех основных пленников. Поэтому, когда мы высадились на землю в Саутхемптоне, на причале французов в момент высадки было гораздо больше, чем англичан. Но и здесь Кристофер снова оказался на высоте.

— Ее светлость предназначена для самого короля, — сказал он, раздобыв для меня хорошую ло-

шадь и отправив меня вместе с моими служанками в путь, пока остальные французы препирались друг с другом относительно того, кому, как и на чем ехать. Увидев наш отъезд, король Иоанн начал что-то кричать, но я только приказала своим сопровождавшим еще больше пришпорить лошадей.

Я, конечно, предпочла бы, чтобы этот дражайший Кристофер выбирал слова более тщательно. Но они означали, что я, по крайней мере, полностью защищена от любых похотливых желаний солдатни, которые могли у них возникнуть при виде скачущей среди них герцогини, и что в случае необходимости они могли бы развлечься с моими служанками. Но они тоже вообразили, что я предназначена для постели самого короля. В обычных обстоятельствах такая перспектива меня скорее бы взволновала, нежели встревожила, но меня более всего заботила моральная ситуация, которая могла бы возникнуть в связи с тем, что я в течение более месяца была любовницей сына короля. Но времени на размышления практически не было, ибо по прибытии в Лондон спустя десять дней после нашего отъезда из Саутхемптона — сейчас была середина ноября, и погода испортилась в результате непрерывных дождей и туманов, а дороги представляли собой настоящую трясиину — меня сразу же препроводили к его величеству.

Как летит время! Тот самый Эдуард III, который сел на трон через два года после моего рождения и о чьих некоторых неприятных чертах характера, проявившихся в юные годы, я рассказывала (а также упомянула и о более славных событиях его жизни более зрелых лет), в 1356 году достиг всего сорока четырех лет и находился сейчас в полном расцвете своей мужественности. Я увидела крупного, могучего, широкобородого человека с оглушительным смехом и в целом счастливым и довольным выражением лица. Да и как могло быть иначе? Ведь он был самым удачливым монархом своего времени!

Когда я впервые увидела его, он сидел за столом, так же как и в случае, когда я предстала перед его сыном, и был окружен чрезвычайно хорошенькими женщинами. Его жены, как мне говорили, доброй и добродетельной дамы, нигде не было видно.

Сопровождавшие меня лица привезли письма, и король просматривал их, пока я стояла перед ним, насквозь промокшая (с меня капала вода!), и чувствовала себя очень неуютно... и довольно неуверенно, ибо понимала, что окончательная моя судьба полностью зависит от этого человека.

Конечно, впереди всей флотилии был послан быстроходный корабль, доставивший радостные вести о великой победе Черного Принца, и король приблизительно представлял себе, кого следует ожидать. Но, разумеется, словами невозможно передать впечатление от красоты, и герцогиня Эберли, к большому удовольствию монарха, предстала перед ним в виде нечто более осязаемого, чем просто имя на бумаге.

— Мои дорогие восхитительные дамы! — сказал король. — Вы умираете там от холода. Идите сюда и обогрейтесь у огня.

И он перепрыгнул через стол, чтобы подвести меня поближе к камину, обняв одной рукой за плечи и ощупывая другой все, что она могла бы найти. Я тотчас же поняла, что моим моральным устоям придется подчиниться необходимости. И все же не думаю, что на свете найдется много женщин, которые бы спали и с королем Англии, и с его сыном.

Я провела в Англии более года, и, признаюсь, это было скучное и унылое время.

Мои страхи относительно огромного выкупа довольно быстро развеялись. Эдуард не только признал мое официальное положение, но был сама галантность, расхаживал с куском привязанной к бедру ленты, вероятно, олицетворяющей самый высокий орден страны, который он сам и учредил, и клялся, что никогда

не смог бы потребовать выкупа за женщину. К сожалению, это не означало, что мне немедленно разрешат возвратиться в Неаполь. Наш сластолюбивый монарх был в восторге от новой игрушки, и когда я в надежде охладить его пыл призналась, что он лишь идет, если так можно выразиться, по стопам своего сына, он только рассмеялся, причем смеялся дольше и громче обычного.

— Держу пари, — сказал он, — что наполняю вас гораздо больше, чем мальчик!

И он был прав.

Но скоро я убедилась в том, что он является моим единственным другом во всем королевстве, если не считать славного морского капитана Кристофера из Залива. Но я не рассчитывала увидеть его еще хоть раз в жизни. Что же касается остального, то я стала предметом зависти со стороны других дам, стремившихся занять мое обычно горизонтальное положение под королем, а также интриг со стороны тех дворян, которые желали, чтобы я использовала свое влияние для упрочения их собственного и осуществления их целей. Поскольку я не понимала, в чем состояли эти цели, то чувствовала себя совершенно сбитой с толку и, в свою очередь, вызывала у них раздражение.

Королева Филиппа, которая, как я уже говорила, полностью погрузилась в личную жизнь, была сама учтивость, и, если принять во внимание, при скольких странных обстоятельствах мы встретились, у меня сложилось впечатление, что она считала меня, как и любую другую, кто мог бы поглотить неостывающий пыл короля, великим для себя благом. Вне всякого сомнения, добрая леди, произведя для своего мужа нескольких сыновей, считала, что выполнила свои обязанности по отношению к неродной стране.

То, что я не следовала ее примеру, я склонна отнести на счет того насилия, которое учинила тогда надо мной римская чернь. Единственно, за что я могла ее благодарить, так это за потерю способности зачать ребенка.

Тем временем Джованна писала письма, требуя и умоляя меня вернуться. Она была встревожена несчастьем, обрушившимся на короля Иоанна, который теперь стал непременной принадлежностью английского двора и вздыхал каждый раз, когда видел меня, ибо понимал, что теперь вероятность того, что за него когда-либо будет выплачен выкуп, ничтожно мала. В своих первых письмах Джованна выражала радость по поводу того, что я жива и здорова. Но скоро их тон стал нетерпеливым. Она не переставала напоминать, что мои дети растут без матери. Я это очень хорошо осознавала и часто бывала на грани отчаяния.

Джованну также беспокоило то, что предложенная ею продажа Прованса провалилась, и она торопилась вернуть меня, чтобы испытать мои чары на каком-нибудь другом возможном покупателе, потому что я доложила ей, насколько было преуспела в переговорах с королем Иоанном и как близка была к успеху.

Все это я изложила королю Эдуарду, но он не был расположен принимать в расчет какую-то Бог знает как далеко находящуюся от него королеву, с которой никогда не встречался. А если бы они только встретились! Какая это была бы пара!

По правде говоря, король Эдуард вообще не был расположен принимать во внимание что-либо, кроме собственного удовольствия. Теперь он даже не принимал участия в войне, снискав себе вполне достаточную для него славу ввиду его постоянных успехов в воинском деле в первую половину жизни. А имея такого воинственного сына и наследника, он считал это необязательным, ибо теперь этим занимался его сын. Поэтому мне следовало оставаться терпеливой и ждать, пока я ему не наскучу. А на это, как я уже упоминала, требовалось значительное время, и только по истечении восемнадцати месяцев он сказал мне, что я могу возвратиться домой.

Я была вне себя от радости. Прошло почти два года с тех пор, как я видела моих дорогих детей и мою дорогую королеву, и теперь наконец я могла уехать.

Переезд был для меня немедленно организован. Я снова отправилась в Бордо, где могла ожидать счастливой встречи с Черным Принцем, а потом меня ждало путешествие по югу Франции, до Марселя, где мне предстояло найти корабль, на котором я могла бы возвратиться домой. Я не рассчитывала, что такое путешествие займет более двух месяцев, и была в восторге, когда, добравшись до Саутхемптона вместе со своими дамами — это были английские дамы, ибо мои неаполитанские спутницы вышли замуж за англичан, — узнала, что моим капитаном оказался не кто иной, как Кристофер из Залива.

Похоже было, что он не менее меня рад нашей встрече и был явно польщен, когда я сказала ему, что считаю, что теперь нахожусь в самых надежных руках. Конечно, в этот момент я выражалась иносказательно.

Увы, как часто мы строим планы, которые кажутся нам основанными на самых здравых и надежных расчетах, только для того, чтобы позднее увидеть, как их разрушает игривая и капризная судьба.

Мы отплыли в надлежащее время и при попутном ветре продвигались вперед, но вскоре подул северо-западный ветер. Так как нам надо было держать курс только на юго-восток, а наше суденышко могло изменять из-за ветра направление всего на несколько румбов — вы подумайте, как я поднаторела в морском деле благодаря урокам моего отважного капитана! — этот каприз погоды означал, что мы не могли держать путь именно туда, куда бы нам следовало. Кристофера это не испугало.

— Если мы вынуждены двигаться на юг, — сказал он, — мы так и сделаем. К утру ветер снова переменится.

И в этом своем предвидении он был отчасти прав: ветер снова подул нам в спину, то есть на запад, и в то же время его сила увеличилась настолько, что это уже стало походить на бурю, что сделало невозможным наше продвижение к Бискайскому заливу.

Рассвет застал нас неподалеку от какой-то земли, но был сильный ураган, море бушевало и свирепствовало, и казалось, будто небеса разверзаются и падают вниз. Эта жуткая картина напугала не только моих дам, вопивших что есть мочи, но обеспокоила и меня саму.

Даже Кристофер казался встревоженным. Земля, которую мы видели впереди, представлялась нам скоплением скал, которые некоторые географы благородно именуют островами, называя их островами канала (Нормандские острова), так как они действительно расположены в Ла-Манше, или Английском канале. Они тоже, вероятно, английские, хотя и ближе к Франции, и я не видела причины, почему бы не укрыться среди них, пока не стихнет буря.

Но Кристофер принял иное решение. Эти острова, сказал он мне, представляют собой гранитные скалы с многочисленными выступами, порода на которых обнажена и состоит из голых твердых скал, иногда едва прикрытых сверху почвой. Эти острова омываются ужасными приливами, скорость которых достигает иногда десяти миль в час, а это много больше, чем скорость любого типа парусного корабля. Поэтому хоть и неохотно, но он предпочел держаться подальше от суши с подветренной стороны и искать убежище во Франции.

Конечно, и с политической точки зрения это казалось более безопасным. Несчастье, постигшее французов в битве при Пуатье, вынудило их заключить еще одно перемирие с внушавшими страх англичанами. Во всяком случае, как разъяснил мне славный мальй, я ведь путешествовала с неаполитанским паспортом.

Приближение к Франции, однако, не означало, что мы мчимся туда под прямым углом. Это было нечто совсем иное. Учитывая силу ветра, дувшего нам в корму, наше суденышко на полном ходу проскочило порт Шербур и, обогнув Пуан-де-Барфлер, оказалось в заливе Сены, пока мои горничные вопили от ужаса. В процессе борьбы со стихией наша

фок-мачта оказалась за бортом. Пришлось вручную откачивать воду, и я уже решила, что наступает мой последний час.

Я прильнула к Кристоферу, а он к румпелю, и так мы прибыли в место, которое называлось как нельзя лучше применительно к данным обстоятельствам, а именно: Гавань (или по-французски — Гавр).

И там нас бросало вдоль всего причала и ударяло о другие корабли, уже укывшиеся здесь от непогоды, которым мы даже причинили некоторый ущерб. После препирательств и перебранки на французском и английском языках и весьма внушительной платы за причиненный ущерб, вызванный нашим столь настойчивым вторжением, нам было отведено безопасное место.

— Я обязана вам жизнью, мой дорогой Кристофер... а еще раньше я была обязана вам своей... ну... — Я не могла придумать слов, чтобы высказать в достаточно достойной и целомудренной форме то, что требовалось.

Поскольку он не обслуживал меня в буквальном смысле и поскольку я чувствовала себя совершенно обессиленной и не слишком возбужденной, учитывая приключения последних нескольких дней, я впала в некое забытие, из которого ему пришлось извлекать и возвращать меня к жизни, а так как был прохладный весенний день, то лучше всего было заниматься этим делом под одеялом на койке славного малого. Когда он обнаружил, что я была плотно упакована в свою одежду, то счел необходимым ослабить некоторые завязки и развязать банты, чтобы мне было удобнее.

Еще никогда в жизни мне не было так удобно, хотя когда на следующее утро я начала обдумывать свое положение, то решила, что прыгать из объятий короля в объятия моряка несколько унижительно. Что доказывает, как мы, в сущности, мало понимаем, что такое судьба.

Когда я проснулась, взъерошенная и счастливая, прислушиваясь к завываниям ветра, свистевшего в снастях, то вспомнила и о другой проблеме: хотя в этот момент буря была мне не страшна, я не могла не задуматься о том, как же мне добраться до Неаполя.

Не говоря о буре, которая давала все основания считать, что ее ярость не стихнет в ближайший месяц или около того, была еще одна задача — восстановить фокмачту, что следовало сделать прежде, чем мой Кристофер дерзнет прорваться сквозь залив. Я бы с радостью проводила с ним время в Гавре, ибо находилась под сильным впечатлением его нежности, обходительности и силы в искусстве любви, но он думал иначе. Он был человеком твердой решимости, даже если его решения и не всегда были правильными.

Кроме того, осмелюсь заметить, он больше меня был обеспокоен случившимся, чувствуя себя виноватым в неуважении к моему «величеству», ибо, не говоря уже о том, что я была герцогиней, я еще занимала в недавнем прошлом особое положение при дворе короля и его сына, о чем было хорошо известно. Без моего ведома он навел справки среди местного дворянства и без всякого предупреждения прибыл на борт в сопровождении некоего господина де Мальплезона, который, как мне показалось, был полон желания помочь столь знатной даме, как герцогиня Эберли во время ее путешествия.

Кристофер, конечно, помимо того, что был блестящим капитаном и весьма занимательным любовником, был чистым человеком, верившим в то, что любой джентльмен, даже самого низшего ранга, непременно должен обладать чувством чести. Я бросила на этого господина всего один взгляд и поняла, что мне, по всей вероятности, предстоит сменить одного партнера по постели на другого, и, сказать по правде, после объятий Кристофера я не очень спешила попасть в другие.

Столь мрачно представляя свое ближайшее будущее, я оказалась не права, но вовсе не по вине господина де Мальплезона.

В настоящий же момент, не усматривая ничего плохого, я позволила, чтобы меня саму, моих горничных и вещи выгрузили на берег, откуда нас препроводили дальше, в замок, которым владела семья де Мальплезон, после того как я нежно распрощалась с Кристофером, полагая, что никогда больше не увижусь с ним.

Это путешествие отняло некоторое время и, учитывая скверные дороги, было не слишком вдохновляющим. Господин де Мальплезон делал все возможное, чтобы сделать его для меня приятным. Он был красивым малым, несколькими годами моложе меня, и был явно доволен, как он это сам назвал своим пленением. В равной мере ему был приятен звон моих мешков с деньгами, потому что милый Эдуард снабдил меня монетой, чтобы оплачивать все мои расходы во время путешествия. Окружавший меня ландшафт вызывал печальные мысли. За прошедшие несколько веков Нормандию столько раз завоевывали, что теперь она напоминала большой пустырь. Совсем недавно ее вновь отвоевали французы, но лишь немногие считали, что такое положение продлится долго. Поэтому все было в состоянии глубокого запустения. Я уже говорила о дорогах. Следует еще упомянуть, что мы проезжали мимо яблоневых садов и рощ грецкого ореха, представлявших собой ряды искалеченных деревьев, и ферм, где не было видно никакой скотины, кроме голодных собак.

Наихудшую картину представляли собой люди — изголодавшиеся пугала, толпившиеся вдоль дороги, по которой проезжала наша кавалькада, и просившие хлеба. Иногда их скапливалось столько, что я боялась, что они нападут на нас. Но господин де Мальплезон принял предосторожности и путешествовал с двумя десятками вооруженных людей, готовых предотвращать любое проявление насилия.

Тем не менее мое беспокойство было столь очевидным, что этот господин, которого звали Рэналд, очень

быстро сообразил, как можно воспользоваться этой ситуацией.

— Право же, в настоящее время путешествовать иным образом, чем в такой хорошо вооруженной группе, как наша, в высшей степени опасно. Вам лучше бы остаться в замке, пока я не организую достойный эскорт.

Я вздохнула и высказала мысль о том, что мне, возможно, лучше было бы вернуться в Гавр, где, по крайней мере, я была уверена в своей безопасности, если, как я поняла, мое путешествие по суше так или иначе, но будет пока отложено. Естественно, он не хотел об этом даже слышать, и мы в запланированное время прибыли в замок.

Я была приятно удивлена. Дом был расположен посреди обширного сада, значительная часть которого была занята овощами и фруктовыми деревьями. Видно было, что здесь нет недостатка в скотине. Эти славные угодья были ограждены высокой стеной высотой в двенадцать футов, которая была под стать замку, а за ней были выставлены вооруженные часовые, чтобы предотвращать набеги умирающих от голода крестьян, которые были неизбежны, если те действительно не хотели умереть.

Внутри за стеной был еще один сад, полностью засаженный цветами и изобилующий фонтанами, а дальше располагался теплый и уютный дом, где в главных комнатах горел жаркий огонь в камине и множество слуг были готовы выполнить любое желание.

И самое прекрасное — в одной из этих комнат находилась мадам де Мальплезон с тремя детьми. Никогда в своей жизни я не испытывала такого облегчения, потому что мадам была не из тех женщин, с которой можно было бы шутить. Она, как я определила, и довольно правильно, была на несколько лет старше своего мужа и примерно моего возраста. Их три дочери были соответственно шести, пяти и четырех лет: господин де Мальплезон женился молодым. Мадам (ее звали Луиза), с которой мы очень скоро

стали лучшими друзьями, была привлекательной и миловидной женщиной, отнюдь не красавицей, но оставившей впечатление красивой благодаря своим блестящим черным волосам и сверкающим глазам. Эти глаза видели гораздо больше того, что она считала нужным сказать, и совершенно очевидно, что за шесть лет супружества они заметили, что муж ее не способен держать руки в стороне от кого-либо, носящего юбку. Она даже была слегка удивлена, что я добралась до замка, не будучи положенной где-нибудь в канаве.

Когда я подтвердила это, она приветствовала перспективу пребывания герцогини под ее кровом и отнеслась ко мне с величайшей добротой. Но скоро стало очевидным, что ее муж разрабатывал свои планы с огромной тщательностью. Через неделю должна была наступить Пасха, и не вызывало сомнений, что мадам де Мальплезон проведет этот христианский праздник в Париже со своими родителями и детьми. В таких поездках муж не сопровождал ее, так как был не в лучших отношениях со своей тещей.

Поэтому на праздник он имел обыкновение оставаться в замке один.

— Не беспокойся, моя дорогая, — сказал он за обедом, — я буду очень занят организацией безопасности путешествия герцогини по территории Франции.

Его жена взглянула на него, потом на меня. Я не сомневалась, что она знала, что он собирается предпринять в ее отсутствие, и была готова простить такую вольность раз в год, когда речь шла о горничных и деревенских бабенках. Но не в случае, когда речь шла об изумительно красивой вдовствующей герцогине.

— Я не беспокоюсь, мой дорогой, — ответила она, — потому что на этот раз я решила остаться на Пасху здесь.

— Остаться здесь? — воскликнул Рэналд. — Но ты никогда не делала этого прежде.

— Но у нас никогда в это время не бывало гостей.

— А что скажет твоя мать? — воскликнул бедняга, который считал, что его лишили возможного удовольствия.

— Мама очень разгневется, — согласилась Луиза, — но я уверена, что ты, мой господин, сумеешь все с ней уладить.

Я была готова расцеловать ее, потому что и впрямь не знала, как мне удастся справиться с домогательствами Рэналда. В тот момент я и понятия не имела о том, что эта ревность жены, защитившая меня от ее мужа, вовлечет ее в ужаснейшие злоключения.

Не предполагали этого и они.

Неделю мы провели довольно приятно. Я сидела с Луизой и шила, и мы вместе судачили и сплетничали. У меня было много что порассказать ей, больше, чем у нее мне, и она с жадностью слушала о том, как я присутствовала при сражении при Пуатье и о том, что я была знакома и с королем Иоанном, и с королем Эдуардом. Эта славная женщина не вымолвила ни слова осуждения в адрес своего короля, но из ее слов было ясно, что попытка собрать огромный выкуп за него оказалась непосильным бременем для всего народа Франции и что этим частично объясняются нищета и хаос в стране. Остальная часть ответственности падала на Иоанна, который, во-первых, позволил взять себя в плен: ведь дофин был неопытен и не уверен в своей власти, и не было сделано ни единой попытки облегчить положение крестьян или положить конец постоянно вспыхивающим всплескам насилия, употребив для этого власть и силу. По-видимому, моим новым друзьям не приходило в голову, что они могут пострадать от всех этих мятежей, получивших название Жакерии, а поскольку их это не беспокоило, оставалась спокойной и я. Наступила Пасха, и мы отправились в расположенную в замке часовню вместе со всей семьей и большей частью челяди. Но не успела закончиться служба, как некто Монфор, ка-

питан гвардии, подошел к Рэналду и сказал, что ему необходимо срочно подняться на стену.

Бедняга явно был обеспокоен. Поэтому Луиза и я пошли вместе с Рэналдом посмотреть, что его так встревожило. Во время службы мы слышали какой-то неясный шум, доносившийся с дороги, ведущей в деревню. Добравшись до стены, мы встревожились еще больше, чем капитан, когда увидели приближавшуюся к нам большую толпу народа в несколько сотен человек, состоящую из женщин, детей и мужчин, не говоря уже о собаках.

— Что они выкрикивают? — спросил Рэналд.

— Они кричат: «Пищи!» и «Смерть синьору!» — ответил Монфор.

— Бог мой! Что же нам делать? — воскликнула Луиза.

— Бояться нечего, — уверял Рэналд. — Как только они подойдут достаточно близко, Монфор, ты перестреляешь их из лука. Я не хочу, чтобы они разрушили мой сад.

— Да, мсье, — сказал капитан. — Однако при всем моем почтении...

— Ну, парень, что тебя тревожит?

— Видите ли, мсье, похоже на то, что здесь собралась вся деревня.

— И ты боишься нескольких сотен голодных крестьян? Разве в нашем распоряжении нет пятидесяти вооруженных мужчин?

— Это так, мсье, но в свои свободные дни мои люди ходят развлечься в эту деревню... Вы ведь знаете, мсье, как это бывает — больше некуда податься.

— Ты хочешь сказать, что их шлюхи тоже могут быть в этой толпе?

— Ну, можно сказать и так, мсье.

— Так, значит, придется перестрелять и их вместе со всеми остальными. Я им плачу и рассчитываю на то, что они будут меня защищать.

— Да, мсье, — сказал Монфор, но я видела, что он сомневается, и считала, что в данной критической

ситуации Рэналд ведет себя слишком глупо. Увы, мы оба — и Монфор и я — оказались правы.

Рэналд полагал, что нам небезопасно оставаться на стене, и мы, дамы, вернулись в дом, и нам было велено развлекать детей до тех пор, пока сельчане не будут разогнаны. Отдав эти распоряжения, Рэналд надел латы, но не вернулся на стену. Оказалось, что он только в крайнем случае собирался ввязаться в потасовку, если таковая состоялась бы.

Но это произошло гораздо скорее, чем кто-либо из нас мог предположить. Снаружи раздался шум и крики, и уже через пять минут у двери гостиной появился потрясенный Монфор.

— Люди не будут драться со своими друзьями, — объявил он.

— Боже мой, что же нам делать? — снова закричала Луиза, собирая вокруг себя детей, а я опять вспомнила, что случилось тогда в Риме.

— Но... я... я... — Рэналд посмотрел на Монфора. — А что вы посоветуете, капитан?

— Молитесь, мсье, — ответил мерзавец. С этими словами он выхватил кинжал и приставил к горлу де Мальплезона. — Вы — мой пленник.

— Что-что?! — вскричал Рэналд.

— Они за вами охотятся, — заметил Монфор. — Если я отдам вас им, они оставят меня в живых.

От этого предательства Рэналд онемел, а Луиза, казалось, сейчас упадет в обморок. Дети кричали. Я оглянулась, ища какое-нибудь оружие, чтобы защитить своих хозяев, ударив им трусливого капитана по голове, но ничего не смогла найти, и прежде чем я придумала что-нибудь еще, толпа уже ворвалась в дом и ринулась к нам, крича, к моему удивлению: «Англия и Черный Принц! Англия и Черный Принц!»

— Мы спасены! — радостно воскликнула я, не сознавая того, что мятежные крестьяне просто играют на вернейшем на чужих разногласиях. Так как владелец замка был сторонником короля Иоанна и Парижа, они делали вид, что действуют от имени короля Эду-

арда и Лондона. В случае, если бы замок принадлежал стороннику Англии, они, вне всякого сомнения, кричали бы: «Франция и дофин!»

Выглядели они устрашающе: это был мерзкий сброд. Все они, и мужчины и женщины, казались куда менее здоровыми, чем толпа, терзавшая меня в Риме. Но на этот раз я чувствовала себя уверенно и имела на то основания. Когда они ворвались в комнату, как ощерившиеся и огрызающиеся волки, я выступила вперед и подняла руку.

Это заставило их остановиться, но, возможно, лишь потому, что прежде они никогда не видели подобной красоты.

— Я слышала ваши крики, — сказала я им, — и теперь чувствую большое облегчение. Я — герцогиня Эберли, и я только на этой неделе покинула Черного Принца, — я решила не обременять их точными деталями, — направляясь в Италию. — Я сразу же сообразила, что эти мошенники едва ли могли знать географию, чтобы заметить, что я путешествовала в совершенно противоположном направлении. — Господин де Мальплезон, — продолжала я, — был настолько любезен, что дал мне возможность остановиться в замке, пока не найдется транспорт, чтобы я могла пересечь территорию Франции. Я была бы весьма обязана вам, если бы вы, добрые люди, тотчас же покинули замок, пока не совершили преступления.

Если бы они повели себя должным образом, я бы закрыла глаза на то обстоятельство, что они уже его совершили, ворвавшись в замок.

Конечно, моя речь произвела некоторое отрезвляющее действие и охладила их пыл, но только на короткое время. Потом один из мужланов заговорил.

— А откуда мы знаем, действительно ли вы англичанка? — спросил он. — Я говорю по-английски. Скажите что-нибудь.

— Ну, мой славный приятель, — ответила я, — сегодня такая прекрасная погода, не правда ли? Но я опасуюсь, что она не сохранится такой до завтра.

Он кивнул и посмотрел на своих товарищей.

— Она англичанка, — сказал он.

— Но они-то французы, — вмешался один мерзавец с бровями, похожими на двух жуков. — И этот Мальплезон жиреет на этой земле, в то время как мы здесь подышаем с голоду. Что вы скажете, если я предложу накормить его сегодня его собственной стряпней?

Послышался рев одобрения, и прежде чем я успела снова вмешаться, Рэналда вырвали у Монфора и кричащего от ужаса поволокли в коридор.

Я опасалась за его жизнь и еще больше за добродетель его жены, потому что и ее тоже схватили. Я попыталась протестовать, но меня отпихнули в сторону, в то время как с нее срывали одежду. Мне пришлось стать свидетельницей такого же надругательства, какое мне довелось пережить в Риме. По-видимому, в таких обстоятельствах лучше быть все-таки зрительницей, а не жертвой. Я усвоила это еще двенадцать лет назад, когда оказалась свидетельницей пыток и казни заговорщиков, посягнувших на жизнь Андрея Венгерского. И все же мое сердце замирало от сочувствия бедной матроне, которая могла бы находиться в безопасности со своими родителями. С нее сорвали одежду, и, обнаженную, ее по очереди атаковало несколько мужчин. Она сопротивлялась, ее тело извивалось и было багровым от царапин и унижения.

Еще больше я страдала за ее детей, потому что маленьких девочек тоже бесстыдно изнасиловали.

Беспокоила меня и моя собственная судьба. Хотя во мне и признали англичанку, сейчас я была окружена распаленными мужчинами, и меня, отброшенную и прижатую к стене, уже щипали и многократно прижимали.

Но самое ужасное было еще впереди. В коридоре затопали люди, и мы вышли наружу посмотреть в чем дело. Я оказалась в середине толпы, потому что не нашла возможности избежать этого. Луизу и ее осаждаемых негодями дочерей тащили за собой.

Должна заметить, что до этого мгновения я считала низшей формой жизни римскую толпу. Теперь я поняла, что заблуждалась, и меня вынудили понять, что любая толпа — это низшая форма человеческого существования, и в каком именно месте она возникает на этих чудовищных весах жизни — чистая случайность и результат стечения обстоятельств.

В Риме толпу подстрекали вышестоящие, хотевшие только избавиться от дражайшего Кола. Все же остальное было случайностью. В Нормандии толпу подстрекали голод и глубоко укоренившееся ощущение несправедливости. Представителем того богатства, которым они не могли воспользоваться, и того закона, который всегда карал их, являлся господин де Мальплезон. И теперь он находился у них в руках, а они — у него в доме.

Поэтому несчастный человек был принесен в жертву их голоду и своему богатству. Над бушующим и ревушим огнем висел вертел, на который был надет молочный поросенок, и мы собирались насладиться им за нашим пасхальным обедом. Это наполовину зажаренное животное теперь сняли и выбросили прочь, а на его место водрузили де Мальплезона.

В своей жизни я была свидетельницей многих мрачных и страшных зрелищ, но еще не видела ничего, что могло бы сравниться с этим. Несчастного молодого человека раздели догола, как и его жену, а потом насадили на острый железный прут. Я слышала, что такого рода казнь практикуется в странах Востока, и, как уже упоминала, такую же участь навлек на себя в недавние времена один из наших королей, но я никогда не рассчитывала увидеть что-либо подобное собственными глазами. Крики сопротивлявшегося Мальплезона, брошенного лицом вниз на кухонный стол и пронзенного железным прутом через его задний проход, могли бы, безусловно, разбудить и мертвого, но только не толпу разбойников, развлекавшихся его мучениями. Пока еще он был жив, они его кастрировали и посыпали солью, перцем и душистыми травами его содрогающееся тело. К счастью, к

тому времени, когда тщательно введенный в тело вертел вышел у него через горло, он был уже мертв. После этого вертел подвесили над огнем, поворачивая его нетерпеливыми руками.

Луиза к этому времени снова потеряла сознание, что было неудивительно, а ее дети заходились в крике. Я чувствовала, что готова последовать их примеру, но сумела удержаться от крика, чтобы не привлечь к себе внимания из страха, что подобная ужасная участь может постигнуть и меня. Можете назвать меня малодушной, если вам угодно, но в таких случаях есть одна только цель — выжить.

Но муки Луизы все еще не окончились. Ее привели в чувство простейшим способом, вылив ей на голову ведро воды. И когда она, голая, сидела на окровавленном столе, ей предложили кусок мяса, и это был кусочек мякоти, срезанный с пока еще не-прожаренного бедра ее мужа.

Это было для меня уже слишком, и я потеряла сознание, но через несколько минут пришла в себя, овеваемая свежим воздухом сада. Я глубоко вздохнула несколько раз и посмотрела вверх на ясную голубизну небес, удивляясь, как в столь прекрасном мире могут существовать столь низкие люди.

Но мои муки еще только начинались. Моим спасителем оказался не кто иной, как грязный негодяй Монфор, который, ухмыляясь, смотрел на меня с нескрываемым вождедением.

— Нам лучше всего удалиться, — сказал он. — Эти мужланы, возможно, на время удовлетворились, но они скоро вспомнят о вас.

Я села и огляделась. Мерзавец даже раздобыл коня.

— Мои горничные...

— Они сами позаботятся о себе. Их не убьют, потому что они явно не француженки. А что такое небольшое изнасилование для здоровой молодой женщины?

— Я не покину своих служанок, — твердо заявила я, — и мадам де Мальплезон, — добавила я.

— Мадам, вне всякого сомнения, уже мертва, — сказал он. — Поглядите.

Я посмотрела в сторону замка и увидела, что из-под крыши поднимается дым, а изнутри замка слышался какой-то шум.

— Бог мой! — сказала я. — А дети?

— Я сам видел, как одну из них насадили на вертел.

— Неужели это человеческие существа?

— Мы все звери, — заметил он, обнаруживая склонность к философии. Но это был философ примитивного толка.

Когда я снова запротестовала, сказав, что мне надо найти своих горничных, он очень быстро нашел убедительный аргумент, ударив меня в подбородок кулаком.

Я пришла в себя и поняла, что лежу лицом вниз на крупе скачущего коня. Это весьма неудобный способ путешествия не только потому, что весь вес тела приходится на живот и при этом еще в него упирается костистый хребет лошади, но в моем случае неудобство этого положения усугублялось тем, что Монфор в это время развлекался, играя с моими ягодицами.

Даже придя в себя, я не могла заставить свою голову перестать мотаться из стороны в сторону, и это, по-видимому, доставляло ему удовольствие.

— Снова с нами, а? — рассмеялся он. — Ну, тогда начнем с того, на чем мы остановились, славная герцогиня. Я полагаю, вы кое-что усвоили? Признаюсь, что я весь горю желанием.

Говоря это, он спешил и начал стаскивать меня с седла, будто я была мешок с углем.

Я уже давно питала непреодолимое отвращение к этому человеку, а его предательство в отношении де Мальплезона только усугубило это чувство. Его безобразное отношение ко мне стало последней каплей в чаше моего терпения. Поэтому я не делала попытки сопротивляться ему, а просто огляделась вокруг, пока он стаскивал меня и укладывал на землю, пытаюсь в

то же время задрать мне юбки. Я уже выбрала себе оружие: большой камень. И поскольку он был полностью занят тем, что нашел под юбками, я смогла схватить камень, протянув к нему руку.

На мужлане все еще были латы и шлем в виде горшка, поэтому я была вынуждена притворяться. Здрав мои юбки и откинув их мне на живот, он добрался теперь до моего тела и пытался расстегнуть корсаж, явно предвкушая сладостные утехи и совершенно забыв о том, что могли сделать мои вытянутые руки.

Я улыбнулась ему.

— А ваша шляпа вам не будет мешать, добрый сэр? — спросила я.

Он рассмеялся, услышав мои игривые слова, и отбросил прочь свой шлем-горшок, а я тем временем размахнулась и правой рукой ударила его по голове со всей силой, на какую только была способна. Он опрокинулся без единого звука и распростерся на траве, а по щеке у него потекла кровь. Я же села и начала приводить себя в порядок.

Я женщина, питающая отвращение к насилию в любой его форме, но всему есть свой предел.

По-видимому, Монфор не был убит, а у меня и не было ни малейшего желания взять на свою совесть убийство. Поэтому я отцепила его меч, прикрепила его к своему поясу, потом и его кинжал, села на лошадь и ускакала, оставив его лежать на земле.

Я также освободила его от мешка с монетами, свисавшего с его пояса, ибо все мои деньги на дорожные расходы остались в горящем замке. Я даже подумывала, хотя и не всерьез, конечно, вернуться туда, невзирая на риск, и поискать своих горничных, но рассудила, что этот риск был слишком велик и что мои горничные были скорее англичанками, чем неаполитанками. Поэтому в случае, если бы им посчастливилось выжить, они, вероятно, прекрасно бы устроились. Они даже смогли бы ухитриться до-

браться до Гавра и найти там славного Кристофера из Залива.

Тут я снова почувствовала искушение, но мысль о возможности встретиться с еще одной подобной толпой была слишком пугающей, и поэтому я решила скакать в юго-восточном направлении, где, как мне казалось, находились графство Прованс и безопасность.

Несомненно, это было наивностью с моей стороны. Вся северная Франция оказалась в руках проклятой Жакерии, и было весьма маловероятно, что я продвинусь далеко, если бы в этот день мне не выпала удача. И подоспела как раз вовремя.

Я продвигалась вперед по проселочной дороге и увидела впереди шпили церкви. Они были довольно далеко от меня, а я умирала от голода и жажды и никак не могла решить для себя, стоит ли рисковать и заезжать в деревню в поисках еды и вина и не случится ли так, что меня немедленно опрокинут на спину, как вдруг заметила, что из деревни показалась процессия святых братьев верхом на лошадях. Они выглядели очень довольными собой.

Их белая одежда свидетельствовала о том, что они принадлежали к ордену францисканцев, основанному очень необычным человеком — Франциском Ассизским, который примерно сто лет назад покинул дом и процветающее хозяйство, унаследованное от предков, чтобы жить среди птиц и пчел в полной нужде и в надежде убедить мир в том, что это наилучший образ жизни. Как это часто случается с людьми столь эксцентричного поведения, у него было большое число последователей, разделявших подобные вкусы, и я не сомневаюсь, что они совершили немало добрых дел, хотя по большей части тратили время впустую, пытаясь проповедовать добродетель мальплезонам этого мира или таким, как те кровожадные звери, которые разорвали его на части.

Тем не менее я уже встречала этих славных малых в Авиньоне и в Неаполе. Они не изменили особенно нравы обитателей этих мест, и хотя я приближалась к ним с известным трепетом, потому что мой жизненный опыт научил меня держаться настороже по отношению к мужчинам, даже к таким, кто носит одежду, присущую духовным лицам, ибо знала, что вид стройной ноги или выпирающей груди может вызвать нежелательную реакцию, я очень обрадовалась, увидев, что во главе процессии едет не кто иной, как брат Жюль, мой старый знакомый.

Теперь Жюль был одним из тех людей (а они были довольно многочисленны), для которых выпирающая грудь или достойная того, чтобы ее погладить, ножка не имели никакой ценности. Их радости были сосредоточены внутри их собственного ордена, а возможно, они познавали их с молодыми людьми, которые время от времени отзывали Жюля в сторону, вне всякого сомнения, с целью получить религиозное наставление. Поэтому я поняла, что в этой компании моей добродетели ничего не грозит.

Более того, я даже знала, что он принадлежит к тому, что называлось общиной. На ранней стадии своего существования францисканцы разделялись на два лагеря. Одни требовали полной простоты жизни, требовали отринуть все земное имущество, как учил основатель их ордена. Их называли «духовниками». Другая же их часть считала, что жить в полной нищете было самоуничижением, и искала в жизни чего-то лучшего, хотя все их имущество отдавалась в общее пользование. Отсюда и община.

Жюль придерживался точки зрения, что высшие ценности важнее, чем все остальное.

К нему-то я и поспешила и напомнила ему о нашей последней встрече в Авиньоне два года назад, обвила руками его шею и сердечно расцеловала его.

Его спутники заплодировали, возможно, задаваясь вопросом, не происходит ли его духовное перерождение или по крайней мере физическое. Увы,

даже моя красота не могла изменить воззрений Жюля, но он оставался все тем же добросердечным и добродушным, хотя излишне тучным и явно любителем поест, если не обжорой, славным малым, каким я его помнила. Через несколько секунд я уже жевала ножку цыпленка, запивая ее французским вином из фляжки.

Тем временем я рассказала братьям о своих недавних приключениях. Они уже знали о Жакерии и были посланы Папой на север, чтобы попытаться утихомирить восставших и смягчить те ужасы, слухи о которых доходили ежедневно. Теперь же они отказались от этой миссии как от невыполнимой и держали путь обратно в Авиньон.

Это как нельзя лучше отвечало моим интересам. Эти братья, а числом их было двенадцать, хотя и были духовными лицами, тем не менее носили добрые длинные ножи под монашеской одеждой. Этот факт вместе с их хорошо известной решимостью защищаться только добавлял им святости в глазах мирского люда. Их считали Божьим воинством. И это служило защитой и им и мне от нападения чудовищ, переодетых мужчинами и женщинами и рыскавших по всей стране. Мне дали надеть белую монашескую одежду с капюшоном. Капюшон и плащ полностью скрыли роскошь моего женственного тела, и я проехала весь путь в совершенной безопасности. Итак, став «аббатисой», я уразумела, что Жюль настоятельно советовал мне оставить путь служения королеве и постричься в монахини. Он уверял меня, что большинство монахинь приняли постриг под влиянием его уговоров, и, если я последую его совету, у меня будет вполне приятная жизнь, лишенная каких-либо опасностей.

Не буду отрицать, что соблазн был велик. Мои приключения прошлых лет измучили меня полностью и эмоционально и физически. Но потом я подумала о своих дорогих детях и о моей возлюбленной Джованне и призвала на помощь всю свою отвагу, чтобы продолжать идти тем же путем.

Итак, после более чем двух лет отсутствия я наконец вернулась в солнечный Неаполь.

Несмотря на неудачу моей миссии, меня встретили с восторгом. Джованна заключила меня в объятия и целовала меня снова и снова.

— Я и не надеялась снова увидеть тебя, — говорила она. — Теперь ты должна рассказать мне обо всех твоих приключениях. Обо всем, что с тобой случилось.

Это отняло порядочное время, а я была полна нетерпеливого желания вернуться в Эберли и увидеть своих детей и Рикардо и узнать, что произошло с герцогством в мое отсутствие. Но Джованна заверила меня, что все в порядке, и меня упростили остаться в Неаполе более чем на неделю, пока она с широко открытыми глазами слушала о моих встречах с лицами королевского ранга и с ужасами Жакерии.

Я не стала утомлять ее рассказами о Кристофере из Залива.

Я, со своей стороны, обнаружила, что здесь почти ничего не изменилось, если не считать того, что все мы стали на два года старше, но даже и это не имело особого значения, если говорить о королеве, которая в тридцать один год стала еще более красивой и, осмелюсь сказать, еще более сладострастной, чем прежде. А парад молодых людей, направлявшихся в ее апартаменты, изменился еще меньше. То есть я хочу сказать, что их возраст не изменился, хотя изменились сами люди. Если они на целую неделю и перестали посещать ее светлость, пока я была с ней, то это означало только то, что меня она любила больше, чем их.

Из этого же я заключила, что король Людовик все еще был в отсутствии, участвуя в любой войне, какая только случалась в этот момент.

Однако некоторые стороны жизни необратимо изменились. Умер Карл Мартел.

Королева сама поведала мне эту печальную новость, изложив ее самым обыденным тоном. Это произошло в прошлом году. Поэтому у нее было до-

статочно времени пережить свою печаль, но дело в том, что она никогда не питала к мальчику той любви, которой следовало бы ожидать от матери. Отчасти это можно было бы объяснить тем обстоятельством, что Джованна всегда была больше королевой и женщиной, нежели матерью. В равной мере это объяснялось и тем, что отцом Карла был Андрей Венгерский или Бертран Артуа, то есть мужчины, которых она со временем все больше и больше не любила по мере того, как тускнела память об их достоинствах, а она непроизвольно находила в своем сыне все их недостатки.

— Так кто же теперь ваш наследник? — спросила я в страхе.

— Ну, моя сестра, — сказала она и добавила: — На данный момент.

Это свидетельствовало о том, что данную ситуацию она не считала окончательной. И в самом деле, за время моего отсутствия сестры еще больше отделились друг от друга. Если у них и были какие-то совместные приключения, Джованна не могла забыть, что Мария добровольно и охотно пошла на брак с Карлом Дураццо. В то же время Мария с извращенностью неудачливого человека винила Джованну в страшной смерти Карла.

Был еще и вопрос соблюдения этикета, также вызывающий трения. Робер де Бо был все еще жив и содержался в подземелье дворца Дураццо. Со стороны принцессы это был странный поступок, если не заподозрить ее в том, что она держала его там для собственного развлечения — ее натуре были свойственны еще более темные стороны, чем натуре Джованны. И впрямь, в Неаполе ходило много слухов о чудовищных пытках, которым она подвергала своего бедного мужа, когда у нее бывало соответствующее настроение.

Каковы бы ни были ее развлечения, однако данное положение означало, что юридически она все еще была замужем. Возможно, это было хитростью, чтобы предотвратить любые попытки искать ее руки.

И действительно, более поздние события убедили меня в том, что так оно и было. Но она продолжала называть себя герцогиней Дураццо и вела достаточно пышную и роскошную жизнь в своем палаццо в обществе своих детей. Она воспитывала сына, названного в честь отца Карлом, в таком духе, чтобы он считал свою тетку приспешницей дьявола. Я могла судить об этом по взглядам, которые он бросал на королеву, когда бы им ни доводилось встретиться.

Все эти семейные распри только подстегнули мое желание поскорее скрыться в своем прекрасном замке, и наконец мне это удалось. Не описать словами ту радость, с какой встретили меня мои дражайшие Лючия и Уильям, а также мои собаки и лошади и даже, к моему удивлению, Рикардо, державший и герцогство, и бухгалтерские книги в полном порядке и настоявший на том, чтобы показать мне все статьи дохода.

Итак, наступило счастье.

Конечно, время от времени случались неприятности. Во-первых, Джованна начала немедленно подыскивать мне мужа и была крайне удивлена, когда я сказала ей, что хотела бы еще немного побыть вдовой.

— Женщина должна быть замужем, — настаивала она.

— Ну, ваша светлость, — возразила я довольно нагло, — вот если бы мне найти мужа, которого никогда не было бы возле меня и который проводил бы все время вне страны...

Она вздохнула:

— Да, я горько об этом сожалею. Но что сделано, то сделано. Тем не менее время от времени нужен мужчина. И тебе тоже.

— Вне всякого сомнения, я скоро это почувствую, ваша светлость, — ответила я, — но в последние два года у меня было слишком много мужчин, и сейчас я хотела бы пожить в мире и радости со своими

детьми. И как только эти радости мне наскучат, тотчас дам вам знать.

— Ты права, — поддержала она меня с энтузиазмом, — тем более что скоро выдавать замуж Лючию.

Для Джованны не было большего удовольствия в жизни, чем свадьбы и все те радости, которые могут последовать за ней для счастливой парочки.

— Ваша светлость, — запротестовала я, — ведь Лючии только тринадцать.

— И что? — ответила она. — Мне было восемь, когда я вышла замуж. Вышла замуж, но не спала с мужем. Мне было тринадцать, когда я подарила свою девственность этому негодяю Роберто. — Она вздохнула, явно возвращаясь в мыслях к тем беззаботным и удивительно невинным дням своей юности. — Как и ты, — добавила она.

— Мне было четырнадцать, — поправила я ее несколько чопорно.

— На будущий год, — объявила она, — нам придется подыскивать мужа для твоей прекрасной дочери.

В своей оценке Лючии королева была совершенно права. В тринадцать лет Лючия, хоть я и утверждала это сама, была почти так же красива, как ее мать, но только совсем в ином духе. У нее были отцовские темные волосы, но не такие черные, ибо их чернота была несколько смягчена благодаря моим светлым волосам. Она унаследовала мои голубые глаза, и это удивительное сочетание очаровывало всех. И, что еще более важно, у нее была фигура, во всех мелочах повторявшая мою роскошную и сладострастную фигуру, какую я имела в ее возрасте. Поэтому можно было рассчитывать, что с годами она станет не хуже меня.

В отличие от меня, попавшей в неблагоприятные обстоятельства, Лючия в этом возрасте была совершенно невинной.

Я убедила Джованну отложить все планы относительно свадьбы хотя бы на год, и только весной следующего, 1360 года, мы серьезно принялись за работу. Перед нами как на параде проходили красивые молодые люди на любой вкус. Джованна изучала их гульфики, а я смотрела на их манеры и выражение лица, а также на их родителей. Уверена, что некоторым из них удалось попасть в постель королевы. Но не в постель Лючии.

— Тебе ужасно трудно угодить, — пожаловалась Джованна, когда через несколько недель это интересное развлечение завершилось.

— Она моя единственная дочь, ваша светлость, — ответила я.

К этому моменту уже назрела настоятельная необходимость возвращаться в Эберли, чтобы заняться делами. Поэтому изучение следующей группы искателей пришлось отложить на месяц, и я оставила Джованну в очень мрачном настроении.

Для меня было большим облегчением лежать в своей собственной постели, в своей спальне, расположенной под крышей главной башни замка Эберли, и смотреть сверху на простирающуюся внизу сельскую местность и знать, что все это принадлежит мне. Самым приятным временем было раннее утро, когда сразу же после восхода солнца за окном начинают щебетать птички и я могла слушать, как внизу, во дворе, пробуждается новый день, как доят коров перед выгоном на пастбище. Я прислушивалась к ржанию лошадей, когда их прогуливали, к визгу одной из кухонных девок, когда ее пороли, — Рикардо всегда начинал свой день с порки одной из них, независимо от того, совершила она какой-нибудь проступок или нет, — к лаю собак, когда их спускали с поводка.

В такие моменты ко мне присоединялась Лючия, теплая и взлохмаченная, только что прибежавшая из своей постели. Это была игра, которой мы развлекались с того времени, когда она была еще младенцем. Уильям тоже часто присоединялся к нашей утренней

возне, но с тех пор, как он достиг половой зрелости, я решила, что лучше запретить ему находиться в обществе двух обнаженных женщин, чтобы не возбуждать его преждевременно.

Держать в объятиях любимую дочь было для меня большой радостью.

— Когда ты вернешься в Неаполь, мама? — спросила она.

Я вздохнула:

— Надо возвращаться в будущем месяце. Опять эта утомительная процедура — присмотреть тебе мужа.

— Разве мне нужен муж, мама?

— Ее светлость считает, что нужен. И она права. Женщина должна выйти замуж, по крайней мере один раз, чтобы насладиться радостями супружеской постели и, если будет на то Господня воля, зачать ребенка.

Несколько секунд Лючия молчала. Потом сказала:

— А мой муж должен быть из Неаполя?

— Нет, это необязательно. Но, конечно, это более удобно. Я хочу сказать, что он должен быть твоим соотечественником.

— А важно ли происхождение? Ведь ты сама была когда-то простой рабыней, разве не так? И вышла замуж за простого солдата.

— Ну, — ответила я, несколько сожалея об откровенности, которую позволила себе в разговорах с детьми, — мне повезло. Я пользовалась расположением королевы, потому смогла подняться выше.

— А я разве не пользуюсь покровительством королевы, мама?

— Она любит тебя как родную дочь, — уверила я ее.

— Тогда я тоже могу рассчитывать на то, что поднимусь выше, — заметила Лючия. — Независимо от того, с какой бы низкой ступени ни начала свое восхождение.

— Да, но ты ведь уже дочь герцогини... — намурилась я, глядя на прекрасное и невинное личико

рядом со мной. Мне показалось, что моя милая дочь собирается мне что-то сообщить.

Она отбросила одеяло и встала на колени. Ее роскошные волосы облаком окутали ее плечи и грудь.

— Я люблю его, — объявила она.

Я тоже села на постели:

— Любишь кого?

— Его зовут Пьетро, и он красивый, милый и...

— Как зовут его отца? — спросила я, пытаюсь сдержаться, чтобы не закричать.

— Думаю, что его тоже зовут Пьетро. Пьетро-молочник.

— Что?! — вскричала я. — Ты влюбилась в сына молочника?

— Он самый милый мальчик, мама.

— И я полагаю, ты уже позволила ему позабавиться с твоими грудями? — завопила я, выпрыгнув из постели и подбежав к окну. — Рикардо! — закричала я. — Рикардо! Иди сюда и принеси свою трость. У меня есть для тебя работа.

— Мама! — запротестовала Лючия. — Пьетро и я — муж и жена.

Я медленно повернулась к ней, чувствуя себя так, будто по ошибке вместо хорошего гриба съела поганку. Я была не в силах поверить, что в моей жизни случилось такое несчастье.

— Он лишил тебя девственности?

— Да, мама.

— Сын молочника? — Я упала в кресло. — Бог мой! Я его повешу!

— Ты этого не сделаешь! — Лючия выскочила из постели и теперь стояла рядом со мной. — Во-первых, потому, что если ты это сделаешь, я убью себя, а во-вторых, потому что он отец твоего внука!

— Ты... — Я смотрела на нее с раскрытым ртом, потом на ее живот, пока остававшийся совсем плоским.

— У меня уже два раза не было месячных, — гордо объявила несчастная девчонка. — Вот почему я тебе сказала.

Послышался стук в дверь. Это был Рикардо, вооруженный своей тростью, и, судя по звуку, его сопровождала половина слуг замка.

— Впустить его, мама? — спросила Лючия.

— Ох... можешь идти, Рикардо! — рывкнула я. — Уходи!

Шум медленно затих.

— Ты не благословишь меня, мама? — спросила Лючия. — И Пьетро?

Дочь герцогини, вступающая в брак с сыном молочника! Лючия постоянно твердила мне, что она дочь рабыни, в результате чего я чуть было снова не послала за Рикардо. Но куда деваться? Моя девчонка была влюблена, а это для меня, конечно, было важнее, чем то отвратительное положение, в которое она себя ввергла. Мне пришлось послать за Пьетро, а потом за его отцом и матерью, которые показались мне честными и трудолюбивыми людьми, и я не заметила на них никакой печати порока.

Рассказать об этом Джованне... Не скажу, что я с радостью предвкушала это, но я знала ее достаточно хорошо. Ведь королева, каковы бы ни были ее грехи в глазах моралистов, была прежде всего романтиком. Познавшая любовь и утратившая себя самое, она искренне старалась найти хоть искру любви во всех мужчинах, с которыми ложилась в постель, но никогда не находила ее. Теперь же она была наверху блаженства, узнав о тяжелой ситуации, в которой оказалась Лючия.

— Как восхитительно, — сказала она. — Вероятно, в первый раз у них это произошло под кустом рядом с пасущимися коровами. Разве это не романтично, Ричильда?

— Ни в малейшей степени, ваша светлость, — ответила я. — Улечься среди коровьих лепешек никогда не было для меня идеалом наслаждения.

— Ты слишком изнежена, — рассмеялась Джованна. — Тебе нравятся надушенные шелковые простыни и напомаженное тело. Ты должна привести этого молодого человека познакомиться со мной.

— Ваша светлость, — ответила я довольно резко, — он будет моим зятем.

— Да, конечно, — согласилась она.

И в самом деле королева повела себя должным образом и соблюдала этикет во всех мелочах, но я могла заметить, что размеры гюльфика Пьетро произвели на нее впечатление. Для визита в Неаполь я одела его должным образом. Надо сказать, что молодой человек и мне стал нравиться все больше и больше, конечно, не в сексуальном смысле, потому что после опыта, приобретенного мною во Франции, все плотское мне опостылело, но он был мне симпатичен как человеческое существо, и я наблюдала свадебную церемонию со слезами умиления. Даже Джованна согласилась с тем, что свадьба должна пройти довольно скромно, в стенах замка Эберли, а вовсе не в соборе Неаполя.

Пьетро, конечно, не мог оставаться молочником. Я назначила его помощником моего управляющего Рикардо и посадила учиться читать и писать, чтобы он мог выполнять свои обязанности. Мне пришлось также обучать его верховой езде и фехтованию, и я считала, что со временем его можно будет превратить в джентльмена.

Поэтому я провела пару счастливых лет, наслаждаясь обществом своих детей и довольно скоро появившейся внучки, красивой девочки, которую в честь матери тоже называли Люцией. Я уже стала подумывать о том, чтобы найти жену и для Уильяма, но он был еще слишком юн и, казалось, не проявлял никакого интереса к противоположному полу. А поскольку на своем примере я очень хорошо помнила опасность приобретения преждевременного опыта, я не хотела торопить события.

Итак, в течение трех лет после моего возвращения из Англии и Франции моя жизнь катилась мирно и ровно, как, впрочем, и у Джованны, пока мы не получили известие о смерти короля Людовика.

Это прискорбное, но неизбежное событие произошло 5 июня 1362 года. И, что примечательно и, должно быть, к большой досаде этого великого воина, он пал не на поле брани, а умер от лихорадки.

Его тело было доставлено для погребения в Неаполь. Королева и все дворянство присутствовали на торжественных пышных похоронах, одетые во все черное и в вуалях, призванных скрывать их лица и скорбь. Или ее отсутствие, что было также вполне возможно.

Что касается меня, то, должна признаться, я сильно плакала, вспоминая этого красивого молодого рыцаря, о котором мы так много мечтали в своих девичьих грезах.

Это было важное событие. Не в том смысле, что оно прямо задевало дела королевства. Джованна всегда была его королевой, она ею и осталась. Но в данном случае Европе внезапно предстало необычное зрелище: вероятно, самая красивая женщина в мире — титул, который никто не мог оспаривать, хотя ей пошел уже тридцать шестой год, кроме тех, кто сравнивал ее с герцогиней Эберли, — и, кроме того, женщина чрезвычайно богатая, способная и умная, хоть и с несколько темным прошлым, стала теперь вдовой.

Можно себе представить, что все молодые дворяне, имевшие в своих жилах хоть капельку королевской крови, привели себя в надлежащий вид и отправились в Неаполь. В течение всего сезона нам досаждали чрезмерно активные молодые и даже не очень молодые люди, и все они искали руки ее светлости и жаждали вступить с ней в брак.

Из Франции прибыл Людовик Анжуйский, младший брат дофина. Из Кастилии Энрике Трастамара, незаконнорожденный сын Альфонсо XI. Ему было двадцать девять лет, то есть он был моложе королевы, но для Джованны это не могло послужить препятствием. Из Португалии прибыл принц Хуан,

незаконный сын Педро I и его прекрасной возлюбленной Инес де Кастро. Из Австрии приехал Леопольд Габсбург, из Моравии — Иоганн Генрих Люксембургский. Из Константинополя явился Михаил Палеолог.

А из Арагона прибыл Хайме Джакомо, принц этой страны.

Это последнее имя может оказаться незнакомым. Но тем не менее он был тем самым принцем, который еще семнадцатилетним юношей столь решительно обнажил свой меч в поддержку Джованны, когда пятнадцать лет назад ей устроили судилище перед лицом Папы. За прошедшие годы ему довелось испытать множество превратностей судьбы и интриг, которые не прекращались при арагонском дворе, и несколько лет он даже провел в тюрьме, живя там в крайне тяжелых условиях. И сейчас его красота была еще более эфемерной, чем когда-либо.

Его появление вызвало шепот и смятение в рядах неаполитанских дам, и в особенности среди тех, кто принадлежал к царствующему дому. Сначала, однако, его рассматривали как одного среди многих других, поскольку Джованна, наслаждаясь таким пристальным вниманием мужчин и их ухаживаниями, не спешила связать себя новыми брачными узами. А вот принцесса Мария уже прикидывала, какие выгоды сулит ей данная ситуация.

Конечно, Мария страдала одним недостатком, если речь шла о выборе нового мужа: у нее уже был муж. Но она была не из тех женщин, которые останавливаются перед такой пустячной преградой, и вскоре распространились слухи, что несчастный Робер де Бо умер в своей подземной темнице. Вскоре вслед за этим известием распространился слух о том, что сама принцесса в сопровождении слуг спускалась в темницу, в которой она так долго держала несчастного малого, и лично наблюдала, как голову ее мужа отделили от тела, при этом всячески понося его и оскорбляя.

Разумеется, голова и тело были найдены затем плавающими в гавани отдельно друг от друга.

После этого, не желая зря тратить время на оплакивание супруга, принцесса буквально ринулась в объятия принца Хайме.

Как ни печально, но она была отвергнута. Возможно, что слухи достигли и его ушей и он решил, что если обе сестры и прослыли мужеубийцами, то Джованна, по крайней мере, искупила свой грех, а Мария — нет. Но самое важное — ведь он прибыл в Неаполь, чтобы жениться на королеве, а не на ее возможной наследнице.

А самое главное — Джованна сама начала посылать ему улыбки. Возможно также — хотя она не просвещала меня на этот счет, — что ее подстегнуло к этому соперничество ее сестры. А возможно, она вспомнила о многолетней преданности этого юноши и решила, что это было наилучшим способом отблагодарить его.

Как бы там ни было, но было объявлено, что королева Неаполя выбрала принца Хайме Арагонского своим третьим мужем.

Это был во всех отношениях брак по любви. Их чувства были столь же страстными, как и те, что соединяли Джованну и Людовика в первые месяцы их брака. Как оказалось, это еще была и самая серьезная ошибка, которую когда-либо совершала Джованна.

Когда Марию отвергли, она восприняла это столь трагически, что потеряла всякое желание жить и вскоре после этого подцепила какую-то простуду и умерла — бессмысленно прожитая жизнь, сулившая так много!

Джованна, несомненно, горевала по сестре, но она была вся поглощена долгим и страстным медовым месяцем со своим испанским возлюбленным, и, как я могла заметить, ее главным и подлинным чувством было облегчение. Тем не менее смерть Марии оставила открытым вопрос о наследнике королевы, ибо во всем королевстве Мария была признана и

принята как ее наследница. Джованна не делала попыток сразу же объявить другого наследника: несомненно, она сама рассчитывала на возможность в скором времени забеременеть. Поэтому многие представители благородных кровей строили собственные догадки и предположения относительно того, что если королеве не удастся произвести на свет наследника с помощью Хайме Арагонского, то корона Неаполя перейдет к сыну Марии, а в случае его смерти и при отсутствии у него детей — к его сестре Маргарите. Так оно и произошло. Хайме Арагонский, как ни старался, оказался неспособен дать королеве ребенка. Вне всякого сомнения, излишества юности истощили и ослабили его семя, а сын Марии Карл умер, не оставив потомства. Таким образом, наследницей престола стала Маргарита Дураццо.

К сожалению, цепь событий на этом не закончилась. Стоит вспомнить, что у злейшего врага Джованны, Карла Дураццо, был брат по имени Людовик, несчастный юноша, которого Людовик Венгерский увез с собой в Венгрию. Этот Людовик Дураццо уже взрослым вернулся в Неаполь. К этому времени он стал настоящим венгром, к тому же переполненным ненависти к королеве. Он даже попытался поднять против нее мятеж, но был разбит самим Людовиком Тарентским и заключен в подземелье, где и окончил свои дни.

Однако в юности он женился на даме (назовем ее этим словом за неимением лучшего) по имени Маргарита Корельяно, и от нее у него был сын, названный Карлом в честь дяди и прадеда. Сейчас этому Карлу исполнилось восемнадцать лет, и казалось вполне естественным, что он должен сочетаться браком с осиротевшей принцессой Маргаритой.

Джованна была в восторге от этой партии между троюродными братом и сестрой и, будучи очень чистой по натуре и потому не подозревая о зловных мечтах, снедавших других людей, и узнав, что никогда больше уже не станет матерью, согласилась назначить

своим наследником Карла, а Маргарита стала его соправительницей в качестве супруги.

Итак, сцена для кровавой трагедии была подготовлена, ибо оба молодых человека считали, что Джованна несет ответственность за смерть их отцов. Но поскольку королеве было всего тридцать семь лет и она была все еще в расцвете здоровья и красоты, казалось, что будущее не таит в себе никаких угроз, которые со временем нельзя было бы устранить. Я принимала незначительное участие во всех этих политических играх. Правда, я была подружкой царственной невесты на ее свадьбе, после чего поспешила покинуть Неаполь на весь сезон. Джованна была полностью поглощена своим молодым испанцем, поэтому я могла проводить большую часть времени в Эберли и наслаждаться своими резвящимися внуками.

У меня было еще одно дело — найти жену для Уильяма. Поэтому после идиллической жизни в Эберли в течение двенадцати месяцев я покинула Пьетро и Лючию, предоставив им заниматься делами, а сама вернулась в Неаполь в обществе своего сына. Там я сняла дом и принялась устраивать роскошные приемы, чтобы всем было понятно, что я ищу невесту для сына. В Неаполе было еще много людей из старого дворянства, которые смотрели на меня как на выскочку и бывшую рабыню. Но больше было таких, которые предпочитали смотреть фактам в лицо и признавать во мне одну из богатейших женщин Италии, да вдобавок еще и фаворитку королевы. Поскольку Уильям был моим единственным сыном, то эта более многочисленная группа людей без предрассудков была счастлива посещать мои вечера и приводить на них своих незамужних дочерей, разодетых в пух и прах.

Это было увлекательно, но Уильям, к сожалению, не проявлял интереса ни к одной из проходившей перед ним череды красавиц. Я уже начала подумывать, не последовал ли он примеру сестры и не влюбился ли в какую-нибудь судомойку. И сколько я его ни пытала, он упорно отрицал наличие такой связи, и я

начала понимать, что с ним, должно быть, что-то неладно, и особенно когда мой сын заявил, что хочет посвятить себя церкви.

Дочь вышла замуж за молочника, а сын наденет рясу. Мне пришло в голову, что над герцогством Эберли тяготеет проклятие. Поскольку его даровали мне, ибо оно осталось безнадзорным из-за отсутствия наследников мужского пола, то мне представлялось, что оно снова может остаться без хозяина после моей смерти, если Лючии не удастся произвести на свет ничего более достойного, чем дочери. Я побуждала ее сделать это как можно скорее, иначе ей могла грозить перспектива окончить свои дни в бедности.

Однако эти обстоятельства беспокоили меня меньше, чем можно было ожидать, поскольку мое внимание было отвлечено совершенно исключительным и счастливым происшествием.

Я как раз занималась тем, что наводила порядок в своем доме в Неаполе, а Уильям готовился к новой, более приемлемой для него главе жизни, пусть и бесплодной, но, возможно, не совсем уж безнадежно безрадостной, когда явился мой мажордом Раймондо и доставил мне послание.

Он сделал это неохотно, потому что опасался, как бы это послание не вовлекло меня в разные юридические проблемы. И как только я его прочла, так оно и оказалось. Послание было написано по-английски и гласило:

«Так как однажды мне посчастливилось мимолетно познакомиться с Вами, миледи, я рискую навлечь на себя Ваше неудовольствие, умоляя Вас о содействии. Мой корабль арестован. Меня обвиняют в контрабанде, а также в пиратстве и держат в городской тюрьме. Я подозреваю, что меня собираются колесовать. И это была бы не только незаслуженная, но и самая болезненная и унижительная участь. Поэтому, если Вы сохранили обо мне и о моей помощи Вашей

милости хоть какую-нибудь добрую память и почувствуете себя в силах помочь мне в той или иной мере, я был бы Вам за это вечно признателен.

Ваш покорный слуга

Кристофер из Залива».

Я даже и не подозревала, что этот славный малый умеет писать! Но морские капитаны умеют все!

— Негодяй уверял меня, что вы не разгневаетесь, моя госпожа, — сказал Раймондо.

— Разгневаюсь? — Я готова была расцеловать его. Кристофер, думала я, здесь, в Неаполе! И просит меня о помощи!

Через пятнадцать минут я уже была в тюрьме, а еще через пятнадцать минут, невзирая на сопротивление стражей, Кристофер и его люди были освобождены.

Он выглядел немного старше, чем прежде, и не приходилось сомневаться в том, что он был рад меня видеть.

— Теперь я ваш слуга на всю жизнь, миледи, — пообещал он. — Давайте, ребята, поспешим и отряхнем с наших ног прах и пыль этого места.

— Подождите минуточку, — возразила я. — К чему такая спешка?

— Ну, миледи, мне кажется очень важным обратиться из Неаполя до того, как эти ребята передумают.

— Этого не случится, — заверила я его. — В этой стране мое имя имеет некоторый вес. Я не могу допустить, чтобы вы снова появились в моей жизни и тотчас же исчезли. Вы поедете в Эберли и проведете там со мной некоторое время, и мы вспомним наши приключения.

Славный малый явно колебался, но у него не было выбора, поскольку он и его команда, по правде говоря, были отпущены мне на поруки. Я вернулась с ними на корабль, стоявший у мола, отпустила вооруженных стражей, поставленных на корабле, и несколько минут вспоминала приключения, пережитые на его борту. Потом я увезла Кристофера.

Он был последним мужчиной, с которым у меня были близкие отношения. И с этих пор уже прошло добрых два года. И все это время я была целомудренна, как монашка, и совершенно не проявляла интереса к мужчинам, которых мне доводилось встречать. Но вид моего старого друга и соотечественника вызвал в моей груди целую бурю чувств.

Путешествуя из Неаполя в Эберли, разумно было остаться переночевать в Неаполе. И у меня было искушение заехать в свой неаполитанский дом, чтобы провести в нем свою первую ночь с Кристофером. Но я решила не делать этого на тот случай, чтобы Джованна не прослышала об этом и не потребовала меня к себе. Она была чрезвычайно любопытна, когда речь заходила о сердечных делах или о плотских приключениях. Итак, мы двинулись в путь. Начался дождь, и когда мы добрались до деревни, где я обычно останавливалась на ночлег, мы были совершенно мокрыми, и с нас текла вода.

Хозяйка была рада видеть меня и не задала никаких вопросов, когда я попросила поселить нас обоих в одной комнате, где около жарко горевшего огня мы скоро высушили свою одежду, которую предусмотрительно сняли заранее, чтобы не простудиться. Сделав это, мы смогли оглядеть друг друга, и я вспомнила, какая великолепная фигура была у этого человека, и он, по всей вероятности, с таким же пристрастием разглядывал меня. К этому моменту мне было тридцать девять лет, но поскольку я отличалась умеренностью в еде и питье и много времени проводила в седле или на ногах, инспектируя свои владения, — главным образом для того, чтобы лишний раз напомнить себе, что все это богатство и в самом деле принадлежит мне, — то я вряд ли набрала хоть немного лишнего веса, а если и набрала, то это, по-видимому, пошло в грудь и заднюю часть, самые важные принадлежности моего тела, если взирать на них с мужской точки зрения.

Оглядев друг друга, мы попытались еще раз повторить великолепно проведенный нами день в Гавре

и не были разочарованы. Из всех мужчин, которых я познала плотски, Кристофер был мне по духу и образу ближе всех остальных, и поэтому с ним я чувствовала себя более естественно, чем с кем-либо еще. Кроме того, он был моим соотечественником. Вдобавок он был восхитительно чувственным, и когда ему удалось преодолеть неловкость от сознания того, что он держит в объятиях обнаженную герцогиню, он обнаружил полнейшую готовность разделить все мои желания. Он оказывался то на мне, то я на нем, мы перекатывались на постели с одного ее края на другой, купаясь в поту и семени, а пол скрипел так, что хозяин, без сомнения, был уверен, что его постоянный двор вот-вот развалится на части прямо у него над головой. Сомневаюсь, чтобы мы хоть чуть-чуть спали в эту ночь, разве что пару минут перед самым рассветом, а едва проснувшись, снова слились в любовном объятии.

Я была в полном восторге. Я впервые встретила мужчину, с которым искренне пожелала бы провести остаток своих дней, во всяком случае, со времени смерти бедного Альберто, хотя еще до печального события мы с ним уже изрядно умерили свой любовный пыл.

На следующий день, принимая во внимание то, что гостиница располагала весьма скромным комфортом, мы поспешили в Эберли и там нырнули в стоявшие рядом дымящиеся ванны. Лючия была изумлена, ибо я не рассказывала ей о своих последних приключениях во всех подробностях, но когда Кристофер оделся — а он был почти такого же роста, как бедный милый Фернандо и прекрасно выглядел в его костюме, — она и Пьетро были рады с ним познакомиться.

Целая неделя прошла в полной идиллии, в течение которой мы предавались радостям медового месяца с таким же рвением, как королева со своим Хайме. В свободные часы я показывала Кристоферу свои владения. Он был весьма впечатлен. Это меня подбодрило, и я отважилась сделать ему пред-

ложение, которое явно никогда не приходило ему в голову по причине различия в нашем положении.

— Милый Кристофер, — сказала я однажды вечером во время обеда, когда он попробовал было намекнуть, что ему пора возвратиться на свой корабль и к своей команде. — разве здесь ты не счастлив?

— Счастливее, чем когда бы то ни было в моей жизни, миледи. — Он настаивал на том, чтобы называть меня так, даже когда мы были в постели.

— Так почему бы тебе не остаться? — спросила я.

— Миледи? — спросил он с искренним изумлением.

— В качестве моего мужа, — сказала я и, видя его ошеломленное выражение лица, поспешила добавить: — Как ты знаешь, я уже несколько лет вдовою и мне нужен муж — человек, которому я могу доверять и который будет любить меня, как я его. Разве ты не такой человек, Кристофер?

— Видите ли, миледи...

— И не опасайся за свой корабль. Я выкуплю его, а потом верну команде, чтобы она могла отплыть на нем в Англию, тем самым освободив тебя от всяких обязательств и закладных. Разве такая перспектива не кажется тебе привлекательной?

— Это самая прекрасная перспектива, миледи, о какой я когда-либо слышал, если бы это было возможным.

— Уверяю тебя, ничто не сможет помешать этому, — сказала я ему.

— Кроме моей жены и детей, миледи.

Я отложила нож, чтобы внимательнее посмотреть на него.

— У тебя есть жена и дети?

— Увы, миледи, такова правда.

Я была готова пронзить его ножом, еще и еще раз, но предпочла, как всегда, держать себя в руках.

— Ты не говорил мне об этом.

— До сих пор не представилось удобного случая, миледи.

— Да? И ты любишь свою жену?

— Ну, миледи, как же это возможно, чтобы человек не любил свою жену? Но мы женаты уже двадцать лет... — Я видела, что он очень смущен.

— Значит, ты любишь своих детей?

— Как же человек может не любить своих детей, миледи, даже если они и отъявленные мерзавцы?

— Как и их отец, — заметила я.

— Я сознаю свое преступление, — согласился он, — но могу сказать только одно: я влюбился в вас, как только увидел.

— Это правда, Кристофер? — воскликнула я.

— Абсолютная правда. Я, конечно, понимал, что вы так же недостижимы для меня, как Луна. Тот день в Гавре был счастливейшим в моей жизни. Если не считать этой последней недели.

— Мой дорогой Кристофер, — сказала я, и наша беседа превратилась в череду вздохов и стонов, продолжавшихся добрых десять минут, после чего мы оба выглядели взъерошенными, утомленными и счастливыми.

Но не довольными.

— Что мне теперь делать, миледи? — спросил славный малый.

Я никогда не принадлежала к числу женщин, способных разбить семью. Богу известно, что я достаточно часто видела, как это делается.

— Конечно, ты должен вернуться к своей жене, — сказала я. — Но, Кристофер... — я прикоснулась рукой к его руке, — если тебе снова случится быть в этих водах, я прошу тебя зайти в Неаполь и дать мне знать о своем присутствии.

На следующий день, после нашей последней бурной ночи, он уехал, и уже не в первый раз в жизни я осталась раздумывать о том, какой могла бы быть моя жизнь.

В этом смысле есть одно некоторое утешение: как хорошо, что мы не можем предвидеть будущее!

Что касается Джованны, то, похоже, она была обречена на неудачные браки. А возможно, все дело в том, что мужчины по своей природе не созданы быть королевскими супругами-консортами даже самой прекрасной женщины своего времени.

Королева сделала Хайме Арагонского своим мужем весной 1363 года с присущим ей обычным и беспечным восторгом. То, что у Хайме была несчастливая жизнь, ей было известно, но она не вникала глубоко в подноготную его собственной жизни, жизни его семьи и Иберийского полуострова, откуда он был родом.

Этот мрачный придаток Европы, который многим кажется больше похожим на отросток Северной Африки, от которого его отделяет только узкий Гибралтарский пролив, в восьмом и девятом веках нашей христианской эры был полностью завоеван сарацинами, кроме только очень отдаленного северо-западного уголка. Именно отсюда потомки римских вестготов, составлявших население полуострова до прихода сюда мусульман, начали длительную борьбу за изгнание пришельцев, которая продолжается и по сию пору, когда я пишу эти строки, и получила название Реконкиста, что означает «обратное завоевание».

Вдохновляемые Святой Церковью и яростной гордостью, испанцы ухитрились одержать ряд славных побед над язычниками, и хотя мусульмане продолжали удерживать южную часть Иберии, северная ее часть, уже полностью ставшая христианской, была поделена на несколько мелких, но сильных в военном отношении королевств, самыми сильными из которых являлись Кастилия и Арагон.

Кастилии, находившейся в центральной части христианской Испании, выпало на долю вести основные бои против общего врага. Арагон же, расположенный на северо-восточном побережье полуострова, имел меньше контактов с мусульманами и по традиции больше обращал свои взоры к Средиземному морю в поисках возможности для экспансии. Следует напомнить, что именно Арагонский дом по приказу папст-

ва отобрал Сицилию у Анжуйского дома и с тех пор владеет ею.

Поэтому вполне естественно, что королевские семьи Кастилии и Арагона, имевшие общее прошлое и, вне всякого сомнения, общее будущее, многократно заключали между собой браки, и хотя Хайме был сыном арагонского короля Альфонсо IV и арагонской дамы Терезы д'Энтенса, после смерти матери воспитывался кастильской мачехой, когда Альфонсо женился на принцессе Леонор.

В 1336 году, когда Хайме исполнилось всего семь лет, король Альфонсо умер, и трон Арагона перешел к его старшему сыну Педро IV, а Хайме получил титул и графство Ургель. Лет через десять или около того он появился в Авиньоне, чтобы защитить королеву Неаполя. Вскоре после этого он примкнул к дворянам Арагона в их противостоянии королю, своему единокровному брату, стремившемуся укрепить королевскую власть. Эта арагонская попытка была подобна попытке наших баронов обуздать чрезмерную власть короля Иоанна в Англии, но она оказалась совершенно бесплодной: силы баронов были разгромлены под Эпилой в 1348 году, в результате чего следующие двенадцать лет Хайме провел в тюремном заточении. В конце концов, когда его высокомерный единокровный брат выпустил его из тюрьмы, он начал искать счастья в любых иных землях, но только не в Испании. Но он по-прежнему оставался все-таки испанцем, то есть сердце его оставалось крепко прикованным к овеваемому ветрами отечеству.

В равной степени он не был бы испанцем, если бы не помышлял о мести ненавистному брату.

Тем временем в соседней Кастилии семейные распри оказались разрушительными как для мира, так и для благоденствия страны. Альфонсо XI Кастильский был одним из величайших воинов в истории Испании, и его победа над мусульманами при Рио-Саладо 30 октября 1340 года, казалась, положила конец мусульманской экспансии. Тем не менее после его смерти десятью годами позже ему наследо-

вал его сын Педро, которого совершенно справедливо прозвали Жестоким.

У Альфонсо был также незаконнорожденный сын Энрике или, как называли бы его англичане, Генрих. Этому юноше, родившемуся в 1333 году, то есть он был на восемь лет моложе меня, пришлось, например, терпеть приставания и оскорбления своего сводного брата, пока в 1356 году он наконец не был вынужден бежать ко двору Франции. Там он скоро нашел сочувствие и понимание, потому что французский королевский дом, как бы он ни был удручен разгромом при Пуатье и последующим пленением короля Иоанна Доброго, был еще больше огорчен известием о том, что Педро скверно обращается со своей женой, французенкой Бланкой Бурбонской. И так случилось, что, поддержанный французами, Генрих, известный как Трастамара, объявил свои официальные притязания на трон Кастилии.

И, как теперь стало известно в Неаполе, это было сделано не без помощи и поддержки Педро IV Арагонского, не питавшего любви к своему кузену и тезке.

Сложившаяся ситуация грозила ввергнуть в войну всю Испанию, особенно когда стало известно, что англичане в лице ни много ни мало, а самого Черного Принца предложили поддержку Педро Кастильскому. Учитывая всем известную репутацию Педро, такое решение известнейшего героя своего времени могло бы показаться удивительным, но это объяснялось тем, что две дочери Педро — Констанция и Изабелла — были замужем за Джоном Долговязым и Эдмундом Йоркским, младшими братьями Черного Принца, и потому трон Кастилии, независимо от низости того, кто его занимал, был тесно связан с английским тронem.

Таким образом, созрела обстановка для невероятного конфликта, и именно в нем-то Хайме Арагонский решил сыграть свою роль, поскольку он понял, что если Генрих Трастамара и его арагонский союзник потерпят поражение, что было весьма вероятно, учитывая способности и репутацию их общего против-

ника, то корона Арагона могла бы оказаться без хозяина, а кто как не он был наилучшей кандидатурой, чтобы подобрать ее?

Кроме того, всего год или два тому назад этот Генрих Трастамара приезжал ко двору Неаполя и искал руки королевы. Его поражение и победа Хайме могли бы стать основанием для презрительного отношения победителя к побежденному. Но все было наоборот: Хайме затаил неприязнь, если не сказать, вражду к кастильцу, почти равноценную ненависти, которую он питал к собственному брату. И желание сразиться с ними обоими стало вдруг казаться Хайме самым важным делом его жизни.

Джованна была подавлена. Она очень крепко привязалась к своему молодому мужу и была страшно обеспокоена мыслью о том, что он отправится на войну и будет оторван от ее ложа, а к его услугам всегда будут все испанские сеньориты с томными глазами.

Она, конечно, не допускала и мысли покинуть Неаполь, чтобы быть рядом с ним, и поэтому придумала нечто другое, от чего уже я пришла в удрученное состояние.

— Смею напомнить вашей светлости, — сказала я, — что мне идет сороковой год, я уже бабушка, и моя последняя миссия в качестве посла вашей светлости окончилась полным провалом.

— Обстоятельства сложились не в твою пользу, — ответила Джованна, — но ты посеяла славные семена, и теперь я снова возвращаю тебя Черному Принцу, который, как мы знаем, питает к тебе большую симпатию, и не как к военнопленной, а как к моей представительнице. Он встретит тебя с распростертыми объятиями.

Я вздохнула: то, что она предсказывала, было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, но ничьи распростертые объятия не были мне милы, кроме объятий Кристофера. Но если уж в голову Джованны западала какая-нибудь мысль, разубедить ее было почти невозможно.

— А принц Хайме?

Теперь наступила очередь Джованны вздохнуть:

— Ты будешь приглядывать за ним, как мать. И как сестра. И если понадобится, то как приглядела бы я сама.

— Ваша светлость, вы возлагаете на меня огромную ответственность. — И еще кое-что, подумала я. — Мы даже не знаем, нравлюсь ли я принцу.

Мы встречались не особенно часто.

— О нет, мы прекрасно это знаем, — сказала Джованна. — Он считает, что ты вторая после меня по красоте женщина, какую он когда-либо видел. Глядя на тебя, он каждый раз тяжело вздыхает. Он будет очень рад видеть тебя рядом.

Если предположить, конечно, что я буду рядом, а не окажусь под ним.

— Вы уверены, что делаете все правильно, ваша светлость? Вы требуете от меня совершить акт прелюбодеяния, причем с вашим собственным мужем.

Джованна взяла мои руки в свои:

— Я делаю то, что должна сделать. Дражайшая Ричильда, ты единственное существо на свете, которому я доверяю. Я глубоко люблю Хайме, но он молодой и полный сил мужчина. Кто может сказать, не соблазнят ли его, когда он окажется вдали от моего ложа? Но ты, я знаю, будешь действовать в соответствии с долгом и никоим образом не предашь меня. Больше мне обратиться не к кому.

Я чувствовала себя одновременно и польщенной, и в то же время несчастной, поскольку понимала, до какой же степени должна быть одинока такая женщина, если она готова подставить тело своей лучшей подруги, лишь бы только не потерять своего мужа. И я больше не колебалась, хотя мое сердце и обливалось кровью при мысли о том, что мне предстоит покинуть свой замок и земли, мою дочь и внуков, чтобы вновь отправиться на поиски приключений.

Итак, Хайме и я с соответствующей свитой отплыли в Испанию. Сама Джованна вышла на дамбу, чтобы проститься с нами, поцеловала и обняла на прощанье мужа, а потом и меня.

— Не забывай о своих обязанностях, — напомнила она.

Как будто в этом деле у меня был хоть какой-нибудь выбор.

Самый безопасный, если и не самый скорый способ добраться до Толедо — это морем до Марсея, потом по суше пересечь юг Франции и пройти через север Испании. Такое путешествие занимало около двух месяцев и было сопряжено с изрядной долей неудобств. Но я была опытной путешественницей, и меня не могли напугать ни ветер, ни дождь, ни неуступчивый чиновник, ни сломанный мост.

Моего опыта было достаточно также, чтобы успокаивать принца, который очень нервничал и сердился при каждой задержке.

Ах, опыт! Это величайшее богатство, которым обладает человечество, но только при условии, что он не влияет на состояние духа. Я имею в виду, что целый ряд неудач не должен омрачать душу до такой степени, что человек становится неспособен немедленно воспользоваться любым проблеском удачи, если таковая вдруг выпадает на его пути. Однако, к сожалению, слишком часто и мужчины и женщины совсем падают духом, в то время как другие, которым слишком долго светила удача, становятся страшно высокомерными. И если я что-то усвоила в жизни благодаря своему опыту, так это то, что везение и невезение — всего лишь две стороны одной медали, и если поворачивать эту медаль достаточно часто, в конце концов восстанавливается равновесие.

Это был урок, который принц Хайме еще не усвоил.

Сложности в его жизни возникли в тот же самый день, когда, после того как нас отбуксировали из гавани, ветер стих и мы лишились возможности двигаться вперед. Как известно, на Средиземном

море не бывает приливов, а течения очень слабые, особенно вдали от Гибралтара. В Тирренском же море их практически не существует. Поэтому почти целые сутки мы дрейфовали неподалеку от Неаполя и всех островов.

Тот факт, что мы все еще были в пределах досягаемости Джованны, под ее оком, беспокоил Хайме гораздо меньше, чем то, что мы не неслись на всех парусах к пункту нашего назначения, где, как он был уверен, наступит апогей его жизни. Он все больше раздражался по мере того, как день клонился к вечеру, а когда наш капитан отважился высказать свое мнение о том, что штиль — столь же обычная опасность мореплавания, как и ветер, и что по крайней мере нам не грозит опасность налететь на скалы, он начал изрыгать проклятия и брань, заставив несчастного капитана в страхе спасаться бегством на корму, а вельмож принца и моих дам обмениваться беспокойными взглядами.

Принц тотчас же потребовал бутылку вина, которую ему немедленно подали. Будучи оптимисткой по природе, я считала, что к тому моменту, когда он выпьет вино, его потянет спать. Однако я заблуждалась. Осушив одну бутылку, он потребовал вторую и при этом начал разглядывать моих дам с выражением лица, по меньшей мере многозначительным.

Я поняла, что назревает кризис, причем гораздо быстрее, чем ожидала, и особенно когда взгляд принца задержался на девушке по имени Маргаретта. Она была самой юной (ей было всего шестнадцать) и самой хорошенькой среди моих дам, с развевающимися волосами каштанового цвета, столь редкого для уроженок Неаполя, с грудью, которая могла бы сделать честь матроне на добрых десять лет старше... или даже мне в ее возрасте. Я всегда считала столь невероятное развитие ее груди следствием привычки развлекаться с самой собой — употребляю этот термин за неимением лучшего — в течение длительных периодов времени, во время которых ее мощные вздохи и восклицания могли бы сдвинуть

корабль с места даже при полном отсутствии ветра. Но тем не менее я была очень привязана к этой девушке, такой расторопной, энергичной и послушной, и поэтому не хотела, чтобы она стала любовницей заблудшего принца.

Кроме того, не следовало забывать о наказе Джованны, а я опасалась, что, если принц хоть раз почувствует под своими руками великолепные холмы Маргаретты, он, возможно, никогда больше не пожелает вернуться в объятия своей жены. Вся красота Джованны заключалась в ее великолепных волосах, глазах, ногах и бедрах, и прежде всего, в ее необыкновенной личности: как я уже, возможно, упоминала, она совершенно не была предназначена природой для материнства.

Поэтому я почувствовала, что должна вмешаться, какой бы личной жертвы мне это ни стоило. И когда принц, размахивая второй бутылкой вина и разбрызгивая его по всей каюте, выразил желание остаться с Маргареттой наедине, я хлопнула в ладоши, отправила всех моих хихикающих девушек на палубу, а сама закрыла и заперла дверь каюты, оставшись в ней вместе с принцем.

Пока я проделывала этот маневр, он тянул вино из бутылки, и только когда опустил ее, чтобы взглянуть на объект своего вожделения, заметил, что вместо Маргаретты заполучил женщину, которая... если и не была столь зрелой, чтобы быть его матерью, но в его одурманенных вином глазах вполне могла показаться ему именно такой. С другой стороны, я была готова предоставить себя, чтобы предотвратить кризис, и если уж я говорю так сама, когда за такое дело берется Ричильда, герцогиня Эберли, то можно не сомневаться в его успехе.

И тут мы сделали целый ряд разнообразных открытий в отношении друг друга. Со своей стороны, принц открыл для себя, выражаясь фигурально, женщину, еще более привлекательную, чем его жена, и даже более богато одаренную природой, чем Маргаретта, чему был несказанно удивлен, увидев это. Что

же касается меня, то я, увы, нашла мужчину хотя и достаточно сильного, но все-таки еще неоперившегося юнца. Как женщина, познавшая великое множество мужчин, некоторые из которых были поразительно одаренными в области искусства любви, я чувствовала, что мое сердце обливается кровью из-за моей драгоценной Джованны, если она сочла его венцом того, чего смогла заслужить за время своего соломенного, а потом и подлинного вдовства. Прожить жизнь и, быть может, умереть, так и не познав Кола ди Риенцо, Черного Принца, короля Эдуарда или Кристофера из Залива, было поистине бесцельной тратой жизни женщины.

Нет нужды говорить, что, вкусив однажды того, что я могла ему предложить, принц Хайме возвращался ко мне каждый день во все время нашего путешествия и умудрился влюбиться в меня без памяти еще до того, как мы достигли Толедо, но так как я ни в малейшей степени не разделяла его любви, то, как бы часто ни была я вынуждена утолять его страсть, я не опасалась за сохранность брака своей госпожи.

Итак, мне удавалось удовлетворять его и в то же время в мои редкие минуты досуга еще и осушать слезы разочарованной Маргаретты. Таково позорное состояние нравственности при современных дворах (а Неаполь имеет репутацию очень высоконравственного — или наоборот?), что глупая девушка уже отдала свою девственность какому-то грубоватому малому, обещавшему ей достать звезду с неба или, по крайней мере, обручальное кольцо на палец, до того как сбежать с ее старшей сестрой. Именно это печальное обстоятельство заставило меня, жалостливую по натуре, взять ее к себе в услужение за приличное вознаграждение, если можно так выразиться, выплаченное ее расстроенным, но очень богатым отцом, который видел только один способ решения этого вопроса, а именно: запретить ее на всю оставшуюся жизнь в монастырь.

Находиться же в услужении у герцогини Эберли — совсем иное дело.

Увы, я не способна творить чудеса, и хотя я сама находила Маргаретту весьма привлекательной девушкой и приятной компаньонкой, история ее несчастья стала известна во всех кругах неаполитанского общества, и не нашлось ни одного молодого человека, который пожелал бы проложить тропу к ее гостеприимной двери. Провести всю жизнь незамужней девицей у меня в услужении, по-видимому, все-таки было лучше, чем жить в монастыре, но девушка остро переживала свое печальное положение, а тут ей предоставилась было возможность стать любовницей принца, что во многих отношениях было даже лучше, чем брак.

Теперь и этой мечте не суждено было сбыться, и виновата в этом как раз та самая женщина, которую она любила и которой восхищалась больше всех. Я могла только объяснить ей ситуацию и уверить ее, что я всего лишь выполняю свой долг и что не получаю от этого никакого удовольствия, а потом заключить ее в свои объятия и прижать к груди, что было непростым делом.

Единственной моей целью было теперь как можно скорее завершить кампанию и вернуть принца его супруге, а самой возвратиться в свой дом и к своей семье. Увы, надеждам этим не суждено было сбыться. Должно быть, меня сбilo с толку мое первое появление на европейской сцене. Волею судеб я попала во Францию осенью 1356 года и догнала короля Иоанна и его бездарную армию как раз в тот момент, когда она готовилась вступить в битву. Если бы я была историком, я могла бы оценить свое везение.

Дело в том, что Англия и Франция на момент битвы при Пуатье находились в состоянии войны уже девятнадцать лет, и за это время между ними состоялось три решительных сражения, причем одно из них было на море. И случилось это в Испании. Генрих Трастамара собирал огромную армию при финансовой

помощи французов и поддержке арагонцев. Но у него ушло несколько лет на то, чтобы выйти на поле боя с весьма слабыми надеждами на успех.

Нельзя сказать, что они у него бывали когда-либо раньше.

Здесь я снова должна прервать свое повествование и, чтобы мой читатель не запутался, объяснить, каким образом Франция, которая, когда я в прошлый раз упоминала ее в этой хронике, лезла из кожи вон, чтобы собрать выкуп за короля Иоанна Доброго, теперь вдруг оказалась в состоянии вложить деньги в такое сомнительное предприятие, как поход Генриха Трастамары. Ответ будет коротким: король Иоанн Добрый умер.

Он до конца дней своих жил жизнью, обычной для бесшабашного рыцарства. Так как Франция запаздывала с выкупом, была заключена сделка, состоявшая в том, что один из его сыновей отправился в Англию, чтобы занять место заложника, заменив собой отца, в то время как Иоанн вернулся на родину, чтобы воодушевить свой народ на уплату выкупа. Как и можно было предположить в подобных обстоятельствах, он не был принят с распростертыми объятиями, а как только он благополучно добрался до Франции, его сын, руководствуясь моральными устоями, отличными от устоев его отца, бежал из лондонского Тауэра и, переправившись через Ла-Манш, вернулся домой.

Король Иоанн Добрый, естественно, был смущен этим попранием кодекса рыцарства и немедленно вернулся в Англию, чтобы сдаться. Следует признать, что его народ был более чем счастлив, узнав о том, что он покинул свою страну. Не менее рады были и его сыновья. Поэтому остаток жизни он провел в почетном и дружелюбном, а также полном сладострастных развлечений плену среди роскоши Лондона.

Однако этот инцидент еще более ухудшил отношения между Англией и Францией. Англичане сочли, что французы вели себя как отъявленные трусы, а французам было наплевать на то, как они себя ведут, если появилась возможность повернуться спи-

ной к ненавистным англичанам. Поэтому, хотя Жакерия все еще свирепствовала и только небесам было известно, сколько несчастных дворян было поджарено на вертелах над собственным очагом и сколько лакомых кусочков их тел было предложено отведать их женам и дочерям, сын короля Иоанна, теперь король Карл V, был рад перебросить часть своих скудных средств на то, чтобы доставить неприятности Черному Принцу.

К несчастью для французов, деньги никогда не были равноценной заменой военного гения, но, как я уже упоминала, для того, чтобы привлечь Генриха и его сторонников к баталии, требовалось время. И вот как раз в период этой необходимой подготовки Хайме, я и вся наша группа без лишних неприятностей и происшествий добрались до Толедо.

Где и были снова представлены моему бывшему любовнику. И тут я испытала нечто вроде шока.

Конечно, мне было известно, что несколько лет назад Эдуард женился на даме благородного, но не королевского происхождения по имени Джоан из Вудстока, которая была вдовой. Я ведь тоже была вдовой, когда мы с принцем впервые встретились, и если я и не могла похвастаться благородной родословной, то, по крайней мере, я была герцогиней. Когда он отправил меня услаждать его отца, будто я была обыкновенной шлюхой, это меня очень расстроило, но я подумала, что, вероятно, он присмотрел себе какую-нибудь принцессу. Но оказалось, что его взор был все это время обращен на эту чертову вдовушку. По правде говоря, я никогда не видела этой дамы, но не могу поверить, что она или кто-либо другой был бы столь же богато одарен природой, как я. Поэтому всю эту историю я восприняла как оскорбление, но в то время, в 1361 году, я уже была полностью поглощена своим владением Эберли и была склонна послать ко всем чертям и Англия, и ее подлый правящий дом.

Однако прошло уже четыре года после свадьбы принца, и я знала, что его жена находилась в Бордо,

пока ее муж воевал. Поэтому я рассчитывала на счастливую встречу двух старых друзей, которая могла бы оторвать принца Хайме от моей постели на все время нашего визита, хотя я не забывала бы о чувстве ответственности и по-прежнему помнила бы о своем долге — защищать принца от опасности отдаления его от своей жены.

Однако все мои планы были разрушены самим принцем Эдуардом.

Во-первых, я выяснила, что он безумно влюблен в свою жену и не собирается ни с кем вступать в любовные отношения, даже с такой изысканной и хорошо экипированной — позволю себе такое новое и необычное выражение — дамой, к тому же прекрасно умевшей удовлетворить любовные вожделения, какой была я. Во-вторых, что было гораздо более тревожным с политической и военной точек зрения, чем даже с личной, принц уже не был тем полным сил и энергии молодым человеком, которого я запомнила за то короткое время, что мы были вместе восемь лет назад. Он страдал от постоянно мучившей его лихорадки, которая столь часто укладывала его в постель и сопровождалась острыми приступами, сотрясавшими его с головы до ног, а также от некоторой изменчивости настроения. Когда он был здоров, трезв и в хорошем расположении духа, это был все тот же отважный рыцарь. Но когда его подкашивала болезнь и он пытался заглушить ее с помощью вина, то становился столь же порочным, как и многие другие, кого мне довелось знать. Я не сомневаюсь, что именно эта болезнь свела его в могилу значительно раньше положенного срока и, что оказалось весьма прискорбным для Англии, именно она стала причиной того, что он допустил ужасное разграбление Лиможа несколькими годами позже.

Но я только предполагаю. В то время как принц Хайме был встречен Педро и Эдуардом с распростертыми объятиями, ко мне отнеслись с некоторым недоверием, и особенно со стороны последнего. Вне

всякого сомнения, это объяснялось тем, что еще до его брака наши имена связывались вместе, и он опасался, что известие о моем прибытии в Толедо просочится и дойдет до его жены в Бордо.

Поэтому принц предпринял шаги, чтобы представить меня в самом привлекательном свете Педро. Следует напомнить, что у Педро было прозвище Жестокий. К несчастью, он обратил на меня самое серьезное внимание, чему, конечно, способствовали откровения Черного Принца.

До того как я поняла, что происходит, я оказалась запертой в одной комнате с королем Кастилии, и это способствовало приобретению мною весьма интересного опыта. Я считаю, что, каковы бы ни были наши надежды на потустороннюю жизнь, необходимо испытать на этой земле все, что только возможно, хотя бы для того, чтобы, когда священник придет даровать вам последнее утешение, вы могли бы сказать себе: я жила!

Нет сомнения, что некоторые стороны жизни лучше было бы забыть, а некоторые события, случившиеся в моей жизни, я вспоминаю с трепетом и содроганием и без всякого удовольствия. К числу таковых я могу отнести и то, что мне пришлось покориться Педро Жестокому, и когда я выяснила, что он не мог уложить в постель ни одной женщины, предварительно не исполосовав в кровь ее ягодицы, я в ярости чуть не ринулась из его комнаты, полностью поняв нежелание Бланки Бурбонской делить с ним ложе. Я не совершила этого шага отчасти потому, что у дверей стояли вооруженные стражи, которые вернули бы меня обратно, а отчасти потому, что Джованна просила меня быть сговорчивой со всеми, кто в дальнейшем мог бы способствовать делу Хайме. Моя обожаемая Джованна, как бы ни сожалела она о разлуке со своим супругом, даже не могла себе представить, что за империю мог бы создать союз Арагона и Неаполя!

Итак, мне пришлось пережить назойливость этого человека, который оказался гораздо более мерзким и скользким, чем я могла предполагать, судя по извест-

ным мне слухам. Я и в самом деле скоро прониклась сочувствием к его несчастной супруге, которая категорически отказалась делить с ним ложе.

Но я не могла сделать того же самого и была еще больше ошеломлена его решимостью делить свою постель одновременно со мной и Маргареттой, когда увидела, как он внимательно и долго разглядывал декольте девушки, низко склонившейся перед ним после нашего прибытия в Толедо. Моей первой реакцией было чувство облегчения, ибо я считаю: если ты делишь мужчину, то, значит, выражаясь фигурально, имеешь только его половину. Таким образом, это облегчило муки моей совести в отношении Маргаретты, которая отчаянно хотела иметь хотя бы кого-нибудь, а в данном случае это был даже не принц, а король!

Но я, как обычно, оказалась слишком большой оптимисткой. Идея Педро о развлечениях в спальне предполагала развлечение двух его партнерш друг с другом. Я, конечно, не раз с удовольствием резвилась с Джованной и в девические годы, и в моменты тяжелейших испытаний в более поздние годы нашей жизни, но потрафлять прихотям извращенного чудовища — было совсем иное дело. Из чувства благопристойности я опушу некоторые детали. Скажу только, что, помимо всего прочего, от нас требовалось, чтобы мы стегали друг друга хлыстами, пока он не получит удовольствие. Но мы, вернее я, не получили никакого облегчения, когда он, возбудив себя таким образом до состояния ярости, набрасывался на Маргаретту и овладевал ею, надо сказать, к ее большому удовольствию. Потому что, оставив тяжело дышавшую и в состоянии полного изнеможения девушку, избитую и покрытую ссадинами, он все еще сохранял достаточно сил, чтобы наброситься на меня!

Мое пребывание в Толедо не было спокойным, потому что мне приходилось делить короля с еще более несчастным Хайме, который был отлично осведомлен о происходящем. Но поскольку он зависел от помощи

Педро в достижении своей ожидаемой победы, которая дала бы ему корону Арагона, он ничего не мог сделать. Что же до приключения, которое вскоре мне предстояло пережить, то я была склонна счесть весь этот эпизод самым примечательным, хотя на самом деле он был совсем незначительным по сравнению с тем, что последовало вслед за этим.

Несмотря на изнеможение вследствие столь бурной жизни, я наслаждалась пребыванием в Толедо, этом красивейшем городе, расположенном как бы в объятиях рукавов реки Тахо. Эта водная артерия, берущая свое начало в горах Испании и сбрасывающая в нескольких сотнях миль к западу свои воды в Атлантический океан, давая при этом герцогству Португалия большие торговые преимущества — город под названием Лиссабон (искажение мавританского слова «Лузбона», что означает «Добрая вода») возник в устье реки и скоро стал одним из самых процветающих городов полуострова, — совершает V-образный поворот и огибает город Толедо, образуя таким образом недоступный для плавания ров, тянущийся на юг и восток.

Поэтому необходимо защищать только северо-западную часть города, обнесенную обычными стенами, преодолеть которые не составит труда любому, знающему свое дело военачальнику. Тем не менее Альфонсо XI отвоевал город у ленивых мавров в прошлом веке, и теперь город считался самым христианским городом, что еще более подчеркивалось восстановлением собора, в котором покоились мощи вестготских королей, правивших Испанией в течение предыдущих восьмисот лет.

Я нашла, что Толедо — восхитительное место и, невзирая на страх растолстеть, наслаждалась местным лакомством — миндальным тестом, которое здесь называют «мазапан».

Однако Хайме и я прибыли сюда с целью сразиться с Генрихом Трастамарой и выиграть эту битву, что в конце концов и произошло при Наварете или, как еще называют это место, в местечке Нахера. Эта де-

ревня расположена к северу от Толедо, вернее, всего лишь в нескольких милях к югу от реки Эбро.

Обстоятельства этой битвы, возможно, самой большой победы Эдуарда, нуждаются в пояснении. Большая часть армии Черного Принца оставалась в Бордо, и для того, чтобы оказать поддержку Педро, ему нужно было провести свои войска через Пиренеи. Побывав в Толедо, он решил — и, считаю, совершенно справедливо, — что город вполне возможно оборонять, и потому вернулся к месту дислокации своих войск, чтобы мобилизовать силы. Поэтому Педро оставили командовать войсками на юге, что, как выяснилось, оказалось огромным просчетом, потому что, не успев Черный Принц уехать, как Генрих Трастамара и Педро Арагонский двинулись на своего противника.

Это был момент, которого мы все ожидали, потому что наш Хайме не сомневался в том, что он и Педро способны разгромить этих мятежников, как он их называл, даже без помощи принца. К сожалению, Педро, бывший столь же трусливым, сколь и жестоким, думал совсем иначе и еще до того, как силы противников сошлись в бою, бежал из города на север.

Нам, естественно, пришлось его сопровождать, и это было черт знает какое поспешное бегство, ибо Генрих Трастамара и Педро Арагонский пустились преследовать нас по горячим следам, и это продолжалось до тех пор, пока мы не добрались до Эбро, где все наши маневры были приостановлены известием о том, что Черный Принц перебрался через Пиренеи и вышел на Испанское плато.

Это было нелегким делом, ибо горных перевалов было не так уж много и их было легко блокировать, если проявить должную решительность, а арагонцев Генриха в его борьбе против Педро поддерживали не только большое число кастильских мятежников, но и знаменитый французский солдат по имени Бертран дю Гюислен со своим отрядом французских воинов.

Тем не менее Эдуард, убедив своих противников, что собирается воспользоваться перевалом Ронсеваль, известным в истории и увековеченным в легендах как место последней битвы Роланда, соратника Карла Великого, с басками более пятисот лет назад, перехитрил объединенные силы врага и быстро двинулся на юг, успев перейти вброд Эбро еще до того, как враги узнали о его намерениях, что позволило ему объединить своих англичан с испанцами Педро.

И тут нам пришлось встретиться лицом к лицу с врагом.

Как это всегда бывало во время сражений, армия Генриха превосходила силы противника. Она насчитывала две тысячи французских всадников, более пяти тысяч воинов кастильской тяжелой кавалерии, четырех тысяч легкой кавалерии, шести тысяч арбалетчиков, а также добрых двадцати тысяч пехотинцев. В целом это составляло более тридцати семи тысяч человек.

Под командованием принца находилась примерно половина этого числа солдат, из которых было около десяти тысяч кавалеристов, примерно пять тысяч лучников, а остальные — пехотинцы.

Что касается последующих действий, то все было, как при Пуатье. За последние годы дю Гюислен завоевал репутацию бесстрашного воина — предводителя нерегулярных сил, действовавших против удерживаемых англичанами отдельных городов и крепостей, и соотечественники считали его героем. Однако на данном этапе своей карьеры он не мог придумать лучшего тактического плана, чем тот, который двенадцать лет тому назад применил король Иоанн Добрый, когда он заставил свою кавалерию спешиться и повел пеших кавалеристов на английские позиции.

Французы, по крайней мере, знали, чего ожидать, и рассчитывали, что если бы им удалось добраться до рядов англичан, как это им удалось молниеносно сделать при Пуатье, то они одержали бы победу. И потому они отважно двинулись навстречу туче

летевших на них стрел. Но их было слишком мало, а испанские рыцари, присоединившиеся к ним в этой попытке штурма, скоро сочли укусы стрел слишком суровыми, чтобы продолжать их терпеть, и обратились в бегство.

Пехота из наемников и арбалетчики почти тотчас последовали их примеру, в то время как французские рыцари, теперь уже полностью окруженные и обреченные на уничтожение, сделали единственно разумную вещь и сдались.

Черный Принц одержал еще одну удивительную победу. Ценою едва ли сотни убитых и чуть большего числа раненых он получил семь тысяч убитых врагов и, по крайней мере, такое же количество раненых.

Педро Жестокий одержал победу, хотя и не своими руками, и обеспечил себе трон Кастилии. Тем не менее у судьбы есть свои способы подставить ножку негодяю. Эдуард должным образом сопровождал нас обратно в Толедо с большой пышностью и соответствующими церемониями, и в течение некоторого времени мы предавались пирам и распутству. Раз или два я даже оказывалась в объятиях принца. Но это было начало падения Педро.

Эдуард, как я уже рассказывала, больше не испытывал ко мне любовных чувств. Все его помыслы были заняты женой, и он стремился вернуться в ее объятия. Но он не мог не относиться ко мне с теплотой, памятуя о том, что нас связывало, и поэтому был потрясен, когда узнал, как мерзко обращался со мной его гнусный родственник. К этим свидетельствам его «домашних шалостей» принц мог добавить свой собственный опыт общения с Педро, присовокупив к этому его недостатки, свойственные Педро как правителю и воину. Он не забыл того, что король Кастилии не принимал участия в битве, обеспечившей ему право на корону. Педро маячил где-то на заднем плане, пока длилась битва, и появ-

вился только тогда, когда в победе уже можно было не сомневаться.

В результате всего этого пребывание принца в Толедо оказалось короче, чем мы ожидали, и он вскоре двинулся морем к Бордо, сопровождаемый своими людьми.

Естественно, это полностью изменило ситуацию, хотя я не могла отделаться от чувства, что со стороны Педро было до крайности наивно полагать, что столь занятой человек, как Черный Принц, проведет остаток своих дней в качестве подпорки для кастильской короны. Во всяком случае, не успела еще распространиться весть об отъезде принца, как Генрих Трастамара, столь основательно потрепанный всего несколько месяцев назад, снова вышел на поле боя. Он уже не имел поддержки Гюислена и его французов, которые испытывали такое же отвращение к своим испанским союзникам, как Эдуард к своим, но Педро Арагонский снова встал на его сторону, жаждая быть отмщенным перед своим кастильским кузеном и его братом.

Я считала, что нам с Хайме следует уехать вместе с Черным Принцем и поспешить вернуться в Неаполь, где мы не были уже более двух лет. Как мне хотелось увидеть свою дорогую Лючию и ее милых крошек! Но Хайме не хотел возвращаться. То, что его брату удалось ускользнуть с поля боя при Наварете без единой царапины, полностью разрушило все его честолюбивые замыслы. И в то же время Педро был решительно настроен не позволить мне уехать. И вот меня, матрону сорока трех лет, держали пленницей как какую-нибудь восемнадцатилетнюю девушку с единственной целью — ублажать своей персоной короля в постели, и мне только оставалось дожидаться, когда снова забряцают оружием.

Но мне не пришлось присутствовать близ поля боя, когда после невероятно долгого маневрирования обе армии наконец сблизились около деревни Мадрид, в каких-нибудь пятидесяти милях от Толедо. Это слу-

чилось примерно через два года после триумфа Педро при Наварете. В тот момент у меня был приступ лихорадки и я не могла принимать участия в кампании. Хайме, естественно, отправился туда, уверенный, что ему наконец удастся захватить арагонскую корону. Я же осталась в Толедо с моей верной Маргареттой и остальными моими дамами, ожидая весточки с севера. Но когда она пришла, то оказалась весьма прискорбной. Окровавленный адъютант примчался в город, выкрикивая, что все потеряно. Когда его начали расспрашивать, он рассказал, что армия Педро и Хайме была полностью разбита, что Генрих встретился один на один со своим сводным братом и собственным ножом перерезал ему горло и что граф Трастамара идет теперь на нас во всем своем блеске, объявив себя королем Кастилии и угрожая отомстить всем, кто хоть в какой-либо степени поддерживал Педро.

Это меня очень встревожило, потому что в Толедо не было ни одного человека, кто не был бы уверен в том, что я делила постель с покойным королем... А от человека, перерезавшего горло собственному брату, вряд ли можно было ожидать чего-нибудь хорошего.

— А какие новости о короле Неаполя? — спросила я.

— Он сбежал с поля боя и движется на запад. Он велел мне просить вас встретиться с ним в Лиссабоне, где вы оба сядете на корабль и отправитесь в Италию.

Именно так! Встретиться с ним в Лиссабоне! Будто нас не разделяла половина Иберийского полуострова, в том числе самые неприступные горы, шайки бандитов и, что хуже всего, несколько армий мавров. И все же учитывая, что в противном случае мне предстоит сдать себя и обречь себя на месть Генриха Трастамары, я созвала своих дам и объявила, что мы немедленно отправляемся.

Мое решение не доставило им удовольствия. Лучше встретиться лицом к лицу с врагом, которого мы

знаем, чем рисковать встречей с маврами. Таково было их общее мнение. Конечно, Маргаретта осталась верной мне до конца. В прошлые два года мы делили с ней так много, что она не могла себе представить жизни без меня. Но мне удалось убедить сопроводить меня еще одну девушку, Хоакину, и двух грумов. Тем не менее я не поддавалась страху. У меня не было надежды на то, чтобы обеспечить себе более надежный эскорт, и в этом случае чем меньше нас было, тем больше у нас было надежды избежать пленения. Я ухитрилась заполучить восемь лошадей и мешочек золотых монет, который всегда был прикреплен к моему поясу. И вот мы верхом двинулись на запад.

Что и привело меня к приключению, о котором я упоминала раньше. Потому что, конечно же, мой план был обречен на неудачу. Наш путь был сопряжен с многочисленными трудностями, и через несколько дней после нашего отъезда из Толедо, пытаюсь избежать банды испанцев очень подозрительного вида, которые, судя по всему, двигались почти вместе с нами тоже на север, мы слишком углубились на юг и, должно быть, не заметили, как пересекли границу мавританской Испании. Мы еще даже не успели понять свою ошибку или хотя бы удивиться, почему наши предполагаемые грабители больше нас не преследуют, как оказались окруженными свирепого вида малыми, явно не христианского вида.

В моей памяти мгновенно всплыл тот день, когда корабль, на котором я путешествовала со своей семьей, был осажден мерзавцами, чрезвычайно похожими на этих, и поскольку не было никакой надежды на то, что даже самый беглый осмотр моих гениталий не сможет убедить кого-либо в том, что я девственница, я тут же вспомнила горькую судьбу своей матери и сестры и прижала Маргаретту к груди, понимая, что мы с ней оказались, так сказать, в одной лодке. То же самое можно сказать и

о Хоакине, которая хотя и была втрое моложе меня, но из-за весьма фривольной морали современных дворов у нее тоже вряд ли были шансы продемонстрировать свою девственность.

Судя по всему, мои страхи были небезосновательны, потому что нас оторвали друг от друга и раздели. Наши грумы подверглись той же участи, потому что мавры отличаются необыкновенной широтой взглядов и способны одинаково наслаждаться красотой, независимо от того, мужская она или женская.

Однако когда предварительная подготовка к насилию была закончена, наступила заминка. Отчасти потому, что, сняв с меня пояс, мавры обнаружили мой мешочек с золотыми монетами, который был достаточно увесист, чтобы убедить их в том, что они захватили в плен даму высокого ранга, ибо они были слишком невежественны, чтобы понять это по фасону моей одежды, которую они только что с меня сорвали. Но в равной степени это объяснялось и тем, что никогда прежде они не встречали ни светловолосых женщин, ни таких красавиц.

Теперь же их капитан сложил два и два, и у него получилось четыре.

— Вы та женщина, которую называют герцогиней Эберли? — спросил он на довольно скверном испанском.

— Меня не называют, — парировала я. — Я и есть герцогиня Эберли.

— Вы будете хорошим подарком для моего господина, — сказал он мне и скомандовал, чтобы мою наготу прикрыли тщательнейшим образом, завернув меня в один из просторных плащей, так что снаружи я стала совершенно невидимой, а мое лицо до самых ушей закрыли белой маской, которая совершенно скрыла нижнюю часть лица.

Не хочу сказать, что я чувствовала себя вполне уютно, но, по крайней мере, я осталась жива и пока еще не была изнасилована. Чего не могу сказать о тех несчастных, кто сопровождал меня, которых распрос-

терли на земле, и на них навалились орды возбужденных мавров. Как ни странно, но, похоже, их больше привлекали грумы, чем мои женщины, и их страсть к молодым мужчинам была столь велика, что на мгновение я почувствовала себя в такой же безопасности, как в те времена, когда находилась в обществе брата Жюля и его друзей.

Однако довольно скоро они переключили свое внимание на Маргаретту и Хоакину. Они так тщательно их рассматривали и изучали, что от одних этих взглядов можно было лишиться девственности, имей они до сих пор это сокровище.

Я почувствовала себя обязанной вмешаться, насколько это было для меня возможно, и сняла с лица маску, ибо обнаружила полную невозможность говорить, не вдыхая при этом в рот изрядное количество ткани.

— Это мои дочери, — объявила я, — и должны сопровождать меня, куда бы я ни отправилась.

Мой главный властитель, захвативший меня, уставился на мое лицо, а потом стал рассматривать лица обеих девушек.

— Вы лжете, — заметил он. — Они ничуть на вас не похожи.

— Они похожи на моего мужа, — настаивала я.

И снова внимательные взгляды, весьма пристальные, пока Хоакина и Маргаретта, сидевшие на земле и дрожавшие с головы до ног, что было вполне естественно в их бедственном положении, сложили руки и молились.

— У вас, должно быть, было два мужа, — решил капитан мавров.

— А разве не у всех так? — спросила я. — Я — герцогиня.

Это смутило бедного малого, и он подчинился моим желаниям. Маргаретту и Хоакину тоже прикрыли плащами, как и меня, после чего нас поместили в три огромные корзины, прилаженные на спинах мулов, как если бы мы были призовыми курами-переростками, и мы двинулись на юг.

Но я, по крайней мере на данный момент, спасла им жизнь. К сожалению, я не смогла сделать этого для своих грумов. Я больше никогда их не видела, но весьма опасаясь, что их искалечили, а потом убили, как только эти разбойники натешились ими — именно так обычно поступают мавры.

Я предавалась мрачным раздумьям, пока тряслась на спине этого ужасного мула. Мое положение было неутешительным, и это еще скромно сказано. Тот факт, что мне удалось уцелеть, видимо, означал лишь то, что две мои горничные и я будем обречены на весьма печальную участь, как только прибудем к месту назначения.

При самых благоприятных обстоятельствах я все же была пленницей, и моим надеждам присоединиться к Хайме и таким образом благополучно вернуться в Неаполь к дорогим мне людям пришел конец.

Мы путешествовали два дня, и мне еще никогда не случалось испытать худшего времени. Хотя меня выпускали из моей корзины поспать, но при этом привязывали за лодыжки веревками к вбитым в землю колышкам, а другие концы веревок были привязаны к запястьям моих стражей. Эти несносные создания настаивали даже на том, чтобы сопровождать меня, когда мне было необходимо удовлетворить свои естественные надобности, при этом не проявляя ни малейших угрызений совести, когда мне приходилось обнажаться. В конце концов они ведь уже лицезрели мои прелести, однако начинали орать на меня на разных языках, как только я снимала с лица вуаль.

Поистине странные люди.

Маргаретта и Хоакина испытывали те же самые неудобства, но нам не давали особенно общаться, обсуждать свое положение или делиться опасениями. Однако удивительно, насколько различны были у нас восприятия нашего мрачного будущего по мере приближения: я думала только о том, чтобы сбежать от своих тюремщиков и добраться до солнечного Не-

аполя, даже не представляя, как это возможно осуществить. Хоакина, родом из Кастилии, была озабочена лишь своим унижением, а именно тем, что ею распоряжались существа, которых она считала никак не выше обыкновенных диких зверей и неверными до мозга костей, и даже подумывала о самоубийстве, также совершенно не представляя, как это возможно сделать. Маргаретта, по-прежнему находясь в своем постоянно возбужденном состоянии, была полностью поглощена мыслью о том, что ее вынудят принадлежать одному из этих волосатых и, несомненно, чувственных животных, и такую возможность она находила восхитительной.

И у нее было множество идей о том, как это будет происходить.

Итак, на третий день пути мы прибыли в расположенную на холме крепость Антиквера, которую эмир этой шайки мавров считал своей столицей. Мы поднялись вверх по крутым улицам города и добрались до замка, оказавшегося хорошо укрепленным местом. Здесь, окруженные любопытствующими солдатами, мы были проведены под присмотром эскорта в довольно просторное и обставленное с известной роскошью жилище и представлены эмиру Али бен-Юсуфу бен-Хададу бен-Нази — если перечислять в его имени только его ближайших предков.

Это был низенький и толстый человечек, который едва доставал головой до моего плеча, но зато обладал щетинистыми усами, которые, казалось, ощетинились еще больше, когда наш капитан объяснил ему, кто я такая. Он пришел в сильное возбуждение, и мы даже не успели понять, что происходит, как нас всех троих препроводили во внутреннюю маленькую комнату, где нас встретили какие-то странные мужчины, если только так можно выразиться.

Это была моя первая встреча с евнухами, и моей первой реакцией было отвращение. Но должна признаться, что обращались они с нами значительно мягче, и в их обращении не проглядывало определенное намерение, как это было у наших недавних

хозяев. В мгновение ока мы были раздеты и подвергнуты самому внимательному изучению со стороны эмира, который разглядывал меня так, будто искал какое-то невидимое родимое пятно. Я попыталась объяснить, что пребываю не в самом лучшем виде и что мне отчаянно нужно, по крайней мере, принять ванну, но это его не отвратило: возможно, потому, что я не говорю на языке мавров, он так и не понял, что я пыталась ему втолковать.

Закончив свое внимательное разглядывание, он переключил внимание на обеих девушек, но это был довольно беглый осмотр, ибо вскоре нас всех троих евнухи быстро увели в комнату, похожую на ванную, но гораздо больше и роскошнее, чем я видела до сих пор. Здесь нас искупали, но прежде подвергли ряду каких-то совершенно, с моей точки зрения, нехристианских процедур.

Во-первых, нам не разрешили ничего делать самим. Евнухи настаивали, чтобы это удовольствие было предоставлено им. А я, не только игравшая главную роль в купании королевы Неаполя, но также и сама наслаждавшаяся омовением, совершаемым руками моих горничных, смею вас уверить, что это действительно удовольствие. Во-вторых, решив в первую очередь уделить внимание мне, они собрали мои волосы на макушке и завязали их лентой, потом натерли все мое тело клейкой смесью лайма с сахаром и Бог знает с чем еще. Сначала эту смесь довели до кипения, и сразу же после этого они начали натирать меня, и я позволила себе вскрикнуть, решив, что это какая-то новая пытка. Конечно, я слышала о том, что людей живьем варили в кипящем масле. Быть сваренной в сахарном сиропе можно считать более привлекательной перспективой только весьма условно.

Однако они не собирались этого делать. Меня заставили лечь на мраморную скамью и начали водить шелковым шнуром по моему телу, снимая им покрывавшую мое тело сладкую корку, пока не очистили его полностью. После чего я заметила, что они очистили

мою кожу от всякого волосяного покрова: от самой шеи и дальше вниз на мне не оказалось ни одного волоска. Нигде!

Не буду вдаваться в детали этой операции, потому что это довольно длительное дело. Достаточно сказать, что, когда горячая сладкая масса соприкасается с некоторыми частями тела, это вызывает очень специфические, хотя и не всегда неприятные, ощущения. После того как по этим частям тела снуют возбужденные пальцы и скользит нитка, ты оказываешься в состоянии, когда хочется лечь в постель, и не одной. Вне всякого сомнения, этого они и добивались.

Пока я испытывала одно за другим череду этих удивительных ощущений, наше уединение было нарушено появлением целой оравы женщин разного возраста — от самых юных до довольно старых, — которые, как я выяснила, были женами Али бен-Юсуфа и так далее, а также его наложницами, полными нетерпеливого ожидания и любопытства увидеть новую красавицу, приобретенную их господином. Все они были шокированы тем, что перед ними предстала не краснеющая девственница и даже не молодая девушка. Более того, даже и не молодая женщина. В равной мере они были потрясены открывшимся им ослепительным зрелищем. Они оставались со мной и возбужденно щебетали, пока меня погружали последовательно в несколько ванн то с горячей, то с холодной водой, чтобы вызвать новые ощущения. Мои волосы были вымыты отдельно и с особой тщательностью главным евнухом, а потом также тщательно высушены полотенцем.

Затем наступила очередь Маргаретты, а за ней Хоакины, при этом каждую заставили пройти все те стадии, что и меня, и такое обращение привело их обеих в более шокированное, чем меня, и, осмелюсь сказать, более возбужденное состояние, потому что они не имели столь богатого опыта в искусстве эротики.

После того как все стадии моего омовения были закончены, прислуживавшие мне евнухи подвели мне

глаза углем — еще одно их дьявольское изобретение, в результате чего мои веки стали совершенно темными, а все двадцать моих ногтей на руках и ногах были покрашены хной. Все мое тело они натерли сладко пахнущей мазью. Все эти процедуры не давали мне возможности видеть, что происходит с моими девушками, а мне было любопытно это узнать, потому что есть большая разница между тем, чтобы испытывать какие-то ощущения самой и наблюдать за тем, как в подобных обстоятельствах оказывается кто-то другой.

Должна признаться, что как бы мне ни мешали, но подозреваю, что за время, проведенное в ванной комнате, я узнала больше об анатомии женского тела, чем за всю свою предшествующую жизнь. К тому времени обеих девушек, находившихся в таком же, как и я, возбужденном состоянии, посадили рядом со мной и начали украшать.

Потом нам дали какое-то снадобье — не знаю, из чего приготовленное, вызывающее сильное увлажнение ротовой полости, а тем временем нас окружали и постоянно трогали руками эти энергичные девицы, ни одна из которых не была одета подобающим образом. Они носили просторные панталоны из чистого шелка и короткие жакеты-болеро, сквозь которые почти просвечивали их соски. Все они были босыми, но зато носили расшитые камнями шапочки тех же цветов, что и панталоны. Они были всех размеров, объемов и возрастов, как я уже упоминала, и мне было интересно отметить, что некоторые из них оказались испанками и, вне всякого сомнения, христианского происхождения, хотя, мне кажется, невозможно долго оставаться христианкой, находясь в такой обстановке и в таком окружении.

Если к этим прелестницам прибавить внимательных и услужливых евнухов и всю процедуру, продлившуюся несколько часов, то надо заметить, что это был самый чувственный опыт в моей жизни. К сожалению, несколько предшествующих дней были страшно изнурительными, и хотя к тому моменту, когда они, казалось, окончили свое дело, я была уже совершенно

готова для постели, но в данном случае лишь для того, чтобы мгновенно заснуть.

Однако судьба моя была иной. Теперь меня отвели в комнату бен-Юсуфа, а девушек оставили пока на месте, как я предположила — на потом.

Это было некоторым облегчением, ибо, как я себе представляла, мне предстояло ублажить эмира, а в таких случаях лучше делать это в интимной обстановке, хотя мы с Маргареттой были вынуждены вместе ублажать в постели Педро Жестокого. Первый подход бен-Юсуфа начался с еще одного внимательного осмотра моих теперь уже обнаженных прелестей, хотя он проявил меньший интерес к тем частям моего тела, которые традиционно считаются посвященными Венере, чем к моим волосам (на голове, конечно, потому что на других частях тела от них не осталось и следа). Он перебирал их прядь за прядью, а некоторые даже подносил к губам и сосал, что сводило на нет плоды столь сложной процедуры причесывания. Но раз уж это привлекло его внимание, мне было даровано немного покоя, и я задремала, но уже минут через десять была разбужена сильным шлепком по плечу.

Сев на постели, я увидела, что мой новый господин раздевается и что он обладает довольно впечатляющим мужским украшением, которое он явно желал вонзить в меня. Я сделала все от меня зависящее, чтобы облегчить ему эту задачу, потому что для того, кто оказывается в положении зависимого, самое лучшее — уступить. По правде говоря, я не сомневалась, что могла бы задушить его голыми руками, потому что была крупнее и сильнее его, но я подумала, что в этом случае меня ждет смерть от рук его стражей, хотя, может быть, и не столь скорая. Потому я покорилась и получила свой первый опыт любви по-мусульмански.

Для этой цели мне пришлось встать на колени на пол, опираясь при этом на ладони рук. Теперь время

напомнить, что опыт столь нехристианского способа интимных отношений я уже имела и прежде, когда Карл Дураццо проделал со мной эту процедуру на своей мерзкой лестнице. Но я сознавала, что тогда это была минутная прихоть. Что же касается бен-Юсуфа, то, как я понимала, он проделывал такое неоднократно, и это даже представляло своеобразный интерес, ибо, как оказалось, он сумел проникнуть в мое тело так глубоко, как до сих пор не проникал ни один мужчина, и, признаюсь, невзирая на мою решимость не поддаваться своим ощущениям и внутренне сопротивляться этому язычнику, все произошло помимо моей воли, когда я ослабла и рухнула, а он все еще находился сверху, продолжая активно действовать.

Пока он занимался своим делом, я опять уснула, чтобы вновь быть разбуженной подлым малым, который колотил меня по ягодицам. Теперь, когда он достиг оргазма, думаете, он дал мне возможность погрузиться в столь необходимый мне сон хоть ненадолго? Ничуть не бывало. Он все еще был полон жара и потребовал, чтобы я стимулировала его и вернула в состояние эрекции, для чего потребовалось совсем немного времени, и тут я поняла, что он хочет, чтобы я села на него верхом и обвила его ногами. В этом новом положении, осуждаемом церковью не менее предыдущего, оказалось, что он может еще легче проникнуть в меня и войти значительно глубже, потому что теперь я давила на него всем своим весом. Пока это происходило, он ласкал мои груди, и при всей неопределенности, которую я чувствовала в отношении того, буду ли я теперь проклята или нет, должна признаться, что я недоумевала, как я могла прожить более сорока лет и не открыть для себя раньше такие восхитительные ощущения.

В конце этого второго раунда мы оба были в совершенном изнеможении в полном смысле слова. Но пока я лежала рядом с ним, негодяй приподнялся на локте и сказал по-испански:

— Право, ваша репутация вполне заслуженна, моя дорогая герцогиня. Мне бы хотелось оставить

вас здесь для себя. Но, боюсь, это нарушит мир и покой моего гарема, и, кроме того, есть некто, способный оценить вас гораздо выше. Вы отправитесь к аль-Мумину.

Несомненно, я была уязвлена. Во-первых, потому что он не обнаружил ранее своего знания испанского языка, что дало бы нам возможность хоть как-то беседовать как разумным людям, вместо того чтобы обращаться со мной как с мешком зерна. Во-вторых, потому что я, должно быть, завоевала репутацию распутницы, достигшую даже этого заброшенного уголка. В-третьих, мне было неприятно, что теперь меня передают как поношенную перчатку из одних рук в другие или, возможно, более уместным будет сказать, как особенно изысканное сладкое блюдо. «Вы пробовали эту конфетку Эберли? О, это прекрасно, уверяю вас».

Однако все несчастье моего положения заключалось в том, что я сама ничего не могла предпринять, и потому на следующий день меня снова упрятали в корзину и повезли через Андалузское плато в королевство Гранада.

Глава 10

В этот раз мое путешествие длилось не особенно долго, потому что Гранада расположена всего в ста милях прямо к востоку от Антикверы. Не было оно и слишком обременительным и неудобным, так как равнина, по которой ехали я и мой эскорт, была плоской и без каких-либо особенностей рельефа, и хотя я сознавала, что по-прежнему остаюсь узницей, теперь у меня было ощущение, что я — почетная узница, пленница, предназначенная в дар королю, и никак не меньше. Мне прислуживали четыре дамы и со мной обращались с большим уважением.

К моему великому облегчению меня сопровождала и Маргаретта, ибо, хотя бен-Юсуф, как и один из его военачальников, не поверил, что девушка действитель-

но моя дочь, он предположил, что она моя самая приближенная горничная.

Увы, бедную Хоакину он оставил для себя. Это могло бы показаться странным, потому что из нас троих она была самой непривлекательной и несовершенной, и тем не менее она обладала особенностью, имевшей большую ценность в глазах эмира: она была уроженкой Кастилии, и ему доставляло гораздо большее удовольствие уложить с собой в постель женщину, принадлежавшую к племени его ненавистных врагов, ибо он ценил это выше красоты или сексуальной одаренности. Наше расставание не было омрачено слезами по той простой причине, что мы не знали о том, что расстаемся, хотя оказалось, что мне уже так никогда и не довелось ее увидеть. Хочется думать, что она стала матерью, постарела и растолстела и в конце концов примирилась со своей участью и привыкла к жизни в гареме бен-Юсуфа, если предположить, как это частенько случалось в этом обществе, что он не был убит вскоре после нашего отъезда и его жен не бросили в колодезь.

Такова жизнь в мусульманском мире.

Поэтому мы могли считать, что нам повезло. Равнина, которую мы пересекали, была тоже сухой и пыльной, а от нас требовали не только, чтобы мы ехали в этих ужасных корзинах, передвижение в которых можно сравнить только с путешествием по бурному морю, а на суше я не могу найти ничего похожего на этот способ передвижения. Нас обязывали еще не снимать с лица масок или, как они их называют, яшмаков, что было чрезвычайно неудобно в таком ограниченном пространстве. Напрасно я убеждала своих стражей, что мы обе прекрасно ездим верхом, в том числе и в мужском седле, если понадобится. Искусство такого рода, по-видимому, считалось у сарацинов не только непристойным, но и невозможным для женщины.

Поэтому после очень долгой недели пути я была искренне рада видеть возникшие перед нами башни Гранады.

Я уже касалась истории Испании. Сейчас как раз шел период Реконкисты, она вот уже в течение столетия все набирала силу, в результате чего мавров постепенно изгоняли из их эмиратов, пока наконец королевство Гранада не осталось на данный момент последним жизнеспособным сарацинским государством на полуострове. Все же остальные, такие как Антиквера, которую я только что покинула, были не более чем форпостами Гранады, которая с помощью своих морских портов Малаги и Альмерии контролировала юго-восточный уголок Испании.

Сама Гранада гнездится у подножия гор Сьерра-Невада — впечатляющей горной гряды, главным достоинством которой является постоянный приток свежей чистой воды, стекающей с покрытых снегом вершин. Говорят, что первые мавры, появившиеся в этом месте и пришедшие сюда из засушливых пустынь Северной Африки, были околдованы постоянным притоком столь драгоценного дара природы. Действительно, Гранада — это место струящихся ручьев и пенящихся пузырьками каналов.

Это также место нахождения самого красивого здания Европы. И это говорю я, немало путешествовавшая по свету.

Это здание известно как Альгамбра, и строили его добрых четыреста лет. Когда я впервые увидела его, строительство было только что закончено.

Альгамбра означает «красная крепость» или дворец, в зависимости от назначения здания. Фактически же здание совмещает в себе и то и другое. Крепость, возвышающаяся над распростершейся внизу равниной, была построена первой, и ее украшают высокие башни с зубчатыми стенами. Внутри крепости воздвигнут дворец, построенный в течение нескольких веков, и именно туда-то меня и препроводили, чтобы представить эмиру Абд аль-Мумину.

Меня сразу же поразила красота этого места, и не только внешние украшения из красного кирпича, но и затейливая резная вязь во внутренних помещениях, в которой с замечательным искусством многократно

повторяются мотивы, являющиеся словами, славящими мусульманского бога Аллаха и создающими невероятный эффект.

Однако эти внешние апартаменты совершенно померкли после того, как меня провели во внутренние дворики. Особенное впечатление произвел на меня один дворик, обрамляющий фонтан, который поддерживался несколькими каменными львами, из пастей которых непрестанно текла вода. На галерее, расположенной над двориком, находились решетчатые стены гарема — изобретение, дающее возможность его обитательницам смотреть вниз, хотя сами они оставались невидимыми. Позади внушительного арочного проема находился зал самого эмира, в котором он принимал гостей и посетителей.

Там было огромное количество мужчин в тюрбанах, бородатых и вооруженных до зубов, одетых в просторные, ниспадающие волнами одеяния. Я бы не смогла определить, кто из них мой господин, если бы аль-Мумин не был единственным среди всех присутствующих сидящим человеком.

Это был молодой человек с хорошей фигурой и бородкой, и он заинтересовал меня. Мне показалось, что по сравнению с моим предыдущим властителем он был значительно лучшим вариантом. Со своей стороны, он, проявив интерес к появлению посольства от своего подданного, конечно, не имел представления о том, что он получает, потому что я была закутана целиком и полностью в длинные широкие одежды. Однако его настроение скоро изменилось, когда меня ввели в комнату, примыкавшую к его гарему, и там его евнухи раздели меня.

Поскольку до сих пор я еще не сумела научиться арабскому — да откуда мне было взять на это время? — то я не имела ни малейшего понятия о том, что он говорит, но по блеску его глаз и по тому, как он водил пальцами по моим прелестям туда и сюда, я могла заключить, что он был весьма доволен. Итак, меня снова препроводили в ванную и приготовили для него.

Было бы утомительно пересказывать те впечатления, которые я получила от общения с аль-Мумином, от его рук и губ. Достаточно сказать, что он был сарацином и, следовательно, в вопросах любви имел совершенно иные манеры и вкусы, чем добрые христиане, а это означает, что, будучи вдвое моложе меня, он был поистине ненасытен; и что он был моим господином в том смысле и в той степени, каким прежде для меня не был ни один мужчина или, я счастлива сказать это, больше такого никогда не было.

Первое, в чем я вынуждена признаться, это то, что я наслаждалась близостью с ним настолько, что начала сомневаться, действительно ли предписываемая нам Святой Церковью и диктуемая природой позиция мужчины и женщины во время любовного акта является правильной. Мужчина может сделать намного больше, если стоит на коленях и опирается на руки при условии, конечно, что женщина занимает такую же позицию. Он может гораздо глубже проникнуть в ее плоть и может гораздо эффективнее действовать руками, к тому же, если быть честной, на спине гораздо легче выдерживать вес взгромоздившегося партнера, чем на животе.

Второе было чрезвычайно изматывающим. Такого опыта у меня было предостаточно с дражайшим Фернандо, и мне бы не хотелось повторить его. А теперь я была более чем на десять лет старше, чем в то время, когда Фернандо вызывал у меня досаду и раздражение.

Но тут я была уже бессильна что-либо сделать, ибо существовало еще третье обстоятельство, а именно то, что аль-Мумин был крайне чувствителен по части понимания своих привилегий и был одним из самых кровожадных мужчин, каких мне только доводилось встречать.

Он получал удовольствие, наматывая тетиву на шею людей или когда отрубал им руки, а также, входя в раж, наслаждался довольно-таки неприятной формой казни, которая носила название «посадить

на кол». Она заключалась в том, что жертву раскладывали на полу и пронзали деревянным стержнем, вводя этот стержень в его или ее задний проход ударами деревянного молота, пока, как часто бывало, кол, пронзая грудь, не выходил наружу. Судя по тому, что я веду свой рассказ, мне не довелось быть подвергнутой такому наказанию, но смею сказать без колебания, что по крикам тех, чьи страдания время от времени меня вынуждали наблюдать во время этой пытки, я могу судить, что эта форма придания смерти была самой мучительной из всех придуманных человеком, особенно если палач не спешит наносить удары молотом.

Человека, склонного предаваться таким развлечением, явно не следовало раздражать или в чем-то ему перечить. Поэтому я была вынуждена подчиняться его требованиям и надеяться на лучшие времена. Однако даже аль-Мумин не мог предаваться блуду круглые сутки, поэтому иногда у меня выпадали свободные минуты и для самой себя. Вначале большую часть этого времени я спала, приходя в себя после прошедших упражнений и в надежде восстановить свои силы для будущего. Но частенько я бодрствовала и наблюдала за тем, что происходило вокруг меня.

В дополнение к четырем женам, которых дозволено иметь по мусульманским законам, аль-Мумин имел около пятидесяти наложниц, и все мы жили в гареме, из которого нас вызывали, когда того требовал наш господин. А в промежутках делать было практически нечего, кроме как смотреть вниз сквозь нашу решетчатую стену на мужчин, собравшихся внизу во Дворике львов, и обсуждать их сексуальные достоинства и сплетничать. Если, конечно, как я уже упоминала раньше, не происходило что-нибудь интересное, например, казнь посредством сажания на кол, когда нам, закутанным широкими плащами и с закрытыми вуалями лицами, разрешалось выходить и наслаждаться этим зрелищем.

В остальном же нашим главным развлечением было купанье. Во внутреннем дворике дворца был обширный бассейн, тоже охраняемый каменными львами и толпой евнухов, где нам, дамам, разрешалось развлекаться сколько душе угодно.

Для меня каждый день это было самое лучшее время, и хотя я называю это святой святых внутренним двориком, это вовсе не означало, что он был окружен высокой стеной. На южной его стороне располагался массив дворца, а на западе находились стены крепости, от зубцов которой нас надежно отделяла густая поросль деревьев. Но поскольку Альгамбра построена на склонах холма, то на севере и востоке ничто не заслоняло нам вид, ибо крепостные стены располагались на добрых пятьдесят футов ниже нашего патио.

На севере мы могли видеть сам город с его копошащимся многолюдьем, где едва ли кто знал о том, что они являются центром внимания пятидесяти пар прекрасных глаз. На востоке мы могли видеть еще один высокий холм, расположенный в двух милях от крепости. Там были воздвигнуты дополнительные укрепления города — впечатляющая стена, постоянно охраняемая, даже если границы эмирата были расположены достаточно далеко от города.

Удивительно, но я была единственной обитательницей гарема, разглядывавшей эту дальнюю стену и гадавшей, удастся ли мне когда-нибудь оказаться по ее другую сторону. Остальные же, и даже Маргаретта, вполне примирились со своей жизнью и проводили время, играя друг с другом в бессмысленные игры или сплетничая.

Можно удивляться, как Маргаретта и я ухитрились участвовать в сплетнях, потому что мы обе не знали арабского языка, но добрая дюжина женщин из гарема аль-Мумина были испанками, захваченными в плен во время битв или набегов к северу от границы, и с ними я, по крайней мере, могла беседовать совершенно свободно и даже пользовалась успехом, потому что могла сообщать им о событиях в тех городах, из ко-

торых они были столь жестоко вырваны, и даже несколько раз смогла сообщить им, как обстоят дела в их семьях.

Но, как я скоро выяснила, они обладали не более высоким интеллектом, чем их сарацинские или африканские подруги, с которыми мы разделяли заточение.

Мой первый настоящий опыт гаремной жизни заключался в том, что я с некоторым замешательством познала проблему своего пола. Представьте себе: пятьдесят женщин, заключенные все вместе в одно помещение. Фактически я была старшей по возрасту, ибо мне было уже за сорок. Самой же младшей было не больше четырнадцати. Теперь я сразу же должна рассеять заблуждение, разделяемое многими людьми, которые полагают, что всемогущий и сексуально активный молодой человек держит в своих брачных покоях только тех женщин, к которым он глубоко привязан.

Но в данном случае все было совсем не так. Аль-Мумин, будучи всемогущим, тем не менее был связан обычаями, сильнее которых нет ничего на свете.

Его жены были дочерьми эмиров или знатных людей, с которыми он хотел поддерживать прочный союз. Эта область относится к искусству быть королем и не иметь ничего общего ни с красотой, ни с тем, насколько женщина желанна. Они, по крайней мере, обладают привилегией быть украшением постели своего господина хотя бы раз в месяц, поскольку для него необходимо получить законного наследника.

Что же тогда остается наложницам? Но и в этом случае обычаи предписывают правила поведения, и в не меньшей степени, чем с женами. Каждый год ко двору представляют самых красивых, достигших брачного возраста девиц, чтобы эмир мог выбрать новых наложниц для своей постели. Обычно из этих девушек он выбирал четверых. Но и в этих случаях выбор часто бывает продиктован необходимостью удержать в своем подчинении какого-нибудь могущественного военачальника и сохранить его преданность. Поэтому было бы серьезной ошибкой считать, что

попасть в гарем эмира — унижительно. Совсем наоборот. Девушка как минимум до конца своей жизни получает гарантированный стол и кров, причем на самом высоком уровне, как максимум — защиту от всех мыслимых опасностей, если только ее не поймут на нарушении супружеской верности, ибо в этом случае она обречена на казнь, причем на самую жестокую казнь, какую только изобретет эмир. При этом преступницу выставляют на всеобщее обозрение, как это было принято, например, в Гранаде, когда виновную помещали в мешок в обществе четырех крыс и четырех кошек и вывешивали ее в этом мешке на одном из зубцов крепостной стены, где она оставалась до тех пор, пока в мешке не замирало всякое движение. Тем не менее я обязана сказать, что, по крайней мере, в отношении гарема эмира такая возможность была маловероятной, и за все время моего пребывания в Гранаде казнили только одну из жен, причем никто из нас, остальных, никогда так и не узнал, как она сумела найти доступ к какому-нибудь другому мужчине, кроме нашего господина.

Итак, нас собралось там пятьдесят пламенных женщин, зависевших от потенции всего лишь одного мужчины. Я уже упоминала, что аль-Мумин действительно обладал исключительными возможностями. Но поскольку он имел склонность одаривать своим благоволением одну или двоих своих фавориток, то остальным почти ничего не доставалось. Поэтому наложниц можно было разделить на три класса, что, как мне дали понять, практикуется во всех гаремах. Все они, включая меня, назывались «гизде», то есть избранными. Это выделяло нас, даже если некоторые — а такие встречались среди наложниц — оставались девственницами и никогда не побывали в постели нашего господина. Наложницы более высокого ранга, удостоившиеся такой чести, назывались «икбаль». Но принадлежать к рангу «икбаль» не означало обязательных прав на обладание тем, к чему мы стремились. К еще более высокому рангу принадлежали «одаликс» — это были те, которых наш господин

вызвал к себе не однажды. Так как аль-Мумин был человеком с определенным вкусом, то в гареме было всего четыре «одаликс». И среди них я у нашего господина была самой популярной.

Видимо, именно поэтому я была самой непопулярной среди своих подруг. И особенно их раздражало то, что по возрасту я могла бы быть матерью большинству из них. То, что я сохранила свою красоту и оставалась столь желанной, было похоже на колдовство.

Однако, поскольку было совершенно очевидно, что я была неповинна в колдовстве и мое влияние на аль-Мумина объяснялось только его сластолюбием, а отнюдь не моим, мои подруги по несчастью постепенно примирились со мной, приняли меня в свое общество и пожелали прижать меня к своей груди. К сожалению, в прямом, а не в переносном смысле. Пятьдесят дам, знакомых со всеми сторонами эротики и с весьма скудными возможностями утолить свои желания, должны были непременно найти какой-то выход, воспользовавшись одним из трех вариантов. Я слышала, что мужчины в тюрьме страдают от того же, но у них есть только два выхода, если они, конечно, не сидят в одиночке, ибо в этом случае их возможности еще более сужаются.

Дамы в гареме имели три возможности из-за наличия большого числа евнухов, которые были прекрасно натренированы удовлетворить потребности женского секса. Теперь возникает вопрос: если у одиноких дам, имеющих в своем распоряжении евнухов, есть три выхода, а у несчастных джентльменов, не имеющих евнухов, всегда два, то что же остается делать евнухам, не имеющим ничего? И тут снова я должна рассеять бытующее представление о том, что эти несчастные существа ничего не чувствуют. Могу вас уверить, что дело обстоит совсем не так. Кроме того, сам вопрос о кастрации заслуживает пристального внимания, о чем я, разумеется, в других обстоятельствах и не помыслила бы. Но в данном случае я находилась в обстоятельствах, весьма далеких от нормальных.

Кастрация может быть осуществлена в одной из двух форм, насколько позволяет мне судить мой опыт. Первый, и более распространенный, способ заключается в том, что изымаются, так сказать, и корень и ветви. Но есть и второй, когда удаляют только яички, а сам член остается нетронутым, и он способен приходить в состояние эрекции как у вполне полноценного мужчины. Еще важнее то, что при такой форме кастрации евнух неспособен к выбрасыванию семени или оргазму ни в какой форме. Однако, будучи приведенным в состояние боевой готовности, он остается таким бесконечно длительное время, то есть так долго, сколько выдержит сердце. К своему изумлению, я убедилась, что в гареме было трое молодых людей именно такого рода, но позже я узнала, что жестокий господин может совершенно лишить женщин такого рода утешения.

Можете себе представить, что эти лишенные потенции жеребцы пользовались огромным спросом, и я наблюдала их совокупающимися, даже когда они находились на последней стадии изнеможения. Но их было всего только трое. Остальные дамы были вынуждены утешаться, прибегая к помощи пальцев и губ, как своих собственных, так и своих подруг или остальных евнухов.

Представьте себе! Я не могу сказать, что в силу сложившихся обстоятельств мне пришлось вести уединенную жизнь, и время от времени на этих страницах я чувствовала себя вправе критиковать сластолюбие своей королевы, но еще никогда в жизни мне не доводилось видеть столь необузданной сексуальной оргии, не прекращавшейся ни днем, ни ночью, как в гареме аль-Мумина. В редкие и непродолжительные минуты досуга если меня не ласкали, стараясь соблазнить, то на меня с особым выражением смотрели евнухи или предлагали мне искусственные половые члены весьма впечатляющих размеров и формы, обычно имитировавших член того или иного языческого божества или нечто подобное.

Я, конечно, изо всех сил сопротивлялась этим попыткам соблазнить меня: у меня просто не было ни

энергии, ни желания развлекаться одновременно с аль-Мумином и с кем-либо еще, обладавшим гораздо меньшей привлекательностью. И все же это было очень прискорбно для одной из первых герцогинь Неаполя попасть в это место, поэтому я решила принять все меры к тому, чтобы выйти отсюда.

Весьма печально, но Маргаретта, не имевшая такой широкой возможности украшать собою постель своего господина, полностью погрузилась в эти достойные осуждения забавы, но у меня не хватало духу корить ее.

Приняв решение бежать от этой жизни унижительного рабства, которая к тому же была чрезвычайно скучна, я оказалась перед вопросом: как это сделать? Не возникало ни малейшего сомнения в том, что, если бы я предприняла такую попытку и она не увенчалась бы успехом, участь, которую мне уготовил бы аль-Мумин, была бы хуже всего того, что мне уже довелось пережить и о чем принято говорить «хуже смерти». И любая попытка побега была чревата опасностью быть раскрытой. Никогда нельзя узнать заранее, в каком случае девушка или евнух, которым вы доверились и с которыми даже, возможно, позволили себе некоторые вольности в надежде обрести раба или рабыню, по крайней мере в смысле эмоциональной привязанности, не выкинут коленце из-за какой-то невообразимой извращенности натуры и не предадут вас нашему господину. Поэтому мне приходилось решать все самой: наблюдать и ждать. Я уже почти отчаялась, когда вдруг после почти годового заточения ситуация внезапно резко и драматически изменилась. Короче говоря, в Гранаде произошел дворцовый переворот.

Мне говорили, что такое в мусульманских странах случается достаточно часто, потому что там страх навлечь на себя гнев Божий убийством его помазанника не столь силен, как в христианском мире. Однако этот вопрос сложный и в нем легко запутаться.

К моему несчастью, но как оказалось, именно к счастью, я попала в постель аль-Мумина в ту самую ночь, когда ворвались заговорщики. Я как раз лежала лицом к двери и проснулась, когда она отворилась, а поскольку я уже повидала в жизни достаточно, чтобы понять: когда человек входит незваным и без стука в спальню своего господина с обнаженным мечом в руке, это означает только одно — он собирается употребить его в дело. В еще большей степени эта догадка справедлива, если входят несколько мужчин. Поэтому я немедленно высвободилась из объятий спящего аль-Мумина и, перевалившись через край дивана, так и осталась лежать на полу, откуда с бьющимся сердцем слушала раздававшиеся над собой хрипы и крики.

Все было окончено в считанные секунды, пока убийцы не вспомнили обо мне и не подняли меня за волосы с пола, чтобы продемонстрировать мне брошенную на пол голову аль-Мумина.

— Перережь ей глотку, — сказал один из заговорщиков. — Все люди аль-Мумина должны умереть.

— Согласен, — ответил другой, плотоядно облизывая губы, — но сначала мы немножко с ней потешимся. Я достаточно слышал об этой золотоволосой женщине.

— Можешь с ней резвиться, если хочешь, Акбар, — сказал третий, — а нам надо заняться остальной частью гарема. Но не забудь принести нам ее голову.

После чего они поспешили выйти, неся за волосы голову аль-Мумина и оставив меня на милость молодца по имени Акбар. Или его на мою милость? Потому что, хотя убийцы и говорили по-арабски, за год я достаточно поднаторела в этом языке, чтобы понять каждое сказанное слово.

«Предупрежден — значит вооружен» — так гласит пословица, и я вовсе не собиралась покорно подставлять горло, чтобы его перерезали. Мой опыт с трусливым Монфором, капитаном гвардии синьора де Мальплезона, научил меня тому, что мужчина, охва-

ченный страстью, уязвим легче всего. Акбар же был мужчиной. Поэтому я подождала, пока он разденется, а сама изобразила ужас девственницы, дрожащей при виде первого в ее жизни обнаженного мужчины. Я даже помогла ему оттащить с постели в угол обезглавленное тело бедного аль-Мумина и бросить его там на полу. Потом я улеглась на окровавленной постели, и когда он обхватил руками мои ягодицы, чтобы перевернуть меня, я сказала самым обольстительным тоном, на какой была способна:

— Но, господин, если вы так много обо мне слышали, неужели вы не хотите попробовать всего, что я могу предложить?

Это заставило его призадуматься, во-первых, потому что я сказала это по-арабски, и, во-вторых, потому что он увидел, что я вовсе не боюсь, как пыталась притворяться раньше. Действительно, я на минуту испугалась, что немного перестаралась. Но похоть всегда перевешивает благоразумие и осторожность. И он ринулся на меня. Я же, охватив его руками и ногами, начала кататься по постели. Мы были примерно одинакового роста, но я была сильнее — он же хлипким малым, — и через минуту мы уже свалились с дивана и тяжело рухнули на ковер. При этом Акбар оказался подо мной! Он ударился головой об пол и на мгновение был ошеломлен. Пока он находился в таком состоянии, я уселась ему на грудь, одной рукой схватила его за волосы, а другой за бороду и начала поднимать его голову и стучать ею об пол со всей силой, на какую была способна.

В таком плену он потерял всякий интерес к тому, что происходит. Но я поняла, что это лишь временное состояние, и была вынуждена принять прискорбное решение. Как это ни странно, в виду обстоятельств, в какие я столь часто попадала, читатель этих страниц должен знать, что до этой минуты я еще никогда не посягала на человеческую жизнь, по крайней мере сознательно. Что же касается капитана Монфора, что было с ним после того, как я вывела

его из строя, известно только ему самому и его Богу, если таковой у него был, в чем я сильно сомневаюсь. Но теперь у меня не было выбора, если только я хотела попытаться выбраться отсюда живой. Поэтому я подняла кривую саблю несчастного малого и одним ударом сделала его похожим на аль-Мумина, а именно лишила головы.

Легкость, с которой это было сделано, удивила меня, и на несколько секунд у меня даже перехватило дух. Я даже уронила слезу по бедному малому, но момент был слишком неподходящим, чтобы потворствовать женской слабости. Поэтому я надела на себя одежды, которые он сбросил, мысленно благодаря судьбу за то, что мы оказались одного роста, а также за то, что сарадины носят такую просторную одежду, широкие складки которой могли скрыть изобилие моих собственных изгибов и всхломлений. Я туго обернула волосы вокруг головы и закуталась в покрывало, которое скрыло золотые пряди волос.

Большой проблемой, конечно, был цвет моей кожи, но с этим ничего нельзя было поделать. И вот с окровавленным оружием в руке, завернутая в покрывало, скрывающее добрую половину лица, приняв все меры предосторожности, чтобы сохранить мешочек с золотом, который аль-Мумин всегда держал в спальне, имея обыкновение черпать из него монеты, чтобы вознаграждать ими своих наложниц, которым удавалось ему особенно угодить, я пошла прочь из опочивальни, выглядя как самый что ни на есть подлинно мусульманский воин.

Обстоятельства сложились в мою пользу. Альгамбра представляла собой бедлам: кричали мужчины, пронзительно верещали женщины и визжали евнухи. Всюду были следы смерти и разрушения, и заняты были все: кто убивал, кто оборонялся. Вдобавок ко всему, если не считать горящих факелов или охваченных огнем драгоценных драпировок, кругом была кро-

мешная темнота. Ни у кого не было и мысли воспрепятствовать мне, пока я шла будто бы по своим делам, которые заключались в том, чтобы вернуться в гарем в надежде найти Маргаретту.

Но это оказалось непростым делом, поскольку сам гарем был наводнен заговорщиками и женщинами, которые, если их не схватили, чтобы тут же изнасиловать, естественно, пытались воспользоваться ситуацией, чтобы выбраться из дворца. Не думаю, что большинство из них имело в виду убежать совсем, поскольку гарем был единственной жизнью, которую они знали, а выжить за его пределами было для них маловероятно. Так как я была переодета мужчиной, то была атакована несколькими женщинами, принявшими меня за молодого высокого и крепкого мужчину, что было для этих брошенных «гизде» настоящим подарком судьбы. Но поскольку я знала этих женщин, а они меня, то я не отважилась заговорить с ними, а просто грубо растолкала их, чтобы продолжить свой путь.

Я действительно нашла Маргаретту в гареме. Ее оседлал какой-то возбужденный малый, совершенно забывший обо всем, что творилось вокруг, и это продолжалось до тех пор, пока я не похлопала его по плечу своей саблей. После этого он приподнял голову и тело, что облегчило мою задачу убить его. У меня не было желания пронзть его саблей на месте действия, ибо в этом случае был риск ранить Маргаретту.

Маргаретта в оцепенении воззрившись на него, потом на меня, но не произнесла ни звука, по-видимому считая, что в такой момент, как этот, следует как должное принимать быструю смену декораций. Глупая девочка только вскрикнула, когда я приоткрыла свое покрывало, чтобы показать ей, что это я.

— Бог мой, ваша светлость! — воскликнула она. — Что вы сделали?

— Возможно, спасла твою жизнь, — ответила я. — А теперь поспеши. Мы уходим отсюда.

Теперь она уже сидела и в ответ на мои слова лишь сжала колени и, как бы защищаясь, попыталась завернуться в обрывки своей одежды.

— Уходим? Но куда мы пойдём?

— Решим это потом, когда будем в безопасности, — ответила я.

— Самое безопасное место — здесь, — сказала она.

— Чтобы стать игрушкой любого, кто одержит победу в этой заварухе? Ты, в конце концов, человек или мышь?

— Я женщина, — ответила она вполне искренне и правдиво.

У меня был соблазн схватить ее и утащить силой, но я усомнилась, что у меня хватит физической силы, чтобы нести достаточно далеко такой вес, каким обладала Маргаретта, ибо за время пребывания в гареме она раздобрела. Кроме того, если она хотела остаться, то стала бы для меня только обузой. В то же время я не могла просто отвернуться от нее, потому что она начала бы кричать в тот момент, когда я попытаюсь скрыться, и таким образом разоблачила бы меня.

Обстоятельства часто вынуждают нас действовать необычным образом. Как и в случае с Монфором, я поняла, что если собираюсь выжить, то мои действия должны быть решительными и мгновенными. Рукояткой своей сабли я быстро ударила Маргаретту по голове, в результате чего она без сознания распостерлась на полу, а сама поспешила вон из комнаты.

Несколькими минутами позже, оказавшись во дворе, я вскочила на первого попавшегося коня и ускакала.

Но я пока еще не была в безопасности. Представьте себе одинокую женщину, едущую верхом по мусульманской стране в мужском костюме. Большинство людей сочло бы такое поведение предосудительным. В наших христианских странах женщин, пытавшихся

скрыть себя таким образом, обычно сжигали на кострах как ведьм. Я не имела представления о том, как относятся к такому переодеванию мусульмане, но не думаю, что их отношение к этому вопросу могло быть каким-то иным.

С другой стороны, у меня были определенные возможности. После того как стало известно о событиях в Гранаде, вся страна была повергнута в хаос. У меня с собой был мешочек с золотом, захваченный мною из комнаты аль-Мумина. Кроме того, мой рост и запачканная кровью сабля предупреждали людей, по крайней мере на расстоянии, что со мной не стоило связываться, да и сама я следила за тем, чтобы ко мне никто не приближался, — я боялась, что тогда могут распознать мой пол, — кроме тех случаев, когда я была вынуждена покупать пищу. Но и тогда обычно продавца больше интересовало мое золото, чем моя персона.

Что касается остального, то я спала под открытым небом, под звездами, благодаря Бога за то, что Испания такая теплая страна, по крайней мере летом. И так, взбираясь на холмы и спускаясь в долины, я все время двигалась на восток.

Мое путешествие заняло некоторое время, потому что от Гранады до побережья на востоке около трехсот миль. Если же направиться к югу, то путь был и того меньше, но во время своего пребывания в городе я уяснила, что юг — наиболее плотно населенная часть страны, и потому считала, что ехать на юг было бы ошибкой. Поэтому большую часть времени я путешествовала одна и находила это весьма приятным, тем более что практически впервые в жизни я была целиком и полностью предоставлена самой себе.

Каждый мой день был похож на предыдущий. Я рано вставала, купалась, если поблизости оказывался ручей, хотя обычно старалась найти источник перед тем, как располагаться на ночлег. Потом я одевалась и начинала свой дневной переход, ведя своего верного коня. Я редко ехала на нем верхом, ибо заботилась о

том, чтобы он все время был менее усталым, чем я, на случай, если бы мне пришлось быстро удирать... а такое случалось уже не один раз.

Продвигаясь постепенно не очень утомительными переходами и внимательно оглядывая все, мимо чего проезжала, я обычно в какой-то момент своего дневного перехода добиралась до какой-нибудь расположенной на холмах деревушки. Закутавшись до самых глаз в покрывало, с саблей на боку, я покупала пищу. Поскольку в основном я питалась фруктами и овощами, ибо не имела возможности готовить мясо, мне часто удавалось обеспечить себя едой на несколько дней и таким образом избежать на этот период опасности разоблачения. Когда наступал полдень, я находила уединенное местечко и отдыхала там, как и любой из местных жителей, а потом к вечеру снова пускалась в путь и уже двигалась до самой темноты.

Конечно, на самом деле все было не так просто, как в моем повествовании. Кроме банд разбойников, промышлявших на холмистой местности, много раз случалось так, что на меня нападали и в деревнях, и мне приходилось прыгать в седло и удирать. Но поскольку я всегда была начеку, то никто ни разу не сбил меня с ног, и к тому времени, когда я добралась до моря, я уже научилась отлично владеть саблей.

Конечно, мне многого не доставало. Во-первых, меня угнетало, что мне пришлось сменить женскую одежду на мужскую, а еда моя была простой, я мылась в холодной воде и не пила ничего, кроме нее. Тем не менее я чувствовала себя счастливой, вернее чувствовала бы, если бы за шесть недель, в течение которых я путешествовала, у меня хоть раз наступила менструация. Неужели это было возможно? Неужели после всех этих лет я снова забеременела? В таком случае бедняга аль-Мумин, видно, и впрямь обладал мощным орудием. Но в действительности мысль о том, что я буду стеснена в своих передвижениях и образе жизни почти год или

около того — как раз такое время требуется для того, чтобы выносить и произвести на свет младенца, а также должным образом выкормить его, — доставляла мне большое беспокойство, особенно в такой момент моей жизни, когда мне требовались все силы и вся воля.

Но, как оказалось — и этого можно было ожидать, — я не была беременна, а просто достигла того возраста в жизни, когда беременность практически становится невозможной. Многие говорили мне, что это весьма печальное событие, что часто это состояние сопровождается припадками глубокой меланхолии и серьезно влияет на привычки, способности, желания и удовольствия женщины.

Возможно, что для некоторых и даже для многих женщин это так. Но не для меня. Возможно, что я была в это время слишком занята, чтобы чувствовать что-либо, кроме облегчения. И с течением времени я только почувствовала, что с моих плеч свалилось огромное и тяжкое бремя. А возможно, и не только с плеч. И другие, расположенные ниже части моего тела тоже ощутили это облегчение.

Моей задачей было вернуться в Неаполь как можно скорее, и, как оказалось, это было нетрудно. Я прибыла в морской порт Аликанте, который, похоже, вел торговлю со всем Средиземноморьем, как с мусульманским, так и с христианским. Там я скоро нашла корабль под неаполитанским флагом, поднялась на него, попросила о личной встрече с капитаном и открыла ему, кто я такая.

Сначала он показался довольно-таки злобным малым, но, оказавшись лицом к лицу с герцогиней Эберли, он был просто ошеломлен. Он сказал, что с прошлого года я числюсь среди погибших и что королева носила по мне траур три месяца.

— Тем большей радостью для нее будет увидеть меня, — сказала я. — Давайте поспешим, синьор. Поспешим.

И вот я дома. Будучи заключенной в объятия Джованны, в то время как она снова и снова заставляла меня рассказывать ей о моих приключениях, я замечала, что ее необузданное воображение уносило ее совсем далеко в гарем и что она пыталась представить себя на моем месте, что она обдумывает все удивительное, что случилось со мной, как будто это случилось с ней самой.

Естественно, она хотела узнать что-нибудь о своем муже. Но как бы сильно ни любила она арагонского принца, его долгое отсутствие охладило ее чувства, потому что глупец не вернулся к своей прекрасной жене, так как португальцы, у которых он нашел приют, убедили его в необходимости продолжать борьбу, и он так никогда и не вернулся в Неаполь. Четыре года спустя он пал в битве с Генрихом Трастамарой и своим сводным братом.

Но я опережаю события. После моего возвращения, а это произошло осенью 1371 года, Джованна оставила всякие надежды на возвращение супруга на ее ложе и, как это было ей свойственно, удовлетворяла свои неумные желания с целой чередой любовников. Какое-то время после моего возвращения она делила постель со мной, потому что время от времени она заставляла меня снова повторять мою историю. Итак, мы, две дамы, перешагнувшие за сорок, продолжали любить друг друга столь же пламенно, как и когда были юными девушками, несмотря на то, что между нами и под нами за эти тридцать пять лет нашего знакомства пролились реки крови.

Но как я ни любила королеву, мое сердце рвалось в мой замок, в мои поместья, к моим детям и внукам. Я довольно скоро изыскала возможность посетить монастырь, где мой Уильям заточил себя по доброй воле, и нашла его в добром здравии и вполне процветающим. Он стал любимцем своего приора, хотя по своему духу был монахом. Он заставил меня встать рядом с ним на колени и молиться в знак благодарности за избавление от катастрофических

для моего духа последствий заточения в гареме, ибо считал это необходимым.

Я не перечила сыну. Но еще более интересное свидание состоялось у меня с его приором, который не менее чем Джованна интересовался жизнью сарацинов и тяжело вздыхал, когда я описывала ему их пристрастие к молоденьким мальчикам или евнухам, частично лишенным своих мужских органов. Естественно, этот интерес заставил меня задуматься над тем, какое будущее могло ожидать моего Уильяма, а возможно, он уже и познакомился с этой стороной жизни. Но я решила, что в мире так много разнообразия и что мой сын сам выбрал свой путь и призвание.

Гораздо большую радость и удовлетворение принесло мне мое возвращение в Эберли и свидание с моей дорогой Лючией, ее мужем и все растущим семейством, ибо теперь у нее было уже трое детей, причем младший был мальчик, которого называли Людовиком, и в нем я увидела надежду своей семьи.

Все-таки это большое благо, что мы не можем предвидеть своего будущего.

Спокойное течение моей жизни возобновилось, вернее возобновилось бы, если бы Джованна не решила, что я снова должна выйти замуж.

Мне совершенно не хотелось этого делать. Так как я приближалась к пятидесяти годам и полагала, что мне больше не грозят ни приключения, ни какие-либо опасности для жизни, поэтому не могла допустить, что какой-нибудь сверхвозбудимый представитель мужского пола снова нарушил этот покой. Если у меня и возникали мысли о мужчинах вообще, так сказать, абстрактно, то эти мысли всегда возвращались к Кристоферу из Залива, но так как я ничего не слышала о нем уже несколько лет, то считала его или мертвым, или забывчивым. Если же я думала о мужчинах более конкретно, то это всегда был Гвидо, сын Рикардо, юноша двадцати лет, очень мужественный,

довольно красивый и ставший моим добровольным рабом. Не будучи по своей природе неразборчивой, во всяком случае в том смысле, в каком была неразборчива Джованна, то есть когда эмоции постоянно возбуждены, могу сказать, что его визиты в мою постель были нерегулярны, часто разделены значительными промежутками времени, потому что надзор за моими поместьями, смена времен года, жизненные циклы моих животных, мои урожаи — все это приносило мне не меньше радости, чем любой мужчина.

Однако Джованна была непоколебима, тверда, как алмаз, а она была моей королевой. И, что еще более важно, она нашла претендента на мою руку.

Его звали Данило Фокки, и если звучание его имени вызывало мрачные ассоциации — я имею в виду, конечно, только его английский вариант, — то во всем остальном он соответствовал моим вкусам, и я выбрала бы его себе в мужа, будь я склонна к браку вообще. Он был высоким и плотного сложения, но не толстый и выглядел атлетом. Он был моложе меня, но не настолько, чтобы это могло беспокоить, как было в случае с моим бедным славным Фернандо. Данило было сорок шесть лет. У него были также великолепные манеры, он хорошо одевался и держался в седле так же прекрасно, как и любой другой мужчина в королевстве.

К сожалению, у него не было никакого состояния. И тому предшествовала печальная история. Собственность его отца, довольно значительная, была захвачена венграми во время войн конца сороковых годов и в значительной степени уничтожена. Данило, к этому времени возмужавший, остался бедным сиротой. Для молодого человека, обладавшего возвышенным образом мыслей и отвагой, существовал только один способ поправить свое финансовое положение. Поэтому он и выбрал профессию военного и служил нашему, ныне покойному великому королю Людовику Тарентскому. И в самом деле, я помню, каким он был

тогда, хотя я и мало его видела и еще меньше интересовалась его делами, потому что была занята своими собственными.

Как верный соратник короля Людовика Данило участвовал во многих сражениях в разных частях Европы и заслуженно приобрел репутацию воина. И только после безвременной смерти своего покровителя он стал подумывать о том, чтобы позаботиться о своем собственном благополучии.

Ему удалось добиться этого с удивительной быстротой, потому что он стал продавать свой меч и ум разным воинственным принцам, в основном на севере Италии, и приобрел известность как прославленный и богатый кондотьер.

И вот, достигнув сорока пяти лет, он решил распрощаться с воинской карьерой и, уйдя на покой, осесть в своем родном городе, чтобы прожить остаток жизни в мире и благополучии.

Но, как всем нам известно, человек предполагает, а Бог располагает, особенно если человек беспечен или, как в случае с Данило, уж слишком осмотрителен. Прекрасно зная, что он нажил себе множество врагов среди тех, с кем сражался и кого победил, и что эти негодяи могли дожидаться часа отмщения, когда он лишится своих братьев-наемников, он решил, что самым безопасным путем в Неаполь будет морской. Но корабль его потерпел крушение во время бури и пошел ко дну, а с ним и все накопленные сокровища. Данило добрался до берега таким же нищим, как и прежде.

В таком бедственном состоянии он наконец прибыл в Неаполь и добился аудиенции у королевы, которая хорошо его помнила как верного соратника своего покойного мужа и, вне всякого сомнения, знала его и в других отношениях, потому что Данило всегда был красивым малым. Но ему уже было далеко за сорок, а вкусы и склонности Джованны по части мужчин имели совсем иную направленность. Итак, она решила, что его долгая и пламенная служба должна быть вознаграждена богатой женой.

Она ни на минуту не задумывалась о том, что, возможно, доставляет мне какие-либо неудобства. Напротив, она считала, что единственное неудобство, которое может испытывать женщина, — это отсутствие у нее под рукой мужчины. Она не имела понятия о моих отношениях с Гвидо, поскольку я боялась потерять мальчика.

Я понимала, что бессильна что-либо сделать, но в ночь нашей свадьбы, когда дело уже было сделано и возбужденная толпа гостей рассеялась, я решила внести ясность в ситуацию.

— Это была восхитительная пикировка, моя радость, — сказала я своему мужу.

— Для меня тоже. Ты самая прекрасная пятидесятилетняя женщина, которую я когда-либо встречал, моя дражайшая герцогиня.

Мне подумалось, что он мог бы облечь свой комплимент в иную форму, но мне не хотелось ссориться с ним в брачную ночь.

— Ты так прелестно говоришь, мой дорогой, — ответила я. — Однако ты как раз заговорил о главном... попал прямо в яблочко. Да, ты это уже сделал, но я выражаюсь метафорически и в то же время реалистически. Мне пятьдесят лет, как ты только что мне напомнил...

— Но у тебя фигура и жизненная сила как у двадцатилетней, — перебил он, доказав, что был вполне способен чему-либо научиться.

— Что касается жизненных сил, то их, по меньшей мере, осталось очень мало, — заметила я. — Они быстро истощаются. Поэтому как это ни печально, но я хочу договориться с тобой о некоторых ограничениях и установить некоторые правила существования нашего союза.

— Да? — ответил он, проявляя некоторую обеспокоенность.

— Дело в том, что за те долгие годы, что я топчу эту землю, я приобрела некоторые укоренившиеся уже привычки, — сказала я. — И, боюсь, я собираюсь зайти настолько далеко, что хочу просить

тебя полностью согласиться с моим укладом жизни. Поэтому я считаю, что для нас обоих будет лучше, если в Эберли мы будем жить каждый в своих апартаментах. Когда я пожелаю твоего присутствия, а это будет, по крайней мере, два раза в неделю, обещаю, — мне пришлось бросить эту реплику, чтобы он не пал духом, — что буду тебя приглашать, но во все другие часы и дни мы будем следовать каждый своим путем. Я буду продолжать управлять своим поместьем и надзирать за ним, а ты... ну, я не знаю, чем ты предпочтешь заняться в свободное время, монсиньор. Но будь уверен, я поддержу тебя в твоих начинаниях.

Я предвидела, что наступит критический момент, и старалась держать себя в руках, но к моему изумлению он охотно согласился с тем, что для людей нашего возраста — я бы предпочла, чтобы он не упоминал без конца это обстоятельство, — такой образ жизни не только желателен, но и необходим и что он в равной степени не хотел бы оспаривать моего права в качестве хозяйки Эберли.

Я почувствовала огромное облегчение, встретив понимание с его стороны, и меня беспокоил только вопрос о том, как дать ему понять, что я прекрасно осведомлена о недостатках мужчин, которые в молодости они расценивают как проявление силы и даже добродетели. Поэтому я сказала:

— Я, разумеется, понимаю, что, если твоя мужская природа такова, что общение дважды в неделю для тебя недостаточно, я даю тебе разрешение удовлетворять твои запросы в другом месте.

Я знала, что так или иначе, но мужчины все равно поступают именно так, потому во избежание домашних баталий лучше обговорить этот вопрос заблаговременно.

И снова, как мне показалось, он выглядел вполне удовлетворенным.

— Однако, — добавила я, — мне бы не хотелось знать о том, что ты делишь постель с кем-либо, кроме меня. Я выражаю свое желание в достаточно яс-

ной форме, монсиньор. Если я окажусь перед лицом супружеской измены, то эта женщина будет немедленно с позором изгнана из Эберли. Я об этом позабочусь.

— Уверяю тебя, — пообещал он, — что до такой крайности дело никогда не дойдет.

Итак, я взвалила на себя бремя своего третьего брака, который обещал мне семейный покой. Я, конечно, не любила Данило, во всяком случае не более, чем он меня. Это был брак по договоренности и для нашего общего блага: мои деньги в обмен на его защиту. Правда, я не была уверена, что нуждаюсь в его защите, хотя было очевидно, что он отчаянно нуждается в моих деньгах, и поэтому, естественно, в этом партнерстве я чувствовала себя занимающей главенствующее место, не говоря уж о разнице в возрасте, и все это вместе давало мне возможность наслаждаться жизнью.

Я считала, что моя точка зрения на его личную жизнь давала и мне право пользоваться свободой, и поэтому я продолжала время от времени принимать Гвидо в своем будуаре, пока мы обсуждали вопросы, представлявшие для нас взаимный интерес.

Что же касается Данило, то он, я думаю, тоже нашел себе занятие на то время, когда от него не требовалось, чтобы он занимался мною. Казалось, жизнь пошла спокойно и слаженно. Дважды в неделю я давала ему знать, что готова с энтузиазмом принять его в свои объятия. Остальные четыре ночи я наслаждалась спокойным сном. Но седьмую ночь Гвидо внизу, под лестницей, вводил меня в курс наших дел.

Я не могла бы пожаловаться на отсутствие у Данило интереса к моему обществу. Он живо интересовался делами имения и почти всегда сопровождал меня во время моих инспекционных поездок. Время от времени он намекал, что, если бы я захотела сместить Рикардо, он был бы счастлив принять на себя управление всеми моими делами. Однако я отклонила это

предложение; я доверяла Рикардо гораздо больше, чем Данило.

Вне всякого сомнения, это не было для него секретом, но он всегда оставался очаровательным, отпускал мне изысканные комплименты и изо всех сил старался доставить удовольствие: играл вечерами на лютне и пел глубоким и чистым голосом, или мы играли с ним в шахматы, а он был большой мастер по этой части.

Довольно часто мы принимали у себя Лючию и ее Пьетро, и к моему восторгу Данило был с ними так же учтив, как и со мной, и больше всего любил возиться со своими приемными внучатами.

Точно так же он был сама любезность, когда Уильям получал отпуск в своем монастыре и приезжал проведать мать. Более того, он, казалось, был полон решимости заменить ему отца, хотя в отношении Лючии он никогда не проявлял такого желания. Мне было приятно видеть Уильяма и Данило вместе, а они проводили много времени наедине, выезжали охотиться с собаками или о чем-то беседовали. Данило даже пригласил Уильяма в свои личные апартаменты — привилегия, которой я никогда не удостаивалась! Но я была счастлива видеть своего сына счастливым, и когда настало время ему уезжать, плакали мы все!

Вне всякого сомнения, я бы ни во что не вмешивалась, не будь я женщиной, но любопытство — один из моих главных пороков. Время шло, и меня все больше и больше интриговало отсутствие каких-либо признаков того, что Данило пользуется дарованной мною свободой действий в соответствии с его вкусами и желаниями, когда он не был занят мною. Я рассчитывала, что буду замечать испытующие взгляды, исподтишка бросаемые на меня прислугой женского пола, или даже услышу шепот и хихиканье за своей спиной. При этом я решила, что пресеку все это с должной суровостью, потому что у меня всегда был под рукой Рикардо со своим хлыстом.

Но я так и не обнаружила никаких следов супружеской измены или какой-либо активности, кроме как в моей собственной постели, и это начало вызывать у меня укоры совести. Конечно, я не могла расследовать это обстоятельство открыто, и потому все так и продолжалось, но я чувствовала все большую неловкость по этому поводу до тех пор, пока Уильям снова не приехал на побывку. Естественно, я приветствовала его с распростертыми объятиями и была полна гордости за него. Таким он стал пригожим! Потому что хотя он и был священником, но оставался высоким и хорошо сложенным. У него было открытое лицо, и его манеры вызывали доверие. Короче говоря, он стал мужчиной, которым могла бы гордиться любая мать.

Однако, к моей досаде, он, казалось, приветствовал меня, связанную с ним кровными узами, с меньшей радостью, чем Данило, который приходился ему всего лишь отчимом. И после нескольких минут первых приветствий и объятий они скрылись в апартаментах Данило.

Мне бы ни в коем случае не хотелось, чтобы кто-либо заподозрил меня в глупости, и я надеюсь, что на этих страницах я сказала достаточно, чтобы опровергнуть столь нелестное о себе мнение. Но, как я считаю, мой главный недостаток — это излишняя готовность видеть во всех окружающих хорошее, за что мне часто приходится платить очень дорого.

Кроме того, я считаю себя женщиной самых широких взглядов, возможно даже не знающей себе равных в этом отношении. Но меня к этому вынудили обстоятельства моей жизни.

Однако чувства матери к сыну имеют особую природу и свойства, очевидно, они носят еще более специфический характер, чем взаимоотношения матери и дочери. Возможно, что в отпрыске мужского пола мы, женщины, стараемся найти достоинства, которых не хватало в отце ребенка, особенно если этот отец уже давно покоится в могиле. И в равной степени мы, возможно, опасаемся тех слабостей, которые помним

слишком хорошо и которые могли передаваться по наследству сыну.

Но дело в том, что я не могла припомнить в моем дорогом Альберто никаких слабостей, если не считать некоторой склонности к пессимизму, что никак не отразилось на жизнерадостном характере Уильяма. С другой стороны, мой покойный муж был человеком могучего темперамента, тут уместно вспомнить те вольности, которые он позволял себе с горничной королевы, благодаря которому подарил мне множество долгих и счастливых часов и который, возможно, привел его к столь печальному концу. Я никогда не принадлежала к числу женщин, готовых осудить доблесть на ложе любви, даже если это качество доведено до крайности, и следует помнить, что мое первое опасение, когда Уильям объявил о своем решении посвятить себя службе Господу, было связано именно с тем, что он лишает себя высочайшего блаженства.

Но теперь мне пришлось признать, что он вовсе не лишил себя таких минут, только черпал их в несколько иных обстоятельствах, чем мне бы хотелось.

Возможно, что как женщина, которая провела большую часть жизни в качестве интимной подруги и доверенного лица королевы Неаполя, не говоря уже о том годе, который я прожила в гареме аль-Мумина, должна была бы расценивать свое положение в свете той библейской истины, что первым камень может бросить только тот, на ком нет греха. Однако оскорбленные материнские чувства не знают удержу.

Поэтому я направились в апартаменты Данило, еще не зная, как поведу себя там, лелея при этом слабую надежду, что мне и не придется принимать мер, ввиду отсутствия какой-либо щекотливой ситуации.

Ох уж этот оптимизм! Я все же решила не стучать в дверь, распахнула ее и бросила такой взгляд на слугу, стоявшего внутри и, по-видимому, получившего распоряжение никого не пускать, что он оцепенел и потерял способность двигаться и говорить, ибо прежде всего он был мой слуга, а не слуга

Данило. Таким образом, я добралась до спальни, где обнаружила обоих героев моего расследования нагими в постели и забавлявшимися самым непристойным образом.

Несколько минут царило полное молчание, пока мы созерцали друг друга. Но поскольку мое возбуждение несколько поутихло ввиду такой ситуации, то мне уже трудно было выдержать необходимый в таких обстоятельствах тон разгневанной и оскорбленной матери. Это не значит, что я не чувствовала глубокого гнева и не была оскорблена или что меня не очень трогало несчастье, постигшее моего сына.

— Прекрасно, монсеньор, — заметила я.

Данило стоял на постели на коленях и являл собой смехотворное зрелище.

— Вы же повелели мне развлекаться как мне заблагорассудится, мадам, — запротестовал он.

— Но не с моим сыном, — заметила я холодно.

— Уверяю тебя, мама, что в этом нет ничего дурного, — сказал Уильям.

— А с тобой я поговорю позже, — ответила я. — Оденься и отправляйся в мои комнаты.

Уильям посмотрел на Данило, будто желая проявить неповиновение, но Данило поспешно кивнул. Мальчик вылез из постели, натянул одежду и поспешил вон из комнаты.

— Если бы я сообщила об этом королеве, а она архиепископу, — сказала я своему мужу, — тебе бы не поздоровилось.

— Уильям был бы на моей стороне, — ответил он. — Но неужели ты действительно зашла бы так далеко? Как сказал мальчик, это совершенно безобидное дело.

Может быть, так оно и есть. И тем не менее мое чувство жгучей обиды вернулось с новой силой, когда я подумала о том, сколько раз этот человек был близок со мной и при этом думал о каком-нибудь красивом дворовом мальчишке.

— Тем не менее это противоестественно и всеми осуждается, — настаивала я.

— Ты собираешься притворяться и убеждать меня, что у тебя никогда не возникало противоестественных желаний и ты не уступала им? — спросил он.

Ну, вероятно, это был не тот вопрос, на который мне хотелось бы отвечать; мне тут же пришло в голову, что мое положение не из лучших. Но я не собиралась сдаваться.

— В любом случае, — сказала я, — возможно, я готова оставить все как есть. Но есть два условия, на которых я настаиваю. Первое состоит в том, что ты никогда больше не войдешь в мои комнаты, и второе — что Уильям никогда не появится в твоих. Тебе понятно?

— Но... если мне не будет дозволено приходить к тебе, моя дражайшая Ричильда, это значит, что наш брак больше не существует.

— Чтобы сохранить видимость брака и ради приличия, ты можешь продолжать оставаться в Эберли, — сказала я, — но мои условия сохраняются. Если ты предпочтешь уехать и искать счастья в другом месте, то я оставляю это целиком и полностью на твое усмотрение.

— Я обращусь к ее светлости королеве.

— Можешь обращаться к кому пожелаешь. Но я тебя уверяю, что ее светлость более охотно выслушает меня, чем тебя.

С этими словами я его покинула. Я не боялась никаких шагов, которые он мог бы предпринять. Данило, возможно, был львом в бою, но он не обладал той нравственной твердостью, которая необходима, чтобы занять определенную позицию и придерживаться ее до конца, невзирая на дурную славу и слухи и даже риск поражения.

Меня в равной мере не беспокоили и мои семейные дела. Гвидо всегда был значительно более страстным любовником, чем Данило, и теперь я понимала почему, и кроме того, тот факт, что мое уединение и покой нарушался теперь только раз в неделю, а не

три, устраивал меня гораздо больше. Кроме того, Гвидо, как и пристало его положению, был полностью покорен мне и охотно потрафлял моим капризам. Данило же был чрезвычайно спесив и старался продемонстрировать свою власть мужа.

Что касалось его интимной жизни в спальне, то об этом я предпочитала не думать.

Что же до Уильяма, этот вопрос казался мне сложнее, но я, как мне думается, разумно решила не рассматривать его с точки зрения греха, а просто отнестись к этому как к кровосмешению, что в любом случае было недопустимо, ибо мой сын не мог оставаться любовником моего мужа. Уильям понял мое отношение и искренне сокрушался.

Таким образом, эта тайна осталась достоянием нас троих, и еще, возможно, лакея Данило и таким образом была похоронена. Если только, как я полагаю, Уильям не счел необходимым исповедоваться своему духовнику, но всем нам известно, что тайна исповеди священна.

Что же касается других секретов, которыми Уильям, возможно, делился со своим духовником, то мне даже страшно об этом подумать.

Поэтому Данило и я продолжали разыгрывать этот наш фарс еще в течение нескольких лет. Когда бы нас ни призывали по какому-нибудь делу в Неаполь, мы неизменно отправлялись туда как муж и жена и даже жили в одной спальне, хотя я всегда клала подушку между нашими обнаженными телами и никогда не позволяла своему сердцу смягчиться, невзирая на самые жалобные мольбы мужа.

Поскольку мне удалось устроить свои семейные проблемы к своему собственному удовлетворению, никакие даже романтические и плотские дела королевы, казалось, не могли больше нарушить плавное течение моих зрелых лет. Как я уже говорила, принц Хайме умер в 1375 году, когда Джованне исполнилось сорок девять лет, и она, как и я, достигла пери-

ода, когда детородные функции женского организма сходят на нет. Но, как и я, она продолжала находить жизнь столь же прекрасной, как и раньше, и не успела весть о смерти ее супруга и о ее вдовстве получить подтверждение, как она дала понять, что снова свободна.

Как и двенадцать лет назад, у ее дверей столпились искатели ее руки. Но на этот раз она проявила большую разборчивость и в дополнение к доброму здоровью, привлекательности и значительной сексуальности она выставила возможному супругу условие провести весь остаток его жизни в Неаполе.

Конечно, такое условие оттолкнуло многих принцев, имевших свои собственные амбиции, равно как и обязанности, и в конце концов Джованна остановила свой выбор на малоизвестном графе по имени Оттон Брауншвейгский, свидетельствующем о его немецком происхождении. Собственно говоря, он был отпрыском семьи Габсбургов, владевшей герцогством в Австрии. Их постоянные намеки на то, что они могли бы претендовать на трон Священной Римской империи, были источником развлечения для всей империи. Конечно, хорошо известно, что императором Священной Римской империи, как бы возвышенно это ни звучало, на самом деле становился тот из кандидатов на этот пост, кто имел больше денег и кто намерен меньше оскорблять чувства суверенных принцев, над которыми возвысится благодаря своему титулу. В этом отношении Габсбурги обладали вполне подходящими качествами, к которым присоединились и другие достоинства: их семья была очень многочисленной, и, судя по всему, в план их кампании входило выдавать замуж и женить своих отпрысков женского и мужского пола — и особенно дочерей — таким образом, чтобы их новоиспеченные родственники поддерживали их дело.

Теперь, когда Неаполь уже не являлся частью империи, но представлял собой процветающее, а значит, и могущественное королевство, Габсбурги, несомненно, чувствовали, что брачный союз с самой знаменитой женщиной в Европе мог бы только уве-

личить их шансы на успех. Но в этом они совершенно заблуждались, потому что сияющая звезда Джованны клонилась к закату, но я считаю, что брак все равно бы состоялся, ибо это был поистине брак по любви. Я прежде говорила о связях Джованны, и вне всякого сомнения, все они поначалу диктовались мужскими амбициями. Оттон же, хотя и был на несколько лет моложе королевы, стремился только к одному — служить ей всеми возможными способами и быть рядом с ней, что бы ни сулило ему будущее. И тем самым он обрек себя на весьма нелегкую участь.

В настоящий момент, однако, все казалось благополучным. Джованна выглядела восхитительно счастливой со своим четвертым мужем, ее королевство процветало, равно как и герцогиня Эберли, готовящаяся достойно вступить в пору увядания. Я не чувствовала себя ни на йоту старше, чем в двадцатый день рождения, даже при том, что страдала от разных болей и недугов, и мне пришлось оставить попытки научить Гвидо кое-каким принятым у сарацин позам во время любовного акта — а некоторые из них доступны скорее акробатической, нежели страстной парочке, ибо для них у меня уже не хватало гибкости.

Конечно, над нами всегда нависала тень смерти Андрея Венгерского, но Джованна и я остались единственными живыми свидетелями этого печального периода нашей жизни. Но даже и это казалось теперь навечно погребенным в прошлом, когда Джованна наконец добилась того, к чему так стремилась: Папой был избран неаполитанец. Увы, этот маневр, который, казалось, мог бы обеспечить ей королевство на все оставшиеся годы ее жизни, стал причиной ее гибели.

Чтобы объяснить это, надо снова окунуться в недавнюю историю папства. На этих страницах я уже поведала, что в результате смут в начале этого века в качестве Святого Ока избирались только француз-

ские кандидаты, которые скорее предпочитали находиться в безопасности в стенах Авиньона и под защитой французской монархии, нежели ставить свою жизнь в зависимости от непредсказуемого поведения римской толпы.

Конечно, на эту разумную предосторожность без особого восторга взирали и сами римляне, и кардиналы, которые не были французами и потому справедливо считали, что римская Церковь теперь стала французской Церковью. Однако пока власть имущие, избранники Церкви, сидевшие в Авиньоне, были мужчинами, обладавшими силой духа и решительностью, как, например, наш с Джованной старый друг Климент VI, такое положение едва ли можно было изменить.

Климент, как мы помним, умер в 1352 году, и его преемником стал другой француз Этьен Обер, принявший имя Иннокентия VI. Здесь снова следует напомнить, что именно Иннокентий был первым, кто стал подумывать о том, чтобы перевести папство обратно в Рим, и с этой целью он отправил в Рим дражайшего Кола, миссия которого оказалась фатальной. «Подвиги» римской толпы, разорвавшей на куски Кола и Альберто, значительно умерили желание Иннокентия жить среди этих людей. И тогда этот вопрос отпал, а Иннокентий посвятил остаток жизни реформированию папского двора в Авиньоне — а это требовало большого внимания — и, увы, тщетным попыткам объединить римскую и византийскую церкви.

Преемником Иннокентия в 1362 году стал еще один француз, Гийом де Гримоар, принявший имя Урбана V. Ему было дано довершить начатое его предшественниками дело: его старания увенчались успехом, и 15 октября 1367 года папский двор был возвращен в Рим. Я в это время принимала участие в испанской кампании. Можно было ожидать, что на этом дело и кончится, как закончился и вавилонский плен. Но ничуть не бывало. Римляне, как и всегда, доказали, что они неуправляемы, и уже года через три

Урбан упаковал свои вещи и вернулся во Францию. Римляне были этим огорчены и даже публично просили его остаться, призвав на помощь знаменитую пророчицу и отшельницу святую Бригитту из Швеции, предупредившую Папу о грозящем несчастье — правда, она не уточнила, кому оно грозит, — если он снова покинет центр христианства.

Но ничто не могло поколебать понтифика, и он отбыл. Несчастья не замедлили последовать, причем для него немедленно: он умер в том же году.

Урбану наследовал не кто иной, как племянник Климента VI, сделавшего его кардиналом в неприлично юном возрасте, всего лишь в 19 лет, явно готовя его уже в то время к высшей власти. Этот молодой человек, носивший то же самое имя, Пьер-Роже де Бофор, что и его дядя, теперь был зрелым мужчиной сорока одного года и принял папский сан под именем Григория XI. Это случилось невзирая на то, что он никогда не был рукоположен в священники, вот до какого бедственного состояния были доведены дела религии.

Григорий крайне неосмотрительно снова стал думать о том, чтобы вернуться в Рим. Нельзя сказать, что подобное отношение к этому вопросу он полностью унаследовал от предшественников. Было много причин, по которым Папу привлекал престол Святого Петра, и не самой последней среди них была продолжающаяся война между Англией и Францией, не только разорявшая Францию, но иногда и подступавшая буквально к окрестностям Авиньона. Прямым следствием этого была чрезвычайная слабость власти французских королей. Когда папы впервые переселились во Францию, они вверили себя защите грозного Филиппа Красивого, отдавая себе отчет в своем подчиненном положении по отношению к этому монарху. Теперь же их по-прежнему считали зависимыми от французской монархии, хотя у нее уже не было силы для их защиты.

Кроме того, существовало множество других, нефранцузского происхождения и, главным образом,

итальянских кардиналов, голоса которых каждый раз при очередных выборах приходилось покупать дорогой ценой и которые страстно желали вернуться в родную страну.

Не исключено, что существовали и вполне искренние чувства в отношении того факта, что Рим был «вечным городом», в то время как Авиньон не мог претендовать на такое бессмертие.

Какой бы ни была истинная причина, подвигшая его на этот гибельный шаг, но Григорий XI возвратился в Рим 13 января 1377 года. Это событие было встречено всей Италией с одобрением, и мы, жители Неаполя, не отстали в изъявлениях одобрения и поздравлениях. Совершенно очевидно, что, продав Авиньон, Джованна больше ничего не могла выиграть от того, что Папа был ее арендатором, но в любом случае она оставалась в наилучших отношениях с Григорием, помнившим ее во всем блеске юности и красоты, когда она около тридцати лет назад прибыла в качестве жалобщицы к его дяде, и теперь, когда она имела рядом с собой такого поклонника в его лице, это обещало длительный период спокойствия вплоть до нашей смерти. Ведь Джованне исполнился уже пятьдесят один год, мне было пятьдесят два, так что Григорий в свои сорок восемь был просто мальчиком.

Однако, не прожив в Риме и года, Григорий умер в ночь с 26 на 27 марта 1378 года.

Кто я такая, чтобы задаваться вопросами о внезапной смерти молодого, сильного, здорового и активного человека и предполагать, что вряд ли она была результатом слишком обильного обеда, как в то время утверждали? Единственное, что я могу сказать, так это установленный факт, а именно: что, как и Климент, Григорий счел год, прожитый в окружении римлян, достаточным, чтобы объявить о своем намерении вернуться в Авиньон. Ясно было, что римляне не хотели, чтобы он осуществил свое намерение, и вне всякого сомнения, нашелся некто, произнесший афоризм: лучше мертвый Папа, чем Папа-француз.

Тем не менее это событие застало нас всех врасплох.

Кроме, возможно, тех, кто имел отношение к заговору, а в число этих лиц входило большинство итальянских кардиналов, которые теперь решили положить конец чередѣ французов на папском престоле, продолжавшейся почти целый век. Чуть ли не одновременно с печальной вестью о кончине Григория к нам прибыла делегация кардиналов, предложивших королеве, чтобы она согласилась разрешить выдвижение кандидатуры Бартоломео Приньяно, архиепископа Берийского, на папский престол.

Как раз в период этих событий я приехала в Неаполь и находилась с Джованной, когда ей было сделано это предложение.

— Приньяно? — спросила она. — Приньяно? — Она повернулась ко мне. — Приньяно! — закричала она. — Ну может ли быть лучший выбор? — Она улыбнулась посланцу Рима. — Мы немедленно пошлем за архиепископом.

Синьор Приньяно родился в самом Неаполе в 1318 году, то есть он был на восемь лет старше Джованны и знал ее, по крайней мере заочно, всю свою жизнь. Поскольку, как нам тогда казалось, к счастью, у него не было никаких влиятельных родственников — ни дядьев и ни кузенов, — его продвижение по служебной лестнице было медленным и он добрался до высших эшелонов Церкзи, только достигнув среднего возраста. Когда Джованна боролась за свою жизнь против Людовика Венгерского, чем, казалось, вызывала неодобрение всего христианского мира, он был всего лишь приходским священником, и было не важно, одобрял ли он ее или нет. Когда десятью годами позже он стал наконец епископом, Джованна уже утвердилась в своем праве на престол и ее привилегии и невинность офици-

ально были признаны Папой и, стало быть, всеми епископами, поскольку считалось, что Папа знает, что делает.

В это время Приньяно впервые встретился с королевой. Сильно сомневаюсь, что королева много думала о нем или думала о нем вообще, но он был неаполитанец, и она была рада видеть, что один из ее подданных поднимается к таким высотам. Смею напомнить, что в течение предыдущих десяти лет я была очень занята, иначе я бы рассказала королеве историю одного из наших королей, а именно Генриха II, которому было приятно видеть медленное, но неуклонное восхождение одного англичанина, своего друга, по имени Бекет, пока тот не стал архиепископом, после чего король понял, что с архиепископами труднее всего справиться. Генрих счел необходимым расправиться с этим Бекетом руками своих верных рыцарей — предосторожность, которой Джованна и в мыслях не имела. Она оставалась в заблуждении, считая, что всем нашим неприятностям пришел конец и что Приньяно — самый лояльный и ответственный из ее подданных. Трудно было что-либо возразить против этого, потому что я совершенно ничего не знала об архиепископе, а король Оттон знал и того меньше, поскольку жил еще в нашем королевстве всего несколько лет. Поэтому никто из нас даже и не подумал отговорить королеву от этого шага. Откровенно говоря, в течение первых нескольких недель после того, как Приньяно был вызван к королеве и ему сообщили о чести, которой он удостоился, не было никаких причин для тревоги.

Он казался застенчивым и готовым к самоуничтожению.

— О, ваша светлость, — запротестовал он. — Но я всего лишь скромный священник, совершенно непригодный для столь высокого положения.

— Чепуха, — заявила Джованна. — Ваш послужной список с точки зрения умения вести дело и преданности ему совершенно безупречен. И разве Папа Григорий не сделал вас одним из своих советников именно за эти качества?

— Да, это так, безусловно, — признался подлый плут. — И все же я буду просить освободить меня от чести стать его преемником, ваша светлость!

— Чепуха, — повторила Джованна. — Христианскому миру нужен Папа итальянского происхождения. Более того, ему нужен Папа-неаполитанец. И вы как раз тот самый человек, мой дорогой архиепископ.

Итак, мы слепо ринулись навстречу собственной гибели.

Приньяно позволил уговорить себя. Он, как и положено, прибыл в Рим с эскортом из конных неаполитанцев, и все население Рима радостно приветствовало его. Его избрание было скорее формальностью, чем подлинными выборами. Белый дым поднялся из труб Ватикана еще до того, как огонь был должным образом разожжен, ибо даже французские кардиналы поняли, что, если пришло время ублажить итальянцев, лучшей кандидатурой, чем этот смиренный маленький человечек, неспособный и слова молвить, просто и быть не может. И сочли за благо потрафить ему.

Избрание состоялось 8 апреля 1378 года, и Приньяно принял имя Урбана VI. Событие совершилось, мы все расслабились, предвкушая спокойные и мирные дни, и сразу же испытали сильнейший шок, когда в первой же проповеди в роли Папы Урбан VI обрушился с язвительной критикой на образ жизни богатых людей. В своем порицании, носившем общий характер, он не пощадил и свою благодетельницу и даже позволил себе несколько непристойных намеков на ее недружелюбное прошлое.

— Негодяй! — вскричала Джованна, когда ей принесли запись этой проповеди. — Неблагодарный мерзавец! Что мы с ним можем поделать, Ричильда?

— Увы, ваша светлость, раз мы избрали его Папой, не думаю, что мы можем что-нибудь сделать. Он старый человек. Давайте проявим терпение.

Я, как всегда, оказалась оптимисткой. Обрушившись на королеву, Урбан набросился теперь на дру-

гих кардиналов с критикой их образа жизни: якобы все кардиналы соблюдали целибат только на словах, а на деле держали любовниц, меняя их одну за другой. Он осуждал их роскошный образ жизни, их продажность, особенно то, как они зарабатывали состояния продажей индульгенций, которые гарантировали, что чьи-то возлюбленные ближние, получив отпущение грехов, после смерти проведут очень недолгое время в Чистилище, а потом быстро попадут на небеса.

Как это ни печально, никто из этих дорогих усопших не явился рассказать нам, оставшимся, насколько быстро произошло такое восхождение на небеса, и что еще более печально, сказать нам, действительно ли они пожелали этого вознесения к тому, что можно описать лишь как несколько суровое и аскетичное существование, пусть даже и вечное.

Этот выпад возмутил кардиналов, в особенности французских. Их возмутила даже необходимость ездить в Рим, который они не любили из-за климата, жаркого и чреватого заболеванием малярией, а также из-за живущих в нем людей, с горячим темпераментом и непредсказуемых, но больше всего им не нравилась пища, которая не была острой и на французский вкус казалась просто несъедобной. Поэтому они вернулись к роскоши и устоявшимся борделям Авиньона и, оказавшись там, осознали всю глубину допущенной ошибки, когда уступили просьбам итальянцев и избрали Папой их соотечественника. От осознания этой ошибки оказалось недалеко и до понимания того, что они уступили итальянскому нажиму из страха перед римской толпой. Это, в свою очередь, означало, что выборы Урбана были неправильными, а следовательно, и недействительными.

Французы были слишком хитры, чтобы попытаться защищать свои позиции из Авиньона. Они вернулись в Италию, но не в Рим, объявив, что в святом городе их жизни угрожала бы опасность. Вместо этого они обосновались в Фонди и пригласили всех кардиналов присоединиться к ним, чтобы избрать нового и законного Папу. Как и можно было предвидеть,

итальянцы не приехали, и поэтому французы избрали своего кандидата — Роберта Женевского.

О Роберте Женевском было написано много всякой клеветы, но не следует забывать, что он имел не меньше качеств, необходимых для папства, чем кто-либо другой, и даже больше, чем большинство претендентов. Он был епископом в Теруане и Камбрэ, а кардиналом его сделал Григорий XI. Поэтому он был опытным церковником. Но он обладал и еще более высоким качеством, необходимым для избрания: будучи папским легатом в Северной Италии, он командовал папской армией, покончившей с флорентийским мятежом, и в ходе этой кампании он уничтожил город Сизену и четыре тысячи его жителей.

Поэтому было совершенно ясно, что с таким человеком, как Роберт, шутки плохи, даже если и возникали сомнения, сможет ли такой грозный воин стать действительно хорошим Папой. Однако самым неудачным моментом во всем этом было то, что он приходился кузеном французскому королю. А это, увы, означало, что в равной мере он был и кузеном королевы Неаполя.

А мы тем временем в Кастель Нуово или в Эберли следили за развитием этих бурных событий со смешанными чувствами. Было ясно, что наша радость по поводу избрания Приньяно оказалась неуместной. Однако мы считали перспективу наличия двух пап — ибо Урбан не обнаруживал ни малейшего намерения уступить место — сугубо религиозной проблемой, которая могла бы обернуться нам на пользу. И уж конечно, у нас не было ни малейшего намерения быть замешанными в это дело.

Как будто кому-то удастся избежать касательства к делам Церкви.

Будучи избранным, Роберт, принявший имя Климента VII, решил уладить вопрос о том, кто же является настоящим Папой, обычным способом, который первым может прийти на ум солдату, — то есть

силой оружия. С этой точки зрения он, очевидно, был подходящим кандидатом. Папская армия, следовавшая за ним и победившая Флоренцию, а также разрушившая Сизену, все еще была мобилизована. Но, зная о том, как трудно завоевать Рим, который на протяжении всей истории всегда располагал полководцами от Алариха и Ганнибала и до более недавних генералов, он предпринял то, что оказалось блестящим тактическим ходом. Он незаметно ввел в город отряд вооруженных французов, которые захватили знаменитый замок Святого Анджело, построенный более тысячи лет назад как усыпальница Адриана, и объявил Папу Урбана низложенным.

Однако такое заявление оказалось преждевременным. Папа был все еще на свободе и пользовался лояльностью римской толпы. Климент, поспешивший за папской армией в тщетной надежде на папский престол, натолкнулся на запертые ворота и оказался один на один с народом. В такой ситуации вместо того, чтобы рисковать жизнью, отважный гарнизон Сан-Анджело предпочел капитулировать.

Солдатам действительно разрешили покинуть замок и присоединиться к войскам Роберта, но было совершенно очевидно, что вся страна поддерживает Урбана и что продержаться без союзников будет трудновато. Но он знал, где можно найти союзника, и двинулся маршем на Неаполь.

Джованна находилась здесь в сложном положении. Если она и поддержала избрание Приньяно, то теперь знала, что совершила ошибку. Кроме того, она сама была француженкой и в целом от пап французского происхождения не видела ничего иного, кроме помощи и поддержки, а они занимали руководящее положение, сменяя друг друга на протяжении всей ее жизни. От Урбана же, судя по его проповедям, ей ждать было нечего. Что было еще важнее, Роберт попросил ее помощи как ее кузен.

Поэтому она приветствовала Климента VII с распростертыми объятиями и объявила о своей готовности посадить его в Ватикан на папский престол, чего

бы это ни стоило, даже силой, если бы это потребовалось.

Результатом этого ее шага стал быстрый раскол христианского мира на два лагеря, поскольку имелись два папы. Разумеется, Франция, а также Шотландия, Кастилия, Арагон, Бургундия и, конечно, Неаполь поддерживали Климента. Что же касается Северной Италии, Португалии, Англии, Скандинавских стран и таких восточных государств, как Польша и Венгрия, то они встали на сторону Урбана. Германия, в которую входила и Австрия, все время колебалась и переходила с одной стороны на другую. От читателя, даже самого неискущенного, конечно, не может укрыться тот факт, что разделение мнений, хотя не исключено, что и искреннее, объяснялось текущим политическим соперничеством. Например, было вполне естественным, что если Англия поддерживала одну сторону, то Шотландия сразу же становилась на противоположную сторону. То же самое происходило с Испанией и Португалией. А у Флоренции и ее соседей были все основания не любить Климента за то, что он однажды ввел туда свои войска. Конечно, и у немцев были свои длительные взаимоотношения с папством, в которых случались и несогласия и размолвки, и поэтому искали такого Папу, который бы поддерживал их точку зрения.

Однако все эти страны могли позволить себе не торопиться решать, какую позицию занять, и взвешивали на досуге свои возможности, надеясь, что пройдет немало времени, и вся проблема, возможно, разрешится сама, прежде чем им придется обнажить меч в защиту своих позиций. Мы в Неаполе не были удачливы. Не успел Климент у нас обосноваться, как Урбан принялся выпускать у себя в Ватикане денонсации, начав с предания Климента анафеме, и постепенно все усиливал напор, пока наконец не объявил об отлучении «антипапы» от Церкви, равно как и всех, кто его поддерживал.

Эти папские послания в конце концов были всего лишь словами и действовали не сильнее решений, принимавшихся его противниками, не говоря уже о том,

что, вне всякого сомнения, громометание Урбана вызывало во Франции только усмешку. В Италии же это имело иной резонанс.

Кроме того, независимо от того, принимали ли это всерьез самые умные люди или нет, беспринципные могли этим воспользоваться, чтобы воздействовать на сознание непросвещенных темных масс, особенно в той среде, где были готовы наточить топоры.

А что касается Джованны, то таких оказалось много. И первым в списке недовольных ею был этот ужасный юнец — ставший теперь уже взрослым человеком, — именно Карл Дураццо, который несмотря на все благородство Джованны, назначившей его своим наследником, помнил только о смерти своего дяди и заточении отца и о том факте, что он был наследником престола и что если Джованну устранить декретом Папы с королевского трона, то королевство будет принадлежать ему. В это время его ужасная жена, воспитанная в уверенности, что Джованна была причиной всех бед, обрушившихся на ее ветвь, винила королеву даже в смерти своей матери.

Поэтому прежде, чем мы успели хорошенько сообразить, что происходит, Карл и его жена бежали из Неаполя, присоединились к армии Папы и объявили Джованну низложенной.

Джованна со свойственной ей беспечностью отмахнулась от этого, сочтя все это лишь жестом. «Мой народ поддержит меня, — объявила она. — Он меня обожает».

Но Климент считал, что одного обожания будет недостаточно. Он проворно покинул Неаполь, сел на корабль и отплыл в Авиньон, туда, где он был среди друзей. Вообразите себе, и это после всех-то несчастий, которые он навлек на нас! Бог знает (по крайней мере, я надеюсь и молюсь, чтобы это было так), что я ревностная христианка, но должна сказать, что ни один из тех нескольких пап, которых мне довелось встретить в жизни, не дал мне повода поверить в то, что Господь руководил кардиналами, когда они выбирали пап или что он хотя бы одобрял их выбор.

Можно было бы надеяться, что с устранением причины размолвки наши отношения с Ватиканом немедленно улучшатся. К сожалению, дело зашло уже слишком далеко. Естественно, собственность Карла Дураццо в Неаполе была конфискована ввиду его предательства. Не мог он питать иллюзий и насчет того, как с ним поступят, если он вернется сюда и сдастся. В равной мере и Урбан понимал, что нажил себе смертельного врага в лице королевы. Я пыталась представить на этих страницах подлинный портрет Джованны, хотя капризной — безусловно, не слишком нравственной — безусловно, но в основе своей — благородной и доброй; но те, кто считал себя ее врагами, помнили только о том, что все прошлые враги моей нежной госпожи обычно становились мертвецами.

Поэтому, несмотря на отбытие Климента, Урбан продолжал предавать королеву анафеме и заявил, что долг каждого христианского рыцаря перед религией и перед своим Папой вывести на чистую воду и обличить грязную убийцу, эту ведьму, эту дочь Вельзевула, эту язву на теле Церкви и так далее, и так далее. Вдохновленный этим, Карл Дураццо без труда собрал армию, и мы снова оказались втянутыми в гражданскую войну.

Тени 1346 года. Несчастье состояло в том, что теперь был 1381 год. В этом, конечно, было некоторое преимущество. Джованна утратила боязливость юности и вместо того, чтобы подумать о бегстве, что было для нее вполне возможно, ибо ее кузен Климент едва ли отказал бы ей в убежище и принял бы ее в Авиньоне, она решила бороться за свой трон и права. В этом решении ее полностью поддержала ее самая верная служанка. По правде говоря, у меня был весьма скудный выбор. Мое имя связывали с именем королевы и проклинали заодно с ней. Какой-то идиот кардинал зашел даже так далеко, что задавался вопросом, не есть ли я новое воплощение Вельзевула в образе женщины. Поэтому у меня не оставалось сомнений в отношении моей судьбы: что было пред-

назначено Джованне, то должно было постигнуть и меня. И если бы я ее оставила, то оказалась бы совершенно без друзей на чужом континенте. Поэтому, как только мятежная армия начала расползаться по пригородам Неаполя, я покинула Эберли и бежала в город, предоставив своих вооруженных людей и свое состояние в распоряжение моей королевы. Естественно, Лючия и Пьетро с их детьми сопровождали меня вместе с Рикардо и Гвидо.

И что самое приятное, Данило изъявил готовность сражаться, а он, несмотря на свои недостатки, был чуть ли не самым опытным солдатом в королевстве.

Джованна радостно приветствовала нас с распростертыми объятиями. Но пятьдесят пять лет — не самый лучший возраст для того, чтобы бросать свой дом и владения и бороться за собственную жизнь.

Джованна, естественно, очень рассчитывала на поддержку своего народа и на воинские доблести своего мужа. И она не ошиблась. Оттон как одержимый патрулировал стены и предводительствовал своими войсками, противостоявшими обширной армии под командованием Карла, делая это с полной решимостью, и его всегда поддерживал мой отважный Данило. Но и тут нас снова подвел возраст: возраст города и его обитателей.

Следует напомнить, что неаполитанцы всегда проявляли нежелание сражаться за правителей из Анжуйского дома. По правде говоря, та расторопность, с которой они открывали ворота снова и снова перед армиями Людовика Венгерского, могла быть сочтена явной непорядочностью. А кроме того, они были азартным и воинственным народом, и их главным развлечением по субботам было проломить несколько голов. Теперь же поколение, выросшее в мире и спокойствии, процветании и благоденствии — хотя общепризнанно, что такая жизнь стала возможной только благодаря мудрому и благодатному правлению их королевы, — полностью утратило воинственный дух, и

нам едва удавалось найти достаточное количество людей, чтобы охранять стены города.

Но мы все же сражались с большой решимостью и выдерживали осаду в течение нескольких месяцев. Было бы утомительным пересказывать все случаи атак, описывать, как шипели летящие камни, пущенные нашими врагами, как летели стрелы из арбалетов, как кричали атакующие, как вопили раненые, как звенела сталь, ударяясь о сталь, как стонали умирающие. Скоро это стало для нас привычным.

Наши так называемые христианнейшие враги раздобыли устрашающего вида трубу, которая, будучи наполненной взрывчатыми веществами, могла метать в нас каменные ядра. Должна, правда, сказать, насколько я помню, ни одно из этих, как они называли, «пушечных ядер» не повредило ни одной части Неаполя.

И тем не менее едва ли можно было сомневаться, что мы проиграем. Хотя гавань оставалась открытой, но сила папского запрета была такова, что возможность пользоваться кораблями стала ограниченной, а это, в свою очередь, затрудняло поступление нам запасов. Люди начали страдать от голода. Не говоря уже о том, что каждая семья оплакивала убитого или искалеченного брата, отца или сына. Результатом сочетания этих двух факторов стали усталость и нежелание сопротивляться.

Конечно, Джованна не хотела видеть, как убывает воля к победе. Она была так же активна, как ее муж: ухаживала за ранеными, оплакивала погибших и даже появлялась на стенах города на виду у врагов, чтобы подбодрить своих солдат. По правде говоря, это был, вероятно, ее звездный час. Но все это было бесполезно и, к сожалению, нашлись и такие трусы которые за нашей спиной вели переговоры с врагом, ибо стремились сохранить свои земли и титулы, на случай, если у нас окажется другой монарх, а когда такая возможность стала почти реальной, они глубокой ночью открыли ворота города врагу.

Даже часовые на стенах Кастель Нуово были подкуплены, и внезапно мы с Джованной, спавшие в объятиях друг друга, как во времена детства, были разбужены и увидели, что королевские покои полны вражеских солдат, а над нашей постелью стоит Карл Дураццо.

Глава 11

Для королев проснуться и увидеть у своего изголовья чужих людей еще более чудовищное потрясение, чем для обычных людей. Непосредственная реакция — позвать стражей и расправиться с вломившимися негодьями, но это первое побуждение быстро сменяется осознанием того, что, должно быть, сами стражи подкуплены или отправлены на тот свет, иначе этих людей здесь бы не было.

А еще когда один из этих людей твой главный враг...

Джованна натянула простыни до самого подбородка.

— Что это значит? — спросила она высоким, но ровным голосом, хотя и понимала, что наступил самый тяжелый день ее жизни.

Я, конечно, это знала, и у меня не было никакого желания вставать, напротив, хотелось зарыться в простыни и одеяла в надежде, что меня не заметят.

— Это значит, дорогая тетушка, что ваша жизнь, запятнанная преступлениями, окончена, — сказал ей Карл. — Ваш город пал, а вы арестованы.

Я почувствовала, как Джованна содрогнулась.

— По какому праву? — спросила она.

— У меня папский интердикт, то есть отлучение.

— Интердикт которого из пап? Тот, кто в Риме, не имеет власти.

— Думаю, что он-то как раз и есть законный и подлинный Папа, — ответил мерзавец. — Вылезайте из постели.

Джованна еще крепче вцепилась в простыню:

— Вы полагаете, что я встану с постели при вас? И перед вашими людьми? Вы негодяй!

— Моя дорогая тетушка, — сказал негодяй, — ходят слухи, что вы появлялись нагой, по крайней мере, перед тысячью мужчин. Неужели вас могут смутить полдюжины?

Джованна бросила на него взгляд, который мог бы убить его на месте, а потом отбросила покрывало и поднялась. Королеве было пятьдесят шесть лет, и тем не менее все они замерли, а ее племянник был потрясен не меньше других. Но он взял себя в руки.

— Пусть это дьявольское создание, ваша тень, тоже встанет.

Какие слова, а ведь я помнила, как собственный дядюшка этого увальня обошелся со мной! Однако мне ничего не оставалось делать, и я встала рядом с Джованной, вызвав своим появлением еще более продолжительную заминку, чем предыдущая.

Теперь уж Карл был совершенно сражен, и священнику, стоявшему у его плеча, пришлось заметить:

— Поистине творения дьявола, господин, способные кружить головы мужчинам. Давайте покончим с ними.

Я вцепилась в руку Джованны, полагая, что настал наш последний час. Но оказалось, что после того, как нам было приказано одеться, нас всего лишь тайно увезли из Неаполя, чтобы его жители не взбунтовались и не попытались защитить нас. Но ведь это были те самые люди, которые нас предали, и это было главным.

Тем не менее, поняв, что нас не собираются умертвить немедленно, мы забеспокоились о наших близких.

— Где мой муж? — спросила Джованна.

— Он мой пленник, — ответил Карл.

— Я хочу его видеть.

— Ваши желания теперь ничего не значат, — сказал он. — Кроме того, этот парень ранен и представляет собой зрелище не из приятных.

— Тем больше у меня оснований увидеться с ним! — воскликнула она.

— А я сказал, что вы к нему не пойдете.

— Разрешено ли мне справиться о моем муже? — спросила я.

На этот раз его улыбка была положительно злобной.

— Он тоже мой пленник, герцогиня.

— А что с моей дочерью? Ее детьми?

— Ваша дочь. Да, конечно. О ней... заботятся мои люди.

Я попыталась ударить его, но мне не позволили это сделать, и в следующее мгновение я жестоко поплатилась за свою попытку, ибо он разрешил своим людям развлечься со мной.

Должна сказать, что они были жалким сбродом, недостойным поцеловать подол платья женщины, делившей ложе с аль-Мумином и более того, даже пострадавшей от римской толпы. Эти же подонки били меня и швыряли так, что иногда у меня даже перехватывало дыхание, и это было самое худшее, что мне довелось испытать в жизни.

Джованна, естественно, была возмущена.

— Нельзя ли прекратить это? — спросила она своего племянника.

Он отвесил поклон:

— Они прекратят, как только устанут. Будьте признательны, что я не распространил их права и на вас, дражайшая тетюшка.

Итак, Джованна ничем не могла мне помочь, но мои неприятные ощущения длились сравнительно недолго, потому что Карл хорошо понимал, что в Неаполе еще оставалось достаточно людей, мужчин и женщин, готовых поддержать королеву, даже если она и согласилась бы сдать, и опасался, что его власть над городом окажется под угрозой, если Джованне удастся спастись. Поэтому той же ночью нас переправили из Кастьель Нуово в замок Муру. При этом нас закутали в плащи и закрыли наши лица вуалями. Замок был твердыней Дураццо и находился в нескольких милях от города.

Там мы были заключены в темницу, правда вместе. Поэтому мы могли найти опору друг в друге, дер-

жаться рядом и гадать о будущем, которое представлялось нам безрадостным, а также сожалеть о прошлом.

— Если бы только у меня были сыновья, — жаловалась Джованна, — они бы могли поддержать в трудную минуту и отомстить за меня.

Я размышляла о том, что у меня-то сын был, но он не оказал мне серьезной поддержки. Но, как выяснилось, в этом отношении я поспешила с выводами. Тем не менее я чувствовала себя очень несчастной.

У меня была еще и дочь, которая, насколько я могла понять, подверглась участи всех женщин, оказывающихся в руках завоевателей. Ну что же? Я сама испытала не один раз неприятности подобного рода. Эта беда была временной и преходящей, и единственное, что мне оставалось, — это верить, что у Лючии достанет силы духа и решимости выжить.

Скоро Джованна воспряла духом, и у нее возникла уверенность в том, что ее Оттон сумеет бежать от своих тюремщиков и приведет ей на помощь армию, горящую жаждой мщения. Но такая возможность казалась мне весьма маловероятной, и я была более склонна разделить ее надежду на то, что сторонники Климента сумеют одержать победу над сторонниками Урбана, что и принесет нам спасение. Однако это тоже означало не более как стремление принимать желаемое за действительность. Заполучив в Рим собственного Папу, кардиналы, конечно, не собирались так просто расставаться с этой своей привилегией.

Как выяснилось позже, Джованна оказалась весьма неудобной пленницей. Папа Урбан объявил Карла королем Неаполя, а королева была объявлена низложеной. Но Урбан, будучи весьма простоватым и неспособным представить себе до конца все горькие последствия своих действий, не смог заглянуть вперед и просчитать возможную ситуацию дальше того

момента, что Джованна потерпит поражение в войне и ее заменит монарх, который поддержит его претензии на папство. Но что делать с низложенным монархом, особенно с таким, который все еще пользуется сочувствием и поддержкой значительной части своего народа? И что еще более важно, как быть с помазанием и коронованием короля при живой еще королеве, законным образом помазанной и коронованной? Об этом несчастный малый начал, по-видимому, задумываться только после того, как Карл одержал победу.

Непреодолимым желанием Урбана было стремление легитимизировать свое положение. Поэтому он не осмелился объявить всех предшествовавших ему авиньонских пап узурпаторами, ибо их избрание и правление признавалось всем христианским миром. С точки зрения Папы, его врагом был Климент, а не его предшественники. Из этого следовало, что все, что было признано или провозглашено предыдущим Папой, в его качестве Божьего наместника и Божьих уст, естественно, оставалось законным. А предыдущий Папа полностью оправдал Джованну, признав ее невиновной во всех приписывающихся ей преступлениях. Невозможно было отрицать и то, что после своего возвращения в Неаполь в 1352 году королева показала себя лучшим и, очевидно, самым просвещенным монархом христианского мира. То, что она оказала поддержку Клименту, было, конечно, черным пятном на ее жизни, но со стороны королевы достаточно было признать это заблуждением и предложить пасть на колени перед Папой в Риме, чтобы полностью восстановить свои права на престол.

Карл Дураццо страшно боялся, что такая идея может прийти в голову Урбану, и он таким образом сможет выйти из создавшегося затруднительного положения в обмен, конечно, на обещание Джованны поддержать его, на что королева вполне может согласиться. А это означало бы, что Карл окажется на дальнем конце очень длинного сука, к тому же уже наполовину подпиленного.

Поэтому для него было крайне важно как можно скорее разрешить эту проблему. Вне всякого сомнения, он обратился к Риму с просьбой принять решение, которого ему пришлось ждать очень долго. Уж мы-то знали на своем опыте, сколь долго может тянуть Папа.

Когда Папа наконец дал Карлу совет, нам немедленно об этом сообщили. Нас информировали о том, что его светлость король Неаполя — «Какая наглость!» — воскликнула Джованна — нанесет нам визит, дабы обсудить вопрос первостепенной важности, и потребовали, чтобы мы надели свои лучшие наряды.

Нам принесли наши платья, чтобы мы могли из них выбрать, что требуется. До этого момента наше пленение состояло в том, что мы были изолированы от мира и находились в заключении. Что же касалось остального, то с нами обращались хорошо и с полным уважением. Мы были счастливы исполнить желание Карла, и Джованна, по правде говоря, редко выглядела столь безусловно величественной и царственной, как в этот раз.

Предложение Карла, как видно, означало, что он решил сдвинуть дело с мертвой точки. Он прибыл в сопровождении не только нескольких самых знатных вельмож государства, включая папского легата и целой толпы священников, а также нескольких писцов, у одного из которых он взял какой-то документ официального вида.

— Рассмотрев вопрос о положении вашей светлости, а также ваши преступные действия, — объявил Карл, — дворяне Неаполя приняли решение относительно вашего будущего.

Джованна только фыркнула.

— Было принято решение о том, что вы подпишете это отречение, — продолжал Карл, — согласно которому вы отказываетесь от всех претензий на трон Неаполя и от всех привилегий, которыми пользовались, а

также от всего приобретенного вами богатства. В обмен на это вам будет разрешено покинуть страну и отправиться жить куда вам будет угодно, взяв с собой любых спутников, каких вы только пожелаете... — он позволил своему взгляду скользнуть по мне, — и даже вашему мужу будет дозволено присоединиться к вам. Для удовлетворения насущных потребностей вашей светлости вам будет ежегодно выплачиваться содержание, достойное вашего положения. Его будет выплачивать правительство Неаполя, и вам следует помнить, что, если вы или кто-либо из вашей свиты когда-нибудь хотя бы ступит ногой на землю нашего королевства, он или она немедленно будут приговорены к смерти, а вам самой правительство Неаполя немедленно прекратит выплату содержания.

Он замолчал и взглянул на свою тетку, которая ответила ему пристальным взглядом. Совершенно естественно, что высокомерия у выскочки сразу же прибавилось.

— Это очень привлекательное предложение, тетушка Джованна, — увещевал он. — Более привлекательное и справедливое, чем счел бы уместным любой из моих сторонников.

Признаюсь, что я независимо от того, было это предложение справедливым или нет, но не колеблясь приняла бы его, ибо оно давало нам свободу и возможность уехать из Неаполя, и значит, мы могли надеяться отвоевать свое прежнее положение. Но ведь я не королева и не отпрыск царственного рода.

— Справедливое? — воскликнула Джованна. — Как оно может быть справедливым, если лишает гражданку ее права по рождению, а королеву ее трона? Но даже будь оно справедливым, оно совершенно неприемлемо перед Богом и людьми. Я помазанная королева этой страны. И только Бог может лишить меня этого права.

Карл облизнул губы, несколько обеспокоенный:

— Что вы имеете в виду, ваша светлость?

— Только то, что вы можете забрать этот документ и избавить меня от своего общества.

— Вы хотите сказать, что отказываетесь его подписывать?

— Совершенно верно.

— Вы не можете отказаться, — произнес он в отчаянии. — Такова воля народа Неаполя.

— Я подчиняюсь воле господней и сохраню прерогативы своих предков.

Карл открыл было рот, потом снова закрыл его, обернулся к своим сторонникам за поддержкой, но не нашел ее и потому снова прибег к прежним угрозам.

— Вы найдете во мне непримиримого врага, тетушка Джованна, — объявил он.

Джованна снова фыркнула.

Я теперь боялась, что Карл прибегнет к методам, столь излюбленным его драгоценным дядюшкой, и будет пытаться раздобыть прямые доказательства вины Джованны путем признания, вырванного с помощью пыток у ее приближенных. Возможно, даже заставит их предстать перед судом. А с тех давно прошедших дней у Джованны оставалась всего лишь одна приближенная. Однако сначала казалось, что мои опасения не имеют под собой почвы. Вне всякого сомнения, негодяй изыскивал всевозможные пути и средства и, как оказалось, искал совета, но, как опять же выяснилось, все было не так легко и просто.

Пока он взвешивал все «за» и «против» относительно возможности нажима на меня, ему пришла в голову мысль об одном рычаге давления, который, как он думал, заставит меня отказаться от своей решимости никогда не предавать мою госпожу — о моем муже.

Должна признаться, что для меня было подлинным облегчением узнать, что мне предстоит увидеть именно Данило, когда мы добрались до грязного и зловонного подземелья, поскольку я опасалась, что Карл уже добрался и до моей дорогой Лючии, о которой я не слышала ничего с того дня, как пал Неаполь, и

которая, как я предполагала, или погибла, или бежала. Но хотя это был всего лишь Данило, представшее моим глазам зрелище было довольно прискорбным, ибо Данило был совершенно без одежды, и было очевидно, что его подвергли многочисленным унижениям. Хотя, впрочем, некоторые из них могли даже доставить ему удовольствие. Рассмотрев его внимательно, я увидела, что он находится в удрученном состоянии.

Подобно своему дяде, Карл, очевидно, решил, что такое зрелище, как вид обнаженного мужа с очевидными признаками перенесенных пыток должен был вызвать у меня полный психологический шок; бедный малый, конечно, не мог знать о наших особых отношениях с Данило. Но это не помешало мне искренне и радостно приветствовать его с распростертыми объятиями, к его заметному облегчению, и прижать его несколько раз к своей груди.

— Ну хватит, — сказал Карл, в течение нескольких минут наблюдавший, как мы целуемся и воркуем. — Если вы захотите продолжать наслаждаться компанией своего мужа немного больше, вам придется рассказать о своей причастности к убийству бывшей королевы своего мужа Андрея Венгерского.

— Уверяю вас, что я ничего не знаю об этом деле, монсиньор, — запротестовала я.

— А я вас уверяю, что знаете, — возразил негодяй. — И если вы немедленно не признаетесь в преступлении бывшей королевы и вашем в нем участии, вы станете свидетельницей самых страшных страданий своего мужа.

Я отказывалась осознавать ужас, молотком стучавший в ворота моего сознания.

— Монсиньор, — ответила я, — чему послужит мое признание? Ее светлость оправдана самим его святейшеством.

— Потому что не приводилось никаких убедительных доказательств, — заметил Карл. — Но вы, Ричильда, обещаю вам, не пострадаете, вас не лишат возможности говорить, как поступили с теми заговор-

щиками, которых допрашивали тогда, давно. Я приглашаю вас сотрудничать со мной и не сомневаюсь, что ваши ответы помогут обвинить королеву, которая, безусловно, виновна, и я, в свою очередь, уверяю вас, что вопрос, который будет вам задан на суде, доставит вам всего лишь преходящие неприятные ощущения при условии, что вы не попытаетесь потом изменить свои показания и что ваша казнь будет самой быстрой и милосердной, какую я только смогу придумать. Казнь с помощью гарроты — это всего лишь секунда пребывания между жизнью и смертью.

— Ваше предложение весьма щедрое, монсиньор, — сказала я. — Но, повторяю, я ничего не знаю об этом событии.

— Очень хорошо, мадам. Вы сами сделали свой выбор.

Данило был сильно огорчен данной ситуацией.

— Ты не можешь оставить меня в таком положении, любовь моя, — запротестовал он.

Я снова обняла его.

— Мужайся, сердце мое, — сказала я. — И не бойся этих неотесанных болванов.

Похоже, это его не успокоило, что было вполне понятно. Теперь меня подвели к стулу и заставили сесть на него и смотреть, как пытаются моего мужа. Данило привязали за запястья и щиколотки отдельными веревками и в таком унижительном положении подняли над полом с помощью подвижной балки из плотного дерева. Его четыре конечности растянули в разные стороны, использовав для этого четыре в равной степени подвижных рычага, отходивших от самой балки.

Эту балку можно было поместить над любым предметом в комнате в зависимости от прихоти палача, а предмет, выбранный для Данило, был деревянной пирамидой, которая приводилась в действие от центра комнаты. Эта пирамида, как ей и положено, поднималась вверх острым треугольным шпилем, и именно на него-то и опустили Данило. Причем это повторили несколько раз. Изменяя его положение с

помощью разных рычагов, наподобие того, как кукольник управляет марионеткой, эти мерзкие дьяволы могли мучить его как угодно. Начали они с того, что поместили его тело на весу параллельно полу лицом кверху. Затем его опустили на острие пирамиды, которая вонзилась в его поясицу. Судя по его крикам и тяжелому дыханию, я поняла, что это было очень мучительно. К счастью, это их скоро утомило, и они повернули его так, что острие пирамиды уперлось в его живот. Конечно, с помощью этой злополучной игрушки они могли экспериментировать и над другими, более интересными частями его тела. Моего Данило заставляли садиться на это деревянное острие, а ноги его при этом раздвигали и поднимали так, что этот пик самым неприятным образом входил в его задний проход. При этом двое из его полных энтузиазма мучителей следили за тем, чтобы его тело находилось в должном положении. Я тотчас же распознала, что они имели те же сексуальные наклонности, что и он сам.

Видеть все это было очень страшно, равно как и слышать ужасные крики моего бедного дорогого мужа, когда мне удавалось их слышать, потому что сама я кричала еще громче, чем он. Ведь у меня в этом отношении была более богатая практика. Я несколько раз пыталась подняться со своего стула, но мои стражи силой заставляли меня сесть снова. Однако мои обычные наблюдательность и здравый смысл не изменили мне, невзирая на мое плачевное положение, и я довольно скоро поняла, что в планы Карла не входило уничтожить моего мужа. Малейшая неосторожность в момент, когда его опускали спиной на пирамиду, например, могла вызвать перелом позвоночника, а незначительный просчет при манипуляциях с его половыми органами мог превратить его в бесполого окровавленного калеку. Но ни одного из этих роковых для его жизни несчастий не произошло, и мне пришлось в голову, что Карл, по видимому, испытывал те же чувства, что и его дядя тридцатью шестью годами раньше, когда он подвергал

меня подобным же испытаниям, правда, несколько на иной манер.

Это меня до известной степени успокоило, и довольно скоро я убедилась в своей правоте, когда внезапно сам герцог, устав от такого спорта и допроса, отослал мановением руки своих людей, в том числе и священников, и приказал им захватить с собой и меня.

Таким образом, мне пришлось снова покинуть моего мужа и бросить его Бог знает на произвол какой судьбы, хотя нетрудно было представить, что будет дальше. Меня снова препроводили в комнату королевы, где верная своей привычке Джованна заставила меня пересказать все, что произошло.

— Не огорчайся, моя дражайшая Ричильда, — сказала она мне. — За нас отомстят.

Увы, ее уверенность была напрасной. Моя дорогая королева и верная ей в течение всей жизни подруга приближались к концу своих дней, хотя все еще и не подозревали, какая над ними нависла опасность, ибо оказалось, что Карл, отчаявшись получить необходимые ему доказательства, решил воспользоваться простейшим с его точки зрения способом разрешения своей проблемы, будучи при этом уверен, что Урбану настолько необходимо поддержка Неаполя в его борьбе против Климента, что Папа даст ему отпущение грехов, невзирая на любое преступление, какое бы он ни совершил ради достижения этой цели.

Поэтому уже этой же ночью мы снова были грубо разбужены. Я только что закончила молиться, сокрушаясь о судьбе Данило, как вдруг нас окружила целая толпа людей в черных плащах и капюшонах, являвших собой весьма мрачное зрелище.

Джованна отреагировала на это столь же царственно, как и всегда.

— Что это за вторжение? — спросила она. — Почему нас лишают ночного отдыха?

— Уведите эту тварь, — сказал один из мужчин. Прежде чем я смогла попытаться защитить себя, меня стащили с постели.

— О, Ричильда! — вскричала Джованна. — Мое сердце обливается кровью, когда я смотрю на тебя!

Моя дорогая бедняжка, без сомнения, полагала, что меня снова потащат на допрос. Теперь же она была изумлена, когда ее самое стащили с постели и бросили на пол. Прежде чем она успела перевести дух, а я понять, что за ужасное событие разворачивается у меня на глазах, как с постели стащили и матрас, на котором мы обе только что лежали, и набросили его на королеву, полностью закрыв им ее нагое тело. Четверо мужчин в черном бросились сверху на матрас и по очереди стали давить на него, пригвоздив королеву к полу.

Стройное тело королевы едва можно было различить под облаком рассыпавшихся пуха и перьев. С минуту или две оно шевелилось, а потом затихло, когда убийцы надавили на него еще сильнее. Я открыла рот, чтобы закричать, но рука в перчатке зажала мне его, а другая обвилась вокруг моей талии, не давая мне шевельнуться. Я, по крайней мере, могла укусить его за перчатку, но мне не удавалось прокусить кожу, хотя этот малый все-таки взвизгнул, потому что у меня были великолепные зубы. Я била его ногами, но от этого было мало проку. Вся эта ужасная трагедия была окончена практически за несколько минут.

Предводитель этой шайки убийц махнул рукой, и его люди поднялись с матраса. Еще одно движение руки, и убрали сам матрас. Джованна Неаполитанская лежала там — скорчившееся и безжизненное тело.

Предводитель встал на колени возле нее, вытащил нож и вонзил его в лилейно белое запястье. Кровь не брызнула.

— Дело сделано, — сказал он с каким-то удовлетворением.

— А что делать с этой? — спросил державший меня человек, пытаясь высвободить перчатку из моих зубов.

— Отвести ее на совет, — сказал предводитель. — Послушаем, что она скажет.

Вот так в темной комнате, нагая и незащищенная, умерла самая выдающаяся из женщин своего века. А возможно, и всех времен.

Ее убийство оставило меня совершенно безутешной, и с тех пор я так и пребываю в этом состоянии. Но я всегда обладала инстинктом самосохранения. Поэтому, когда меня поволокли на судилище, как я уже описала в начале своего повествования, я почувствовала, что моей королеве уже ничто не могло повредить, потому что теперь она, конечно, уже стояла перед лицом высшего Судии, и потому настало время, когда я должна была позаботиться о себе и, возможно, попытаться вызволить своего ребенка и внуков.

Поэтому я рассказала историю жизни королевы, которая одновременно была и историей моей жизни, с абсолютной откровенностью и точностью. Это заняло немало времени, и к концу рассказа я была в полном изнеможении, тем более что, как я заметила, я просто зря расточала силы. На лицах внимавших мне я не заметила ни искры жалости, понимания или сочувствия.

— Ты вынесла себе приговор собственными устами, — сказал председательствующий на этом судилище. — Можешь упорствовать и утверждать, что ты ничего не знала о заговоре против жизни принца Андрея, но ты была пособницей покойной королевы после того, как это свершилось, и была рада помогать ей и поощрять ее во всех ее нечестивых деяниях вплоть до дня ее смерти. Поэтому ты виновата во всем не меньше, чем она. И хуже того: твои признания показывают, что ты, вне всякого сомнения, настоящая ведьма. Разве ты теперь не

признаешь, что все твои действия, как и действия твоей королевы, были подсказаны вашими мерзкими властителями, главный из которых — Вельзевул? Отвечай! Отвечай!

Я, конечно, тотчас же поняла, чего они добивались. Умертвить помазанницу Божию, королеву, — едва ли не самое омерзительное преступление, и Карлу это было прекрасно известно. Преступление же Джованны, состоявшее в том, что она отправила на тот свет принца, не являвшегося помазанником Божиим, а всего лишь нежеланного мужа, тем не менее угнетало ее всю жизнь. Королеву при ее жизни нельзя было осудить, как ведьму, кроме как только по папскому приговору, и всем было известно, что много лет назад Джованна во время такого процесса была оправдана.

Но теперь, когда королева умерла, при доказательстве того, что ее ближайшая подруга и наперсница оказалась ведьмой, весь мир мог бы признать, что и сама королева, возможно, тоже была отмечена этим ужасным злом, и потому ее смерть была не только актом справедливости, но и милосердия к ней самой. Такое намерение Карла и его приспешников, судя по всему, ставило меня в весьма незавидное положение. Итак, Оттон и Лючия исчезли, Данило оказался узником Карла, Уильям уединился в монастыре, а Гвидо и Рикардо бежали. У меня не осталось ни одного друга на свете. И в самом деле, с точки зрения многих я была иностранкой, выскочкой, оказывавшей дурное влияние на королеву, а это означало, что вокруг меня были одни враги. И я знала, что теперь мне не миновать боли и пыток и любого членовредительства. Возможно, я была еще красива, но значительно старше Карла и его приспешников, и если мне предстояло быть осужденной как ведьма, и, следовательно, быть сожженной на костре, то переломанные перед этим кости и разорванная на куски плоть в глазах закона не имели бы никакого значения.

Тем не менее я приняла решение сопротивляться до последнего вздоха. Я была не из тех, кто легко и без боя подчиняется злой судьбе.

Следует напомнить, что, не считая испытанных мною неприятностей от рук Карла Дураццо — если это можно назвать таким именно словом, — лично я не претерпела тех несчастий, которые выпали на долю всех, кто участвовал в заговоре на жизнь Андрея Венгерского и кто был причастен к его убийству. По правде говоря, с тех самых пор если мне и доводилось присутствовать в камере пыток, то только в качестве зрительницы, причем самым недавним моим опытом был случай, когда я стала свидетельницей того, как мучили моего бедного Данило.

Теперь же мне самой надо было собрать все силы, чтобы в первый и, надеюсь, в последний раз в жизни пройти через все это самой. По правде говоря, несчастье такого рода бывает в жизни человека, как правило, в первый и последний раз в жизни, и потому его переживают весьма глубоко и болезненно.

Моими инквизиторами оказалась группа молодых священников, которые выполняли свои функции со страстью, по необходимости подчиняясь всем установлениям своей ужасной профессии. Я говорю о них как об инквизиторах, а не как о слугах Божьих, хотя в моих обстоятельствах трудно было бы увидеть разницу.

Эти молодые люди, в силу своего призвания принуждаемые вести противоестественный образ жизни, по крайней мере в вопросах секса, были похожи на детей, занятых распаковыванием свертка с подарком, когда в первый раз повели меня в свое ужасное подземелье и сняли с меня одежду.

Разумеется, я и не ждала ничего иного, и это не могло заставить меня зардеться от смущения. Но то, что последовало за этим, было чрезвычайно неприятно, потому что теперь их задачей было доказать, что я и в самом деле находилась в сношениях с дьяволом, а без этого меня едва ли можно было признать ведьмой. Такие отношения с дьяволом, как считается, всегда носят любовный характер, и в процессе их Вельзевул или как там его еще называют непременно должен запечатлеть хотя бы один поце-

луй на теле возлюбленной. Этот поцелуй согласно их верованиям делает соответствующий участок тела нечувствительным. Так утверждают ученые доктора права. Поэтому, если какая-то часть тела оказывается нечувствительной к боли, то это означает, что она-то и соприкасалась с губами дьявола.

Вы, должно быть, знаете, а я чувствую, что подобное утверждение абсурдно. Но доктора от инквизиции придерживаются другого мнения. Одно только предположение, что это идет вразрез со всеми законами медицины, было бы достаточным, чтобы заклеить неверующую как ведьму. Поэтому первым моим испытанием были поиски инквизиторами на моем теле отметины дьявола.

На деле это означало, что любую часть тела, которая могла бы быть сочтена подозрительной на этот счет или просто могла привлечь внимание инквизитора, колоти иголкой. В случае с несчастной женщиной, у которой еще сохранились какие-то следы былой красоты, эту процедуру лучше оставить на волю воображения. Достаточно сказать, что тыканье иголкой в мои соски, нос и уши, а также использование этого орудия для того, чтобы колоть меня между ног, исторгало у меня такие крики, что они могли бы разбудить самого Вельзевула, вздумай он прийти мне на помощь, и, конечно, убедили негодяев, державших меня и забавлявшихся таким образом, в том, что у них вряд ли был какой-либо предшественник в виде дьявола.

К сожалению, перенесенные мною в жизни испытания и особенно то, что некоторые части моего тела подвергались воздействию стихии (я имею в виду эпизод моей жизни, когда мне пришлось странствовать с флагеллантами или купаться на открытом воздухе с «гизде» в гареме аль-Мумина), а также объясняемая цветом моих волос необычная белизна моей кожи стали причиной появления веснушек на коже, а на тех местах, которые обычно бывают скрыты одеждой, одной или двух родинок.

Прежде я никогда не придавала особого значения таким отметинам, хотя считала их изъянами. Теперь, к

своей великой озабоченности, я выяснила, что в этих местах моя кожа полностью потеряла способность ощущать боль, особенно когда ее кололи иглой столь опытные в этом деле руки. Потому что если в одном случае укол в мою плоть вызывал крик и судорожный болезненный выдох, то сделанный сразу же вторичный укол в гораздо менее чувствительное место не вызывал столь мгновенной и непосредственной реакции.

Это доставило им огромное удовольствие. Они захопалали в ладоши и закричали на весь мир, что нашли отметину дьявола. После этого меня повели на допрос.

Теперь, повидав на своем веку не одного несчастного, с которым обращались подобным образом, и вспоминая раскаленный железный стул Бертрана де Бо или лестницу Карла Дураццо, я опасалась самого худшего. Однако, к моему изумлению, пока что меня заставили сесть только на кусок бревна так, что мои ноги болтались по обе стороны этой деревяшки, что, конечно, вызвало у меня самые мрачные предположения, и, как мне показалось, они постарались посадить меня как можно прочнее. Мои лодыжки были прикреплены довольно туго кольцами к земле, так что мои ягодицы врезались в дерево, а руки были заведены за спину и тоже прикреплены к кольцам, находившимся на самом бревне, что исключило для меня всякую возможность упасть назад и удариться головой, что, несомненно, произошло бы в обычных обстоятельствах, но они предотвратили такую возможность, подставив мне под спину внушительный кусок дерева, шурупами прикрепленный к нижней части моего бревна, на котором я сидела. Такое положение сделало меня совершенно неподвижной: я не могла шевельнуть ни одной частью тела, кроме головы, а мой торс был наклонен вперед в довольно неудобном положении, в котором, да простится мне в силу обстоятельств такой язык, я могла коснуться сосками своего срамного места.

Естественно, я сочла все эти приготовления весьма опасными, но опять мои непосредственные страхи улеглись, когда один из инквизиторов с самой милой улыбкой поднес к моим губам сосуд с водой. Ничего не могло быть желаннее, и я тоже улыбнулась ему в ответ.

— Как давно ты стала ведьмой? — спросил первый.

— Я никогда не была ведьмой, — ответила я.

Это их позабавило, и мой «друг» снова предложил мне отпить из кувшина с водой, который он только что наполнил, но, хотя я больше и не испытывала жажды, я не хотела его обидеть и потому отпила еще глоток.

— Почему ты стала ведьмой? — спросил второй инквизитор.

— У меня никогда не было никаких причин стать ведьмой, — ответила я.

Последовали новые улыбки, и мне снова дали воды.

— Уверяю вас, сэр, мне больше не хочется пить, — объяснила я своему «другу».

— Но вы должны пить, ваша светлость, — настаивал он и влил мне в горло еще одну порцию воды.

Теперь я почувствовала, что раздуваюсь.

— Как ты стала ведьмой и что тогда произошло? — спросил третий инквизитор.

Меня это уже начинало беспокоить.

— Я никогда не становилась ведьмой! — вскричала я. — И потому ничего не происходило.

Мой улыбающийся «друг» мгновенно оказался рядом со мной с новым запасом воды. Я затрясла головой:

— С меня достаточно.

— Воды никогда никому не бывает достаточно, — заметил подлый малый.

— Но сейчас я больше не хочу, — сказала я.

— Но ты должна, — возразил он, одновременно подавая знак своим товарищам. Они отложили свои перья и бумаги, вцепились в мое лицо и начали си-

лой разжимать мне челюсти, в то время как третий ухитрился вставить мне в рот носик сосуда, а четвертый влил еще добрую порцию воды.

Теперь я уже точно чувствовала себя совсем неуютно.

Тем временем инквизиторы снова заняли свои места, и мне задали четвертый вопрос:

— Кто он, тот, которого ты избрала своим инкубом? Как его имя?

— Я не могу думать, — взмолилась я. — Добрые господа, разрешите мне отлучиться по нужде.

— Мы не интересуемся твоими телесными потребностями, женщина, — сказал негодяй. — Дайте ей еще воды.

— Вода как раз и есть причина моего затруднения! — закричала я.

Но все было напрасно. И новая порция жидкости пролилась мне в горло. Естественно, я попыталась взять некоторый реванш, излив избыток жидкости наружу, но несчастье состояло в том, что очень небольшое количество выпитого достигло пункта назначения, и у меня только еще больше усиливалось ощущение, что я вот-вот лопну. Мне казалось, что мои внутренние органы растянулись до размеров вдвое больших обычного их состояния.

Был только один способ прекратить эту все возрастающую муку, даже если я и сознавала, что, обвиняя себя и отказываясь обвинять королеву, я обрекала бы себя на еще худшие муки, но я также понимала, что, если меня заставят выпить еще одну порцию воды, я просто сойду с ума и тогда в любом случае скажу что-то против королевы.

— Подождите! — закричала я. — Я отвечу на все ваши вопросы. Только разрешите мне отлучиться по нужде.

— Очень разумно с твоей стороны, — сказал главный инквизитор. — Тогда начнем снова. Ты посетишь отхожее место, когда удовлетворительно ответишь на наши вопросы. Сколько времени ты была ведьмой?

Решив продолжать играть в эту шараду и, естественно, торопясь покончить с этим делом, чтобы скорее облегчиться, я задумала ошарашить моих мучителей своей исповедью и поспешно начала припоминать все, что я когда-либо слышала или читала о колдовстве. А знала я довольно много.

— Я была ведьмой с тех пор, как помню себя и сидела на материнских коленях. (Уж ее-то, бедняжку, они теперь уже не могли достать, я была в этом уверена.)

Сенсация! Они деловито застрочили перьями. И уже никто больше не предлагал воды.

— Почему ты стала ведьмой?

— Потому что этого пожелала моя мать.

— Как ты стала ведьмой и что случилось с тобой в первый раз?

— Моя мать втерла мне какую-то мазь между ног и дала метлу. Я оседлала метлу и полетела туда, где меня ждал дьявол.

Снова сенсация! За этим последовало быстрое возбужденное перешептывание. Никогда прежде они не слышали подобной исповеди.

— Кого ты выбрала себе в инкубы? Как его звали?

— Я никого не выбирала. Их мне представила мать.

— Их?

— Там их было несколько.

— Их имена, женщина, их имена.

— Ну, одного из них звали Вельзевулом, насколько я помню. Потом там был малый по имени Асмодей. И еще один. Его звали Аполионом. Там были еще двое: одного звали Бегемот, а другого Левиафан. О, я еще забыла бедного маленького Люцифера. Люцифер мне нравился больше всех.

Сейчас они положительно были просто вне себя от возбуждения. Они никогда не встречали никого, кто утверждал бы, что был соблазнен всеми дьяволами ада.

— И который же из дьяволов был твоим господином?

— Ну, — сказала я, — думаю, Асмодей. Он был самым большим из них во всех отношениях.

— А какую клятву тебя заставили принести?

Джованна и я часто обсуждали ужасные дела, связанные с колдовством. Поэтому мне было что вспомнить, и тут моя фантазия уже не знала удержу.

— Ну, — сказала я, — чтобы я все время исполняла его просьбы и приказания. Ненавидеть Церковь и все ее дела. Убивать младенцев и втыкать булавки в тело добрых женщин, как только представится возможность. И тому подобное.

— Как ты принесла эту клятву и каковы были условия?

— Я поцеловала его зад, а потом член, сознавая, что если нарушу эту клятву, то навечно отправлюсь на небеса.

Они перекрестились, услышав такое богохульство. Но они хотели знать детали.

— Какой палец тебя заставили поднять, чтобы принести клятву?

— Средний палец правой руки, — заверила я.

— Где свершилось твоё соединение с твоим инкубом?

— На шабаше, — ответила я без колебаний.

— Какие демоны и какие человеческие существа принимали участие в шабаше?

— Я назвала вам всех демонов.

— Расскажи нам о людях.

— Ну там были такие, как Бертран де Бо и его брат, Карл Дураццо и Людовик Венгерский, о да, чуть не забыла, еще там был Папа Климент VI.

— Твоя светлость, ты богохульствуешь, — начали они увещевать меня.

— Вы задаете мне вопросы, а я отвечаю, — возразила я.

— Тогда скажи нам, была там покойная королева?

— Никогда.

Они посоветовались вполголоса, потом возобновили допрос.

— Какую пищу вы ели на шабашах?

— Помет летучих мышей и турнепс, нерожденных младенцев и молодой картофель, и все это — в тушеном виде.

— Как устраивались эти шабаши?

— Мы все сидели на коленях у дьяволов.

Было удивительно видеть, с каким старанием они записывали эти идиотские, не имеющие никакого смысла ответы. Они даже не приостановились, чтобы спросить, как мы ухитрились есть нерожденных младенцев, не поглотив тела их матерей.

И все-таки они упорствовали.

— Какую музыку при этом играли и какие танцы танцевали?

— Музыку играл Пан на свирели, и мы все танцевали, прижимаясь спина к спине, и терлись задом друг о друга.

— Что инкубы давали тебе за связь с ними?

— Славное соитие.

Как деловито заскрипели их перья!

— Какую дьявольскую метку поставил инкуб на твоём теле?

— Те самые метки, которые вы нашли... Те места, куда он меня целовал.

— Какие преступления ты совершала во имя дьявола?

— Было бы слишком долго перечислять их.

— Сделай это.

— Ну, была эта женщина Боккадокио, у которой я вызвала выкидыш, потому что она ступила на улицу прежде меня... И этот мальчик Джильберто, член которого я заставила завязаться узлом, потому что он не захотел лечь со мной в постель. И...

Я выложила еще двадцать с лишним случаев, которые придумала, и все это записано с моих слов, но нетерпение их все росло, потому что я не сказала им того, чего от меня добивались.

— Ты должна рассказать о своем участии в убийстве Андрея Венгерского, — сказал наконец один из них.

— Я ничего об этом не знаю.

— Но ведь ты была служанкой королевы, и ты при этом присутствовала.

— Я ничего не знаю об этом, — повторила я.

Они вздохнули и возобновили допрос.

— Те несчастья, которые ты навлекла на людей... Ты могла бы их исправить?

— Конечно, если бы захотела. Разве я не ведьма?

— Какие травы и какие методы ты можешь использовать, чтобы излечить этих людей?

— Я тру одну палочку о другую и произношу магическое слово: абракадабра.

— Тебе приходилось околдовывать животных?

— Конечно. Разве вам не известно, что коровы фермера Грегорио больше не дают молока?

— Почему ты это сделала?

— Он позволил им забрести на некоторые из моих пастбищ в Эберли.

— Кто твои приспешники в злых делах из числа людей?

— Моя сестра Констанс, мои братья Генри и Ричард.

— А покойная королева?

— Покойная королева никогда этого не делала. Ее светлость питала отвращение к колдовству во всех его формах.

И снова они отчаянно зашептались друг с другом. Но потом снова начали меня допрашивать.

— Почему дьявол посещает тебя ночью?

— Думаю, ему это нравится.

— Какова мазь, которой ты натираешь свою метлу? Из чего она?

— В основном из мужского семени.

— И как вы вдвоем можете летать по воздуху? Какие волшебные слова ты при этом говоришь?

— Я говорю то же слово «абракадабра». Это слово позволяет мне освободиться от моего обычного земного облика, и разве вам не ясно, что, если бы я захотела, я могла бы освободиться от этих пут и вашего присутствия и просто исчезнуть?

О, если бы это было возможно! Но они тем не менее были страшно напуганы и тесно прижались друг к другу прежде, чем задали следующий вопрос.

— Какие бури ты вызвала, и кто тебе помогал в этом?

— Моим величайшим успехом была сильная буря 1365 года, — сказала я. — Мне помогал Асмодей. Разве вы не помните, как свалился колокол с собора?

Конечно, в 1365 году я была в Испании, но они были слишком возбуждены, чтобы припомнить это.

— Нашествие каких зловредных насекомых, червей и гусениц ты вызвала?

— Все те, которые ползают сейчас по вашему телу — это моих рук дело, — уверила я их.

Новый приступ возбуждения и тайное почесывание.

— Из чего ты создала этих губительных тварей и как сделала это?

— Я отрезала члены новорожденных младенцев мужского пола и щекотала их до тех пор, пока они не оживали.

У них тряслись руки, когда они это записывали. Но это был уже конец допроса. Оставалось задать только один последний вопрос.

— Какой срок положил дьявол твоему злодейству?

— Тысячу лет, — объявила я.

Они испустили крик и выбежали из комнаты.

Вошли тюремщики и освободили меня, а также дали мне возможность облегчиться. Потом меня снова одели в рубаху, предназначенную для преступников, и отвели к Великому инквизитору, к которому присоединилось несколько вельмож, и среди них я заметила самого Карла Дураццо.

У Великого инквизитора было время просмотреть записи моих ответов. Он был сделан из более крепкой материи, чем его писцы.

— Ты ведьма и сама разоблачила себя, — заметил он.

— Верно, монсиньор...

— Итак, хочешь ли ты добавить что-нибудь к сказанному до того, как присутствующий здесь трибунал произнесет приговор?

— Я требую, чтобы меня заслушали публично, — сказала я.

— Это требование не будет удовлетворено. Ты приговорена к смерти. Тем не менее я склоняюсь к милосердию и обещаю, что твоя смерть будет быстрой и безболезненной, если ты дополнишь свою исповедь.

Я знала, что он имеет в виду, но предпочла не показать виду. Я старалась выглядеть заинтригованной.

— Что еще я могу сказать, монсиньор?

— Ты можешь подтвердить то, что знаем мы все: что покойная королева была твоей сообщницей во всех этих ужасных деяниях.

— Но это было бы неправдой, монсиньор. Ее светлость ничего не знала о моих полуночных бесчинствах, а если бы знала, то не одобрила бы их.

— Женщина, не пытайся меня обмануть. Твоя бессмертная душа в опасности.

Ну коли об этом зашла речь, то если бы я верила, что Бог попустительствует этой безумной жестокости, проявляемой теми, кто всеупоминает его имя здесь на земле, или одобряет их действия, то я действительно стала бы поклоняться дьяволу, который, по крайней мере, обещал приятное времяпровождение.

— Моя душа принадлежит мне, монсиньор, — сказала я ему.

— Скоро ты убедишься, что дело обстоит совсем иначе, если будешь упорствовать и провоцировать этот суд, — рявкнул он.

— Я не могу впутывать в это королеву, — настаивала я, — ибо она невиновна.

Он слегка повернул голову, ловя взгляд Карла. Новый король Неаполя сердито и, как мне показалось, с видом безнадежности пожал плечами.

— Очень хорошо, женщина. Ричильда Бенуа, некогда герцогиня Эберли, поскольку ты предпочла

прожить свою жизнь под сенью королевы и как ее творение, мы решили, что ты и умрешь под ее сенью и как ее творение. Сегодняшний вечер ты проведешь в одиночестве и молчаливом созерцании собственной скверны, а завтра утром на рассвете тебя доставят к месту казни. Твою плоть разорвут на части раскаленными щипцами и тебя будут бичевать плетями с металлическими наконечниками. После этого тебя сожгут дотла. Уведите ее.

Мои колени сделались ватными, и я позволила оттащить себя в камеру. Вне всякого сомнения, будучи всегда оптимисткой, я была так уверена в своей невиновности, так уверена, что мои абсурдные ответы на абсурдные вопросы, которые мне задали, будут, по крайней мере, поняты Великим инквизитором, что позволила себе считать, что моей жизни ничего не угрожает. Теперь я, конечно, поняла, что как единственная свидетельница насильственной смерти Джованны, если не считать ее убийц, я должна была умереть.

Однако сознавать это было совершенно ужасно, а у меня было достаточно времени, чтобы все время думать об этом, поскольку меня приговорили в четыре часа пополудни, и таким образом до казни оставалось еще двенадцать часов.

Я ходила по камере взад и вперед до полного изнеможения, а потом бросилась на кучу соломы, которая, по-видимому, была предназначена для того, чтобы служить постелью. Но спать я не могла и все думала о событиях моей богатой приключениями жизни, с беспокойством размышляла о судьбе своих детей и уже ощущала прикосновение раскаленных щипцов к своей плоти и вспоминала ужасные сцены, свидетельницей которых я стала в юности. Но в конце концов я все-таки заснула и внезапно проснулась, услышав, что дверь моей темницы открывается.

Я села и уставилась на фигуру со свечой. Это был высокий и явно мускулистый мужчина, закутанный,

как и инквизиторы, в черный плащ с капюшоном. За его спиной стоял другой священник, одетый также, но не такой высокий.

— Уже пора? — прошептала я.

— Пора, — сказал он, закрывая за собой дверь.

— Уильям? — прошептала я. — Бог мой, Уильям!

Он поднес палец к губам и подошел ближе, потом встал рядом со мной на колени. Я обвила его руками и сжала так крепко, как только могла.

— О, мой дорогой мальчик, — прошептала я. — Но как ты оказался здесь?

— Я пришел исповедать тебя, — сказал он.

— И нам следует поспешить, — ответил его спутник. — Как это печально, когда приговоренным преступником является мать.

— Да, ты совершенно прав, Томазо, — согласился Уильям и встал.

И не успела ни я, ни несчастный Томазо понять, что происходит, мой сын поставил свечу на пол, поднял край одежды и вытащил из-под нее крепкую доску, которой ударил своего спутника по голове. Томазо без единого звука рухнул на пол.

Я с изумлением воззрилась на Уильяма, а он улыбнулся.

— Давай-ка поторопимся. — Он встал на колени рядом с поверженным малым и, перекатывая его с боку на бок, начал снимать с него одежду.

— Но если ты сможешь мне бежать, тебя приговорят к смерти, как и меня.

— Я уже обречен, мама. А что может быть почетнее для сына, нежели общее порицание, если он навлек его на себя, пытаюсь спасти мать? — сказал он.

— Но... куда мы направимся?

— Все уже устроено, — пообещал мне он.

— А Лючия?

— С этим тоже все в порядке. — Он ловко разорвал мою одежду, превратив ее в лохмотья, которыми обвязал запястья и лодыжки Томазо. Он также вставил ему в рот кляп.

Я больше не могла уже колебаться и потянулась к брошенной монашеской одежде. По правде говоря, только страх, что мои дети пострадают из-за меня и окажутся вовлеченными в эту мою беду, еще как-то меня удерживал. Я предпочла бы умереть, пытаюсь скрыться и сражаясь со своими преследователями до последнего вздоха, чем остаться и быть замученной до смерти. И хотя я не понимала, как Уильям собирался осуществить это чудо, я охотно подчинилась его воле, надела черное облачение и капюшон на голову и последовала за ним из камеры.

В конце коридора собралось несколько стражей. Они попивали вино. Уильям произнес слова благословения им, и мы прошли мимо.

Снаружи возле замка нас ожидала пара лошадей, и через несколько минут мы уже были на пути в Неаполь. Судя по всему, Уильям уже давно задумал этот план, но смог его осуществить только после того, как я была осуждена на смерть, потому что единственным способом добраться до меня было осуществить обряд отпущения моих грехов.

Было чрезвычайно утешительно узнать, что мой сын, которого, признаюсь, я давно сбросила со счетов, повел себя так отважно, но я так до сих пор и не понимала, что нам удалось выиграть, кроме как продлить мою жизнь на несколько часов или, может быть, дней. Конечно, очень скоро найдут брата Томазо, поднимется крик. И, судя по тому, что Уильям вез меня обратно в Неаполь, я подумала, что пройдут всего лишь часы, а не дни до того момента, как меня снова схватят.

Тем не менее я покорилась его воле, поскольку он выглядел совершенно уверенным в успехе дела. И, как оказалось, не без оснований. Двоим священникам беспрепятственно разрешили войти в город, откуда мы прямехонько направились к гавани, и там среди стоявших на якоре судов мы нашли ни много ни мало как корабль, в котором я узнала судно моего старого друга Кристофера из Залива.

Я могла только молча смотреть на него в изумлении и с еще большим изумлением увидела на палубе Кристофера. Кристофер выглядел старше, чем я его помнила, но оставался все тем же бесстрашным и надежным человеком, который доставлял мне такую большую радость. У нас не было времени, кроме как только для краткого объятия, а потом меня впихнули в каюту, где меня ждала Лючия с детьми. Оказалось, что моя рассудительная девочка, вырвавшись из рук папской солдатни после падения города, отправилась в монастырь к Уильяму, чтобы найти там убежище. К сожалению, сообщение о Пьетро было неутешительным: он погиб в сражении. Но мы с Люцией были теперь вместе и с нами Уильям. Через несколько минут мы уже отчалили.

— Я хотела бы понять, — призналась я Кристоферу, стоя на корме, пока он обнимал меня за талию, а моя голова покоилась у него на плече. — Твоя жена...

— Она умерла, — сказал он. — Поэтому-то я и прибыл в Неаполь, ища возможности услужить тебе в той роли, которую ты однажды так благородно предложила мне, миледи. И узнал, что город в смятении, а ты приговоренная к смерти узница. К счастью, твой добрый сын увидел мой корабль и в тот же момент понял, что мог бы таким образом спасти твою жизнь. К моему величайшему удовольствию. Так что все оборачивается к лучшему в этом мире. Не так ли, миледи?

Конечно, бедный мальчик никогда даже не видел Джованну, не говоря о том, чтобы встречаться с ней. Поэтому не имел ни малейшего понятия о том, какую потерю понесло человечество, и более того, женский род. Он, кажется, также не понимал и моего положения.

— Я больше не миледи, — сказала я. — Я отверженная беглянка без копейки. Боюсь, у меня даже нет средств, чтобы оплатить проезд. — Я решила не говорить ему о том, что не знаю даже, есть ли у меня муж или нет? Похоже было на то, что Данило погиб или нашел нечто более интересное, чем моя постель.

Он еще крепче сжал меня.

— Это важная новость.

— Важная?

— Да, миледи, как мог бы я, бедный моряк, просить такую даму, как ты, делить со мной постель, стол и кров? Но раз обстоятельства твоей жизни так изменились, то почему бы нам не порадоваться тому, что мы можем провести остаток наших дней вместе? Уверяю тебя, что можно рассчитывать на многое. Есть достаточно монастырей, один из которых может стать домом Уильяма, и красивых парней, которые будут увиваться за твоей прекрасной вдовой дочерью. А Англия — зеленая и славная страна.

— Ну, Кристофер, — спросила я, — так о чем ты просишь?

— Чтобы ты стала моей женой.

Но разве я не была уже замужем? Но я никогда не спорила из-за пустяков.

Эпилог

Предложение Кристофера в моей ситуации нельзя было отвергать, даже если бы я и захотела. Как оказалось, он обладал даром предвидения и в отношении моих детей, и в отношении меня самой. Поэтому теперь, когда я пишу эти строки летом 1392 года, я могу с радостью оглянуться на десять восхитительных лет и признать теперь, в свои шестьдесят семь лет, когда я приближаюсь к концу жизни, что разве я не прожила жизнь, какую имели только немногие женщины? А где сейчас те, кто так беспечно попирали меня?

Роберто ди Кабане и его ужасная мать давно сожжены на костре.

Карл I Дураццо, обнаженный и удушенный под балконом женского монастыря в Аверсе.

Папа Климент VI давно предстал перед лицом Создателя.

Педро Жестокий был заколот своим братом.

Эдуард, Черный Принц, стал жертвой излишеств, как и его отец.

Аль-Мумин лишился головы и остался лежать в луже крови.

Урбан VI умер три года спустя. Удивительно то, что его заклятый враг Климент VII, столь нагло покинувший мою госпожу, все еще жив и объявил себя Папой, хотя итальянцы его не признают и избрали другого, собственного Папу, некого Томачелли, в качестве преемника Урбана.

А как насчет Карла III, как счел возможным назвать себя убийца? Его жизнь представляет самый интересный пример причудливых прихотей судьбы, который мне только известен. После смерти Джованны он объявил себя королем Неаполя. Но тремя годами позже чрезмерное тщеславие, бывшее проклятием всей его семьи, побудило его к тому, что по смерти Людовика Венгерского, того самого, который отравлял нам жизнь, а потом объявил себя Великим, Карл решил вмешаться в дела этой огромной империи.

Капризы судьбы таковы, что все дети Людовика, как до него дети Роберта Неаполитанского, умерли раньше него, кроме дочери от последнего брака, и эта девочка по имени Мария была еще моложе, чем Джованна, когда та наследовала трон. Это вызвало большое смятение в Буде, откуда приходилось управлять завоеванной Людовиком огромной империей и представлялось маловероятным, чтобы десятилетняя девочка или даже регенты при ней могли бы справиться с таким делом.

Но не было больше никого, кто оказался бы связанным узами крови с венгерским домом... кроме Карла Неаполитанского, кузена новой королевы. Поэтому Карл тотчас же объявил себя готовым принять бремя управления королевством до тех пор, пока Мария не войдет в возраст.

Было очень немного людей, недалёковидных до такой степени, что они могли бы полагать, что молодой королеве удастся дожить до совершеннолетия. Но среди венгерских дворян было много и таких, кто приветствовал это решение, чему в значительной мере способствовали взятки, которые Карл раздавал направо и налево, а также антипатия этих дворян к вдовствующей императрице Елизавете. Эта дама сделала вид, будто бы приняла свою судьбу и притворилась, что согласна, и вот Карл в должное время отправился в Буду и принял бразды правления.

Но Елизавета пошла на это, только чтобы выиграть время. Она, в свою очередь, склонила дворян-

ство в свою пользу, и, поцарствовав всего не более года, Карл пал жертвой убийц. Так погиб подлинный отпрыск дома Дураццо, что вполне соответствовало его имени и родословной. Сын Карла Владислав правит теперь в Неаполе. Что касается его дальнейшей судьбы, то об этом никто ничего не может сказать, но он стоит очень далеко от крови, запятнавшей память обо всей семье Анжуйских. Из всех тех, кто принимал участие в этих мрачных событиях с самого начала и до конца, осталась в живых только одна я.

Как мне хотелось бы, чтобы Джованна была жива и могла разделить мою жизнь в старости. Но одно только то, что я знала ее и даже большую часть жизни делила с ней радости и горе, является для меня самой большой наградой.

Савадж Алан

Королева ночи: Исторический роман. — Пер. с англ. Е.А. Желоховцевой, Л.И. Желоховцевой. — «Мастера исторического романа». — М.: Центрполиграф, 1995. — 476 с.

ISBN 5-218-00038-8

Роман английского писателя Алана Саваджа рассказывает о судьбе королевы Неаполя Джованны. События романа излагаются устами служанки и верной подруги англичанки Ричильды Бенуа, которая становится свидетельницей и участницей многих кровавых трагических событий в жизни Джованны. Будучи необузданно страстной по натуре, развратная королева, меняя любовников, создает водоворот интриг и кровавых расправ, активно вмешиваясь в борьбу итальянских и французских архиепископов за папский престол. Но и сама Джованна становится жертвой коварства и предательства близких родственников.

ББК 84.4 Вл

Литературно-художественное издание

Савадж Алан

КОРОЛЕВА НОЧИ

Редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректор *И.А. Филатова*

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

ЛР № 070243 от 21.11.91 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 15.12.95.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Академия».

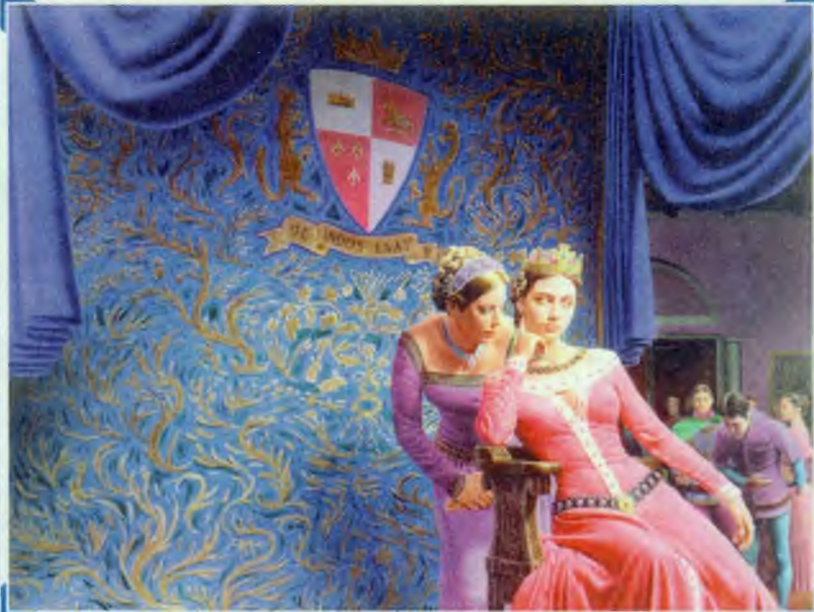
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 23,59.

Тираж 20 000 экз. Заказ № 2251

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГИПП «Нижполиграф»

603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

Мастера

Полина

Исторического

Королева Джованна I Неаполетанская была одной из самых красивых, образованных и поистине выдающихся женщин XIV века, своим острым умом и неувядающей грацией пленявшей как придворных, так и многочисленных иностранных гостей. Но ее также запомнили как коварную интриганку, способную на кровавую месть, и к тому же женщину весьма сомнительных моральных принципов. Так кем же она была, королева Джованна I Неаполетанская? Дальновидной правительницей или ловкой интриганкой? Прозорливым политиком или беспринципным манипулятором людскими судьбами? Прелестной женщиной с пылким сердцем или коварной прелюбодейкой?

«Королева ночи» — это история жизни Джованны I Неаполетанской, поведанная устами Ричильды Бенуа — англичанки, которая волею судьбы еще в детском возрасте оказалась в далекой Италии и стала постоянной спутницей и преданной подругой своей госпожи. На богатом и колоритном фоне средневековой Италии жизнь Джованны I Неаполетанской предстает картиной, полной ярких красок и страстей.

ЦЕНТРОЛИГРАФ®